ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

43

АЛЬМАНАХ

ОДЕССА ● ПЛАСКЕ АО ● 2010

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 43 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь, И.Л. Липтуга. — Одесса: Издательская организация "ПЛАСКЕ" АО, 2010. — 320 с.

ISBN 978-966-8692-19-2

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь
Иван Липтуга

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.

Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar
Ivan Liptuga

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.

Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 978-966-8692-19-2
© Авторство художественных текстов, 2010

От редакции

Уже несколько лет наш город живет, как говорится, на два календаря. Кроме общепринятого – еще и по уникальному, одесскому. Его ввели в обращение просвещенные меценаты из АО "ПЛАСКЕ" и сотрудники Литературного музея. В отличие от привычного, он начинается не с января, а с сентября – осеннего месяца 1794 года, в котором на карте мира появилась наша Одесса. По традиции, именно в сентябре у нас происходят яркие запоминающиеся события в общественной и культурной жизни.

Ко Дню рождения города вышел очередной календарь, посвященный на сей раз улице Маразлиевской, а одновременно – и 42 номер нашего альманаха. В нынешнем мы начинаем рассказ о Ришельевской, давшей имя и нашему изданию. Об этой легендарной улице, начинающейся у Оперного театра, поведает следующий календарь.

Нынешняя, 216-я годовщина Одессы была ознаменована творческими приношениями, которые следует обязательно вспомнить в преддверии нового, 2011 года.

Сначала – о юбилеях.

Десятый международный Джаз-карнавал привлек блистательных музыкантов из многих стран, и если не полностью доказал правоту Леонида Утесова, полагавшего, что джаз родился в Одессе, то и не опроверг его.

Пятый международный фестиваль "Встречи в Одессе" собрал русские театры дальнего и ближнего зарубежья, и мы вновь убедились, что нас объединяют не только общие воспоминания, но и общие надежды.

Наш земляк – один из самых известных театральных деятелей России Иосиф Райхельгауз – впервые показал в родном городе целую гамму интереснейших спектаклей своей "Школы современной пьесы".

Впервые за долгие годы в Одессе, где зародилось отечественное киноискусство, наконец-то вновь прошел Международный фестиваль, который, как мы надеемся, станет традиционным.

В День рождения города мы испытали дежавю: на Приморском бульваре открылась вторая "Заборная выставка" – молодые художники посвятили эту акцию своим предшественникам – основателям школы одесского современного изобразительного искусства. Разнообразную палитру стилей, манер и направлений в живописи и графике можно было увидеть на Второй биеннале в залах МСИ.

Самых разговорчивых и наблюдательных одесситов мы выслушали на Конкурсе рассказчиков – их собрали Израильский культурный центр и Всемирный клуб одесситов.

Один из творческих конкурсов, которым завершался сентябрь, имел красноречивое название – "Пушкинская осень в Одессе". В нем соревновались поэты за звание лучшего если не по профессии, то по призванию.

Мы публикуем несколько их стихотворений и желаем нашим читателям и авторам, где бы они ни жили, счастливого Нового года.

Александр ТРЕТЬЯК

"Lettres sur Odessa" Шарля Сикара

В издательстве "Оптимум" готовится к печати любопытное репринтное издание первых книг об Одессе: Павла Сумарокова, Шарля Сикара и аббата Николя. Вступительные статьи к этим выдающимся книжным памятникам нашего города написаны доцентом Европейского университета Александром Третьяком. С любезного разрешения автора и редакции мы предлагаем читателям статью, посвященную одному из наиболее видных и знаменитых негоциантов Одессы первой четверти XIX столетия Карлу Яковлевичу Сикару.

Едва ли не с самого начала XIX столетия Одесса практически мгновенно ворвалась в высшие сферы экономической жизни Европы. Многим современникам это могло показаться некой сказкой о едва родившемся городе с пленительным именем, но вряд ли способным выжить в буре политических и социально-экономических потрясений того периода. Сомнения относительно прочности, а тем более долговечности позиции крупнейшего торгового порта на Черном море были, следует признать, не беспочвенными. Примеры бурного младенчества Херсона и Николаева, попытки возрождения былого величия Кафы под своим древнегреческим наименованием Феодосия, окончившиеся тихим провинциальным прозябанием, если не окончательно, то достаточно серьезно поколебали уверенность европейского купечества в широких перспективах черноморской торговли. Развеять подобные сомнения касательно Одессы, как, впрочем, и других портов Северного Причерноморья, и стало одной из главных задач герцога Ришелье, заступившего на пост одесского градоначальника в феврале 1803 г.

Вряд ли стоит говорить о том, что любые планы, даже наиболее перспективные, лишенные при их реализации силы разума и силы души, отнюдь не всегда, а вернее, почти никогда не приводят к благоприятному завершению задуманного. Эту, казалось бы, простую истину великолепно понимал и осознавал с самого начала своего правления герцог Ришелье. Уже сам по себе масштаб личности герцога был залогом истинно благородного, честного подхода к реализации тех перспектив Одессы, которые до этого, повторимся, многим современникам казались сказочными. Данную неуловимую грань перехода из варварского состояния к цивилизованному, пожалуй, впервые уже четко отметил французский путешественник и дипломат Жан Рёйи[1], воочию наблюдавший еще летом 1803 г. за

[1] Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bord de la mer Noire pendant l'année 1803. — P., 1806. Здесь и далее сохраняется оригинальная орфография изданий начала XIX века.

LETTRES
SUR ODESSA.

PAR SICARD, AÎNÉ,
Négociant établi dans cette ville.

Je vois creuser des ports, bâtir des arsenaux;
. . . . . .
Les marais sont couverts de moissons jaunissantes,
Les déserts sont peuplés de villes florissantes.

(*Epître sur les voyages, par J. Delille.*)

ST. - PÉTERSBOURG,
DE L'IMPRIMERIE DE PLUCHART ET COMP.
1812.

бурными изменениями в жизни юной Одессы. Эти записки представителя правительства Франции, изначально предназначаемые для Наполеона и опубликованные по личному распоряжению французского императора, интересны, прежде всего, тем, что Рёйи сопровождал герцога Ришелье из Петербурга в Одессу еще в феврале 1803 г., то есть в момент прибытия Ришелье к месту своего нового назначения градоначальником города. Через несколько месяцев, после своего путешествия по Крыму Жан Рёйи имел все веские доказательства того, что планы герцога относительно Одессы воплощаются необыкновенно быстро и энергично[2].

Подобную же тенденцию мгновенно возросшего влияния юной Одессы на черноморскую и средиземноморскую торговлю четко обозначил и мэр Марселя Антуан в своей книге "Исторические очерки о торговле и навигации по Черному морю".[3] Кстати, следует отметить, что Антуан стоял у истоков качественно новых торговых отношений западноевропейского купечества с портами Черного моря, основав свой дом в Херсоне еще в 1781 г., за что получил титул барона от французского короля и награды от Екатерины II.[4]

И все же для Ришелье этого было явно недостаточно. Слишком велика была ставка в деле создания первоклассного европейского торгового порта, на что требовались десятилетия, а то и столетия даже в самых развитых странах континента. Относительно Одессы, экономический статус которой утверждался в считанные месяцы, необходим был совершенно новый подход, в том числе и к созданию соответствующего имиджа юного города в глазах европейцев. При всей личной скромности герцога он знал цену и себе, и своему детищу, а потому в этих вопросах для него мелочей не существовало. Особенно после того, как Одесса с 1805 г. стала административным и политическим центром огромного Новороссийского края.

Пожалуй, одной из основных заслуг герцога Ришелье было удивительное чутье на лучшие человеческие качества тех его помощников, которые непосредственно воплощали грандиозные замыслы по преобразованию вверенного под его управление края. В число ближайшего окружения Ришелье

[2] Ibid., p. 261-270.

[3] [Anthoine]. Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer-Noire, ou Voyage et entreprises pour établir des rapports commerciaux et maritimes entre les ports de la Mer-Noire et ceux de la Méditerranée. — P., 1805. Следует отметить, что второе издание этой книги: Anthoine, baron de Saint-Joseph. Essai historique..., 1820, представляет собой подлинный гимн реализованному коммерческому потенциалу Одессы.

[4] См.: Macleod H. A Dictionary of Political Economy. — V. 1. — L., 1863. — p. 16.

входил и выходец из Марселя, поселившийся в Одессе в самом начале 1804 г., Шарль Сикар. Это был во всех смыслах этого слова необыкновенный человек. Удачливый коммерсант, его купеческий дом в Одессе оперировал сотнями тысяч рублей торговых оборотов, умный, образованный, тонкий ценитель изящных искусств, стоявший у истоков театрального величия Одессы XIX века, Сикар являлся близким другом Ришелье и тогда, когда герцог находился на службе в России, и тогда, когда занял пост премьер-министра Франции.[5] Поэтому есть некая высшая справедливость в том, что именно Сикару суждено было в конце первого десятилетия XIX в. публично зафиксировать тот переворот в экономической жизни Одессы, который был совершен всего за несколько лет управления городом Ришелье.

CORRESPONDANCE.

LETTRES SUR ODESSA adressées à Mr. CH. PICTET, l'un des Rédacteurs de la *Bibliothèque Britannique*.

Février 1809.

MR.

J'AI pensé que dans les circonstances malheureuses où se trouve le commerce en général, vous faire le tableau de celui d'Odessa, seroit-vous offrir un contraste consolant.

Dans ce tableau, quoique très-succint, et imparfait, vous verrez avec plaisir, la tranquillité, l'abondance, et le bonheur, régner au milieu d'une population nombreuse; vous verrez que le négociant peut employer avec avantage, et sécurité, ses capitaux, ses talens, et son travail; vous y trouverez enfin une preuve, que le bonheur des nations, comme celui de chaque individu, gît en soi-même; qu'on ne peut l'acquérir par des moyens violens; que la Providence a répandu sur chaque point du globe, une égale portion de sa bienfaisance, et que ce germe précieux

Шарль Сикар (1773-1830), принявший при переходе в российское подданство имя Карл Яковлевич Сикар, переселился на постоянное место жительства из Марселя в Одессу уже в тридцатилетнем возрасте. Он прожил здесь не просто благополучную, счастливую жизнь, но образцово удачливую, как в личном, так и в гражданском, да и в общественном смысле. Остроумный, веселый, жизнерадостный человек, устроитель и участник знаменитых одесских балов, увеселений и маскарадов, душа общества, он, вместе с тем, был совершенно счастлив и в браке, а его юная и прелестная супруга одарила его многочисленным потомством. Но не будем

[5] Переписка Ришелье с Сикаром достаточно хорошо отражена в 54 томе Сборника Императорского русского исторического общества (далее — СбРИО), опубликованном в 1886 г. под ред. А.А. Половцева. Между прочим, именно в последнем письме Сикару герцог изложил план своего возвращения в Одессу летом 1822 г., чему не суждено было сбыться ввиду скоропостижной смерти Ришелье. См.: Le Duc de Richelieu a m-r Sicard, le 10 (22) janvier 1822. — Там же, с. 636-637.

забывать, что речь идет об одном из богатейших купцов своего времени, так же, как и том, что его деловые качества являли собой гарантию честности и порядочности для купечества, и отнюдь не только в пределах города. Более того, репутация Карла Яковлевича была настолько велика, что русское правительство в течение ряда лет доверяло ему пост генерального консула в Ливорно, а ордена св. Владимира и Анны автоматически даровали ему право дворянства. Случай, следует отметить, достаточно редкий в отечественной истории XIX в. Даже сама трагическая смерть Сикара[6], он погиб при кораблекрушении во время плавания из Одессы в Константинополь в феврале 1830 г., носила некий романтический характер. Ибо, как смерть актера на сцене, так и купца на палубе своего торгового корабля имеют едва ли отчетливо понимаемый своеобразный профессиональный оттенок долга, риска и возвышенности или, если угодно, предначертания. И все же Сикару суждено было войти в анналы отечественной, да и европейской истории, прежде всего, как автору "Писем об Одессе". Но посмотрим предварительно на то издание, в котором впервые появилась первая часть данного произведения.

Одним из крупнейших явлений культурной и научной жизни Европы периода революционных и наполеоновских войн по праву можно назвать выходивший в Женеве с 1797 по 1816 год журнал "Bibliothèque britannique", получивший в дальнейшем название "Bibliothèque universelle". Его редакторы, братья Марк и Карл Пикте, а также Фридрих Морис, изначально поставили себе задачу ознакомить широкую европейскую публику с лучшими образцами английской литературы, исто-

[6] Здесь не затрагиваются немного анекдотичные и весьма далекие от реальной истории измышления относительно гибели Сикара. Скажем только, что писать завещание богатому купцу пожилого возраста перед плаванием в Константинополь было не просто общеупотребительной практикой того времени, но и долгом порядочного человека. Нелишним также будет напомнить и то, что всего за полтора года до смерти одесского негоцианта едва не погиб император Николай I при переходе из Варны в Одессу на военном судне, которое доставило царя и его свиту, включая М.С. Воронцова, в порт назначения, не имея практически ни одной целой корабельной мачты. Тогда, во время шторма на Черном море, огромный линейный корабль в течение 36 часов носило по водам, как ореховую скорлупу, едва не выбросив на турецкий берег. См.: Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. — СПб., 1913. — С. 174-175, 440. Впрочем, есть еще более яркая аналогия на страницах дневника Эдварда Кларка, чудом спасшегося во время многодневной бури при плавании из Одессы в Константинополь: Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. — 2 ed. P. 2. — Russia, Tahtary (sic!) and Turkey. — V. 2. — L., 1816. — P. 403-409. Кстати, для тех, кто полагает, что некогда навигация по Черному морю была чем-то вроде легкой прогулки, приведем цитату: "Yet even those experienced officers described the Black Sea as being sometimes agitated by tempests more fearful than any thing they had encountered in the Ocean". — Ibid., p. 388. Это слова одних из лучших морских офицеров Англии, которые консультировали Кларка, имея опыт плавания и в океанах, и по Черному морю.

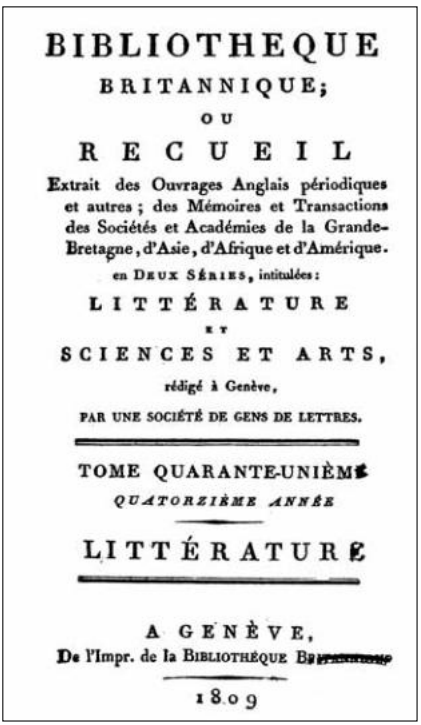
рии и искусств, научных статей и исследований в различных областях в переводах на понятный для всех образованных кругов континентальных стран Европы французский язык. Журнал имел огромный успех. И прежде всего, потому что совершенно не касался, или, вернее, старался не затрагивать какие-либо политические моменты, относящиеся к войнам, дипломатическим интригам и прочим вопросам, волновавшим "мир придержавших", но оборачивавшимся для простых смертных кровью, смертью и бедствиями.

Постепенно "Библиотек британик" стал публиковать и оригинальные статьи, а печататься в нем за честь почитали крупнейшие ученые и литераторы своего времени из многих стран. Естественно, что для Ришелье подобное издание предоставляло более чем удобную возможность обратить внимание европейских ученых не только на конкретные вопросы, связанные, например, с агрокультурой, геодезией или, скажем, вакцинацией населения в подвластном ему крае[7], но и предоставить европейской общественности реальную картину изменений, произошедших в Северном Причерноморье. Однако найти европейски образованного литератора, способного изложить на достойном уровне данный материал, в стране, где подавляющая часть населения не только читать и писать не умела, но и с трудом выводила крестик вместо подписи, было далеко не простым делом.

Между тем еще в бытность свою в Петербурге Ришелье близко познакомился с распорядителем императорских театров при Павле I маркизом Кастельно, человеком умным, образованным, не лишенным драматургического таланта и литературного вкуса. В планах герцога, судя по всему, после его назначения на Юг, маркизу отводилась своеобразная роль историографа Новороссийского края. Данную миссию, как известно, Габриель Кастельно выполнил блестяще, опубликовав уже в 1820 г. в Париже трехтомную "Историю Новороссийского края"[8], первоначальный вариант которой был представлен Александру I еще в 1812 г., получив полное одобрение императора. Кстати, вслед за письмами об Одессе Сикара,

[7] Так, например, в научной серии журнала было опубликовано замечательное письмо герцога к доктору Де Карро из Вены, являвшемуся одним из родоначальников вакцинации от оспы с начала XIX в. широких слоев населения европейских стран: Lettre de S.E. Mr. Le Duc de Richelieu, gouverneur de la Nouvelle Russie, a Mr. Le Dr. De Carro, a Vienne. — Odessa, le 4 (15) mai 1810 / Bibliothèque britannique. — T. 44. — Genève, 1810. — pp. 286-293.

[8] Castelnau, Gabriel de, marquis. Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. Statistique des provinces qui la composent. Fondation d'Odessa; ses progrès, son état actuel; détails sur son commerce. Voyage en Crimée, dans l'intérêt de l'agriculture et du commerce. — T. 1-3. — Paris: Rey et Gravier, 1820.

BIBLIOTHEQUE
BRITANNIQUE;
OU
RECUEIL
Extrait des Ouvrages Anglais périodiques et autres ; des Mémoires et Transactions des Sociétés et Académies de la Grande-Bretagne, d'Asie, d'Afrique et d'Amérique.
en DEUX SÉRIES, intitulées:
LITTÉRATURE
ET
SCIENCES ET ARTS,
rédigé à Genève,
PAR UNE SOCIÉTÉ DE GENS DE LETTRES.
TOME QUARANTE-UNIÈME
QUATORZIÈME ANNÉE
LITTÉRATURE
A GENÈVE,
De l'Impr. de la BIBLIOTHÈQUE BR[illegible]
1809

о которых пойдет речь ниже, предполагалось издание книги Кастельно, чему помешала война с Наполеоном.

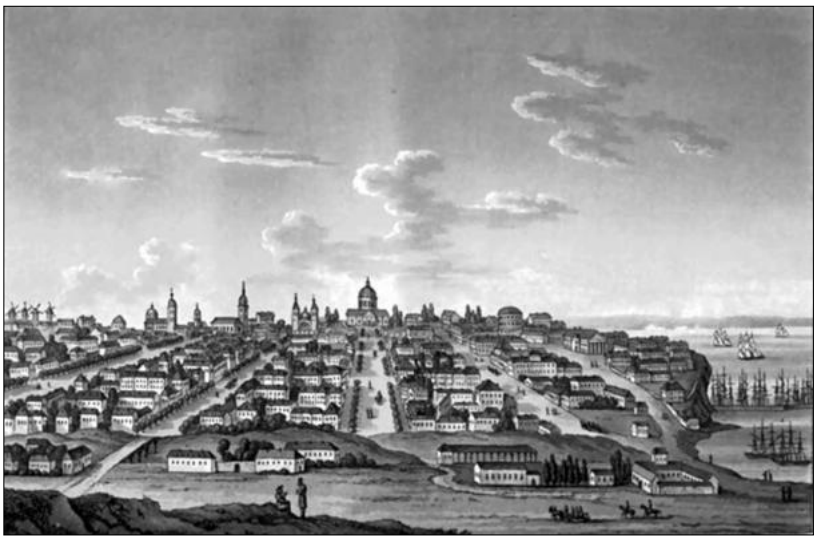
Есть большая доля вероятности, что именно Кастельно являлся автором анонимных писем, опубликованных в "Библиотек британик" в 1808 году под названием "Письма путешественника по южным провинциям России"[9], которые нередко в литературе приписывали и Сикару как автору писем об Одессе[10]. В пользу последнего довода, казалось бы, говорили все внешние данные. Во-первых, последнее, шестое по счету письмо заканчивалось предложением редакции журнала продолжить публикацию подробным описанием состояния Одессы, лидирующее место которой среди городов и портов на Черном море уже не вызывала никакого сомнения.[11] Во-вторых, данные публикации связаны и хронологически, и тематически, что косвенно подтверждается перепечаткой из "Bibliothèque britannique" указанных писем под общим названием: "Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море"[12], сделанной в Москве в 1810 г., с параллельным, хотя и весьма далеким от совершенства русским переводом.

[9] Lettres d'un Voyager dans les provinces méridionales de Russie / Bibliothèque britannique. — T. 39. — Genève, 1808, pp. 348-377, 478-503. — T. 40. — Genève, 1809, pp. 81-111, 348-360, 477-501.

[10] Так, в частности, предполагал А.А. Скальковский. — Записки Императорского одесского общества истории и древностей. — Т. 23, ч. 2, с. 30.

[11] Ibid., p. 501.

[12] Lettres sur la Crimée, Odessa et la mer d'Azov. — M., 1810. Отметим, что издатели честно указывают на 2 стр., что это не оригинальное издание, а: "Письма одного путешественника из Полуденной России, извлеченныя из Британской библиотеки, 1808". И отнюдь не их вина, что некоторые библиографы впоследствии будут представлять их издание в качестве оригинального произведения.

Одесса. Гравюра из книги Кастельно

Однако даже беглого прочтения указанных писем достаточно, чтобы отвергнуть причастность Сикара к анонимным публикациям писем в "Bibliothèque britannique" 1808 г. Это следует не только из совершенно разной стилистики и манеры изложения, но и целого ряда деталей, которые приводятся автором. Так, например, уже в начале первого письма он пишет, что никогда не видел растительный ландшафт степи, так как при переезде из Петербурга в Одессу мог наблюдать лишь степь, покрытую снегом[13], то есть не ранее зимы 1807-1808 годов. Кроме того, начальный и конечный путь путешествия Одесса — Екатеринодар — Одесса совпадает хронологически с маршрутом инспекционной поездки главы Новороссийского края. Но если Ришелье двигался в сторону Керченского полуострова и далее на Кубань через Екатеринославскую губернию[14], то автор писем, имея на руках письменное разрешение герцога, выбрал себе маршрут через Крым. Причем данный маршрут 1808 года со множеством дополни-

[13] "En venant de Petersbourg a Odessa, j'avois déjà traverse près de cent lieues de steppe; mais comme il etoit a peine débarrasse de la neige, je n'avois pas pu juger de la végétation". — Bibliothèque britannique. — T. 39, p. 349.

[14] Rochechouart, comte de. Souvenirs sur la révolution, l'empire et la restauration par le général comte de Rochechouart. Aide de camp du duc de Richelieu, aide de camp de l'empereur Alexandre I-er, commandant a place de Paris sous Louis XVIII. — P. 1892, p. 90-93.

тельных литературно обработанных деталей и вставок полностью совпадает с соответствующим разделом книги Кастельно, помещенным в третьем томе его работы.[15]

Правда, подобные детали можно было бы и опустить, ибо не они суть определяющие при рассмотрении данной темы. Если бы не появившиеся даже в академических изданиях последних десятилетий совершенно голословные утверждения об авторстве "Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море" Марии Гутри.[16] Это тем более нелепо, что Мария Гутри к моменту выхода книги уже более десяти лет как была мертва. В лондонском издании 1802 года ее муж и издатель Мэтью Гутри прямо пишет о том, что его жена, осуществившая поездку в Одессу и Крым еще в 1795-1796 годах для поправления здоровья, в скором времени после данного путешествия скончалась, а потому публикация ее писем являлась посмертной.[17] Естественно, что содержание книги Марии Гутри и указанного издания даже близко не имеют ничего между собой общего.

Впрочем, все это не столь важно, так как в 41 томе литературной серии

[15] Voyage en Crimée / Castelnau. Op. cit., t. 3, pp. 123-317. Вместе с тем здесь следует отметить, что в достаточно интересной статье (Полевщикова Е. Неизвестное и известное о маркизе Кастельно / Одесский альманах: "Дерибасовская — Ришельевская". — Кн. 23. — Одесса, 2005, с. 15-26) автор не совсем обоснованно связал переезд Кастельно в Одессу с выдачей в 1803 г. на его имя открытого листа на земельный участок. Практика того времени показывает, что редко кто из представителей высших сословий тотчас же переезжал в город в подобных случаях. Напротив, это лишь доказывает, что маркиз Кастельно не был против переезда в Одессу, а Ришелье изначально этого хотел.

[16] См., например: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. — Т. 2, ч. 2. — М.: Книга, 1978, с. 55. Авторы данного каталога ухитрились даже сделать аннотацию: "Гутри Мария — французская путешественница. 1808-1809". Конечно, возможно, кому-то и заманчиво было бы представить себе даму начала XIX века, едущую на бричке с карабином в руках и саблей, зажатой между ног, в ожидании нападения черкесов ("Nous avions une carabine, un fusil, nos sabres entre nos jambes". — Bibl. britan., v. 40, p. 104), да еще и пьющую водку стаканами с атаманом черноморских казаков. Вот только сюжет сей отнюдь не для серьезной литературы, а тем более не для научной, но исключительно для водевилей и дешевых бульварных романов. Впрочем, подобную бестактность можно объяснить исключительно некомпетентностью в истории Новороссийского края составителей подобных каталогов. Достаточно сказать в этой связи, что даже при переводе собственно названия книги Кастельно "Histoire de la Nouvelle Russie" в предисловии Байрона к шестой, седьмой и восьмой песням "Дон Жуана", русский же переводчик вместо "История Новороссийского края" в сноске делает пассаж: "История России нового времени" (Байрон Дж. Г. Дон-Жуан / Библиотека всемирной литературы. — Т. 67. — М., 1972, с. 441). То есть редакция академического издания всемирно известного произведения даже не подозревала, как на русском языке звучало название края, которым управлял человек, выводимый Байроном в качестве главного героя: "На самом деле героем этой истории был покойный герцог Ришелье, в то время доброволец в русской армии, а впоследствии — основатель и благодетель Одессы, где никогда не перестанут чтить его имя и память". — Там же.

[17] Guthrie M. A tour performed in the years 1795-6 through the Taurida, or Crimea. — L., 1802. — p. V.

"Bibliothèque britannique" было опубликовано первое письмо об Одессе, датируемое февралем 1809 года.[18] Как и "Письма путешественника по южным провинциям России", данное письмо было опубликовано анонимно. Однако в скором времени с очень незначительными редакционными поправками было включено в петербургское издание 1812 г.[19], о чем Шарль Сикар, под именем которого книга и была опубликована, исчерпывающе говорит в предисловии. Следует отметить, что после посещения Александром I Одессы в 1818 г. данное произведение Сикара вышло в переводе и на русском языке.

Чем именно привлекла внимание русского императора книга Сикара, ибо то, что подобная литература могла быть напечатана в России только после личного распоряжения царя, не вызывает сомнения, понять совершенно не трудно. Александр увидел в письмах французского негоцианта воплощение тех грандиозных реформ, которые были задуманы им еще в начале своего царствования для всей империи, но проваленные в условиях укоренившегося крепостного строя и азиатского уклада жизни внутренних губерний. Величие управления герцога Ришелье как раз и заключалась в том, что он сохранил положительные тенденции александровских реформ начала века, не допустив при этом распространения рабского уклада империи на Новороссийские губернии. Сикар не задавался подобными вопросами, но как человек дела и не лишенный способности понимать причинно-следственную связь поразительных изменений на Юге, четко отразил на примере развития юной Одессы основополагающий принцип любого цивилизованного движения — свобода.

К моменту публикации "Писем об Одессе" в "Bibliothèque britannique" в 1809 г. Европа уже была буквально истерзана перманентными войнами, вызванными Французской революцией. Именно тогда великий Гойя писал беспощадные по своей реалистичности рисунки о преступлениях войны. Именно тогда некогда процветавшие, богатейшие торговые города старой Европы приходили в полнейший упадок под натиском безумных условий "континентальной блокады" Наполеона. Это было время, когда сила оружия подавляющему большинству людей казалась фатальной необходимостью и едва ли не единственной панацеей от всех бед с утопической надеждой на лучшее будущее. И именно тогда в европей-

[18] Lettres sur Odessa adresses a Mr. Ch. Pictet, l'un des rédacteurs de la Bibliothèque Britannique / Bibliothèque Britannique. — T. 41. — Genève, 1809. — pp. 247-265.

[19] Sicard Ch. Lettres sur Odessa, par Sicard, aine, Négociant établi dans cette ville. — St.-Pétersbourg, 1812.

ском журнале появились замечательные строки из письма одесского негоцианта:

"Месье! Я полагаю, что в условиях бедствий, в которых оказалась всеобщая торговля, был бы утешительным пример противоположного свойства, обрисовав вам картину состояния коммерции Одессы.

В этой картине, хотя и весьма краткой и несовершенной, вы с удовлетворением обнаружите спокойствие, достаток и благополучие, царящие среди многочисленного населения; вы увидите, что существует край, в котором негоциант может использовать с прибылью и безопасностью свои капиталы, свои таланты и труды свои. Наконец, вы обнаружите доказательство того, что благополучие народа, так же, как и любой личности, покоится в нем самом; что невозможно достигнуть этого средствами насилия; что Провидение распределило на каждую точку земного шара равную часть своего благодеяния, и что этот драгоценный росток благополучия человеческого может быть оплодотворен только мягкостью культуры и покоем".[20]

Как часто в истории мы находим примеры задуманного, предложенного, эвентуально возможного! Прожектеры всех времен и народов давали рецепты переустройства государств, общества, евгеники. Но как мало мы можем наблюдать образцы практического воплощения значимых для совершенствования общества деяний, остановить осуществление которых не смогли никакие объективные и субъективные причины! Сикар, этот достаточно скромный в европейской общественной мысли человек, произнес слова, которые, вероятно, могли только мечтать произнести многие лучшие представители философии и просветительства нового времени. Ибо между фразами "нужно делать так" и "необходимо было делать так, и мы это сделали" — пропасть. Европе понадобились десятилетия общеконтинентальных и мировых войн, прежде чем осознать, что "благополучия народов невозможно достигнуть средствами насилия" и что "благополучие народа, так же, как и любой личности, покоится в нем самом".

Не вдаваясь в подробное рассмотрение книги Сикара, отметим лишь некоторые наиболее существенные, общие моменты, исходящие из ее содержания. Прежде всего, это касается основополагающей для системы фритредерства реальной свободы торговли для всех наций и народов, которые были заинтересованы в торговом обмене через одесский и другие

[20] Ibid., p. 7-8.

черноморские порты. Даже понятие монополии в осуществлении коммерческих оборотов через порты Черного моря отсутствовало по определению, хотя достаточно энергичные попытки ее установления в самом начале века предпринимались еще до назначения герцога Ришелье в Одессу.[21] Если вспомнить, что вся торговля, шедшая через Балтийское море, более чем на 70% контролировалась англичанами, то становится понятным, сколь серьезным преимуществом обладала юная Одесса в темпах своего развития по сравнению, например, с самыми крупными портами империи на тот момент, какими являлись рижский и петербургский.

Более того, можно со всей очевидностью утверждать, что Одесса стала едва ли не первым городом Европы, где фритредерство, при всей условности данной экономической категории, нашло свое воплощение в чистом виде. Ибо даже Великобритания, родина великой экономической теории Адама Смита, вплоть до середины XIX в. прятала свои огромные прибыли, получаемые от посреднической торговли, по правилам "Навигационного акта", согласно которым ввоз товаров в Англию мог осуществляться только английскими судами. Сикар, напротив, практически в каждом разделе своей книги ратовал за расширение иностранной торговли и в качественно-количественном отношении, и в географическом.

Нельзя забывать, что русский торговый флот в рассматриваемое время был не просто слаб и немногочислен, особенно на Черном море, но и крайне недостаточен для ведения хоть какой-нибудь значимой части собственных экспортных операций, хотя в то же время Российская империя и являлась единственной страной, имевшей положительное сальдо в торговле со всеми государствами Европы. У английских моряков того времени даже ходила шутка, что русские торговые корабли самые защищенные в мире, так как на каждый торговый корабль приходилось не менее двух военных судов. Однако в том и состоял парадокс экономического эффекта Одессы, что он ломал один стереотип за другим, превращая собственные слабости и внешние угрозы в свое преимущество. Приверженец физиократов и экономической теории Тюрго, герцог Ришелье великолепно понимал, что во вверенном под его управление крае найти сотни матросов, опытных капитанов и штурманов для торгового флота элементарно невозможно. Это не было бы возможно даже в масштабах всей империи. Да и зачем, если заинтересованные в развитии черноморской тор-

[21] Подробнее см.: Третьяк А.И. Провал монопольного проекта. (Мнение государственного канцлера графа А.Р. Воронцова о Генуэзской компании) // Конкуренция. Вестник Антимонопольного комитета Украины. – 2003, № 1(4), с. 48-51.

говли страны стягивали через одесский порт купеческие капиталы, корабли, опытных мореходов из Испании, Франции, итальянских государств, Австрии, Греции, Турции и т. д.? В данном отношении оставалось только строго соблюдать основополагающие принципы фритредерства, когда экономическая целесообразность становилась сильнее политических амбиций.

В то время, когда Сикар писал свои письма об Одессе, в непосредственной близи границ Новороссийского края, со стороны Кавказа и Дуная, происходили полномасштабные боевые действия русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Собственно и Ришелье принимал участие в этой войне, командуя русскими войсками при взятии Аккермана и Анапы. Но торговые обороты Одессы в означенный период не только не упали, а резко возросли. Так как закрой, к примеру, Османская империи черноморские проливы для прохода торговых кораблей, шедших из одесского порта, то и наказала бы сама себя, вызвав, по меньшей мере, голодные бунты в собственной столице. Не менее яркая картина обозначилась и в период так называемой континентальной блокады. То, за что купцов приморских городов континентальной Европы наказывали и даже расстреливали, конфискуя и сжигая колониальные товары, одесским купцам приносило огромные барыши, особенно торговля кофе и хлопком. И подобных примеров можно приводить множество.

Своей книгой "Lettres sur Odessa" Шарль Сикар оставил замечательный памятник экономической мысли начала XIX столетия. Возможно, не всем читателям нынешнего времени те или иные положения ее окажутся понятными. Но одно остается совершенно очевидным — масштаб личности одесского негоцианта, его разносторонняя эрудиция позволяет говорить об абсолютной осознанности складывания правил социально-экономического развития юного города на берегу Черного моря, где менталитет заезжих чиновников и мелких лавочников отнюдь не был определяющим фактором.

Помимо собственно писем об Одессе Сикар также оставил после себя небольшие по размеру, но яркие и весьма содержательные воспоминания, написанные им в самом конце жизни, о городском быте в период правления Ришелье[22]. Повторимся, Шарль Сикар не был писателем, а тем более профессиональным литератором. И все же его искренность и где-то трогательная наивность строк, посвященных личности герцога, дают нам об-

[22] Sicard Ch. Notice sur onze années de la vie du duc de Richelieu a Odessa / СбРИО, т. 54, с. 25-79.

раз Ришелье неизмеримо более привлекательный, чем это смог бы сделать самый талантливый художник своего времени. Видимо, на скрижалях истории Сикару и было суждено оставить свое имя в качестве одного из самых деятельных соратников знаменитого одесского градоначальника, что, невзирая на чины и посты, позволяло ему до конца дней своих гордиться высокой честью личной дружбы с великим человеком своей эпохи.

Олег ГУБАРЬ

Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы*

Новый базар (Херсонская площадь)

Может создаться впечатление, будто второй большой одесский рынок сформировался в силу активизации застройки Греческого форштата. Полагаю, однако, что дело обстоит не совсем так или скорее совсем не так: это как раз Греческий форштат стал энергично расти в процессе формирования Нового базара, по той же схеме, что и Вольный рынок.

Застройка Херсонской площади торговыми рядами, жилыми и хозяйственными сооружениями инициировалась Одесским строительным комитетом под председательством герцога де Ришелье и была обусловлена двоякими причинами. Во-первых, явилась настоятельная необходимость разгрузить Вольный рынок, в очередной раз заполоненный временными деревянными лавками. Владельцы таких лавок подрывали торг стационарных обитателей базара, а бороться с ними репрессивными мерами означало уже подрывать благосостояние мелких и мелочных коммерсантов, а вместе с ними — Одессы в целом. С другой стороны, близ Вольного рынка постепенно начинал ощущаться дефицит свободных территорий, тогда как Греческий форштат практически пустовал: относительная концентрация построек в середине 1800-х наблюдается лишь в кварталах, примыкающих к будущей Соборной площади. "Херсонская же улица, — по мнению А. Белецкого, — в то время была лишь кое-где намечена небольшими землянками"[1]. Поэтому ОСК и принял обоснованное решение о передислокации на Херсонскую площадь тех коммерсантов, кои опоздали к раздаче мест на Вольном рынке и владели там лишь временными лавками. Ришелье и Комитет в целом справедливо полагали, что в числе таковых переселенцев найдутся предприимчивые достаточные люди, которые обустроят новую рыночную площадь, и оная сделается центром кристаллизации нового городского района.

Из архивных дел видно, что в канун раздачи мест на Херсонской площади прилегающие кварталы были по большей части пусты. Так, например, 28 июня 1809 г. в XVII квартале (меж нынешними улицами Коблевской, Дворянской, Нежинской и Сретенским переулком) сразу несколько

* Продолжение. Начало в кн. 35-41.

мест, №№ 201-202, 209-212, больше половины всего квартала, передали в другие руки, поскольку прежние владельцы их не застроили[2].

19 сентября 1810 г. ОСК определил: назначенные на новой площади для лавок места отвести тем, кто должен перенести туда временные свои лавочки с Вольного рынка, и не иначе, как по жребию, таким образом, чтобы, приготовив номера, созвать всех их в Комитет и предложить им взять один номер наугад. Далее же, когда владеющие лавочками на Вольном рынке промышленники будут удовлетворены и затем останутся еще свободные места, то последние отвести по обыкновенному в Комитете постановленному правилу — по очередности подачи прошений. При раздаче мест вышесказанным промышленникам, имеющим лавочки, наблюдать строго: 1) точно ли имеет тот лавочку, который просит ныне на новой площади места; 2) в состоянии ли он выстроить лавку по назначенному плану и представил ли свидетельство за подписью градского главы и полицмейстера о состоятельности. Определение подписали действительный статский советник граф Сен-При (председатель Одесского коммерческого суда), карантинный инспектор Россети, таможенный директор Скадовский, коммерции советник Рено и градской глава Андросов[3].

Жеребьевка в ОСК проходила в два этапа, 20 и 24 октября, а выдача квитков — 24 и 26 октября 1810 г. При этом получившие места подписали обязательства: отстроить лавки по утвержденному плану в течение семи месяцев, начиная с 1 апреля 1811 г. К заготовлению материалов следовало приступить тотчас же, а строительство начать весной, не позже первой половины июня. Если же к этому времени по освидетельствованию на месте не окажется заготовленного материала, участок отберут. Если за семь месяцев лавка не будет полностью построена, хотя бы даже постройка поднята выше цоколя, землю все равно отберут и передадут более надежному исполнителю, а тот возместит расходы предыдущему владельцу за материал и работу. Кроме того, лицо, получившее квиток, не имеет права передавать место в другие руки до завершения строительства и получения владельческих документов. В двух жеребьевках участвовало 39 владельцев временных лавок на Вольном рынке, в том числе: 16 купцов, двое, причисляющихся в купечество, и 21 мещанин. Этническая раскладка: 22 славянских фамилии, шесть греческих, десять еврейских и одна немецкая[4].

С конца октября начинается практический отвод мест, доставшихся по жребию, во всех пяти кварталах (отделениях) Херсонской площади, вдоль будущих улиц Торговой, Нежинской, Конной, Княжеской[5]. С января 1812 г. отвод мест продолжается, в том числе — тех свободных мест, ко-

торые остались после жеребьевки между владельцами временных деревянных лавок на Вольном рынке[6]. Первые лавки на формирующейся рыночной площади отстраиваются уже весной 1812 г. в V квартале, расположенном меж улицами Торговой, Коблевской, Нежинской и Сретенского переулка[7]. Занимательно и замечательно, что часть этого квартала, спроектированного Франческо Фраполли, сохранилась до сих пор!

Как и предполагали инициаторы внедрения этой меры в лице Ришелье и ОСК, в это же время по случаю открывающейся перспективы одесские жители начинают активно разбирать места в окрестностях Херсонской площади. Однако тут же вновь возникла прежняя навязчивая проблема временных деревянных лавок: едва застройщики успели завершить свою многотрудную затратную работу, как тут же получили конкурентов в лице дежурных "лавочников". Уже 1 апреля 1812 г. в ОСК поступает жалоба одесских купцов: пока они добросовестно возводят каменные строения, некоторые лица, вместо того чтобы заниматься тем же, ваяют деревянные лавочки и шалаши, порой прямо перед отведенными им местами. Петицию подписали девять купцов и один мещанин. Из этого следует, что солидные фигуранты серьезно взялись за дело, а менее состоятельные стремились получить в создавшихся обстоятельствах хотя бы мелочную выгоду. Многие из несостоятельных горожан впоследствии потеряли здесь свои места, а данную проблему ОСК разрешил 8 апреля указанием Городской полиции немедленно уничтожить все деревянные лавочки[8].

По ходу сооружения торговых отделений (кварталов), примыкающих к переулкам, возникла уже знакомая нам ситуация, а именно нехватка места для устройства дворов, примыкающих к лавкам с тыльной стороны. 6 июня в Комитет поступает прошение от девяти домовладельцев — пионеров застройки V квартала: "По отводу нам в 5-м квартале мест, выстроены нами чрез весь тот квартал во всем сходно плану лавки для торговли, и при оных к своему жительству домики". Однако нужны ведь и дворики. Между тем позади квартала есть место в переулке, и если отрезать от него немного земли, то ширина проезда и тогда составит 9 сажен[9]. 20 июня 1812 г. ОСК гуманно прибавляет по 3 сажени земли за счет территории переулков домовладельцам всех трех примыкающих к ним кварталов Нового базара — II, III и V, — "по тесноте дворов"[10]. Выше уже излагался сюжет о дополнительной прирезке земли к III кварталу за счет Новобазарного переулка в начале 1850-х годов[11].

В это же время продолжается переход мест, доставшихся по жребию, но не застроенных в срок, в другие руки. Мы видим, например, как неко-

торые из этих номеров уже в 1812 г. достаются крупнейшим застройщикам Херсонской площади — купцу Великанову и князю Жевахову[12]. Занимательно, что 23 ноября 1811 г. два места, №№ 66-67, в IV квартале отвели самому архитектору Ф. Фраполли, однако он отказался от постройки, и 6 июня 1812 г. их передали другому лицу[13]. Тогда же, летом, целая серия мест в разных отделениях площади тоже переходит в другие руки[14]. Параллельно наблюдается отвод еще не розданных мест и завершение постройки лавок[15]. Процесс этот продолжается в 1813 г., после ликвидации чумной эпидемии[16].

Чума основательно подорвала позиции промышленников Херсонской площади, ибо они вложили в застройку значительные капиталы, а доходы в этот период упали практически до нуля. 16 марта 1814 г. 50 застройщиков подают прошение на имя герцога де Ришелье. Они пишут, что выстроили лавки по утвержденному плану, надеялись вознаградить затраты, но тут навалилась "заразительная болезнь". Вследствие несчастливых обстоятельств они доведены до крайности. Для того чтобы придать новый импульс торговым оборотам, просят "перевесть на Херсонскую площадь рыбный ряд и скотскую продажу"[17].

Очень важный момент: обращаются "новобазарцы" к Ришелье, а ответ получают от Комитета, где он председательствовал. Следовательно, как уже отмечалось, ОСК и был главным управленческим инструментом херсонского военного губернатора и одесского градоначальника. 23 марта Комитет находит справедливым тот факт, что надо уравнять права Вольного рынка и Херсонской площади. По этой причине перенос Рыбного ряда был разрешен. Что касается торговли скотом, то она остается на прежнем месте, то есть на выгоне Вольного рынка, "не запрещая, впрочем, промышленникам скотом продавать оный, где пожелают из обеих рынков"[18]. Это означает, что с весны 1814 г. оба рынка сделались почти равноправными.

23 июня этого же года претензии предъявляются уже к самим промышленникам Херсонской площади. Владельцы лавок в Дегтярном ряду жалуются в Комитет, что на "новом базаре" тоже продают деготь, и тем самым подрывают их торговлю. 13 июля 1814 г. Комитет пишет в полицию, чтоб деготь по городу более нигде, как только в Дегтярном ряду, не продавали, ибо "каждый здесь рынок имеет свое назначение: что на нем продавать дозволено". Городская полиция пресекла несанкционированную дегтярную торговлю, о чем рапортовала Комитету 7 сентября. Рапорт был получен в ОСК 10 сентября[19].

26 марта 1815 г. одесский Комитет сообщает в Городскую полицию относительно полного уравнения прав Вольного и Херсонского рынков. Суть в том, что к этому времени Греческий форштат уже довольно интенсивно застраивался, но его обитатели вынуждены были покупать некоторые припасы на отдаленном Вольном рынке. Учитывая отсутствие добротного мощения, в осенне-зимний период сообщение двух районов до крайности затруднялось. Посему ОСК разрешил продавать на Херсонском рынке всё, что только ввозят через Херсонскую рогатку: мясо, рыбу, зелень, печеный хлеб и другие продукты[20].

Между тем в 1815-1819 гг. застройка Херсонской площади продолжается во всех кварталах[21]. В книгах о выдаче утвержденных Комитетом планов в первой половине 1820-х годов фиксируются уже и отдельные достаточно солидные здания, примыкающие к торговым корпусам со стороны переулков[22]. В архивных делах иного рода находим оценочную стоимость таких строений — по тем временам весьма значительную[23].

Из городского плана, составленного архитектором Торичелли в конце 1820-х годов[24], видно, что в I квартале было 17 лавок (мест), во II — 18, в III — 15, в IV — 17, в V — 15.

Значимое дело из фондов ОСК 1832-1833 годов посвящено дозволению одесским гражданам построить на площади Нового базара храм во имя Воскресения Христова[25]. В конечном итоге в следующее десятилетие здесь был возведен храм во имя Сретения Господня, планированию сооружения которого посвящено другое архивное дело из того же фонда, от 4 марта 1839 г., включавшее планы, но, к сожалению, утраченное[26]. Означенная потеря может быть отчасти компенсирована информацией из журналов ОСК 1840-х годов, хранящихся в фонде Канцелярии одесского градоначальника[27].

Предместья

Говоря о главных городских предместьях, Пересыпи и Молдаванке, надо, прежде всего, отдавать себе отчет в том, что их формирование и дальнейшая эволюция неотделимы от истории планирования и строительства Одессы в целом: бессмысленно рассматривать развитие внутренних органов в отрыве один от другого и от организма в целом. Следующий важнейший момент. Если Пересыпь предназначалась к застройке с самого основания города и в принципе представляет собой единую систему, то есть поэтапно разрастающийся целостный исторический район,

то Молдаванка — такая, какой она сложилась к началу прошлого столетия, — это конгломерат территорий, застраивавшихся в разное время, в разных обстоятельствах и по разным правилам.

Молдаванка — лоскутное территориальное образование, вобравшее в себя наиболее патриархальную часть: хутора, промышленные предприятия (в том числе каменоломни), колодцы, искусственные водоемы Водяной балки, собственно Молдаванскую слободку, возникшую немного позднее, старые мельничные места, новые мельничные места за балкой и др. Разрастаясь, стыкуя разобщенные фрагменты и захватывая все новые участки городского выгона, Молдаванка опоясала город широкой дугой с запада и юго-запада и представляла собой тривиальные городские окраины со всеми присущими задворкам крупных городов характерными чертами. Беллетризованная Молдаванка романтического историографа города Бабеля и реальные занюханные зады большого города, как принято говорить в Одессе, — две большие разницы.

Вероятно, следующий пассаж далек от традиций академического текста, однако позволю себе эту реплику. Разлитая в живописных руинах печаль дает, быть может, куда более острое ощущение прикосновения к тайне спрессованных столетий, нежели вся академическая история вместе взятая. Однако следует признать: самая проникновенная лирика всего лучше сочетается со вполне реалистическим, трезвым стремлением "дойти до самой сути", "до основанья, до корней, до сердцевины". Свежим заразительным примером блистательного двустороннего — как лирического, так и физического — подхода к постижению сущности городов и составляющих эти города элементов, осененных "гением места", служит книга нобелевского лауреата Орхана Памука "Стамбул: город воспоминаний"[28]. Такой подход, пожалуй, единственный источник произрастания подлинно глубокой творческой интуиции, и с этими словами продвигаемся дальше.

С запроектированной основополагающими планами де Волана и редакцией этих планов Харламова (1794-1798 гг.) Пересыпью все ясно. Из плана Ферстера 1802 г. видно, что ее застройка понемногу начинается. Оговоримся, что в орбиту Пересыпа (изначально и довольно долго топоним функционировал исключительно в мужском роде) входила пляжная зона, примыкавшая к будущему Нарышкинскому спуску в пределах квартала LXXV и отчасти XLI — под нынешним Художественным музеем и Судоремонтным заводом № 1.

Первичное назначение этой территории — устройство Лесной пристани и складирование доставляемого по рекам, а далее вдоль берега строе-

вого леса, остро необходимого нарождающемуся городу. На планах Ферстера и Фраполли 1802-1807 годов изображена проектируемая сетка кварталов в три ряда, охватывающая относительно узкой дугой Одесский залив. При этом в 1807 г. первый из оных кварталов, по четной стороне будущей Московской улицы, уже показан частично застроенным. Лучше оформлены и примыкающие к этому кварталу со стороны моря окрестности Лесной пристани: тут продолжает формироваться инфраструктура полноценного Лесного рынка.

Как раз в это время, в 1805-1808 гг., одесский Комитет отводит здесь места "для торговли разным лесом" частным лицам — "приволжскому купцу Панкрату Калашникову"[29], "крюковскому купцу Сергею Кушниреву"[30], "крыловскому купцу Мартину Католикову"[31] и другим. У последнего из перечисленных лесоторговцев в 1806 г., например, покупают материалы для починки "невольничьих казарм в большой крепости"[32], для исправления старых солдатских казарм — в 1809 г.[33] и т. д.

Что же касается формирования двух первичных составляющих позднейшей Молдаванки — Водяной балки и Молдаванской слободки, — здесь полной ясности пока нет лишь в некоторых деталях, но в целом картина вырисовывается довольно рельефно. Вероятно, никакая другая тема не представлена в фонде ОСК так широко: это самый огромный тематический массив документов. И в самом деле, только в названиях архивных дел топоним *Молдаванская слободка* и *Молдаванка* фигурирует не менее тысячи раз. Другими словами, информация об этом районе содержится в значительной части всего 59-го фонда, не говоря уже о том, что немало сведений можно почерпнуть во многих других фондах ГАОО. К сожалению, эта информация практически не востребована. Лирическая, "краеведческая", а если называть вещи по именам, примитивная дилетантская составляющая доминирует в имеющихся краеведческих публикациях.

Сердцевина будущей Молдаванки, Водяная балка (Водяной овраг, Водопойная балка, Колодезная балка), осваивалась с самого основания Одессы как источник водоснабжения, но это тема отдельного раздела. В данном контексте важно другое: места под хутора здесь стали отводить уже в конце XVIII века именно по причине наличия воды, а следовательно, возможности устраивать садоводческие, огородные заведения и промышленные предприятия. Так, мы наверное знаем, что один из наиболее известных на этой балке хутор майора Спорити возник в 1799 г.[34] Здесь же, "на Водопойной балке", упоминается хутор негоцианта Сканцио[35]. К слову, примерно в этот же период, в 1802 г., под хутора отводятся участки и "в урочище Пересы-

па"[36]. Весной 1803 г. поступают прошения об отводе там же мест под хутора, совмещенные с мелкими промышленными предприятиями[37].

Что касается Молдаванской слободки, то в ранней топонимии Одессы даже нет такого названия: оно появляется в обиходе только во времена градоначальства герцога де Ришелье, да и то не сразу (не позднее начала 1820-х в документах параллельно фигурирует и сокращенное — *Молдаванка*). Не фиксируется оная слободка и на ранних планах города, не упоминается она и в самых первых межевых книгах. Все это свидетельствует о том, что Молдаванская слободка едва ли могла зародиться ранее 1802 г., когда именным указом Правительствующему сенату были подтверждены льготы, дарованные Одессе 2 октября 1795-го: в том числе изначально отмежеванная городская земля по-прежнему оставлялась городу — с тем чтобы с отделением части ее под выгон, остальную отводить жителям под хозяйственные заведения, но не более 50 десятин в одни руки[38].

Никаких признаков Молдаванской слободки нет на многократно воспроизводимом в различных изданиях плане местности, занимаемой Одессой в 1794 г., помещенном в книге маркиза Габриеля де Кастельно[39]. Молдаванская слободка не предусматривалась ни ранними планами де Волана и Харламова, ни уже упоминавшимися генеральными планами города и их модификациями, составленными Ферстером и Франполли в 1802-1811 гг. На плане 1811 г. мы видим лишь два строения (вероятно, казенных) в интересующей нас зоне: одно — между нынешним Скидановским и Матросским спуском, другое — левее этого спуска.

В "Межевой книге Тираспольского уезда, всемилостивейше пожалованной земли городу Адесе, на которой поселены хутора, слободки и загородные дома с садами", упоминаются все перечисленные поселения, зафиксированные землемером Полозовым в 1795 г. в ходе межевания городской земли: "слободы, именуемые Большой Фонтал, Люстер, Татарская, Дольницкая и Нерубайская, хутора Бурлацкий, Разночинческий, Овощной, Дальницкий, Кривой и Усатов"[40]. Как видим, ничего похожего на Молдаванскую слободку здесь нет.

Между прочим, Смольянинов упоминает 60 живших в том же году в городе болгар, однако создается впечатление, что обитали они в городе, а не в пригородах[41]. Впрочем, не позднее сентября 1797 г. на городской земле существовала особая Булгарская слобода. Ссылаясь на А.А. Скальковского, можно сказать, что эта слободка функционировала уже летом 1795 г., причем 60 болгар были поселены "на земле генерала Де-Витта"[42]. Из материалов межевания тоже однозначно видно, что к Молдаванской

слободке она никакого отношения не имеет: "Слобода Булгарская находилась вблизи городских строений, около безымянного оврага и двух проселочных дорог, лежащих из г. Овидиополя к бывшей крепости, расстоянием от оной в 3 1/2 верстах"[43]. А Молдаванская слободка впоследствии зародилась далеко от дороги на Овидиополь, по левую сторону от дороги на Тирасполь. Болгарская слободка упоминается также в названии несохранившегося дела из фонда Одесского городового для иностранцев магистрата от 21 сентября 1799 г. — "О бежавшем одесском мещанине Григориаше с женой его Ириной и малолетней дочерью Аграфеной, живущим в Болгарской слободке, близ г. Одессы"[44].

В 1797 г. небезызвестный Лорер находит в окрестностях Одессы всего-навсего шесть каменных домов, причем достоверно известно, что, по крайней мере, один из них — это дача Иосифа де Рибаса[45]. Справедливости ради отметим, что зафиксировано и восемь мельниц: шесть ветряных и две земляные[46]. Однако мы, опять-таки, ничего не знаем об их местоположении. В том же году, правда, в Одессу из Измаила переводят группу болгар (33 лица), а из Ионических островов переселяется 269 греков, болгар и молдаван, которые просят отвести им 20.000 десятин земли и учредить особый магистрат[47]. Казалось бы, именно этот сюжет мог положить начало Молдаванской слободке, однако и тут имеются разного рода затруднения. Хотя городская земля под выгон и строения в это время была обойдена землемерами, однако еще не была обозначена и не утверждена межевыми знаками[48]. А установка межевых знаков требовала немалых расходов и времени.

В некоторое противоречие с подобным утверждением вступают сведения, приведенные Орловым: он говорит, что межи были проложены, и межевые знаки поставлены, "но сочинение плана было окончено лишь 12 сентября 1797 г. перекопским землемером городовым секретарем Бобровниковым"[49]. Однако и в том, и в другом случае переселение из Архипелага в 1797 г. весьма затруднительно увязать с предположительным основанием новых земледельческих слобод или хуторов на городской земле.

Ссылаясь на архивные материалы, Смольянинов сообщает о занятиях живущих на городской земле иностранцев: они ломают камень, подряжаются каменщиками и плотниками, торгуют и служат. В их числе есть лица, объявившие желание записаться в городское гражданство купцами, мещанами, гостями (по так называемой гостевой статье) и *земледельцами*[50]. Информацию эту, в частности, можно сопоставить с архивным делом 1799 г. из фонда Одесского городового для иностранных купцов магистрата "По сообщению здешнего полицмейстера и кавалера Леслия о достав-

лении ему сведения о числе поселян, записанных при Одессе, занимающихся земледелием"[51].

29 марта 1799 г. полицмейстер упоминает об оставленных "при Одессе" начальством "войска черноморского старшин и козаков более ста семейств"[52]. "По справке, в хранящихся в архиве одесского иностранного магистрата спискам, учиненным о иностранных попечителе Кесоглою в 797 году, — пишет архивариус Воробьев 4 апреля 1799 г., — земледельцев, живущих в городе Одессе семейств, числом тридцать восемь записанных, действительно состоит. Касательно ж до поселян, то таковых здесь при городе Одессе ни по каким спискам не значится"[53]. То есть Смольянинов как будто прав.

Означенные *казаки* и *земледельцы* упоминаются и в другом документе из того же архивного дела, от 23 сентября 1799 г. Суть дела в том, что юная Одесса изрядно пострадала от суровой зимы 1798-1799 годов и нашествия саранчи летом 1799-го: обыватели поиздержались на водворение, но тут же впали в разорение. Согласно императорскому указу, этой категории жителей города была оказана помощь — выделялось по три сажени дров на каждое семейство из казенных лесов в Тираспольском уезде. Тут прямо сказано: "По городу Одессе земледельцев в поселении имеется тридцать восемь, да оставленных от войска черноморского тут же на поселении старшин и казаков более ста семейств"[54]. Но связать их с Молдаванской слободкой не представляется возможным еще и по следующим доводам.

19 июня 1802 г. было произведено генеральное межевание земли, высочайше пожалованной городу Одессе при самом его основании — как следствие упомянутого указа от 24 января того же года. Эта процедура и обнаружила существовавшие в тот момент на городской земле "слободы: Большой Фонтан (в первой половине XIX столетия обычно писали и говорили *Фонтал*. — **О. Г.**), Немецкий Люстер, Татарская, Дальницкая и Нарубанская, и хутора: Бурлацкий, Разночинский, Овощной, Дальницкий, Кривой и Усатов"[55]. Как видим, ничего похожего на Молдаванскую слободку нет даже летом 1802 г. По крайней мере, до этого времени условия складывались явно не в пользу формирования новой земледельческой слободы, если бы вдруг оказалось, что таковая даже планировалась властями, по крайней мере, официально. Первое упоминание о ней фактически относится лишь к 1803 г., когда вступивший в должность одесского гардоначальника герцог Ришелье запросил соответствующие статистические данные. В разделе о народонаселении упоминают "молдаван, особой слободкой за городом поселенных", числом 53 лица мужского и 43 женского пола[56]. Резюмируя изложенное, можно констатировать, что основа-

ние Молдаванской слободки ранее 1802 года маловероятно, зато отвод земли под хутора близ Водяной балки, как мы увидим ниже, начался не позднее 1796 г., еще в бытность в Одессе Иосифа де Рибаса. То есть Молдаванка объективно должна датироваться по частям, а не как единое целое. Поскольку, скажем, и мельничные места представляют собой как бы обособленно складывавшиеся регионы.

История освоения Водяной балки и Молдаванской слободки после учреждения Строительного комитета прослеживается довольно подробно. При этом отвод земли под хутора на Водяной балке и промышленные предприятия повсеместно носит вполне официальный характер. Что же касается непосредственно Молдаванской слободки (само название входит в широкий обиход не ранее начала 1810-х годов), то, скажем так, не вполне официальный отвод мест в ее пределах начался в 1810-1811 гг. и впервые узаконен в межевых книгах 1812-1814 годов[57].

Почему же в таком случае можно утверждать о полуофициальном во многих случаях отмежевании земли из городского выгона частным лицам? Да потому, что полноценные владельческие документы большинству из них не выдавались. Мало того, в течение целого ряда лет в ОСК вообще отсутствовали перспективные планы этого предместья, составление которых, как мы увидим ниже, фактически начало осуществляться городскими архитекторами не ранее 1819 г. В 1812-1816 гг. при отводах пользовались, так сказать, черновыми планами, набросками: это видно, например, из плана Одессы 1814 г., куда вынесена лишь схема нарождающейся Молдаванской слободки. Другими словами, по крайней мере, в первые полтора десятилетия своего существования она складывалась чуть ли не стихийно, даже без обозначения кварталов и мест, а при отводе конкретных участков в лучшем случае фиксируется лишь комментарий архитектора следующего содержания: такому-то просителю указано место по смежности такого-то владельца соседнего места. И только по прошествии времени фактически существующие строения и заведения вписывались в систему запроектированных кварталов и улиц, а их владельцы получали официальные бумаги после соответствующего освидетельствования, о чем будет сказано ниже.

Такой подход в корне отличался от конкретности при отводе мест по бортам Водяной балки под хутора, фабрики, заводы и другие предприятия, искусственные водоемы. В деле об отводах городской земли за 1808 год ясно сказано о том, что *когда городской архитектор Фраполли межевал по повелению де Рибаса участки под хутора на Водяной балке*, то и сам получил таковой, мерою 200 на 96 саженей, "на котором выстроил пудрен-

ный завод и землянку"[58]. Фабрика сия упоминается в журналах заседаний Строительного комитета от 2 мая 1805 г. близ дороги на Тирасполь[59], то есть в верховьях Водяной балки, как раз поблизости Молдаванской слободки. Следовательно, участок четко отмежеван не позднее осени 1796 г., или, по крайней мере, зимы 1796-1797 гг.

Район территориального сопряжения хуторов и заведений Водяной балки и Молдаванской слободки упоминается в архивных документах неоднократно, например, в журнале заседаний ОСК от 4 марта 1809 г. одесский мещанин, "евреин Ицка Курис" на отведенном 16 апреля 1808 г. "месте на городской земле, по Тираспольской дороге, следуя из Одесса, напротиву крахмального заводу, построил дом и другое строение", и получил открытый лист[60].

22 сентября 1808 г. военный комендант города и член ОСК генерал-майор Кобле пишет в Комитет: "До сих пор не была разделена земля, *отведенная* мне и одесскому купцу Петру Егорову от *одесского магистрата* (выделено мной. — **О. Г.**) под кирпичные заводы, состоящие неотдаль города на водяной балке. Ныне посредством одесской инженерной команды размежеваны таким образом: мне — идучи из города Одессы по левую сторону длиною на 200, а шириною на 55 сажень, а купцу Егорову — по правую сторону оной. Комитет покорно прошу на спокойное сею принадлежащую мне землю владение выдать открытый лист". 24 сентября ОСК выносит определение выдать открытый лист[61]. Мы видим, таким образом, что и этот отвод имеет довольно давнюю историю. В комитетских журналах за 1806 год встречаются сообщения не только о хуторе и саде майора Спорити, но и о хуторе и саде майора Поджио[62], место под который, очевидно, отведено еще в XVIII столетии.

Из межевых книг видно, что участки непосредственно на Молдаванской слободке не отводились ранее рубежа 1800-1810-х даже полуофициально, следовательно, там мог иметь место лишь локальный самострой. Так, в книге за 1812 год есть несколько предписаний об отводе участков конкретным лицам — мещанам Андрею Ловчеву, Дмитрию и Филиппу Колесниковым, Кириллу Ножке, Михаилу Додаткину, Ивану Давыдову и другим[63]. Здесь же — информация о хуторе стандартной площади, в 25 десятин, небезызвестного в региональных исторических анналах Степана Телесницкого и его дочерей[64].

В межевой книге за 1814 год, в которой, впрочем, содержатся сведения и за 1815-1816 годы, находим итоговые записи о троекратном отводе "для живущих на выгонной земле в Молдаванской слободке мещан"; на 23 ав-

густа 1815 г. ситуация выглядит следующим образом. Согласно записи № 27, им выделено 488 десятин удобной и 16 неудобной земли. По записи № 28 — соответственно 274 и 1. По записи № 29 — 193 и 8[65]. В том же деле, под №№ 36-40, числятся участки по 25 десятин, отведенные в 1810-1811 гг. местным священнослужителям, а под № 41 — опять-таки широко известному фигуранту региональной истории коллежскому регистратору Серединскому. Последний получил свой надел в 20-х числах марта 1811 г.[66] Серединский служил здесь квартальным надзирателем, и впоследствии его имя получила примыкающая к дому и саду площадь. 2 сентября 1813 г. он получил неподалеку еще один участок, под садоводство[67].

Начавшийся в 1810-1812 гг. отвод городской земли в пределах Молдаванской слободки приостановился в период чумной эпидемии, чтобы вспыхнуть с новой силой после ее ликвидации. Весной 1813 г. начинают появляться прошения об отводе, отложившиеся в делах фонда ОСК[68]. Но, как уже было сказано, городской архитектор Фраполли отводит места без указания кварталов, а лишь на основании условно составленной схемы, не вынесенной на генеральный план. Так, 12 мая 1813 г. он отводит шесть равноценных мест мерою 30 на 17 саженей для застройки плановым сооружением сроком на один год. 26 мая следует отвод еще одного места с теми же габаритами. При этом отводы комментируются следующими репликами: "в второй улице — евреину Авруму Афилову", "от угольного места второе [...]" и т. п. В то же самое время при отводе мест на Пересыпе номера кварталов четко обозначены[69]. 5 июня 1813 г. на Молдаванской слободке отводится еще четыре места стандартной меры, в том числе "смотрителю Дмитрию Болгарову"[70], с именем которого предположительно можно связать название одной из молдаванских улиц.

Приведем далее информативный документ из тех же комитетских журналов, наглядно характеризующий ситуацию с отводами, а именно тот факт, что места на городском выгоне отводились не ОСК, а Думой, причем никаких документов застройщикам Дума не выдавала. Затем отводы утверждались ОСК с определенными обязательствами застройщиков. Обязательства эти, впрочем, были не слишком обременительными: малоимущих обитателей этой окраины еще не принуждали возводить плановые дорогостоящие дома, разрешали строить "верховые избы", не дозволялось лишь землянок.

"1813 года июня 23 дня Одесский комитет слушали отношение одесской градской Думы, которым на таковое сего Комитета по прошениям мещан: Кирилла Ножки (он уже знаком нам по межевой книге 1812 го-

да. — **О. Г.**), Алексея Княжева, Федора Воробьева и купца Василия Замятина, последовавшее касательно отведенных им Думою на Молдаванской слободке земли, когда именно, и даны ли им какие документы, уведомляет. Означенным просителям действительно разновременно позволено выстроить на Молдаванской слободке верховые жилые избы, таким образом многие Молдаванской слободки жители, до сего явясь в Думу, просили позволения на выстройку жилых изб, почему той слободки смотрителем велено позволить просителям выстроить наравне прочих тамошних жителей верховые избы, а отнюдь не землянки, буде есть свободные пустопорожние места, с тем чтобы стеснения никому не было и излишне земли не занимали, с особых же документов, кроме смотрителем приказания, даваемо не было. Справка: показанные в отношении Думы просители вошли в Комитет прошением о утверждении за ними мест. Определили: основываясь на донесении одесской Думы, места за просителями утвердить с тем, чтобы они в течение одного года, считая от сего числа, выстроили на них домы по плану, Комитетом утвержденному [...]"[71].

Во второй половине 1813 г. отводится еще несколько мест без указания номера и квартала: так, 18 августа при отводе просто-напросто уточняется: "позади такого-то"[72]. Журналы заседаний и отводные дела ОСК фиксируют ту же ситуацию и в следующем году. Например, 5 октября 1814 некто просит отвести место "вблизи города, насупротив сада квартального надзирателя Серединского" или просто "на Молдаванской слободке"[73]. Места без указания кварталов и номеров продолжают отводить в октябре-ноябре[74].

Тем временем лица, ранее официально получившие места под садоводство на Водяной балке и Молдаванской слободке, уже выполнили свои обязательства, и взамен квитков получают полноценные владельческие документы. 7 сентября и 16 ноября 1814 г. открытые листы выдают соответственно графине Потоцкой и упоминавшемуся Серединскому[75], но этот сюжет более подробно будет рассмотрен нами в разделе, посвященном озеленению города. Раздача мест под сады продолжается и далее: к примеру, весной 1816 г. таковой участок отводится одесскому мещанину Константину Болгарову, имя которого также предположительно можно связать с названием улицы[76].

Архивный документ от 16 мая 1816 г. впервые регламентирует порядок застройки Молдаванской слободки. Это отношение Одесского строительного комитета полицмейстеру капитан-лейтенанту Достаничу следующего содержания: "Предместье города, так называемое Молдаванская

слободка, при первоначальном заселении не было расположено по плану. Когда застроение сделанного города поступило в распоряжение Одесского комитета, и особливо когда с распространением города слободка сия стала, так сказать, входить в город, то сделан план. С тех пор места вновь отводятся уже по плану, а старое строение исподволь приводится в порядок. Таким образом, должно со стороны полиции тщательно наблюдать, чтобы никто из плана не выходил. Между тем на сей раз замечается, что по Тираспольской дороге, к винному заводу, назначена по плану линия, по которой строения и заборы расположены; теперь осталось зарывать старые канавы, что и для улучшения дороги нужно. Там же некоторые из жителей насыпают землю за линию, по плану назначенную, и тем стесняют дорогу, которая и без того узка [...] Настоятельно просим учинить по сему распоряжение ваше — дабы никто из жителей не выходил из плана, и распоряжения о засыпке канав"[77].

Отводы мест продолжаются весной 1817 года[78]. К этому времени численность жителей этого предместья уже настолько значительна, что возникает необходимость формирования собственного прихода. 6 июля 1817 г. в ОСК поступает прошение "одесских мещан, предместья Молдаванской слободки жителей". Они сообщают, что 15 августа 1816 просили о позволении выстроить церковь во именование Святого Архистратига Михаила, что им и было дозволено. Теперь просят отвести место под храм. Следуют подписи, в том числе уже упоминавшегося Константина Болгарова. Есть здесь и отношение одесского благочинного протоиерея Иоанна Воронича от 10 июня 1817 г. о том, что к оной церкви должно отвести на недалеком расстоянии 33 десятины земли в удобном месте, а также участок для дома священнослужителей. И только после этой процедуры последует архипастырское благословение начать строением просимую во имя Архистратига Михаила церковь[79].

Примерную численность обывателей Молдаванской слободки в эти годы можно определить на основании другого любопытного архивного дела — из фонда одесской городской Думы. Озаглавлено оно так: "Об освобождении Молдаванской слободки жителей от постоя". 22 октября 1817 г. ее жители обращаются в Думу с просьбой освободить их от постоя войск. Мотивация прошения состоит в том, что в 1812 г. они уже содержали 27 оренбургских казаков, а в нынешнем 1817 г. — 50 чинов из 1-го Оренбургского полка. Прошение за неграмотных одесских мещан Павла Васильева, Михаила Иванникова, Трандафила Федорова, Ивана Стариченко, Кондрата Данилова и смотрителя Алексея Опренкова подписал писарь Данилович. Су-

дя по содержанию последовавшего в том же октябре отношения Думы к графу Ланжерону, 50 оренбургских казаков переселили в казенные казармы[80]. Это означает, во-первых, что за пять лет, с 1812-го по 1817-й год, численность слобожан выросла почти вдвое и, во всяком случае, количество семей не могло быть меньшим, нежели число постояльцев.

Более того, есть возможность получить абсолютно точную численность населения Молдаванской слободки соответственно в 1815 и 1820 гг. В журнале ОСК от 1 июля 1820 г. четко значится, "что первоначально, когда еще состояло в слободке сей жителей 148 дворов, отведено им земли 980 десятин; ныне же число дворов умножилось до 352-х"[81]. Когда же это — "первоначально"? Да очень просто: выше цитировались записи в межевых книгах, согласно которым в 1815 г. в три приема обитателям Молдаванской слободки суммарно выделили ровно 980 десятин земли из городского выгона. Вот и получается, что в 1815-м численность слобожан — 148 дворов (то есть семейств), а в 1820-м — 352. Согласно данным А.А. Скальковского, в 1808 г. численность "молдаван, в предместье Молдаванке живущих", составляла 263.[82]

Весной 1818 г. открывается собственно история плановой регулярной застройки Молдаванской слободки, начавшаяся поистине обвальной раздачей мест под застройку. 18 января сам городовой архитектор Джованни Фраполли просит и 20 мая получает полторы десятины земли под дом и сад "пониже городской плантации"[83]. Об этой плантации будет сказано в разделе, посвященном истории озеленения города.

16 мая 1818 правитель канцелярии ОСК Богдановский докладывает о том, что в Комитет поступает много просьб об отводе мест в городе и на Молдаванской слободке: "Но все они остаются неудовлетворенными по неимению в плане города пустых мест, и по неимению плана Молдаванской Слободки". Горожане просят места за оборонительными казармами, но отводы участков ближе 300 сажен не удовлетворяются, ибо вокруг казарм должна оставаться эспланада. Рассмотрев эти обстоятельства, Комитет 17 мая предписывает Фраполли составить план Молдаванской слободки. При этом надлежит: 1) показать все застроенные места Молдаванской слободки; 2) показать пустые места, которые можно застроить; 3) все расположить таким образом, чтобы отступить от казарм известное число саженей, и чтоб было показано пространство по самую балку, включая места под мельницами и наличие владельческих документов; 4) если окажется какое строение на дороге, то сделать определение о перенесении по плану; 5) в помощь архитектору выделяются рабочие люди из арестантов[84]. Как я уже

неоднократно подчеркивал, официального плана Молдаванской слободки действительно не было. Более того, как мы увидим ниже, в 1818 г. таковой план, по крайней мере, в окончательной редакции так и не был составлен.

Занимательно и то, что еще 6 мая в рапорте Фраполли об отводе мест на Молдаванской слободке замечено: при отмежевании участка титулярному советнику Серединскому Комитет сам назначил ему территорию на расстоянии всего 180 саженей от оборонительных казарм, причем место уже было застроено. А другие граждане просят места "в равном с г-ном Серединским расстоянии"[85]. Вот и выходило, что мера в 300 саженей была заведомо нереальной, и таким образом волей-неволей происходило сближение центра с этим предместьем.

19 августа 1818 г. упоминается о местах "из пустопорожних около Молдаванской (то есть Михайловской, где возводится одноименный храм. — **О. Г.**) площади"[86]. Осенью того же года архитектор Дигби регулярно докладывает Комитету о поквартальной раздаче мест. На основании этих отчетов можно проследить порядок застройки будущей Молдаванки буквально день за днем, улицу за улицей, дом за домом, выявить чуть ли не каждого из патриархальных домовладельцев! Так, 30 сентября Дигби отводит 45 мест в I квартале[87], 7 октября — 24 места в III квартале под литерою "С"[88], еще сентябрьская раздача — 36 мест в квартале I под литерой "А"[89]. Эти кварталы находятся возле нынешнего Староконного базара: квартал III с литерой "С" — ниже рынка, меж Петропавловской и Раскидайловской улицами, а квартал I с литерой "А" — напротив, меж Раскидайловской и Градоначальницкой. При отводе мест во многих кварталах составлены именные списки застройщиков и четко обозначены меры. Это касается, к примеру, и других окружающих Староконный рынок кварталов — II с индексом "В" и V с индексом "Е"[90]. Эти два квартала ограничены улицами Колонтаевской и Петропавловской, а разделены Косвенной. Отводы здесь производились 8 октября 1818 г.

Попадаются любопытнейшие иллюстрации, дающие представление о том, как именно застраивалась первобытная Молдаванка, скажем, план строениям в трех смежных дворах. Строения небольшие, разобщенные, участки явно предназначены для подсобных хозяйств[91]. Встречаются интересные персоналии. Помимо Фраполли это, например, архитекторский помощник Колесов, получивший два места в сентябре 1818 г.[92], аптекарь Требальский[93], сам архитектор Дигби[94] и многие другие.

К весне 1819 г. раздача мест на Молдаванской слободке разрастается настолько, что начинают отводить участки поблизости от Городского кладби-

ща (этот сюжет будет продолжен в одном из следующих разделов). Так, 15 мая отмежевывают 15 мест в LXI квартале, меж Малороссийской, Хуторской улицами и Высоким переулком[95]. Бесконтрольное распространение этого предместья по всем направлениям вызвало тревожный отклик в ОСК. 29 марта 1819 г. он адресует своему сотруднику, инженеру-подполковнику и кавалеру Кругу следующее предписание: "Комитет положил поручить вам надзор за раздачею мест в городе и предместиях его, чтобы сохранен был порядок и правила в застроении оных, так и в доставлении просителям мест справедливого удовлетворения. Сим будет испрошено Комитетом согласие господина одесского губернатора и кавалера графа Ланжерона. Между тем, по великому теперь, с открытием весны, требованию мест, а особливо в предместии, именуемом Молдаванская слободка, предстоит, можно сказать, настоятельная надобность в обозрении границ сего предместия, в количестве раздачи мест одному лицу и в порядке застроения оных. Предместие сие не должно быть неограниченно, хотя бы и больше было число просителей [...] Должно непременно прежде представить в Комитет план сему предместию. Если оный в подробности не готов, то, по крайней мере, границы предместию определить. С сим вместе предписано архитектору г-ну Дигбию приостановить отвод мест в Молдаванской слободке до обозрения вашего; и потому-то надобно вам самоскорейше обозреть местоположение, пока еще не начаты строения. О последующем донести Комитету"[96].

Как видим, четкого окончательного плана Молдаванки (с рубежа 1810-1820-х сокращенное наименование *Молдаванка* начинает входить в широкий обиход, постепенно вытесняя прежнее, и это имеет смысл, поскольку формирующееся колоссальное предместье уже и впрямь не крохотная слободка) по-прежнему нет, более того, до сих пор не определены ее границы. Из карты черты порто-франко 1819 г. видно, что застройка Молдаванки представлена тремя разобщенными частями: почти квадратным участком, обозначенным на плане 1814 г., отрогами Водяной балки и неширокой полосой, вытянутой по правую сторону дороги на Тирасполь[97].

Предместье это стало получать свое полноценное, плановое, регулярное оформление не ранее лета 1821 г. Тогда Фраполли по поручению градоначальника Трегубова составил новый план всего города, разделенного на три полицейские части, "показав и новые кварталы, и новые номера"[98]. Из комитетского журнала от 3 февраля 1821 г. выясняются интересные подробности. Трегубов пишет о том, что в 1818 г. Ланжерон затребовал план города с разделением на части, однако по ряду причин представленный ему план не был отослан в Петербург. Ныне же план 1818 г. нуждает-

ся в уточнении, так как многие пустопорожние места уже застроены. "К тому же, — продолжает градоначальник, — следует показать на плане четвертую часть, на Молдаванке предположенную". ОСК, в свою очередь, велит архитекторскому помощнику Дигби "скопировать план вновь" и сперва предъявить Трегубову "в карандаше"[99]. Другими словами, плана Молдаванки все еще нет.

Ближе к концу 1820-х изготовлением очередного городского плана занимался уже Торичелли, и на составленных в 1830 г. по этому подробному плану фрагментированных картах города Молдаванка выглядит полноценным "микрорайоном", со сложившейся сеткой кварталов, многие из которых представляют собой садовые заведения[100]. В конце 1830-х Молдаванка, наконец, оформляется указателями улиц[101]. Генеральный план Молдаванки, каковой она сложилась к 1850-м гг., составил выдающийся архитектор Н.Н. Черкунов. На этот план, помимо коренной части предместья с окрестностями Старой Конной и Михайловской площадей, Водяной балки с городским ставком, вынесена уже и "круглая площадь, предназначенная для конного базара", то есть Новоконная площадь, а равно проектируемые торговые корпуса на обеих конных площадях.

История возникновения первого рынка на Молдаванской слободке относится к 1823 г. Тогда в связи с устройством второй черты порто-франко слободка оказывалась отрезанной от города, от Вольного рынка, а потому и возникла настоятельная необходимость снабжения продовольствием и жизненными припасами тамошних обитателей, каковых, как мы уже знаем, к этому времени было довольно много. Тогда-то с дозволения властей и была предположена рыночная торговля на церковной, то есть Михайловской площади[102]. В журнале заседаний ОСК от 5 февраля 1823 г. читаем: "Вследствие сего составлен архитектором Боффо план для лавок на сем рынке. Затем остается раздать желающим места под те лавки". При этом оговаривалось, что места будут раздаваться по одному на каждого просителя, с обязательством построиться в течение одного года[103]. Однако до сооружения стационарных лавок и эшоп дело так и не дошло, поскольку в это время обсуждался новый, третий, перенос черты порто-франко, осуществленный 12 января 1826 г.[104] 31 июля 1824 г., то есть полтора года спустя, окончательно решение относительно устройства рынка на Молдаванской слободке градоначальником Гурьевым так и не было принято. А стихийно возникший здесь базарчик так навсегда и остался незначительным, мелочным. Через непродолжительное время рыночная торговля этого предместья сконцентрировалась в окрестностях Старого

Конного базара, а затем и Прохоровской площади, но это уже тема отдельного исследования.

Следующей формообразующей частью Молдаванки служили так называемые мельничные места — старые и новые. Старые мельничные места располагались в пределах кварталов L, LIV, XXXVII, XXXVIII[105]. Квартал L ограничен улицами Болгарской (Булгарской), Мясоедовской, Госпитальной и Глухой. Квартал LIV имел форму пентагона и заключался меж Болгарской, Глухой, Госпитальной, Выгонной (обращенной к будущей Новой Конной площади) и Степовой. XXXVIII квартал оконтурен улицами Госпитальной, Степовой, Комитетской и Глухой. Наконец, XXXVII квартал ограничивали улица Комитетская, Третецкий переулок, улицы Прохоровская и Степовая.

Места здесь, как уже говорилось, было позволено занимать без документов, для содействия заселению юного города, скорейшего обзаведения и украшения садоводством. После 1818 г., когда тут началась более или менее плановая застройка кварталов, возникла настоятельная необходимость обревизовать мельничные места. Выходило так, что из-за устройства улиц некоторым владельцам надо было переносить строения или заведения, причем ряду из них места доставались уже по маклерским сделкам, "по купле за хорошую сумму". В этих непростых условиях Комитет поручил Фраполли и Кругу разбираться с каждым владельцем места, по возможности, приходить к компромиссу и утверждать места за теми, кто ими фактически владеет[106].

Необходимо уточнить, что места под мельницы всегда отводились на определенных условиях: во-первых, ничего при них не строить, кроме шалаша для караульного, во-вторых, по первому требованию властей перенести их на другое место. "Но многие построились и обзавелись". Теперь же, когда эти места назначены под застройку, многие жители просят утвердить за ними то, что фактически построено и обзаведено. Разбираясь с проблемой, ОСК выработал следующие правила. 1) Мельничные места разграничить — так, чтобы места были одной меры, как в городе. 2) Если окажется, что фактически существующие постройки или заведения выходят из предначертанных границ, "то всё оное снять, ибо никто не имел права делать заведения", а только мельницу. 3) Если существующее заведение входит в назначенную размерность, то утвердить за владельцем, но с обязательством застроить в положенный срок по плану. 4) "Ныне мельницы должны быть на пересыпе, где назначить место и куда ныне вышесказанные мельницы перенести, ибо оных в середине строений быть не

должно — как по безобразию, так и самому для них неудобству". Дигби предписали сделать план местам под существующими мельницами[107].

Планировавшийся в 1819 г. перенос мельниц на Пересып так и не состоялся. Согласно определению Строительного комитета от 31 августа 1820 г., "по рассмотрению обстоятельств, определено после только впредь за чертою мест под мельницы не давать, но чтобы данное назад отбирать, того в журнале (1819 года. — **О. Г.**) нет, а потому все таковые места внести в план городской"[108].

Каким же образом и где именно возникли новые мельничные места? ОСК постановил: тем лицам, которые уже имеют мельницы, новых мест не отводить (если только не пожелают перенести туда свои старые мельницы), а для новых желающих назначить другое место. Меру таким местам определить в 25 на 25 саженей, порядок отвода, как обычно, по жребию, в порядке очередности поступления прошений. 9 сентября 1820 г. Франполли составил план на построение новых мельниц — "за балкой, по левой стороне, выше плотины, хутора иностранца Ларше и по левой стороне бывшей Овидиопольской дороги"[109]. Одна десятина земли была отведена иностранцу Августину Ларше под фабрику 11 августа 1813 г. "по Тираспольской дороги, против купца Мигунова"[110].

Есть информация об отводе по два и даже по три мельничных места в одни руки, причем Франполли уточняет, что места сии находятся "за Молдаванскою слободкою"[111]. Иными словами, сам же городовой архитектор различает район новых мельниц и Молдаванскую слободку. Так было положено начало "новым мельницам", еще одной территориальной единице из тех, что формировали лоскутное предместье — Молдаванку.

Дальнейшая история эволюции "новых мельниц" во всех подробностях прослеживается по архивным документам. Превосходное представление о планировке и застройке этого района дает "План местоположения ветряных мельниц, состоящих в предместии Молдаванки за балкою между Тираспольскою таможнею, хутором Круга и чертою порто-франко, с показанием под розовым грунтом мест владельцам по документам, а под желтым грунтом без документов. Представлен при рапорте от 27 ноября 1834 года под № 173-м"[112]. На плане — 12 больших (по восемь мест) и два малых (по одному месту) квартала, причем половина владельцев документами все еще не располагает. На многих местах помимо мельниц обозначены уже капитальные постройки, тяготеющие к красным линиям запроектированных улиц, но есть и находящиеся в глубине участков.

Что касается "старых мельниц", то 28 октября 1820 г. Комитет опреде-

лил следующее. 1) Утвердить места за теми, у кого земля обзаведена, а у кого нет плановой постройки, — сделать. Землю, оставшуюся свободной, отобрать и передать другим. 2) Лицам, получившим старые мельничные места по маклерским сделкам, дать от ОСК свидетельство, что претензий к ним нет, но обязать совершить законные акты на владение, то есть полноценные купчие крепости. Что окажется сверх крепостных актов и сделок, то уже обзаведенную утвердить за ними, а свободную передать в другие руки. Круг и Фраполли уже освидетельствовали все места и составили ведомости, согласно которым можно выдавать соответствующие документы с определенными обязательствами владельцев[113]. Перепланировка улиц порой приводила к переделу мест, например, в XXXVII квартале[114].

Теперь вернемся к освоению Пересыпа. Застройка здесь активизируется с 1812 г., что обусловлено описанным выше "великим переселением" владельцев самостроя из Военной, Карантинной балок и с приморских обрывов. Места отводятся преимущественно в III-VI и в X-XV кварталах[115]. Это ближайшие к городу кварталы. Но почему, скажем, пропущены лежащие посередине кварталы VII-IX? А потому, что по ним протекает рукав водоема, проходящего по Водяной балке. Правила застройки здесь предумышленно упрощены ОСК по сравнению с центральной частью Одессы, о чем уже говорилось в предыдущих разделах.

21 апреля 1813 г. Фраполли отводит места в III-IV кварталах рядовым штатной драгунской команды[116], то есть опять-таки лицам малоимущим. Раздача небольших участков в тех же кварталах продолжается в 1814-1818 гг.[117]. Постепенно под раздачу попадают и соседние кварталы, например, VII. В 1819 г. начинают застраиваться более отдаленные кварталы XXVI-XXIX[118]. В это время Лесной рынок продолжает обустраиваться, крупные лесоторговцы возводят рядом, на морском берегу, значительные постройки — дома и магазины[119].

В 1820 г. инженер-подполковник Круг составляет весьма подробный перспективный план этого предместья, который явился следствием упомянутого визита императора Александра I в Одессу в 1818 г. В соответствии с намеченными прожектами, утвержденными Ланжероном и Строительным комитетом, планировалось, например, устроить "Ланжеронову площадь" — между кварталами XII, XV, XXV и XXVIII, с Александровским храмом посередине[120]. Любопытно, что добровольные пожертвования, поступавшие на сооружение этого храма, в конечном счете, были частично использованы на доделки Михайловской церкви на Молдаванке.

Так, 21 апреля 1819 г. священнику Рудковскому и церковному старосте Дучинскому отпустили 2000 рублей, 17 июня 1820 г. — 520 рублей[121], 29 июля 1820 г. — 200 рублей[122] и др., причем пожертвования на пересыпский храм все еще продолжали поступать[123]. По периметру Ланжероновской площади намечалось устройство рынка с портиками.

Помимо греко-российской церкви предполагалось устроить еврейскую синагогу, дома для общих собраний жителей предместья, для съезжей, для таможни, еврейские кварталы, кварталы для дегтярных рядов и канатчиков, бассейн для питьевой воды и т. д. Планы эти, хотя и не все, постепенно осуществились, в том числе был построен мост через упомянутый водоем, а 26 августа 1824 г. утвержден план и фасад на построение в VI квартале единообразных дегтярных лавок[124]. Но главное заключается в том, что схема эволюции Пересыпа в общих чертах осуществилась. Подробности реализации этого проекта прослеживаются как по материалам фонда 59, так и по журналам заседаний ОСК из фонда Канцелярии одесского градоначальника, многим другим фондам и хорошо иллюстрируются[125].

Сопоставление материалов из разных архивных фондов свидетельствует о том, что на этапе формирования сетки кварталов и первичного заселения застройка Молдаванки шла значительно активнее, нежели застройка Пересыпа. Это объясняется многими обстоятельствами, в том числе естественными преимуществами первой, ее масштабностью и несколько более высоким социальным цензом застройщиков.

Примечания

[1] Белецкий А. Из истории заселения Одессы // Новороссийский календарь на 1893 год. — Одесса, 1892. — С. 130.

[2] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259.

[3] Там же, д. 262, л. 103.

[4] Там же, л. 201, 212; ф. 4, оп. 3, д. 433, л. 115-116, 119.

[5] Там же, д. 262, л. 251, 280.

[6] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 68, 112, 114, 120, 132, 139, 140, 154, 175, 176, 197-198, 203-211, 235, 236, 238-241, 264, 265, 273, 305, 306, 329, 366-368, 404, 442, 476-478 и др.

[7] Там же, л. 260-263.

[8] Там же, л. 195.

[9] Там же, л. 398-399.

[10] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 83-84.

[11] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 3174.

[12] Там же, д. 65, л. 197-198, 205-210.

[13] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 26.

[14] Там же, л. 75, 94, 96, 204, 295.

[15] Там же, л. 105, 111, 156, 167, 241, 307.

[16] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 627-630 и др.; ф. 2, оп. 5, д. 265, л. 166, 203-204, 253, 319, 321, 370; ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 26-27, 57-58, 66, 96, 100, 104-107, 213, 216, 220, 239, 241, 243.

[17] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 46-47.

[18] Там же, л. 48.

[19] Там же, л. 329-333.

[20] Там же, д. 88, л. 77-78.

[21] Там же, л. 54-60, 237, 242, 319, 352; д. 96, л. 144, 391, 442, 507, 551-554; д. 127, л. 20-21; д. 145, ч. 1, л. 154-156 и др.

[22] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 16, л. 2.

[23] Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 103-104.

[24] ОГИКМ, инв. № К-605.

[25] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 391. -18 л.

[26] Там же, оп. 1, д. 2413. — 136 л.

[27] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 394-403, 407-409, 411, 413, 415-422.

[28] Памук Орхан. Стамбул: город воспоминаний. — М., 2006. — 504 с.

[29] ГАОО, ф. 4, оп. 3, д. 500.

[30] Там же, д. 501.

[31] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 97.

[32] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 85, 88-89.

[33] Там же, д. 259, л. 97-98.

[34] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 4, л. 371.

[35] Там же, л. 368.

[36] Там же, л. 372.

[37] Там же, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 15-16.

[38] ПСЗРИ. — Собр. 1. — СПб., 1830. — Т. 27. — № 20.121.

[39] [Castelnau G. de]. Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. — Paris, 1820. — T. 3. — P. 8-9; Атлас Д. Старая Одесса, ее друзья и недруги. — Одесса, 1992. — С. 30 и др.

[40] ГАОО, ф. 4, оп. 3, д. 575, л. 1.

[41] Смольянинов К.Н. История Одессы. — Одесса, 1853. — С. 53.

[42] Аполлон Скальковский. Первое тридцатилетие истории города Одессы. — Одесса: "Optimum", 2007, с. 43

[43] Орлов А. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. — Одесса, 1885. — с. 41.

[44] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 136.

[45] Смольянинов К.Н. Указ. соч. — С. 77.

[46] Там же. — С. 78.

[47] Там же. — С. 80, 82-83, 85-86.

[48] Там же. — С. 87.

[49] Орлов А. Указ. соч. — С. 40.

[50] Смольянинов К.Н. Указ. соч. — С. 95.

[51] ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 77. -25 л.

[52] Там же, л. 1.

[53] Там же, л. 3.

[54] Там же, л. 8.

[55] Орлов А. Указ. соч. — С. 42.

[56] Аполлон Скальковский. Первое тридцатилетие истории города Одессы, 1793-1823. — Одесса: "Optimum", 2007, с. 89-90.

[57] ГАОО, ф. 4, оп. 3, д. 569, 46 л.; ф. 4, оп. 3, д. 570а, 23 л.

[58] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 228-229.

[59] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 179.

[60] Там же, д. 259, л. 135.

[61] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 189, 193-194.

[62] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 135.

[63] Там же, ф. 4, оп. 3, д. 569, л. 2, 40-46.

[64] Там же, л. 29-30.

[65] Там же, д. 570а, л. 11.

[66] Там же.

[67] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 335.

[68] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 75. — 798 л.

[69] Там же, ф. 2, оп 5, д. 265, л. 211, 259 и др.

[70] Там же, л. 294.

[71] Там же, л. 371.

[72] Там же, д. 266, л. 117 и др.

[73] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 551-552.

[74] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 250, 290, 291, 328.

[75] Там же, л. 148-149, 335.

[76] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 96.

[77] Там же, л. 246.

[78] Там же, д. 114.

[79] Там же, л. 291-292.

[80] Там же, ф. 4, оп. 3, д. 396, л. 1а, 2.

[81] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 665.

[82] Аполлон Скальковский. Указ. соч., с. 115.

[83] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 62.

[84] Там же, л. 161-162.

[85] Там же, л. 163.

[86] Там же, л. 320.

[87] Там же, л. 317.

[88] Там же, л. 328.

[89] Там же, л. 475-476.

[90] Там же, л. 604-605.

[91] Там же, л. 405.
[92] Там же, л. 422.
[93] Там же, л. 423.
[94] Там же, л. 647.
[95] Там же, д. 145, ч. 1, л. 145.
[96] Там же, л. 240.
[97] La mémoire d'Odessa. Hatier et Musées de Marseille. — Paris, 1989. — P. 27.
[98] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 524, 565.
[99] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 71-72.
[100] ОГИКМ, инв. № К-563.
[101] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2407. — 19 л.
[102] Там же, д. 269. — 3 л.
[103] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 283, л. 58-60.
[104] ПСЗРИ. — Собр. 2-е. — СПб., 1830. — Т. 1. — № 46.
[105] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 165, л. 374.
[106] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 661-663.
[107] Там же, д. 275, л. 433.
[108] Там же, д. 278, л. 193.
[109] Там же, л. 224-225.
[110] Там же, д. 266, л. 91.
[111] Там же, д. 282, л. 338.
[112] ОГИКМ, инв. № К-554.
[113] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 376-377.
[114] Там же, д. 281, л. 84-85.
[115] Там же, д. 264, л. 143 и др.
[116] Там же, д. 265, л. 155.
[117] Там же, д. 267; ф. 59, оп. 1, д. 96, 114, 127.
[118] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 153, ч 1; д. 1536.
[119] Там же, д. 127, л. 60; д. 523. — 4 л.
[120] ОГИКМ, инв. № К-574.
[121] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 588.
[122] Там же, д. 278, л. 82.
[123] Там же, д. 277, л. 589.
[124] Там же, д. 16, л. 5.
[125] См., например: ОГИКМ, инв. №№ К-569, К-551 и др.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

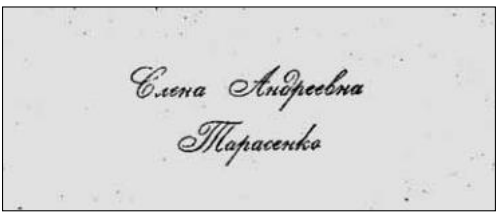
Визитные карточки Одессы

"Чем только ни занимаются люди!" — начинают свой рассказ о старом ребуснике Синицком Илья Ильф и Евгений Петров в романе "Золотой теленок". Действительно, занимались и продолжают заниматься чем угодно, где угодно, и Одесса не была и не есть исключение. К примеру, в первые десятилетия XX века наш земляк Г.З. Гершенман каллиграфически исполнял оригиналы визитных карточек, которые потом практически были выведены из обихода и теперь вернулись.

Поначалу визитные карточки печатали литографским способом. При этом каллиграфически написанный текст переносили на литографский камень, с которого делали нужное количество оттисков. Но так уж случилось, что еще в конце 1820-х годов в Одессе не было ни одного профессионального гравера и литографа, почему визитки печатали с клише, которые изготовляли резчики печатей. А в городской типографии стоял без дела хороший литографский станок со всеми необходимыми принадлежностями. В связи с этим 11 мая 1829 года в газете "Одесский вестник" появилась небольшая заметка, автор которой выражал уверенность в том, что "хороший литограф и даже средственный гравер могли бы получить здесь (в Одессе. — **Р. А.**) значительные выгоды. Литограф мог бы даже надеяться на пособие от местного начальства". Газета, пусть с большой задержкой, поскольку доставлялась почтовыми тройками, но попадала в другие города, в частности, Варшаву. И не прошло двух месяцев, как в начале июля оттуда, соблазненный, наверное, такими посулами, прибыл литограф Александр Браун и открыл литографическое заведение при городской типографии. Там он и начал печатать всевозможные планы, прейскуранты, этикетки для бутылок с вином и визитные карточки на разных языках, что в многонациональной тогда уже Одессе было как нельзя кстати.

Позже клише визитных карточек с оригиналов, написанных каллиграфами, изготовляли методом фотоцинкографии, который в 1888 году впервые в Одессе начали применять в типографии "М. Фрейденберг и К°" на Екатерининской, 7. Дешевые же визитки набирали появившимися специальными каллиграфическими шрифтами и быстро печатали в многочисленных типографиях. Так, в "безразмерном" доме Синицыной, когда там еще жил Коссодо, была небольшая типография, где сотню визитных карточек с помощью выписанной из Франции скоропечатной машины "À la minute" печатали на белоснежном бристольском картоне ровно за пять

минут, как это было обещано заказчикам.

Одно время визитные карточки изготовляли и фотографы. В 1865 году баварский подданный, мюнхенский живописец и один из первых одесских фотографов Филипп Гааз на Первой выставке Одесского общества изящных искусств экспонировал выполненные им фотопортреты, "Souvenir d'Odessa", представлявшие собой "наиболее живописные и красивые виды Одессы, снятые с природы чрезвычайно отчетливо", и 16 визитных карточек. Напечатанные фотографическим способом визитные карточки, в особенности исполненные Филиппом Гаазом, были высокого качества, но большим спросом не пользовались, поскольку стоили дороговато. Не желавшие роскошествовать или не имевшие на то возможности могли купить в магазине письменных принадлежностей В. Гринзафта на Ришельевской, 20, сотню пустых визитных карточек за 30 копеек и заполнить их самостоятельно. А в типографии Фесенко сто визиток вполне пристойного вида печатали за рубль или чуточку дороже.

Рачительный хозяин крупной типографии, почетный гражданин Ефим Иванович Фесенко, такой мелкой работой тоже не пренебрегал и держал для нее один-два небольших станка, но основной доход ему приносила другая продукция. Типография Фесенко, открытая еще в 1883 году, поначалу располагалась в доме негоцианта Маврокордато на Греческой, 30. В 1897-м на этом месте по проекту архитектора Вильгельма Мартовича Кабиольского построили дом германского подданного Цезарь Карловича Гинанда, который перевел туда свою, с давних пор существовавшую, винную торговлю. А типография Фесенко расположилась в специально выстроенном для нее здании на Ришельевской, 47, где печатали книги, иконы, ноты, проспекты, каталоги, портреты, художественные открытки, карты, планы. В 1917 году, когда ко всем бедам, свалившимся на город, добавилась нехватка денежных знаков, довелось печатать и так называемые разменные марки города Одессы достоинством в 50 копеек, а годом позже — марки-деньги Украинской Народной Республики, на обороте которых был трезубец и надпись "Ходить нарівні з дзвінкою монетою". Помимо всего этого у Фесенко печатали разного назначения бланки: накладные, квитанции, счета, фактуры, прейскуранты, ведомости, формуляры. Для аптек печатали фирменные сигнатуры с изображением

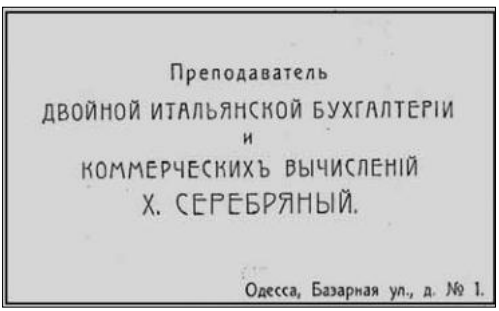
зданий, в которых они располагались, для университета — матрикулы, другими словами, зачетные книжки, для училищ и гимназий — "Ведомости об успехах и поведении", как назывались табеля.

Теперь уже трудно представить себе, что при необходимости переговорить с родителями гимназиста или гимназистки учитель не говорил: "Скажи отцу, чтобы пришел в гимназию". На этот случай тоже имелся заказанный в типографии специальный бланк, который заполняли и с подписью директора отправляли родителям: "Свидетельствуя свое почтение, честь имею покорнейше просить Вас, Милостив*ый* Государь *Георгий Иванович Никольский*, пожаловать во вверенное мне учебное заведение *Одесскую 1-ю Ришельевскую гимназию* в *12* час. *16 сего октября* для совещания по вопросам учебно-воспитательного характера". Выдержанное в таких деликатных выражениях приглашение, которое, впрочем, самому гимназисту ничего хорошего не сулило, было напечатано не строгим каким-нибудь шрифтом, как повестка, скажем, к мировому судье или воинскому начальнику, а каллиграфическим с нажимами, наподобие прописей для уроков чистописания.

Визитные карточки печатали и в газетных типографиях, рекламируя это в своих же газетах: "Читайте!!! Визитные карточки только тогда будут изящны, дешевы и красивы, когда их изготовит типография "Одесских вечерних новостей" на Греческой, 5". Похоже, если судить по его дневниковой записи, что именно здесь в апреле 1913 года, отправляясь в пятимесячное путешествие по Африке, заказал визитные карточки поэт Николай Степанович Гумилев, женатый на нашей земляке поэтессе Анне Андреевне Ахматовой. Сам по себе этот факт любопытный, но не более того. А бывает и так, что по прошествии многих лет визитная карточка становится достоверным и зачастую единственным свидетельством того, чего без нее уже никак не узнать.

В ялтинском доме Антона Павловича Чехова на отдельном столике в его кабинете стоит купленная им на Цейлоне большая деревянная чаша, доверху наполненная визитными карточками. Есть среди них и карточки одесских людей, которые приходили к писателю по делу или просто засвидетельствовать свое почтение. Потому не все из них виделись и беседовали с Чеховым, но карточки оставляли. Семен Маркович Гольдвейбер — журналист, печатался в газете "Южное обозрение" под псевдонимом Адасов, иногда грешил незамысловатыми рассказами. Яков Осипович Любарский, о котором известно лишь то, что он жил на Канатной, 72. Григорий Исидорович Модель — сотрудник редакции "Одесского листка", который

много лет печатал в этой газете материалы о порте, знал его до последней причальной тумбы и умер, оставив детям свое доброе имя да коллекцию трубок, привезенных ему знакомыми капитанами со всего света. Григорий Григорьевич Москвич — автор-издатель популярных "Иллюстрированных практических путеводителей" по Одессе, Москве, Петербургу, Кавказу, Крыму, Норвегии, Финляндии, Швеции... Иван Антонович Смирнов — секретарь Одесского литературно-артистического общества. Александр Соломонович Эрманс — врач, журналист, редактор-издатель газеты "Одесские новости", о которой известный сатирический поэт Дон Аминадо писал, что "не только в самой столице, но далеко за ее пределами, всем южанам... давно известно было, что "Одесские новости" это Эрманс...". Петр Александрович Нилус — художник, критик, прозаик, один из организаторов Одесского литературно-артистического общества, автор портрета Чехова, который он писал весной 1902 года, когда приехал в Ялту вместе с Иваном Алексеевичем Буниным, состоявшим в тесной дружбе с писателем и его сестрой Марией Павловной.

Преподаватель
ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ
и
КОММЕРЧЕСКИХЪ ВЫЧИСЛЕНІЙ
Х. СЕРЕБРЯНЫЙ.
Одесса, Базарная ул., д. № 1.

В кабинете Чехова возле его письменного стола стоит корзинка для бумаг, в которой множество лет лежал какой-то марлевый узелок, числившийся по описи музейных фондов как "разные ненужные бумаги". Коль написано, что ненужные, так никто в него и не заглядывал, поскольку десятки лет хранила и ведала всем в доме Мария Павловна. После ее смерти при приемке фондов новой сотрудницей узелок развязали и обнаружили там пожелтелую визитную карточку Бунина. Ясное дело, что не Чехов бросил ее в корзинку для ненужных бумаг — сохранились визитки куда менее близких ему людей. По-видимому, в те годы, когда "белоэмигранта Бунина" у нас не жаловали и не печатали, сама Мария Павловна припрятала его визитную карточку подальше от чужого взгляда.

Случались, однако, и менее драматичные, скорее даже забавные истории, наподобие той, которая связана с эпизодом автобиографической повести "Время больших ожиданий" Константина Георгиевича Паустовского:

"В Одессе я привык перечитывать в газетах все, вплоть до объявлений. Никогда нельзя было знать, где встретятся перлы одесского стиля. Я по-

мню, как ошеломило меня одно похоронное объявление и своим содержанием, и своим умелым набором. Выглядело оно так:

РУХНУЛ ДУБ
Хаим Вольф Серебряный
и осиротелые ветви низко склоняются
в тяжелой тоске.
Вынос тела на 2-е еврейское кладбище тогда-то и там-то.

Это было очень живописное объявление. Можно было довольно ясно представить себе этот "могучий дуб", этого биндюжника или портового грузчика — Хаима Серебряного, привыкшего завтракать каждый день фунтом сала, "жменей" маслин и полбутылкой водки".

Кстати, полбутылка упоминается и в рассказе "Фроим Грач" Исаака Бабеля: "В моем лице ты имеешь типа, который способен захватить с собой полбутылки с любительской закуской и поехать кататься по воздуху в Аркадию...". И это вовсе не значит, что упомянутые граждане имели обыкновение выпивать за один присест всего только половину бутылки, а вторую предусмотрительно оставлять для другого раза. Полбутылка, которую в народе называли "косушкой", "четвертинкой", "мерзавчиком", "маленькой", "лампадкой" — от коей произошло и дожило до наших дней выражение "залампадить", то есть выпить, на самом деле была полной бутылкой, но вмещала четвертую часть штофа — то есть около 300 грамм водки, а если быть точным, как того требует упомянутый напиток, то 308 грамм. Но покойный Хаим Вольф Серебряный и этой дозы не выпивал, поскольку не биндюжником был, а преподавал двойную итальянскую бухгалтерию, что есть занятие не простое, требующее здравого ума и трезвой памяти. Прояснилась же его профессия благодаря отыскавшейся лет через двадцать после появления повести и отреставрированной великолепным фотомастером Сергеем Калмыковым визитной карточки самого Серебряного. Метафора же "рухнул дуб" и близкие к ней не такая уж редкость. К примеру, когда в апреле 1911 года хоронили редактора-издателя "Одесского листка" Василия Васильевича Навроцкого, то несли огромный венок в виде дуба с крупной надписью на ленте "Дуб сломался!" Но в объявлении метафора получила свое развитие и, как написал Паустовский, "всех особенно умилили эти "осиротелые ветви" — сыновья и дочери могучего Хаима". Сочинил объявление о "рухнувшем дубе" сын покойного Йоня, который, подобно многим тогдашним одесским молодым людям, а дело было в 1919 году, тяготел к изящной словесности.

В истории Одессы осталось появившееся в начале 1918 года литературное объединение "Зеленая лампа", в котором состояли Эдуард Багрицкий, братья Борис и Исидор Бобовичи, братья Георгий и Вадим Долиновы, Валентин Катаев, Юрий Олеша, Анатолий Фиолетов и еще с десятка полтора молодых и не лишенных таланта людей. Но "литературных мальчиков и девочек" в тогдашней Одессе было еще больше, и те, кто не вошел или, по словам Бориса Бобовича, не были приняты в "Зеленую лампу", решили организоваться самостоятельно. За дело взялся заигрывавший с музой Леонид Ласк, который создал кружок с претенциозным названием "Бронзовый гонг". Себя он столь же громко поименовал президентом "Бронзового гонга", заказал визитные карточки с изображением этого гонга в окружении лавровых ветвей и, как уверял Эдуард Багрицкий, прикрепил их не только к воротам своего дома, но к растущим близ него акациям. И такие вещи не тогда придумали, а много раньше. Одесский старожил О.О. Чижевич вспоминал, как в начале 1850-х годов на визитных карточках одного молодого флотского офицера, напечатанных на французском языке, под фамилией значилось "enfant de la mer", то есть "дитя моря".

Но это был еще простенький способ саморекламы с помощью визитных карточек. Куда дальше пошел некий одессит, который летом 1889 года в преддверии очередных выборов гласных городской Думы на предстоящее четырехлетие напечатал, а потом через специально нанятых им людей раздавал прохожим визитки, на которых после фамилии, имени и отчества каллиграфическим шрифтом было напечатано: "Коллежский асессор, воспитатель в пансионе при Ришельевской гимназии, покорнейше просит Вас, милостивый государь, записать его в список лиц, рекомендуемых Вами для избрания в гласные. По алфавитному списку его № 407-й. С глубочайшим почтением остаюсь Вашим покорным слугой".

Человеческие слабости, как та энергия, со временем никуда не исчезают, а лишь преобразовываются из одной формы в другую. Уже в начале нынешнего XXI столетия некая полиграфическая фирма в Одессе рекламировала визитки, "которые способны заочно создавать впечатление о Вас". А Пушкин-то считал, что впечатление о человеке должна создавать лишь его фамилия, и повелел напечатать на своих визитках одно только слово "Пушкинъ". И, как было принято, в преддверии нового 1830 года разослал по петербургской местной почте эти визитки своим знакомым, в том числе тем, с кем был хорош еще в Одессе: Ивану Григорьевичу Сенявину, состоявшему когда-то при М.С. Воронцове, графу Александру Дмитриевичу Гурьеву, отставному генерал-губернатору графу Александру Фе-

доровичу Ланжерону, квартировавшему на Невском проспекте в доме генерал-майора Иосифа Сабира, внебрачного сына основателя Одессы адмирала Иосифа де Рибаса. По правилам тогдашнего этикета Гурьеву и Ланжерону как женатым людям Пушкин послал по два, как их в то время уважительно называли, визитных билета, один из коих предназначался супруге.

Визитными карточками обзаводились не только представители сильного пола. "...Знаете, о чем я больше всего мечтала гимназисткой? — признается героиня рассказа Бунина, который так и называется, "Визитные карточки". — Заказать себе визитные карточки!" И для этого вовсе не обязательно было быть начальницей гимназии, классной дамой в Институте благородных девиц или председательницей "Дамского общества вспомоществования бедным родильницам". Тесть Ильи Ильфа, происходивший из казаков Полтавской губернии, жил с семьей и держал пекарню в доме № 20 по Вознесенскому переулку за железнодорожным вокзалом. А его жена вела хозяйство, состояла, как говорили в Одессе, "при детей", но имела визитную карточку, на которой без всяких званий, должностей и титулов было напечатано: "Елена Андреевна Тарасенко". Правда, визитные карточки женщин, если они не служили где-либо или не состояли в какой-нибудь общественной организации, принято было печатать несколько меньшего размера, нежели визитки мужчин.

Что же касается текста визиток, то это зависело исключительно от желания владельца. Так, в начале XX столетия владелец красильной мастерской Артем Ананьевич Коженов, полагая, что те, кому он дает визитку, знают, чем он занимается, поместил на ней только адрес своего заведения на Полицейской, 20. А на визитке Николая Ивановича Савича значилось лишь, что он — управляющий аптекой городской больницы, местонахождение которой было известно всем одесситам.

Тогда, как во времена Пушкина, карточки тоже не обязательно было лично приносить и собственноручно вручать. Можно было отправить визитную карточку по почте местным письмом, что стоило 1 копейку, или иногородним, за 2 копейки. Этот льготный тариф распространялся исключительно на визитные карточки и пригласительные билеты, поэтому конверты с ними не разрешалось заклеивать, чтобы на почте видели содержимое. Такие церемонии и правила теперь уже в далеком прошлом, а что осталось, так это визитницы. Носить с собой визитные карточки просто в кармане неудобно, перетягивать их резинкой как-то неинтеллигентно. И еще в 1860-х годах в "Английском магазине Виллиама Вагнера" на Дерибасовской, 16, можно было купить "книжечки для визитных кар-

точек", то есть изящные серебряные, иногда позолоченные, из черепахового панциря или белого металла визитницы. У многих состоятельных, респектабельных, пребывавших, что называется, на виду людей в прихожей непременно стоял небольшой изящной работы столик с серебряным подносом, на котором визитеры оставляли визитную карточку. Бывало, что в прихожей гостей встречало чучело медведя, который держал в лапах поднос для карточек. Если же хозяина не оказывалось дома, то верхний левый угол визитки было принято загибать. Через много лет, когда все это, когда-то такое обычное, осталось в далеком прошлом, Валентин Катаев, вспоминая свою первую встречу с Буниным, написал, что у него был "крахмальный воротничок — или, как тогда говорили, воротнички, — высокий и твердый, с уголками, крупно отогнутыми по сторонам корректно-лилового галстука, подобно уголкам визитных карточек из наилучшего бристольского картона".

Бывали визитные карточки целевого назначения. Григорий Григорьевич Маразли часто давал званые завтраки, для приглашения на которые имел специальные карточки, одна из которых, напечатанная каллиграфическим шрифтом, сохранилась в коллекции Анатолия Дроздовского: "Г.Г. Маразли, — значится в центре ее, — покорнейше просит Вас сделать честь пожаловать к нему на завтрак в...". А дальше от руки вписывались дата и время. Легко это было, удобно и не выходило за рамки этикета.

В типографии на Дворянской, 8, можно было заказать визитные карточки с видами Одессы, которые, врученные приезжему человеку, помимо своего прямого назначения становились в некоем роде сувениром. А печатали их там еще в 1900-х годах, потому как традиция украшать карточки всякими рисунками, эмблемами, символами, вензелями, монограммами не сегодня и не вчера зародилась.

Крупные торговые заведения, чаще всего в преддверии праздников, тоже обзаводились визитными карточками, и специально нанятые люди раздавали их прохожим: "М. Г. (нынешнему читателю нужно пояснить, что это означало "Милостивый государь". — **Р. А.)** Имеем честь поздравить Вас с Новым годом! Торговый дом М. Рауш. Депо фортепиано. Одесса, Полицейская, № 33. Основано в 1856 г.".

Владельцы типографий могли приобретать заготовки визиток на Троицкой, 58, где была "Фабрика роскошных картонажей для визитных карточек, меню, свадебных и пригласительных билетов" Мирона Поросюка, который в 1907 году выпустил "Иллюстрированный прейскурант визитных карточек и свадебных билетов".

В текстах реклам обычно используются хорошо знакомые читателям слова и понятия, каковыми еще в давние времена считались "визитная карточка". На этом, к примеру, построено несколько наивное, зато доходчивое рекламное объявление 1898 года:

"Сценка в типографии.
"Вам что, сударь, нужно?"
"Визитные карточки заказать".
"Продиктуйте текст".
"Пишите: "Степан Степанович Степанов,
записной курильщик папирос "Голубка"
фабрики Я.С. Кушнарева в Ростове-на-Дону,
представительство в Одессе, Греческая, 25".

Нередко рекламное объявление представляло собой изображение визитной карточки с надписью типа "Парикмахеръ И.М. Мегердичевъ. Ланжероновская, 12".

При такой известности, разнообразии и распространении визиток каллиграф Гершенман, наверное, без работы не оставался и перо на полку не должен был положить у себя на Малой Арнаутской, 101, по соседству с бакалейными, колбасными, мучными, молочными, мясными лавками, сапожными, картонажными, слесарными, столярными мастерскими и не самого высокого пошиба гостиницей "Майбах", где, как говорили, можно было днем "переночевать", и визитную карточку не требовалось предъявлять ни гостиничной обслуге, ни какой другой...

Олег ГУБАРЬ

"Энциклопедия забытых одесситов"
Из новой книги

Драгутинская команда

Второстепенный, вроде бы, персонаж, майор Драгутин позитивно упоминается почти всеми дореволюционными одесскими историками и мемуаристами, которые даже не знают его имени, не говоря уже об отчестве. За что такой почет и уважение?

В первые десятилетия XIX века градостроительство Одессы, включая благоустройство, сильно осложнялось самыми разными обстоятельствами, о которых я уже неоднократно сообщал в предыдущих публикациях. Одной из острейших проблем долго оставалось устройство проезжей части и тротуаров — ввиду дефицита подходящих строительных материалов, дешевой рабочей силы и транспорта. Изрядно ограниченная, кроме всего прочего, в потреблении воды, Одесса вполне соответствовала меткой пушкинской метафоре: летом — песочница, зимой — чернильница. Город и в самом деле то задыхался в пыли, то утопал в грязи. На выручку пришло оригинальное рабочее формирование — подчиненные гражданскому ведомству военные арестантские роты.

Они создавались в Одессе и во всем Новороссийском крае согласно императорскому указу от 10 июля 1830 года[1]. В принципе такие соединения сродни будущим дисциплинарным батальонам, однако в нашем случае проштрафившиеся нижние чины не подвергались бесполезной муштре, а приспосабливались к всевозможным городским работам, причем не на общественных началах, а за плату, пусть и скромную. Арестанты копали колодцы, ремонтировали пруды, плотины, в целом производили земляные работы, строили казенные здания и сооружения, в том числе важнейшие, помогали пожарной команде и проч. Командиром этой первой одесской арестантской роты (позже их было две) и назначили капитана Трофима Петровича Драгутина, деятельность которого надежно фиксируется архивными[2] и другими первоисточниками.

Уже в декабре 1831 года деятельный одесский градоначальник А.И. Лёвшин писал генерал-губернатору графу М.С. Воронцову: "Арестантская рота приносит великую пользу городу и служит к большим сбережениям сумм"[3]. Позднее он развивает эту тему: "Арестантская рота при-

носит мне величайшую пользу. Я ими доволен, и они довольны; ибо побеги прекратились, и люди сии веселятся: у них своя музыка, забавляющая по воскресеньям народ, свои певчие, а во время праздников свои качели. Я их вывел из острога, и они живут в казарме своей, как солдаты. Ротного командира Бог мне дал прекрасного человека и хозяина; рота его имеет свои огороды, свое хозяйство. Рота сия будет вроде ремесленного училища: в ней есть разные мастера, которые формируют своих товарищей в плотники, столяры, каменщики, печники и пр."[4].

То есть арестантов освободили из тюрьмы, наравне с солдатами поселили в оборонительной казарме № 5, прежде занимавшейся Одесским карантинным батальоном. Она простиралась примерно по направлению нынешней улицы Новосельского, от Торговой до Ямской, как раз до дома Драгутина в XXV квартале Греческого форштата, отчего впоследствии, когда место казармы застроили жилыми домами, образовавшийся в тылу переулок назвали Драгутинским.[5] Арестантам разрешили устроить "оркестр военной музыки", выступавший на общественных гуляньях, завести собственные аттракционы на пасхальной неделе и масляной, отвели землю под огороды из городского выгона (так называемые Драгутинские плантации располагались близ старого ботанического сада, ниже Куликова поля) и т. д. Если прибавить к этому строгое, но отеческое отношение ротного командира, становится понятной причина, по которой арестанты оставили мысль о побеге, — а ведь пополнение криминального мира во многом осуществлялась как раз за счет беглых арестантов: довольно вспомнить легендарного разбойника Чумака.

Современник вполне солидарен с Левшиным: "...единственным дезинфектором города был только майор Драгутин с его арестантской командой, отличавшейся замечательной дисциплиной и отсутствием случаев побегов, столь нередких в то время не только между арестантами, но и между солдатами".[6]

Одно из основных занятий арестантской роты заключалось в обслуживании городских шоссе, которые в ту пору мостились главным образом известняковым щебнем. Прочный камень, доставлявшийся со Средиземноморья, обходился дорого, а потому использовался для мощения самых важных участков городских артерий — Херсонского, Ланжероновского, Карантинного и Военного спусков — и ответственных фрагментов тротуаров, например, близ Городского театра[7]. Известняковый же щебень перетирался колесами, а потому приходилось постоянно заменять измельченный камень новым. Превратившийся в "глинистую грязь" щебень "собирался с улиц арестантскою рабочею ротою и вывозился на Чумную гору".[8] Руко-

творная гора эта, собственно, и выросла, в основном, в результате свалки грунта над Чумным кладбищем, где покоились жертвы эпидемий 1812 и 1829 годов. Насыпь устраивалась официально и преследовала две цели: санитарно-гигиеническую и мемориальную (на Чумке установили памятную плиту и предполагали воздвигнуть монумент).

"Шоссировка улиц, — пишет авторитетнейший думец Иосиф Чижевич, — а равно и все почти городские работы производились рабочею арестантскою ротою, известною под названием Драгутинской команды, по имени ее начальника. Команда эта строила бульварную лестницу, развела и содержала Лёвшинские плантации (казенные сады на Пересыпи, устроенные по инициативе градоначальника. — **О. Г.**) и производила шоссировку и ремонт городских улиц. Начальник команды, знаменитый в свое время капитан Драгутин, был необыкновенно практичный хозяин, искусный строитель и строгий начальник. Он принес своею командою городу большую пользу и себя не обидел. После выхода в отставку он из маленьких сбережений своих приобрел большое имение вблизи Одессы. Впоследствии только выяснилось много злоупотреблений. Так, например, кучи щебня, принятые в одном месте Строительным комитетом, ночью перевозились подрядчиком на другую улицу и там вторично принимались и т. п.".[9]

Построения Чижевича, понятно, чисто умозрительны, поскольку никто Драгутина за руку не поймал. Хотя мемуарист, наверное, прав: аналогичные технологии приписок широко практиковались во все времена, в том числе и не столь отдаленные советские. Что касается принадлежащей командиру арестантской роты недвижимости, у меня по этому поводу собрана исчерпывающая информация. Еще будучи в службе, он соорудил в 1841 году частную торговую баню на Водяной балке, около городских прудов — одну из лучших в городе, постоянно озабоченном вопросами водоснабжения[10], от которой получал некие дивиденды. Магазин и два довольно приличных дома по Нежинской улице (1839, 1846, 1849) формально принадлежали его супруге Анне Ивановне Драгутиной[11]. Находились они в квартале, ограниченном улицами Конной и Ямской, причем оба были снабжены изрядными погребами.[12] Относительно "большого имения вблизи Одессы" могу сказать только, что, по крайней мере, в 1847-1848 годах на его даче "в сторону Фонтанской заставы" "никакой постройки не имеется"[13]. Впрочем, по свидетельству специалиста в области генеалогии С.Г. Решетова со ссылкой на архивные документы, Драгутин не позднее середины 1850-х владел селом Егоровка Одесского уезда.

Занятно, что Драгутин принимал в эксплуатацию по описи знаменитую Бульварную (Потемкинскую) лестницу от городского архитектора Г.И. То-

ричелли и руководителя Одесского строительного комитета военного инженера Г.С. Морозова. То есть в буквальном смысле слова должен был освидетельствовать 319 ее конструктивных элементов — арки, сваи и проч., включая недоступные физически.[14] Как он справился с этим отчасти виртуальным заданием, судить не берусь, а только лестница жива и поныне.

Трудно даже перечислить функции Драгутинской команды — от благоустройства Старого городского кладбища[15] до укладки первых в Одессе асфальтовых тротуаров "по методу майора Драгутина"[16]. А вот образчик деятельности арестантской роты в другом роде. Осенью 1834 года в амбаре при доме небезызвестного собирателя древностей, пушкинского знакомца И.П. Бларамберга, расположенном в начале Канатной улицы, вспыхнул катастрофический пожар. Пламя перекинулось на соседний хлебный магазин барона Штиглица, где хранились пшеница, кожи и сало. Жестокий ветер грозил донести огонь до близлежащих старых и ветхих домов графа Чарторийского и покойного генерала Ферстера. Тут на подмогу подчиненного полиции пожарного подразделения пришла Драгутинская команда: пожар героически удалось локализовать к полудню, однако ни полицейские, ни арестанты не сомкнули глаз всю ночь, "сопровождавшуюся ужасною бурею", пресекая возгорание от тлеющих балок. "Арестантская рота Драгутина покрыла себя лаврами неувядаемыми", — так комментировал это происшествие градоначальник Левшин в письме к Воронцову.[17]

В ходе ликвидации чумной эпидемии 1837 года капитан Драгутин самоотверженно исполнял обязанности комиссара четвертого временного карантина, оборудованного в хлебном магазине, принадлежавшем тому же Левшину и расположенном на Таможенной площади при входе на Ланжероновский спуск.[18] За эти и другие заслуги его вскоре наградили орденом Святого Станислава 3-й степени[19], а в конце 1839 года произвели в майоры.

Короче говоря, Драгутин и его команда все время находились в эпицентре общественной жизни и соответственно внимания. Но, как принято теперь изъясняться, фишка его не только в предприимчивости (он, например, покупал с торгов строения, предназначенные на слом, чтобы вторично использовать стройматериалы от разборки), энергичности, профессионализме. Еще на заре своей служебной карьеры, не обладая сколько-нибудь солидным капиталом и не владея никакой недвижимостью, супруги Драгутины рельефно обозначились как люди чрезвычайно богобоязненные и милосердные. В 1835 году Трофим Петрович пожертвовал немалую для него сумму сиротскому дому Одесского женского благотворительного общества,[20] а в следующем году Анна Ивановна приняла на себя обязанности сотрудницы этой че-

ловеколюбивой институции,[21] что означало не только физическое, но и материальное участие в ее добрых делах. С тех пор пожертвования этой почтенной четы регулярно фиксируются в местной муниципальной газете.[22] Анна Драгутина, урожденная Бирюкова (в первой половине XIX столетия весьма состоятельное, но впоследствии постепенно обедневшее купеческое семейство), состояла в Одесском женском благотворительном обществе до 1851 года[23], скончалась в 1854-м и была похоронена в семейном склепе Бирюковых на Старом кладбище. В 1908 году ее прах перезахоронили в палисаде при том же склепе, справа от входа на кладбище, у самой стены.[24]

Осенью 1847 года майор Драгутин "уволен от службы (...) за болезнью, с мундиром и пенсионом полного жалованья"[25], прослужив в общей сложности четверть века. Но еще накануне вызвался стать одним из попечителей сооружения Сретенского храма на Новом базаре[26], старостой которого был впоследствии. Параллельно он занимался заготовлением строительных материалов и надзором за сооружением Александровского детского приюта[27]. Его опыт оказался востребованным и на редкость полезным: у Драгутина все получалось дешевле, качественнее, оперативнее. В это время он состоял уже в Одесском городском попечительстве детских приютов, сама российская императрица выказала ему свое благоволение и назначила почетным попечителем этой инстанции.[28]

Летом 1850 года Драгутин заявил о своем намерении построить собственными силами часовню на набережной, против Бульварной лестницы, и о том, что уже приступил к заготовлению необходимых материалов.[29] Здесь необходимо пояснение. В 1849 году по случаю 60-летия взятия Хаджибея был учрежден крестный ход в память основания Одессы — 22 августа (2 сентября) 1794 года. В связи с этим многие города России принесли на благословление Южной Пальмире списки с наиболее почитаемых святых икон. Из Киева — образ "Богородицы Печерской", из Новгорода — "Собор Всех Святых Новгородских", из Москвы — образы "Богоматери Иверской", "Богоматери Владимирской", "Богоматери Донской" и "Святителей Чудотворцев Московских", из Санкт-Петербурга — образы "Богоматери Казанской", "Спас Нерукотворный", "Всех Скорбящих Радости", "Александра Невского", из Смоленска — "Богоматери Смоленской", из Ярославля — "Богоматери Толгской". Святые образы были доставлены из Пскова, Твери, Костромы, Ростова Великого, Вологды, Воронежа, Иркутска, Тотьмы, Великого Устюга, Соловецкого монастыря, Харькова, Чернигова, Могилева, Тифлиса, Константинополя, а с Афона доставили крест, изготовленный из трех экзотических пород дерева. Поскольку крестный

ход начинался от памятника герцогу Ришелье, а во время водосвятия — от подножия Бульварной лестницы, часовню для размещения этих святынь уместно было устроить на набережной, меж Карантинной и Практической гаванями. "Сооружение принял на себя отставной майор Драгутин, известный всему городу нашему как долговременною и весьма полезною службою своею, так и неутомимою христианскою благотворительностью"[30].

Закладка часовни — разумеется, во имя Всех Святых — состоялась 17 июня 1851 года, причем в ходе строительства (1851-1852) Драгутин наилучшими образом исполнил взятые на себя почетные обязательства[31]. В дальнейшем часовня дополнилась небольшим храмом Святителя Николая Мирликийского — покровителя мореходов, нередко именовалась Портовой или церковью при Одесской портовой таможне, будучи одновременно Всехсвятской и Свято-Николаевской.[32] В 1857 году по проекту архитектора И.О. Даллаква вокруг церкви соорудили ограду с садиком.[33] Здесь впоследствии служил святой подвижник отец Иона Атаманский, а в середине 1930-х храм бесцеремонно разрушили.

В 1850 году Драгутин жертвовал на устройство Одесской богадельни сердобольных сестер,[34] впоследствии — Стурдзовской, в пользу сербской церкви и народа.[35] В начале 1855 года подарил бедным жителям города десять возов кирпича и десять возов соломы,[36] в ходе Крымской войны внес деньги на формирование ополчения.[37] Многие годы Трофим Петрович продолжал свою человеколюбивую деятельность и как почетный член Одесского городского попечительства детских приютов.[38] Высочайше пожалованный ему еще в 1842 году орден Св. Владимира 4-й степени автоматически давал ему дворянство.

После 1863 года[39] я более не нахожу его следов по архивным и другим первоисточникам. В метрических книгах записи о его кончине пока не обнаружено. Так или иначе, а майор Драгутин показался мне достойным внимания человеком, а потому и впредь намерен заниматься связанными с его судьбой разысканиями.

Примечания

[1] ПСЗРИ, т. V, 1830 г., отд. I, сс. 701-706.

[2] ГАОО, ф. 59, оп. 1, дд. 1593, 2072 и др.

[3] Архив князя Воронцова, кн. XXXIX. — М., 1893, с. 27.

[4] Там же, с. 52.

[5] В общих чертах верно этот сюжет представлен в издании: Я. Майстровой. Улицы Одессы. — Одесса, 1998, сс. 46, 167; здесь, впрочем, неверно названы инициалы Драгутина, его воинское звание и дата вступления в должность.

[6] Из прошлого Одессы. — Одесса, 1894, с. 137.

[7] Одесса: 1794-1894. — Одесса, 1895, сс. 245-246.

[8] Из прошлого Одессы. — Одесса, 1894, с. 14.

[9] Там же, с. 15.

[10] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2538. Стара Одеса. Архітектура Причорномор'я. — Видання Одеського державного художнього музею, 1927, с. 35.

[11] ГАОО, ф. 59, оп. 2, дд. 969, 1306. Стара Одеса. Архітектура Причорномор'я. — Видання Одеського державного художнього музею, 1927, с. 35.

[12] Труды Одесского статистического комитета. Вып. I. — Одесса, 1865, сс. 120, 122.

[13] Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. — Б. м., б. г., с. 72.

[14] В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье... — Одесса: "Друк", 2001, сс. 54-55.

[15] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 669, лл. 72-83; д. 668, лл. 17-21, 24-29.

[16] Одесский вестник (далее — ОВ), 1842, № 75, 19 сентября.

[17] Архив князя Воронцова, кн. XXXIX. — М., 1893, с. 100.

[18] С. Сафонов. Описание чумы, постигшей Одессу в 1837 году. — Одесса, в городской типографии, 1838, с. 114.

[19] ОВ, 1838, № 18, 2 марта: здесь — 4-й степени.

[20] ОВ, 1835, № 89, 6 ноября.

[21] ОВ, 1836, № 34, 25 апреля.

[22] ОВ, 1840, № 6, 20 января; 1841, 31 декабря; 1843, №№ 3, 103; 9 января, 25 декабря и др.

[23] Новороссийский календарь (далее — НК) на 1851 год, с. 318.

[24] Известия Одесской городской Думы. Год 13-й. № 7-14, 1908, сс. 1093-1098.

[25] ОВ, 1847, № 94, 22 ноября.

[26] ОВ, 1847, № 81, 8 октября.

[27] ОВ, 1847, № 97, 3 декабря.

[28] ОВ, 1848, № 22, 17 марта.

[29] ОВ, 1850, № 59, 26 июля; НК на 1851, сс. 414-415.

[30] ОВ, 1851, № 49, 23 июня.

[31] К.Н. Смольянинов. История Одессы. — Одесса, 1853, сс. 268-269.

[32] "Одесские заметки": ОВ, 1856, № 67, 14 июня — церковь упомянута как уже существующая. Протоиерей Георгий Попруженко. Ведомство православного исповедания в Одесском градоначальстве, за 1863 год. — Труды Одесского статистического комитета. Выпуск I. Одесса, 1865, с. 139. Одесская старина, 1869, сс. 16-17. Одесса: 1794-1894. — Одесса, 1895, с. 396.

[33] ГАОО ф. 59, оп. 2, д. 1857; ф. 895, оп. 1, д. 272.

[34] ОВ, 1850, № 97, 6 декабря.

[35] ОВ, 1850, № 72, 9 сентября.

[36] ОВ, 1855, № 8, 20 января.

[37] ОВ, 1855, № 41, 12 апреля.

[38] НК на 1856, с. 353. НК на 1857, с. 364. НК на 1858, с. 389. НК на 1859, с. 393. НК на 1860, с. 403. НК на 1861, с. 368. НК на 1863, с. 353.

[39] "Городские происшествия": ОВ, 1863, № 71, 29 июня.

Владимир СМИРНОВ

По польскому списку...

Работая над очерком, посвященном радиофизику Борису Цомакиону, одному из основателей Одесского электротехнического института связи имени А.С. Попова (теперь Национальная академия связи. — **В. С.**), я встретился с фамилиями расстрелянных в 30-е годы сотрудников института — Ф.М. Ермакова, А.И. Савка, А.С. Исаковича, П.Я. Мельника.

Архивно-следственное дело бывшего еще при царском режиме почтмейстера Федора Марковича Ермакова, обвиненного в шпионаже, было описано автором в III части серии книг "Реквием XX века". Только в последнее время удалось изучить при содействии моей супруги Янины Смирновой (Поржезинской) архивно-следственное дело, где фигурировал аспирант института связи Александр Иванович Савко, которое оказалось групповым. Данное дело двадцати четырех обвиняемых явилось как бы предвестником аналогичного группового дела поляков, участвовавших якобы в "Польской организации войсковой", по которому было расстреляно 65 человек (см. II часть серии книг "Реквием XX века").

Оказалось, что по списку якобы поляков, проживавших в Одессе, были арестованы 24 человека. Все они, за исключением одной М.И. Смульской, получившей 10 лет ИТЛ на основании постановления комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР от 11 августа 1937 года (позже дата "11 августа" странным образом преобразовалась в материалах дела в "5 ноября 1937 года". — **В. С.**), были подвергнуты расстрелу. Осуждены по ст. ст. 54-1 и "а" и 54-11 УК УССР.

Вот их имена, согласно материалам архивно-следственного дела № 9438-П:

"1. Шидловский Карл Иосифович, 1875 г. р., уроженец села Лозоватая Винницкой области, в прошлом кулак, имевший 50 десятин земли, перебежчик из Польши, повар теплохода "Молдавия", арестовывался три раза органами УГБ, гражданин СССР.

2. Шидловская Стефания Андреевна, 1888 г. р., уроженка села Осичное Винницкой области, из семьи кулака, домохозяйка, сведений о судимости нет, полька, гражданка СССР.

3. Шидловский Петр Карлович, 1917 г. р., уроженец г. Одессы, сын кулака, бывший ресторатор РОПИТа, к моменту ареста слесарь Совторгфлота, поляк, гражданин СССР.

4. Шидловская Юзефа Эразмовна, 1875 г. р., уроженка села Коню-

шенки Винницкой области, из семьи кулака, имела 40 десятин земли, домохозяйка, полька, гражданка СССР.

5. Журавский Михаил Деонисович, 1876 г. р. (записан как поляк, но по справке — украинец. — **В. С.**), уроженец Лозоватая Винницкой области, сын раскулаченного кулака, бывший ресторатор РОПИТа, реэмигрант из Турции, к моменту ареста работал номерным теплохода "Севастополь", гражданин СССР.

6. Журавская Мария Матвеевна, 1883 г. р., уроженка села Голованевской Одесской области, жена кулака, ресторатора РОПИТа, реэмигранта, к моменту ареста домохозяйка.

7. Вигуро-Герман Геноэфа Михайловна, 1908 г. р., уроженка города Одессы, дочь ресторатора, техника Станкостроительного завода, к моменту ареста — студентка Театрального училища, полька, гражданка СССР.

8. Вигуро-Герман Николай Бернардович, 1906 г. р., уроженец города Одессы, к моменту ареста техник Станкостроительного завода. Был арестован органами НКВД и осужден Особым совещанием при бывшей Коллегии ГПУ УССР в 1930 году к трем годам лишения свободы условно.

9. Журавская Мария Михайловна, 1913 г. р., уроженка города Одессы, дочь реэмигранта, бывшего кулака, бывшего ресторатора РОПИТа, к моменту ареста студентка Художественного училища, полька, гражданка СССР.

10. Смульский Петр Иванович, 1877 г. р., украинец, уроженец Лозоватой Винницкой области. Прибыл из Франции в 1922 году. К моменту ареста — дневальный теплохода "Куйбышев", студент художественного института.

11. Смульский Николай Иванович, 1895 г. р., уроженец города Одессы, реэмигрант из Франции, к моменту ареста — буфетчик теплохода "Армения", поляк, гражданин СССР.

12. Смульский Марьян Иванович, 1892 г. р., уроженец города Одессы, бывший военный чиновник, реэмигрант из Турции, к моменту ареста камбузный теплохода "Аджаристан", гражданин СССР.

13. Смульская Мария Ивановна, 1902 г. р., уроженка Одессы, русская, домохозяйка.

14. Смульский Франц Станиславович 1867 г. р., уроженец Винницкой области, кулак, имевший 45 десятин земли, ныне ночной сторож, поляк, гражданин СССР.

15. Смульский Генрих Францович, 1905 г. р., уроженец села Королевки Винницкой области, раскулаченный кулак, скрывшийся от высылки, украинец, гражданин СССР.

16. Радольская-Смульская Виктория Эдуардовна, 1905 г. р., урожденная села Белиновки Киевской области, из семьи кулака, домохозяйка, полька, гражданка СССР.

17. Тычинский Флориан Яковлевич, 1871 г. р., уроженец села Вахновки Винницкой области, бывший ресторатор РОПИТа, бывший судовладелец, бывший дворянин, реэмигрант из Константинополя, к моменту ареста без определенных занятий, поляк, гражданин СССР.

18. Тычинский Иван Флорианович, 1899 г. р., уроженец г. Одессы, сын бывшего дворянина-ресторатора, реэмигранта, прибыл из Греции в 1929 году, к моменту ареста — радист парохода "Севастополь", поляк, гражданин СССР.

19. Дерюгин Михаил Иванович, 1906 г. р., уроженец г. Одессы, по профессии артист, певец Оперного театра, русский, гражданин СССР.

20. Макарский Станислав Мартынович, 1907 г. р., уроженец города Одессы, к моменту ареста — токарь завода имени Ленина, поляк, гражданин СССР.

21. Савко Александр Иванович, 1907 г. р., уроженец города Одессы, к моменту ареста заведовал лабораторией комбината связи, арестовывался органами ГПУ за контрреволюционную деятельность в 1930 году, поляк, гражданин СССР.

22. Загичек Иосиф Антонович, 1874 г. р., уроженец Польши (Львов), к моменту ареста — кустарь музыкального мастера, арестован органами ГПУ-НКВД за контрреволюционную деятельность в 1933 году, поляк, гражданин СССР.

23. Янушевский Владимир-Владислав Иосифович, 1894 г. р., уроженец села Вахновки Винницкой области, реэмигрант, украинец, бывший подполковник Деникинской армии, к моменту ареста — старший производитель работ "Ремстройтреста", арестовывался органами ГПУ в 1930 году за контрреволюционную деятельность.

24. Голимбиевский Семен Иосифович, 1894 г. р., украинец, уроженец села Лозоватая Винницкой области, служащий камбузинером теплохода "Украина", гражданин СССР".

Конечно, судьба каждого из расстрелянных по вышеприведенному Польскому списку заслуживает особого внимания. Но, как писал еще Козьма Прутков, "нельзя объять необъятное". Скромные возможности одного человека, ограниченного, прежде всего, данным ему временем, не позволяют сделать работу, охватывающую все 33000 реабилитирован-

ных репрессированных граждан Одессы и Одесской области. Однако автор, изучивший всего уже более 100 архивно-следственных дел примерно за 12 лет работы по линии общества "Одесский мемориал", пользуясь накопленным опытом, не мог не заметить того, что выделить одного репрессированного из общего списка невозможно. Поэтому для описания дела аспиранта института связи Савко А.И. необходимо было познакомиться со всем групповым делом.

Кроме аспиранта Савко А.И. автора заинтересовал еще один репрессированный, согласно приведенного Польского списка расстрелянных, а именно — русский певец Дерюгин Михаил Иванович. Действительно, у любого здравомыслящего человека при рассмотрении списка расстрелянных возникает вопрос: за что мог быть расстрелян по политическим мотивам по вышеуказанному списку репрессированных поляков певец оперного театра? Итак, продолжим изучение данного группового дела, согласно намеченного таким образом плана.

Постановление о начале предварительного следствия по списку обвиняемых было принято 7 августа 1937 года. Уже 2 ноября 1937 года дело было закончено. Вначале было принято постановление об объединении всех дел арестованных по списку обвиняемых в одно дело. Постановление подписали: сотрудник III отдела УГБ УНКВД Горбач, выразил "согласие" начальник III отдела УГБ УНКВД лейтенант государственной безопасности Шнайдер, утвердил постановление заместитель начальника УНКВД по Одесской области капитан государственной безопасности Спектор. Постановлением было "определено", что "перечисленные лица являлись участниками контрреволюционной шпионской организации, созданной в 1930-1931 гг., поддерживали нелегальную связь с Польшей и с иностранными дипломатическими представителями, проводили антисоветскую агитацию, направленную к свержению советской власти" и, согласно справке, входили в Польскую националистическую организацию.

22 августа 1937 года начальник III отдела УГБ УНКВД по Одесской области Бабич рассмотрел материалы о преступной деятельности Савко Александра Ивановича и постановил: начать следствие. Остановимся на этой части группового архивно-следственного дела.

Ордер на арест и обыск по адресу: ул. Франца Меринга, д. № 65, кв. 13, был выписан 23 августа 1937 года. Согласно протокола обыска, в присутствии смотрителя дома Горецкой Татьяны Ивановны были изъяты: письма, каталог измерительных приборов, заметки, записки. При лич-

ном обыске, который проводил уполномоченный некий Подпиев, ничего не было обнаружено.

Вначале было арестовано 10 человек якобы участников националистической контрреволюционной организации, среди которых считались поляками Макарский Станислав Мартынович, Смульский Петр Иванович, который якобы являлся участником польской националистической контрреволюционной группы и якобы имел связь с разведорганами Польши, Смульский Николай Иванович, Смульский Франц Станиславович и украинцы Тычинский Флориан Яковлевич, Янушевский Владимир Исидорович, Голембиовский Семен Иосифович, и русские Дерюгин Михаил Иванович, Смульская (Лихтосина) Мария Ивановна.

Савко А.И. был арестован так же, как и другие, якобы как участник польской контрреволюционной националистической организации, и был привлечен в качестве обвиняемого по ст.ст. 54-1 и "а". А.И. Савко уже арестовывался в 1929 году, но обвинение не предъявлялось, и он был выпущен через месяц после ареста.

Согласно анкетным данным, Савко Александр Иванович родился в рабочей семье 23 апреля 1907 года, поляк, образование высшее, получил специальность инженера-электрика. Жена Елена Иосифовна Загичек, полька, была домохозяйкой. Отец ее был арестован вместе с мужем.

В анкете был указан адрес проживания, который не совпадает с местом ареста и обыска: ул. Толстого, д. № 3, кв. 13. Как уже отмечалось, Александр Иванович Савко был аспирантом института связи. Из протоколов допроса обвиняемых и фактически уже осужденных "по списку" проясняются факты фальсификации обвинения и некоторые подробности жизни арестованных.

20 октября 1937 года был допрошен Макарский Станислав Мартынович, 1907 г. р., уроженец города Одессы, из семьи рабочего, поляк, гражданин СССР, беспартийный, образование низшее. Проживает по улице Франца Меринга, 56, кв. 8. С.М. Макарский при допросе старается отмежеваться от своих знакомых поляков, но это ему не удается.

Допрашивал начальник III отдела НКВД лейтенант государственной безопасности Горбач:

"**Вопрос:** При каких обстоятельствах познакомились с семьей Загичек, Журавской?

Ответ: Демобилизовавшись из Красной Армии в 1932 году, я встретился с моей бывшей соученицей Загичек Еленой Иосифовной, которая вышла замуж за Савко Александра. В качестве знакомого Загичек я посе-

щал семью Журавских, состоящую из двух дочерей: Генуэфы и Марии, мужа первой по фамилии Вигуро Николая и их родителей. На протяжении 1932 года был у них раз 5-6.

Вопрос: Какое политическое лицо у Журавских, Загичек, какова их противосоветская деятельность?

Ответ: Журавские рассматривали меня как поляка, благодаря знакомству через Загичек, видели во мне "своего человека" и в дальнейшем записали меня в свой кружок, представлявший собой группу поляков, патриотической польской молодежи. Там неоднократно велась антисоветская беседа. В кружок патриотов-поляков входили Журавские Генуэфа и Мария, Вигуро Николай, Загичек Елена, Савко Александр, Гржибовский Николай — работает инженером на заводе имени Марти в городе Одессе, Дерюгин Михаил и я. Они проводили среди польской молодежи националистические идеи в духе ненависти к советской власти. Поляки, которые проживали в Польше, часто встречались с Генуэфой и Марией и Загичек Еленой. Поляки, живущие в СССР, считались, по их представлениям, частью единого "Польского" государства.

Вопрос: Какое политическое лицо у родителей Журавских и Загичек?

Ответ: Загичек Иосиф — отец Елены — известен мне с детских лет, с 1918-1919 года. Представляет собой польского патриота в прямом смысле этого слова. Хотел выехать в Польшу. Из рассказов Елены Загичек и Савко мне известно, что их посещали немцы — бывшие колонисты. Семья Загичек имела друга — Шевчука, который уехал в Польшу в 1928 году. С родителями Журавских я близко не знаком".

Несмотря на то, что следствие по делу арестованных УНКВД по Одесской области в августе 1937 года 24 человек, голословно обвиненных в организации антисоветской Польской националистической группы, продолжалось в сентябре и октябре, еще 11 августа 1937 года 23 человека, включая аспиранта института связи Савко А.И., певца оперного театра Дерюгина М.И. были осуждены в порядке Приказа НКВД СССР № 00485 к ВМН (в дальнейшем по ходу дела дата "11 августа" была переделана на "5 ноября". — **В. С.**), и только Смульская М.И. как "соучастница" была осуждена всего лишь к 10 годам ИТЛ. Согласно справке, расстрел "националистической группы" состоялся 5-18 ноября 1937 года. Таким образом, составление протоколов допросов далеко не всех участников этого побоища ни в чем не повинных людей явилось просто подготовкой документации для некого "обоснования" их преступного уничтожения.

Приведем еще выдержки из протоколов допросов. 20 августа 1937 года был допрошен Карл Иосифович Шидловский, 1875 г. р.:

"**Вопрос:** Кто помог вам поехать в Польшу в 1923 году?

Ответ: Я пробрался к Смульскому 1 сентября 1923 года. В 1928 году я ослеп на оба глаза. Я уроженец села Лозоватая Винницкой области, поляк. До революции работал на пароходах "РОПИТ" ресторатором. Имел 50 десятин земли. В 1923 году я вернулся из Польши, проживаю по адресу: улица Гоголя, 1, кв. 1. До 1919 года я находился в Деникинских частях".

Из допросов Шидловской вытекало, что их знакомым является Савко Александр Иванович, его жена Загичек Елена Иосифовна, а также Дерюгин Михаил.

19 сентября начальник III отделения отдела ОУР Горбач допросил в качестве обвиняемого Журавского Михаила Деонисовича, 1876 г. р., уроженца деревни Лозоватая Винницкой области, по национальности поляка, гражданин СССР:

"**Ответ:** До революции я работал камбузинером и ресторатором на корабле "РОПИТ", являюсь реэмигрантом. Арестовывался органами ЧК в 1921 году. С разрешения Советского правительства я в 1921 году приехал на теплоходе "Лазарев" в порт Константинополь, в Турцию, а потом вернулся в Одессу. Мой брат работал в Совторгфлоте. Ныне я служащий на пароходе "Севастополь", беспартийный, не судимый. Женат. Проживаю по адресу: Краснофлотский переулок, д. 11, кв. 10.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы выезжали за границу и каковы обстоятельства вашего возвращения в СССР?

Ответ: В 1919 году при деникинцах я плавал ресторатором и камбузинером на пароходе "Лазарев", принадлежавшем "РОПИТУ". С занятием Одессы большевиками "Лазарев" был переименован в "Севастополь". Пароход участвовал при эвакуации врангелевских частей. В 1920 году я на этом пароходе "Лазарев" приехал в Константинополь — в Турцию. Находясь в Турции, определенных занятий не имел. Потом из Польши вернулся Шидловский, вел со мной беседы о возможном занятии Польшей всей Украины и говорил о духе национального единения.

В 1921 году весной с разрешения Советского правительства я возвратился в Одессу. Здесь был в течение 5-6 дней, после чего поступил работать на пароходы Совторгфлота.

Одновременно со мной выезжал за границу и возвратился мой брат Журавский Августин, плавающий ныне на пароходе "Расин". Мы через

моего родственника Малишевского Владимира Владиславовича, который жил по адресу: Военный спуск, № 8, кв. 1, передавали деньги родственникам в Варшаву.

Вопрос: Кого из родственников вы знаете за границей, что известно о их деятельности и общественном положении?

Ответ: В Варшаве проживают мои двоюродные братья по фамилии Смульские. Со слов моего двоюродного брата Шидловского Давида Иосифовича, посещавшего Смульских в Варшаве перед нелегальным приходом Шидловского из Польши в УССР, мне известно о них следующее: Смульский Стефан Карлович известен мне как бывший офицер 16 Стрелкового полка Польской армии, находился в Одессе, занимает ныне в Варшаве пост председателя "Союза классов".

Смульский Вовгиснен Карлович, бывший ксендз города Липовиц, служит ксендзом в Варшаве. Смульский Антон Карлович, бывший пристав, околоточный надзиратель Бульварного участка города Одессы, занимается земледелием.

Из рассказов Шидловского мне известно, что Шидловский перешел границу из Польши в УССР при содействии неизвестных мне лиц.

Вопрос: С какой целью они прибыли из Польши в УССР?

Ответ: По рассказам Шидловского, с целью объединения польских националистов с украинскими с целью будущего господства и процветания "великой Польши" и о сохранении среди поляков националистического духа и националистического объединения. Разделяя взгляды Шидловского, я их распространял при дальнейших беседах с окружающими. Идеи я распространял через своих дочерей, которые были знакомы с польской молодежью. Я намеревался отправить их в Польшу к своим родственникам.

Вопрос: Следствию известно, что вы старались нелегально отправить в Польшу своих дочерей — Марию и Геноэфу.

Ответ: В 1932-1933 годах я намеревался отправить своих дочерей в Польшу для того, чтобы они могли устроить свою личную жизнь вне Советского Союза. Этим должен был заниматься Смульский Антон Карлович. Кроме того, отправка семьи не была выполнена, так как не было средств, не были известны адреса Смульских.

Вопрос: Следствию известно, что вы предлагали вашу дочь Марию нелегально отправить за границу на пароходе.

Ответ: Отправить хотел своих дочерей из-за плохой жизни в СССР.

Вопрос: Кто из польской молодежи знаком с вашими дочерьми?

Ответ: Загичек Елена Иосифовна, жена Савко, Савко Александр, Втовский Петр, Дерюгин Михаил и др.

Вопрос: По показаниям Шидловского и др. вы изобличаетесь в том, что, имея общение с политической молодежью, распространяли среди них польские националистические идеи. Признаетесь ли вы в этом?

Ответ: Я не излагал перед ними польских идей, в основном, они находились под влиянием моих дочерей".

Допрос Вигуро-Герман (стр. 223-232 дела) состоялся 20 сентября 1937 года. Допросил начальник III отделения Особого отдела Горбач:

"Вигуро-Герман Геноэфа Михайловна 1908 г. р., полька, артистка, адрес: Краснофлотский переулок, 11, кв. 10, до ареста училась в Театральном училище.

Вопрос: Каковы ваши политические взгляды?

Ответ: Воспитание я получила в религиозной польской семье. Особое влияние на меня имели проповеди ксендза Ашенверга. Большое влияние имело окружение польской молодежи. Особое влияние имел на меня брат моего отца Карл Шидловский по поводу сравнения жизни в СССР и Польше. К группе принадлежали: Станислав Макарский, Александр Савко, Вигуро-Герман Николай Бернардович. Между нами происходили беседы на политические темы, которые вселяли ненависть к положению, существующему в СССР. Говорилось о возможной оккупации Польшей Украины. Это высказывалось моим мужем Вигуро-Германом Николаем.

Вопрос: Каковы ваши намерения выехать за границу?

Ответ: Я и моя сестра Мария имели намерение выехать нелегальным путем в Польшу. В 1932-1933 году нашу семью посетили итальянские моряки, в частности, капитан теплохода "Евиринада", фамилию которого я не помню. При одном посещении капитана в присутствии моей сестры Марии и нашей матери мы по моей инициативе просили капитана теплохода провезти за границу мою сестру Журавскую Марию, но капитан отказался.

Вопрос: Кто из числа окружающих хотел выехать за границу?

Ответ: Мне известно, что в Польшу хотела выехать Загичек-Савко Елена Иосифовна — жена Савка Александра Ивановича, о которой я давала показания.

Вопрос: Что вам известно о выезде в Польшу Загичек?

Ответ: Она хотела выехать со своей семьей. Она ездила в Москву и обращалась в польское посольство. Это было около пяти лет тому назад".

Рассмотрим протокол допроса Вигуро-Герман Николая Бернардовича. Допросил начальник III отделения Особого отдела Горбач:

"Вигуро-Герман Николай, 1906 г. р., уроженец города Одессы, поляк, беспартийный, образование среднее, техник-механик Станко-инструментального завода имени XVI Партсъезда, в 1930 году был осужден к трем годам условно.

Вопрос: В каких контрреволюционных группировках вы участвовали?

Ответ: Я был членом молодежной Польской организации, в состав которой входили:

Загичек Елена, Макарская Елена, Гржибовский Николай. Макарский Станислав, Вигуро-Герман и др. Перечисленные лица представляли контрреволюционную польскую молодежь.

Вопрос: Какую контрреволюционную деятельность вы проводили?

Ответ: Я много вращался в кругу этой молодежи, высказывал свое мнение, недовольство существующим строем. Я высказывался по следующим вопросам:

1). Политика коллективизации крестьянского хозяйства;

2). По поводу хозяйственного строительства и пятилетнего плана;

3). Высказывался по поводу Польши и Германии, сравнивая политику СССР и Германии, говорил, что немцам удалось отстоять свою страну от революции и установить порядок. Если бы у нас не было революции, то Россия была бы как Германия.

В беседе с участником группировки Савко Александром, Загичек Еленой и др. я также высказывал свое мнение.

Вопрос: Какую контрреволюционную деятельность проводили остальные участники группировки?

Ответ: Моя жена Вигуро-Герман разделяла мои политические взгляды, а также Загичек Елена, Савко Александр Иванович и др.

Вопрос: Какая вами проводилась диверсионная деятельность подрывного характера?

Ответ: Никакой диверсионной деятельности я не проводил.

Вопрос: По показаниям вашей жены, вы говорили с ней о подрывной деятельности.

Ответ: Я говорил с ней о подрывной деятельности, которая проходила в Красной Армии, но сам я этих подрывных действий не проводил".

Рассмотрим протоколы допросов певца оперного театра Дерюгина М.И. Допрашивал начальник отдела лейтенант милиции Горбач. На допросе 13 октября 1937 года Дерюгин Михаил Иванович 1906 г. р., проживавший по адресу: Одесса, ул. К. Маркса, 2, кв. 22, русский, сведений о судимости нет, гражданин СССР, показал:

"**Вопрос:** С кем из польской молодежи вы знакомы?

Ответ: С 1930-1931 года я знаком со следующими лицами: с сестрами Журавскими, Загичек Еленой, Макарским Станиславом, Макарской Еленой и др.

Вопрос: Как часто вы встречались с ними и о чем говорили?

Ответ: Встречался с ними на квартире на вечеринках у Журавских, на квартире у Макарского Станислава, на ул. Ф. Меринга, дом № 4.

Вопрос: Какие политические взгляды у данной группы?

Ответ: На политические темы с данной группой мне говорить не приходилось.

Вопрос: Не было ли случаев контрреволюционных бесед и контрреволюционной агитации?

Ответ: В моем присутствии не было никаких контрреволюционных бесед.

Вопрос: Какую контрреволюционную деятельность вы вели?

Ответ: В моем присутствии не было никаких контрреволюционных бесед.

Вопрос: Какую контрреволюционную деятельность вели вы?

Ответ: Никакой контрреволюционной работы я не вел".

На допросе 14 октября 1937 года Дерюгин М.И. показал:

"**Вопрос:** Следствие установило, что группа известных вам лиц: Журавские Мария и Геноэфа, Станислав Макарский и др. являются контрреволюционной группой. К этой группе относитесь и вы лично. Следствие требует от вас откровенности и показаний.

Ответ: О том, что перечисленные лица относятся к контрреволюционной группе, я не знал и в их контрреволюционной деятельности не участвовал.

Вопрос: Знакомы ли вам показания арестованных Станислава Макарского, Вегуро Николая, Вегуро Константина, сестер Журавских о том, что эта группа проводила контрреволюционную деятельность, и что вы являетесь членом этой группы? Следствие требует, чтобы вы были откровенны.

Ответ: По-прежнему утверждаю, что в группе я не вел никакой контрреволюционной деятельности".

Больше Дерюгин М.И. не допрашивался. Несмотря на отказ от обвинения, М.И. Дерюгин не был исключен из "Польского списка", и его постигла общая участь.

Судьба аспиранта ОЭИС Савко А.И. была определена отдельной, "совершенно секретной" справкой (страница 424 архивно-следственного дела), в которой сказано:

"Решением Народного комиссара внутренних дел СССР Савко А.И. осужден в порядке приказа НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 года и Прокурора СССР (протокол № 171 от 26 октября 1937 года) по 1-й категории. Приговор приведен в исполнение 29 ноября 1937 года".

Справка была подписана старшим лейтенантом государственной безопасности Альпериным.

Такая же справка определила судьбу и Дерюгина Михаила Ивановича: "Решением Народного комиссара внутренних дел СССР и Прокурора области СССР (протокол 17 от 36 октября 1937 года) Дерюгин Михаил Иванович осужден в порядке приказа НКВД СССР № 00486 от 11 августа 1937 года по 1-й категории (ВМН. — **В. С.**). Приговор приведен в исполнение 05.11.1937 года". И эта справка была подписана помощником начальника I спецотдела НКВД УССР старшим лейтенантом государственной безопасности Альпериным.

Как показывают материалы других архивно-следственных дел, расстрел обычно производился в день вынесения приговора "по 1-й категории". В противном случае, по-видимому, могла произойти путаница между осужденными и не осужденными, что также иногда имело место. Именно поэтому в одном месте дела сказано, что арестованные были расстреляны в промежутке 5-18 ноября 1937 года, а в другом, что Савко А.И. был расстрелян 29 ноября, а на самом деле, вероятно, значительно раньше.

Конечно, когда от арестованных отцов, мужей, братьев и сестер перестали поступать сведения, родственники начали писать письма с просьбой об их помиловании, пересмотре дел.

Уже 3 июня 1941 года заместитель областного прокурора по спецделам Стрюк сообщал о причине отказа в пересмотре дела С.М. Макарского:

"На допросе Макарский показал, что в указанный в деле кружок шовинистически настроенных поляков входили: Журавская Г., Журавский М., Вигуро Г.М., Загичек Е.И., Савко А.И., Гржибовский Н., Дерюгин М. и я,

Макарский С.М. Эти люди среди польской молодежи проводили работу по распространению националистической идеи, направленной к внедрению в сознание мысли о неизбежности оккупации Польшей Украины и к воспитанию молодежи в духе ненависти к советской власти.

Таким образом, не усматривая мотивов к пересмотру дела, так как предъявленное обвинение Макарскому доказано показаниями обвиняемых Вигуро-Герман Г.М. и Вигуро-Герман Н.Б., а также признанием своей вины обвиняемым Макарским, постановил: наблюдательное производство по делу прекратить и как необоснованное отклонить".

Мать Савко А.И., ничего не зная о его судьбе, обратилась с жалобой Прокурору СССР, в которой просила пересмотреть его дело, ссылаясь на то, что сын ее преступлений не совершал. Прокурор Стрюк и по этому письму принял специальное постановление от 4 июня 1941 года:

"Заместитель областного прокурора по спецделам Стрюк, рассмотрев в порядке надзора архивное дело № 46326 по обвинению Савко Александра Ивановича, 1907 г. р., уроженца г. Одессы, поляка, гр. СССР, инженера-электрика, а также Шидловского Петра Карловича, 1917 г. р., поляка, беспартийного, грамотного, по специальности медик, нашел: Савко и Шидловский 26 октября 1937 года Комиссией НКВД СССР осуждены за то, что являлись участниками Польской группы, созданной по заданию Варшавского руководства "Союза классов".

Не усмотрев мотивов к пересмотру дела, постановил: наблюдательное производство по делу прекратить, жалобы, как необоснованные, отклонить".

Между прочим, термин "*Союз классов*" в постановлении Стрюка появился впервые.

Прошли годы. Оставшаяся одна в живых из двадцати четырех человек, арестованных по злодейскому приказу с целью механического уничтожения, Смульская М.И., 1902 г. р., решила в 1954 году добиваться снятия с себя судимости, поскольку чувствовала себя совершенно невиновной. Конечно, у Смульской Марии Ивановны было огромное преимущество перед остальными двадцатью тремя осужденными в 1937 году: она единственная оказалась живой и могла засвидетельствовать самостоятельно свою невиновность. Что касается остальных расстрелянных, то на них можно было "валить" все что угодно. Именно поэтому между реабилитацией Смульской М.И. и остальных осужденных по данному делу прошло несколько лет.

Сначала заявление Смульской Марии Ивановны, направленное в Президиум Верховного Совета СССР, в котором она указывает, что в 1937 году была осуждена необоснованно и просит снять с нее судимость, было отклонено.

Следуя обзору документов дела, отметим, что 12 декабря 1953 года "заместитель начальника I отделения I специального отдела УМВД Одесской области майор Кашковский, рассмотрев архивное дело № 0222946 и материалы проверки по заявлению Смульской Марии Ивановны, нашел:

Смульская Мария Ивановна, 1902 г. р., уроженка города Одессы, русская, беспартийная, гражданка СССР, без определенных занятий, проживает в городе Раздельная по улице Шевченко, 40.

В сентябре 1937 года органами УНКВД по Одесской области была ликвидирована шпионская Польская националистическая организация, возглавляемая бывшим эмигрантом Шидловским Карлом Иосифовичем, имевшем связь с антисоветской организацией в Польше "Союзом классов", который проводил разведывательную деятельность в Советском Союзе. Участники указанной организации имели в своем составе лиц, занимавшихся контрабандой и осуществлением нелегальных передач корреспондентов от участников этой антисоветской организации.

В состав этой организации входила Смульская М.И., ее муж Смульский Н.И. и другие — всего 24 человека, из которых 23 человека решением Народного комиссара внутренних дел СССР и Прокурора СССР (протокол № 171) от 26 октября 1937 года осуждены в порядке Приказа НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 года к ВМН, а Смульская М.И. как соучастница осуждена к 10 годам ИТЛ.

Срок наказания Смульская отбывала в Карагандинском ИТЛ МВД СССР и освобождена 29 сентября 1947 года по отбытии срока наказания. С 6 ноября 1948 года по 1953 год Смульская работала с перерывами, меняя места работы, и находилась на иждивении дочери.

Полагал бы: Смульской М.И. в просьбе о снятии судимости отказать".

Принятое заключение было подписано заместителем начальника I отделения I специального отдела УВД майором Кашковским, санкционировано прокурором Одесской области Лущаенко и утверждено начальником УМВД по Одесской области полковником Тихоновым.

Казалось бы, что решение принято как бы "единогласно". Но Мария Ивановна Смульская продолжала писать жалобы. И вот появляется в апреле 1954 года совершенно другое заключение:

"Я, начальник отдела УМВД по Одесской области, старший лейтенант Коваль, рассмотрев архивное дело № 0222946 и материалы проверки по заявлению Смульской М.И., нашел: в Президиум Верховного Совета СССР от Смульской М.И. поступило заявление, в котором она указывает, что в 1937 году была осуждена необоснованно и просит снять с нее судимость.

Как показали арестованные по делу лица и сама Смульская, она явилась женой соучастника якобы шпионской организации. Однако каких-либо доказательств причастности Смульской к антисоветской деятельности не имеется. Арестованный Журавский в отношении Смульской показал только то, что она известна ему как женщина легкого поведения, которая в Одессе имела дела с иностранными моряками.

Смульская М.И. не признала себя участницей антисоветской организации.

Таким образом, установлено, что Смульская арестована в 1937 году необоснованно. После снятия срока Смульская занималась общественно-полезным трудом.

Полагал бы: ходатайство Смульской М.И. удовлетворить, судимость с нее снять".

Заключение было подписано начальником отдела УВД по Одесской области старшим лейтенантом Ковалем, с ним согласился заместитель начальника УНКВД по Одесской области подполковник Харитонов и утвердил начальник I отдела УВД по Одесской области полковник Погорелый.

Снятие судимости, то есть реабилитация Смульской М.И., видимо, всколыхнула как судебные инстанции, так и родственников осужденных в 1937 году оставшихся двадцати трех граждан. Судебным инстанциям снова пришлось пересматривать неправедные приговоры всех двадцати четырех арестованных по делу. Ведь уже тогда всем было ясно, что 24 приговоренных в 1937 году "виноваты в одинаковой мере", то есть на самом деле ни в чем не виноваты.

28 октября 1954 года начальнику Управления КГБ при СМ СССР по Одесской области товарищу Куварзину А.И. было возвращено архивно-следственное дело № 0222946 по обвинению 24 осужденных в 1937 году, кроме Смульской М.И., в отношении которой уже было вынесено заключение УМВД по Одесской области со следующим предписанием:

"Возвращаем Вам архивно-следственное дело № 0222946 по обвинению Шидловского К.И., Журавского Н.Д., Макарского С.М., Смульской М.И. и других, всего 24 человека, кроме Смульской М.И.

По настоящему делу к уголовной ответственности, кроме

М.И. Смульской, было привлечено еще 23 человека, правильность осуждения которых также подлежит проверке. Однако заключение вынесено только в отношении одной М.И. Смульской.

Поэтому прошу Вас дать указание о тщательной проверке материалов дела и вынесения заключения в отношении всех лиц, осужденных по этому делу. Приложение: архивно-следственное дело № 0222946 и материалы о снятии судимости на Смульскую М.И.".

Но вначале, как это было и со Смульской М.И., советская Фемида не могла признать своего преступления в отношении 23 невинно расстрелянных человек, и в новом заключении было решено реабилитировать лишь часть осужденных "по 1-й категории" людей. Однако в числе "прощенных" следователями уже УКГБ (ранее НКВД) аспиранта института связи Савко Александра Ивановича не было. Еще одна удивительная особенность данного документа заключается в том, что приказ НКВД о расстреле 23 осужденных граждан от 11 августа 1937 года заменяется на приказ уже от 5 ноября 1937 года. Конечно, 5 ноября 1937 года более подходит ко времени прошедшего так называемого "следствия". Но такая подмена чисел еще раз определенным образом характеризует все так называемое следствие в целом.

Итак, в новом заключении, появившемся в конце 1954 года, уже по всем осужденным по данному делу гражданам, а не только по Смульской М.И., было сказано следующее:

"Я, старший следователь отдела УКГБ при СМ УССР по Одесской области подполковник Катышев, рассмотрев материалы архивно-следственного дела № 0222946 по обвинению

1. Шидловского Карла Иосифовича, 1875 г. р., поляка, гражданина СССР, до ареста работал поваром на теплоходе "Молдавия", в прошлом кулак, имевший 50 десятин земли, перебежчик из Польши, арестовывался три раза органами УГБ,

2. Шидловского Петра Карловича 1917 г. р., поляка, уроженец села Лозоватая, гражданин СССР, беспартийный, до ареста работал медиком, бывший ресторатор "РОПИТа",

3. Шидловской Стефании Андреевны, 1888 г. р., полька, урожденная Винницкой области, до ареста проживала в городе Одессе, из семьи кулака,

4. Шидловской Юзефы Эразмовны, 1875 г. р., полька, уроженка села Канашевка Винницкой области, из семьи кулака,

5. Журавского Михаила Деонисовича, 1876 г. р., (поляк, но по справке — украинец) уроженец села Лозоватая Винницкой области,

6. Вигуро-Герман Геноэфы Михайловны, 1908 г. р., полька,

7. Вигуро-Герман Николая Бернардовича, 1906 г. р., поляка,

8. Журавской Марии Михайловны, 1913 г. р., полька,

9. Савко Александра Ивановича, 1907 г. р., поляк, уроженец города Одессы, гр. СССР, беспартийный, до ареста работал инженером Института связи, аспирант (?),

10. Дерюгина Михаила Ивановича, 1906 г. р. русский, беспартийный,

11. Макарского Станислава Мартыновича, 1907 г. р., поляк,

12. Загичека Иосифа Антоновича, 1874 г. р., уроженец Львова, работал столяром у музыкального мастера, поляк,

13. Журавской Марии Матвеевны, 1883 г. р., полька,

14. Тычинского Ивана Флориановича, 1899 г. р., поляк, радист парохода "Севастополь",

15. Тычинского Флориана Яковлевича, 1871 г. р., поляк,

16. Янушевского Владислава Иосифовича, 1894 г. р., украинец,

17. Голимбиевского Семена Иосифовича, 1894 г. р., украинец, уроженец Винницкой области,

18. Смульского Петра Ивановича, 1877 г. р., украинец, матрос теплохода "Куйбышев", студент Художественного института,

19. Смульского Марьяна Ивановича, 1892 г. р., украинец, матрос теплохода "Аджаристан",

20. Смульской Марии Ивановны, 1902 г. р., русская,

21. Смульского Генриха Францевича, 1905 г. р., украинец, раскулаченный кулак,

22. Смульского Николая Ивановича, 1895 г. р., поляк, бухгалтер парохода "Армения",

23. Смульской-Радольской Виктории Эдуардовны, 1905 г. р., полька, из семьи кулака,

24. Смульского Франца Станиславовича, 1867 г. р., поляк,

нашел: Шидловский К.И. и другие указанные выше лица 1 августа 1937 года были арестованы УНКВД по Одесской области как участники антисоветской Польской националистической группы и по тем же основаниям по постановлению Прокурора и Наркома внутренних дел СССР от 26 октября и 5 ноября 1937 года, за исключением Смульской Марии Ивановны, 5-18 ноября 1937 года были подвергнуты расстрелу.

Савко Александр Иванович (и не только он, а и, например, певец оперного театра М.И. Дерюгин. — **В. С.**) свое участие в антисоветской группе на следствии отрицал.

Показания арестованных Макарского С.М., Вигуро-Герман Г.М., Вигуро-Герман Н.Б. изобличают Савко А.И. в том, что он входил в состав антисоветской группы, являвшейся ячейкой националистической организации, созданной Шидловским К.И. Показания указанных лиц свидетельствуют о том, что Савко А.И. принимал участие в антисоветских сборищах группы, на которых велись контрреволюционные националистические разговоры о необходимости борьбы с советской властью на стороне фашистской Польши и Германии, которые Савко А.И. разделял.

В отношении Шидловской Ю.Э., Янушевского В.И., Тычинского Ф.Я., Смульской М.И., как видно из материалов дела о их причастности к контрреволюционной националистической деятельности, было собрано недостаточно, а поэтому решение прокурора и наркома от 26 октября и 5 ноября 1937 года в отношении их было вынесено необоснованно.

На основании изложенного полагал бы:

Просить Генеральную Прокуратуру СССР войти с протестом в Верховный Суд Союза ССР об отмене решения Прокурора СССР и Наркома внутренних дел от 5 ноября 1937 года в отношении Смульской М.И., Янушевского В.И. и от 26 октября 1937 года в отношении Шидловской Юзефы Эразмовны, Тычинского Флориана Яковлевича, а в отношении остальных из перечисленного списка, включая Савко А.И., оставить в силе.

Архивно-следственное дело № 000222946 на основании заключения от 31 декабря 1954 года направить в Военную прокуратуру Одесского военного округа".

Документ подписали старший следователь УКГБ при СМ УССР по Одесской области Фишман, начальник следственного отделения УКГБ при СМ УССР по Одесской области Гришанов.

Очевидно, дискуссия по поводу группового дела не успокоилась. Об этом говорят постановления, которые принимал в дальнейшем следователь УКГБ при СМ УССР Катышев, в которых он опять "уличал" в преступлениях А.И. Савко и других. Однако и этот следователь, в конце концов, убедился в фальсификации этого так называемого дела после допроса свидетелей событий тех лет, которые показали истинную картину происшедшего и происходивших разговоров между действующими лицами, получившейся характерной трагедией по советскому эталону.

14 января 1957 года старший следователь отделения УКГБ по Одесской области Катышев допросил в качестве свидетеля Горецкую Татьяну Ивановну, 1889 г. р., уроженку села Никополь Запорожской области, русскую, про-

живает по улице Франца Меринга, 65. Сравнивая документы, можно было заметить, что Горецкая Татьяна Ивановна была смотрителем дома, когда происходил арест Савко Александра Ивановича, и присутствовала при обыске в квартире, в которой он проживал на улице Франца Меринга, 65.

Протокол допроса содержал следующее:

"**Вопрос:** Знаете ли вы Савко Александра Ивановича?

Ответ: Знала его как соседа по квартире, общалась с ним как с соседом.

Вопрос: Вам известно, как Савко Александр характеризовался по своему поведению?

Ответ: Савко А.И. работал где-то в Одессе инженером. В нашем доме он жил с женой и ребенком. Поведения он был скромного. Ничего плохого я за ним никогда не замечала.

Вопрос: Кто из старых соседей может характеризовать Савко, кроме вас?

Ответ: В настоящее время из старых жильцов, кроме меня, кто бы мог знать Савко, никого не осталось".

24 апреля 1957 года тот же следователь Катышев допросил вдову расстрелянного аспиранта Савко А.И. — Загичек Елену Ивановну, 1909 г. р., проживает на Среднефонтанской, беспартийная, полька, образование 7 классов, нигде не работает, одинока, из рабочих, была на оккупированной немцами и румынами во время войны территории.

Из ответов Загичек следует, что в 1937 году пострадал и ее отец, но по данному делу он, казалось бы, не проходил, так как на вопрос следователя "Кем вам приходится Загичек Иосиф Антонович?" был ответ: "Это мой родственник. В 1937 году он был арестован в городе Одессе". Несложный анализ говорит о том, что у вдовы Савко А.И. Загичек были основания скрывать, что расстрелянный вместе с мужем Загичек Иосиф Антонович, 1874 г. р., был ее отцом. Во-первых, во время ареста мужа Загичек фигурировала в документах как Елена Иосифовна Загичек, что соответствует имени дочери арестованного. Во-вторых, Е.И. Загичек должна была понять, что арестованные ни в чем не виноваты, и их осуждение связано, если сопоставить факты, только с национальной принадлежностью к полякам.

Именно поэтому она стала называться Еленой Ивановной и побоялась признаться, что она дочь Загичека Иосифа Антоновича. Конечно, такие заключения нуждаются в дальнейшем документальном подтверждении.

Приведем последующую часть допроса Е.И. Загичек от 24 апреля 1957 года. Следователь продолжает спрашивать о Загичеке Иосифе Анто-

новиче, который, по нашему предположению, был отцом свидетельницы — вдовы аспиранта Савко А.И.:

"**Вопрос:** Что вам известно о преступной деятельности И.А. Загичека?

Ответ: Со слов моих родственников, он воспитывался как сирота.

Вопрос: Поддерживал ли он связь с Польским консульством, Польским представительством в СССР?

Ответ: Как мне известно, никто из моих родственников не имел желания выезжать из СССР. В Польше проживали сестры матери. Мне не известно о какой-либо связи с ними. Мне не известно о какой-либо связи матери или отца с Польским консульством.

Вопрос: Не посещали ли вы в 1932 году Польское консульство в Киеве за разрешением выезда в Польшу?

Ответ: В городе Киеве я никогда не была, и никаких поручений отец мне не давал.

Вопрос: Кем вам доводится Савко Александр Иванович?

Ответ: Он является моим мужем. В 1937 году он был арестован в городе Одессе органами одновременно с отцом. До ареста Савко А.И. работал в Одесском институте связи преподавателем.

Вопрос: Были ли у Загичека И.А. и Савко А.И. знакомые Шидловский Карл Иосифович и Журавский Михаил Деонисович?

Ответ: Журавский М.Д. являлся отцом моей подруги Геноэфы. Вместе с ней я училась в школе. Через меня с ней был знаком и мой муж Савко А.И. Знала также ее сестру Марию, а также мужа Геноэфы Николая, который работал где-то техником. Журавский М.Д. работал буфетчиком на пароходе.

Вопрос: Знали ли вы Макарскую Елену Станиславовну, Макарского Станислава Мартыновича, Дерюгина Михаила Ивановича?

Ответ: Макарская Елена была моей школьной подругой. Через нее я знала ее брата Станислава. Дерюгин Михаил мне не известен.

Вопрос: Знали ли вы об антисоветской националистической польской организации?

Ответ: Об антисоветской организации мне не было ничего известно, я ничего не знала.

Вопрос: Какие велись разговоры, когда вы собирались вместе с Марией, Геноэфой, ее мужем Николаем, с Савко Александров Ивановичем, Макарской Еленой и ее братом Станиславом?

Ответ: Подобных случаев я не знаю, и сама я не участвовала. Единственным случаем, когда мы собирались, это была свадьба у Журавских.

Тогда свадьба была у Геноэфы и Николая Вигуро-Герман, но никаких разговоров НЕ БЫЛО".

После таких показаний и старший следователь отдела УКГБ при СМ УССР по Одесской области майор Катышев, который до 1957 года принимал постановления, подтверждающие обвинения 1937 года о том, что Шидловский К.И. — "польский шпион и перебежчик", а "Журавский М.Д., Савко А.И. и другие (всего 24 человека, тогда еще живые люди) якобы являлись участниками антисоветских разговоров", убедился в их невиновности и явной недоказанности обвинения "по 1-й категории".

Итак, после многолетних сомнений Военный трибунал Одесского военного округа 23 ноября 1958 года вынес протест в порядке надзора по делу Смульской М.И. и др. — всего 24 человека, в котором говорилось: "На основании Постановления комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР от 5 ноября 1937 года и Постановления Особого совещания при НКВД СССР от того же числа была заключена на срок 10 лет ИТЛ Смульская М.И.

Другие подверглись расстрелу (приводится список 23 расстрелянных в ноябре 1937 года. — **В. С.**). Вина как Смульской М.И., так и других материалами дела не доказана, и все они были осуждены необоснованно. На основании этого прошу:

Постановление Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР и Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 5 ноября 1937 года (автор уже отмечал, что в начале дела вместо числа "5 ноября" фигурировало "11 августа". — **В. С.**) отменить, и дело против ВСЕХ ОСУЖДЕННЫХ прекратить за недоказанностью обвинения.

Приложение: Архивно-следственное дело № 000222946 в 2-х томах".

Протест подписал Главный военный прокурор подполковник юстиции Горный.

В дальнейшем протест был удовлетворен всеми судебными инстанциями. Так аспирант А.И. Савко ПО СПИСКУ был осужден и расстрелян в ноябре 1937 года и ПО СПИСКУ из 24 человек был реабилитирован в 1958 году "за недоказанностью обвинения в преступлении", которого на самом деле не было вовсе. Такая же судьба постигла еще 23 невинно осужденных.

Автор выражает благодарность своей супруге Янине Смирновой (Поржезинской) за помощь в изучении материалов дела в Архиве УСБУ.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Четыре угла

Угол первый. "Я к вам пишу — чего же боле?"

От редакции. *Первые четыре номера нашего альманаха (год рождения — 2000) открывались небольшими, но удивительно емкими замечательными очерками известного краеведа Ростислава Александрова о четырех углах двух легендарных одесских улиц, Дерибасовской и Ришельевской. Эти первые номера альманаха спустя 10 лет стали библиографической редкостью, и мы вновь публикуем эти материалы для новых читателей.*

Улица — элемент городской структуры. И подобно тому, как каждая клеточка организма содержит его генетический код, каждая улица в своей истории содержит нечто специфичное для города, коему она принадлежит. На перекрестках двух улиц их история, резонируя, создает "мемориальное поле" такой напряженности, что, только ступи сюда, как оно пронзит тебя, генерируя в памяти не только давно забытое, но, казалось, никогда не ведомое.

И если это относится к каждому перекрестку, то что уже говорить о таком, как Дерибасовская угол Ришельевской... Здесь отдает негромкой прелестью Пушкинской, изяществом Ланжероновской, искрометностью Дерибасовской, респектабельностью Ришельевской, а вокруг "годовыми кольцами" отложилась веселая, печальная, мудрая, бестолковая, трагичная, счастливая и неповторимая двухсотлетняя история прекрасного города. Доказать это можно только рассказами о каждом доме на Дерибасовской угол Ришельевской и самим содержанием альманаха "Дерибасовская — Ришельевская", дай ему Бог, как говорили в Одессе, "здоровья, счастья и немножко деньгами".

Александр Сергеевич Пушкин пробыл в Одессе тринадцать месяцев, но освятил своим именем не только эпоху в жизни города, но историю отдельных улиц и даже домов. Более того, не будучи связанными с воспоминаниями о поэте, некоторые из них и вовсе не привлекли бы внимание краеведов. Примером — дом на Дерибасовской, 10, он же на Ришельевской, 3, потому что располагается аккурат на этом знаменитом углу. При Пушкине здесь был самый большой дом тогдашней Одессы, занимавший квартал Ришельевской от Ланжероновской до Дерибасовской и по ней еще протянувшийся на изрядное расстояние. Этот дом построил командующий сухопутными войсками в крае генерал-поручик князь Г. Волконский, второй после де Рибаса человек в новорож-

денном городе. Он получил разрешение на строительство за несколько дней до 22 августа 1794 года — официальной даты основания Одессы, и, скорее всего, в этот день состоялась церемония закладки дома. И можно представить, как де Рибас поднял фужер с искрящимся под южным солнцем шампанским, обвел собравшихся озорным сияющим взглядом — знай, мол, наших! — осушил его, грохнул о рыжую глинистую землю Хаджибея, к которой только что прикоснулась лопата строителя, и его примеру последовал князь. А двести один год спустя при раскопках на этом памятном месте писатель Олег Губарь и археолог Андрей Добролюбский обнаружили в закладной нише под фундаментом дома... два разбитых фужера.

От Волконского дом перешел к консулу Французской республики в Одессе негоцианту Жану Рено, который несколько перестроил его и разместил весьма потребные молодому городу заведения. На углу Ланжероновской появилось казино, удостоившееся чести попасть в "одесскую главу" "Евгения Онегина" —

Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino...

Помимо этого, как приличествовало набиравшему торговую мощь портовому городу, разместилась здесь "Биржевая зала", которую, кроме основного назначения, использовали для устройства балов — новогодних, "маскерадных" и прочих, коих давали не менее шести раз на месяц, да демонстрации различных диковин вроде "собрания живых змей блистательной красоты". А поближе к Дерибасовской, на втором этаже дома, была гостиница, в "четырнадцатом нумере" которой прошло большинство одесских дней Пушкина, и изящной его скорописью ложились на бумагу строфы "Евгения Онегина", в том числе неповторимое "Я к вам пишу — чего же боле?". И в этом же доме Пушкин бражничал с друзьями, вольготно расположившись в ресторации у Цезаря Отона, коему выпала счастливая судьба остаться в "одесской главе" "Евгения Онегина":

Шум, споры — легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном.

До середины 1830-х годов гостиница в доме Рено была самой престижной и благоустроенной, в которой, не в пример другим, имелась даже "публичная баня, заведение столь же приятное, сколько и полезное...", где "можно будет принимать во всякое время от утра до вечера теплые и прохладные бани в пресной или морской воде...". Похоже, это были первые

морские ванны, ставшие потом той специфичной черточкой Одессы, о которой Илья Ильф написал, что "когда все в Одессе разрушится, морские ванны по-прежнему будут сиять и переливаться светом...". В Одессе еще не все разрушилось, но общедоступные морские ванны, подобные тем, что были на 10-й станции Большого Фонтана, уже обернулись не всем доступным воспоминанием.

В разные годы в доме Рено размещался "прокат маскерадных костюмов" Куртмановского, магазин "галантного товара" Герана — фарфор, лампы, рамы, искусственные цветы; винный погреб Виноградова с продажей разнообразных добрых и дешевых вин — один из предков впоследствии типичных для Одессы, разбросанных по всему городу заведений, еще памятных землякам моего возраста и пристрастий.

А когда на месте дома Рено построили принадлежавшее старинному одесскому купцу Стиффелю новое здание, винный погреб уступил место фешенебельному "магазину иностранных вин", а хозяин купно с братом перевели сюда свой Торговый дом, вошедший в историю коммерческой Одессы. В художественной же истории города остался квартировавший в доме Стиффеля карикатурист итальянец Треско, который создал целую галерею портретов своих современников потому, что, по словам летописца старой Одессы Александра де Рибаса, отличался тем, что "после посещения светских вечеров он все свои впечатления рассказывал друзьям в рисунках". В числе обитателей дома Стиффеля пребывал и присяжный поверенный с привлекательной или, наоборот, отпугивающей подзащитных и обвиняемых фамилией Шухер.

Исай Шухер сохранял верность "Дерибасовской угол Ришельевской" много десятилетий, только, как говорится, "без шухера" покидал его на то время, пока на месте дома Стиффеля возводил доныне стоящий респектабельный четырехэтажный с мансардой и массивным эркером дом страхового общества "Россия". Под стать дому это было солидное предприятие с центром в Петербурге и наличным капиталом около 100 миллионов "тех" рублей, которое никогда не горело в прямом да переносном смысле и осуществляло страхование жизни, транспортных средств, движимого, равно как недвижимого имущества, и даже "стекол и зеркал от излома и разбития". Одесское отделение общества занимало в своем доме несколько помещений, а остальные сдавало в аренду. И потому здесь можно было раскошелиться на ювелирные изделия из золота и серебра, обзавестись шляпой, приобрести рояль, заказать новую одежду, получить для проката копию фильма в представительстве всемирно известной фран-

цузской компании "Пате", опосля же всех забот отвести душу в уютном ресторане "Бавария" Товарищества одесских пивоваренных заводов, а в 1918 году и взгрустнуть в театре "Гротеск" под "печальные песенки Пьеро" в авторском исполнении Александра Николаевича Вертинского... Здесь жили купцы и сыновья купцов, дантисты, врачи, акушерки, массажистки, консул датского королевства Георгий Рафалович, журналист "Одесских новостей" Исидор Бродовский, художник Иосиф Шклявер, архитектор Моисей Замечек...

Все они уже давно в ином мире. От дома Стиффеля сохранилась разве что верхушка утраченных ворот с вплетенной в чугунное кружево латинской буквой "S", здание, принадлежавшее страховому обществу, после капитального ремонта пока в сносном состоянии. И если спроецировать на него канувший в небытие дом Рено, то окно пушкинского "четырнадцатого нумера" окажется как раз над нынешней театральной кассой, где можно купить билет и, пройдя квартал, насладиться "Евгением Онегиным". А потом возвратиться сюда и в ясный летний вечер увидеть, услышать, почувствовать и прочувствовать то, что осталось тут с пушкинской поры:

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Все молчит;
Лишь море Черное шумит...

Правда, уже не слышно здесь, как "море Черное шумит". Но это не самое худшее. Что-то же должно было измениться...

Олег ГУБАРЬ

Ришельевская, № 4 (Дерибасовская, № 12): дом Поджио — Кирико — Новикова

В ходе самого первого отвода земельных участков под жилую застройку на территории нарождающейся Одессы в августе-сентябре 1794 года лучшие места, близ нынешнего оперного театра, получили высшие и наиболее заслуженные офицеры: генерал-поручик князь Волконский, инженер-подполковник де Волан, секунд-майоры Кирьяков и Поджио. Интересующий нас участок (места №№ 21-22 в IV квартале Военного форштата), на углу нынешних улиц Дерибасовской и Ришельевской, достался последнему из них.

Виктор Яковлевич (Витторио Амадео) Поджио — уроженец Пьемонта в Северной Италии. В российскую службу вступил в 1770-х годах по протекции Иосифа (Хосе) де Рибаса, причем изначально по медицинской части (подлекарь). Участвовал в русско-турецкой кампании 1787-1791 годов в качестве волонтера. Особо отличился под Измаилом, ходил на штурм турецкой твердыни вместе с де Рибасом, де Ришелье (ранен), Ланжероном, де Воланом, Рибопьером (убит) и другими заслуженными боевыми офицерами. За храбрость был произведен в секунд-майоры. В 1796 году вышел в отставку, целиком посвятив себя градостроительству и обустройству институций местного самоуправления Одессы. В 1797 году горожане избрали майора Поджио в Одесский городовой магистрат.

Основным его занятием были крупные казенные и частные строительные подряды, поставка камня-известняка, так называемой пуццоланы. К слову, поставкой значительных объемов ракушечника в конце XVIII столетия Поджио занимался на паях с младшим братом адмирала де Рибаса, Феликсом Михайловичем, отчего в 1799 году у них даже возник серьезный имущественный спор о 20.500 руб. (для сравнения: весь подряд на строительство Городского театра составлял 25.000 руб.). Отставной секунд-майор наиболее прославился двумя самыми значимыми в 1800-е годы градостроительными проектами: сооружением Городского театра и Городского госпиталя (нынешней Городской инфекционной клинической больницы).

Как свидетельствуют архивные документы, Поджио активно строил оба объекта параллельно с весны 1805 года под надзором своего соотечественника архитектора Франческо Фраполли, получая от казны дефицит-

ные тогда в городе строительные материалы — мачтовые деревья, кровельное железо и др. Замечательно, что работал он более чем ответственно. При освидетельствовании театра и госпиталя авторитетной комиссией Одесского строительного комитета оказалось: многие виды работ сделаны с немалым избытком. Почему? По той причине, что опытный подрядчик, видя отдельные просчеты проекта, например, расширял фундаменты. Ему, правда, впоследствии компенсировали сверхсметные расходы. Глядя на монументальную центральную часть старой больницы, трудно поверить, что в столь сложных ретроспективных условиях ее можно было возвести в каких-нибудь два года. Театр строился дольше, однако и это, самое приметное в старой Одессе сооружение, было окончательно достроено весной — в начале лета 1809 года и сдано по описи смотрителю театра.

Но вернемся к интересующему нас дому. Прежде всего, отметим: этот дом Поджио (ему принадлежали и другие, например, один из них примыкал к саду Феликса де Рибаса со стороны Преображенской) — вообще один из самых первых и лучших домов города. Если Поджио превосходно строил заказные объекты, то можно себе представить, как старательно возводил собственный дом. По существовавшим тогда правилам, отведенный участок следовало застроить в два года, в противном случае его могли отобрать и передать в другие руки. Реально в те годы места отбирали редко, однако Поджио не стал медлить и построился даже в более короткий срок. Во всяком случае, выход в отставку в 1796 году явно связан с обретением, так сказать, оседлости.

Обширный двухэтажный дом Поджио, классической архитектуры, простой и функциональный, как принято говорить, без затей, отменно характеризует сразу несколько документов, недавно обнаруженных мною в фондах Государственного архива Одесской области и Одесского государственного историко-краеведческого музея. Один из них датирован 7 октября 1800 года, и в нем говорится буквально следующее: майор Виктор Поджио сдал внаем "для приезжающих господ генералитетов под квартирование... свой двухэтажный дом, на Военном форштате состоящий, на шесть месяцев за сто семьдесят пять рублей". На этом документе есть подпись тогдашнего городского головы Ивана Кафаджи (Кефаджи). Этот текст отлично согласуется со свидетельствами сына В.Я. Поджио, известного декабриста Александра Поджио: "Не говоря о Рибасе и его братьях, которые постоянно исключительно к нему (отцу. — **О. Г.**) были расположены, могу назвать герцога де Ришелье, графа Ланжерона, князя Григория Семеновича Волконского (...) и самого Суворова, который постоянно останавливался у него проездом через Одессу. Помню рассказы матушки о посещении этого полководца — чудака великого. Как в угодность ему выносились из каменного дома нашего, едва ли не единственного тогда в Одессе, все зеркала и мебель, обшитая штофом, вывезенная из Неаполя, и на место этой мебели ставились простые скамьи. Ему готовилась самая простая пища. С каким горячим увлечением говаривал он с матушкой по-итальянски!". Вот вам и адрес для мемориальной доски А.В. Суворову.

Следующая информация будет еще более занимательной. Всем известно, что де Ришелье избрал местом своего обитания смежный со стороны Ришельевской улицы дом начальника таможни М.М. Кирьякова, по каковой причине и улица обрела свое наименование. Но никому невдомек, что был и другой синхронный одесский адрес Дюка, а именно дом Поджио. Я нашел архивный документ, относящийся к хронике заседаний Одесского строительного комитета и никогда прежде не публиковавшийся. Гласит он следующее: 2 февраля 1805 года майорше Магдалине Поджио за нанятый для градоначальника де Ришелье дом, с 15 апреля 1804 года, за шесть месяцев следует заплатить 600 руб. и за флигель в том же доме, нанятый на два месяца, 70 руб. То есть, как минимум, полгода Дюк и его канцелярия размещались в доме Поджио. Ришелье прибыл в Одессу в марте 1803 года и, не исключено, еще тогда поселился именно здесь. Вот вам и еще один адрес для мемориальной доски.

Дом этот для Одессы младенческих и юных лет был, конечно, грандио-

зен. "Геродот Новороссийского края" А.А. Скальковский в числе первых лучших частных строений называет всего лишь два дома: майора Виктора Поджио и почетного гражданина Евтея Клёнова. На плане города 1802 года, высочайше утвержденном в следующем, 1803-м, дом показан отстроенным в дальнейших своих пределах по Дерибасовской и Ришельевской улицам. Конфигурация строения не меняется на планах 1814-го и 1828-го годов, если не считать того, что на более поздних планах главный въезд в обширный двор обозначен со стороны Ришельевской улицы. Дом этот часто упоминается в декабристской литературе, поскольку оба сына владельца, Иосиф и Александр Викторовичи, были известными декабристами, и родительские апартаменты посещали многие известные деятели движения. Первый из сыновей, штабс-капитан, участник наполеоновских войн, скончался в 1848 году. Второй, подполковник, — в 1873-м. Сам Виктор Поджио ушел из жизни 29 августа 1812 года, возможно, и от чумы: на первом этапе эпидемии, до вынужденного объявления всеобщего карантина, болезнь не решались диагностировать, и умерших хоронили еще не на Чумном, а на общем Городском кладбище. Старое кладбище, как известно, уничтожено в середине 1930-х годов, и вместе с ним сгинула память о многих устроителях Одессы.

После кончины Виктора Яковлевича дом достался его вдове и сыновьям. Любопытный сюжет. Иосиф Викторович Поджио был женат на представительнице известного рода Бороздиных, также связанного с Одессой, Марии Андреевне. Эта супруга, шантажируемая собственным отцом, не сумела последовать за декабристом в Сибирь, вынуждена была получить официальный развод, и впоследствии вышла замуж за князя А.И. Гагарина, лучшего из адъютантов графа Воронцова. Уже после ее кончины Гагарин женился вторично на юной красавице, княжне Анастасии Давидовне Орбелиани, но вскоре его, безоружного, в собственной резиденции (он был тогда генерал-губернатором в Кутаиси) смертельно ранил князь Дадешкелиани, но это отдельный сюжет.

В 1821-1823 годах чиновник довольно высокого ранга, статский, а затем действительный статский советник Лука (вероятно, Лучиано) Григорьевич де Кирико стал энергично приобретать в Одессе недвижимость (здания и сооружения, садовые участки и землю), в том числе купил у наследников и интересующий нас дом. В 1824 году оценка этого дома составляла 80.000 руб., а прибыли он давал ежегодно 5.000 руб. Это один из самых высоких показателей в Одессе тех времен. Для сравнения: другой престижный дом, приобретенный де Кирико у купца Е.Д. Ралли, предста-

вителя известного греческого семейства, в 1822 году, оценен лишь в 15.000 руб., правда, доходность его выше — 1.500 руб., то есть 10% от оценочной стоимости (он располагался на Приморском бульваре). Это очень хорошие показатели, ибо лишь единичные помещения в городе приносили большую прибыль, да и то лишь хлебные магазины (амбары) за единственным исключением обширного доходного дома майора Андрея Буги, по той же Ришельевской улице.

Даже четверть века спустя дом Кирико, бывший Поджио, оставался одной из самых дорогих частных одесских построек. Он, скажем, оценен в три с лишним раза дороже, нежели сохранившийся по сию пору дом Прокопеуса ("Два Карла"). Дом Кирико стоил больше, чем два дома богатейшего откупщика Маразли-старшего по Итальянской улице вместе взятые. В начале 1830-х дом принадлежал уже наследникам Кирико, судя по всему, его супруге, "Елене Антоновне дочери де Кирико". О Константции де Кирико в ироническом контексте упоминает В.И. Туманский (надо все же полагать, что он ошибся с именем и говорит не о дочери, а о матери, Елене; дочери учились в Одесском институте благородных девиц и были вполне цивилизованы).

"Находившийся долго в Бухаресте генеральным консулом действительный статский советник Лука Григорьевич Кирико, армяно-католик, был просто человек необразованный и корыстолюбивый, — пишет желчный Ф.Ф. Вигель. — Жена же его, смолоду красотка, всегда в обществе изумляла его совершенным неведением приличий, какою-то простодушною, детски-откровенною неблагопристойностию в речах и действиях. Она мыслила вслух, никогда не смеялась, зато всех морила со смеху своими рассказами. Худенькая, живая, огненная, беда, бывало, если кто ее раздразнит; несмотря на то, мистификациям с ней конца не было. Из анекдотов об ней составилась бы книжица, но кто бы взялся ее написать и какая цензура пропустила бы ее? Я позволю себе привести здесь два или три примера ее наивного бесчинства. Описывая счастливую жизнь, которую вела она среди валахских бояр, говорила она мне, как и многим другим: "Все они были от меня без памяти, а как эти люди не умеют изъясняться в любви иначе как подарками, то и засыпали меня жемчугом, алмазами, шалями. Как же мне было не чувствовать к ним благодарности? Иным скрепя сердце оказывала ее; с другими же, которые мне более нравились, признаюсь, предавалась ей с восторгом". Раз поутру у Собаньской сидели мы с Паленом; вдруг входит мадам Кирико, объявляет, что намерена провести тут целый день и для того привезла

с собою рукоделье. Живость разговора не позволила сперва заметить, в чем оно состояло; когда же Собаньская на столе увидела малиновое бархатное мужское исподнее платье, то почти с ужасом вскрикнула: что это такое, моя милая? "Да так, — отвечала она, — вы знаете, какой мерзкой скряга у меня муж; с трудом могла у него выпросить эту вещь; хочу ее здесь распороть и выкроить из нее шпинцеры для дочерей". С трудом могли ее уверить, что это уже слишком бесцеремонно. Из этого можно посудить о прочих поступках сей нарядной, даже превосходительной шутихи, которая, впрочем, кое-как выучилась по-французски и давала у себя иногда вечера. Две миленькие скромные дочки ее, Констанция и Валерия, перестали уже краснеть от ее слов, а показывали вид, будто их не слышат. Вообще служила она публичным увеселением, но Собаньская как-то особенно умела ею овладеть".

С самых ранних эпох существования Одессы в верхнем этаже дома Кирико располагались элитарные увеселительные заведения: сначала коммерческое казино итальянца Луиджи Лемме, а затем знаменитая ресторация Маттео, славившаяся, опять-таки, итальянской кухней. Редкий мемуарист не упоминает об этом заведении: о нем повествуют известные некогда бытописатели Болеслав Маркевич, Осип Чижевич, Константин

Скальковский, несколько представителей семейства де Рибас и др. В ресторане Маттео, между прочим, давали обед Н.В. Гоголю во второй его одесский визит, в 1851 году. На этой вечеринке присутствовал цвет "умственной Одессы": Лев Сергеевич Пушкин — младший брат поэта, служивший тогда в местной портовой таможне, Николай Григорьевич Тройницкий — выпускник Ришельевского лицея, редактор "Одесского вестника", выдающийся общественный деятель, литератор, Николай Петрович Ильин — директор русской драматической труппы в Одессе (безоружным зарублен в Кутаиси, когда пытался защитить генерал-губернатора князя Гагарина — смотри выше). Совершенно очевидно, что обитавший в 1823-1824 годах в находившемся на противоположной стороне улицы доме Рено (бывшем князя Г.С. Волконского) А.С. Пушкин не мог не посещать упомянутое коммерческое казино. Вот вам еще несколько "мемориальных симптомов".

В 1830-х годах помимо высококлассных увеселительных заведений, включая кафе-кондитерские, в доме де Кирико помещались лучшие салоны мод, парикмахерские, часовые, ювелирные, оптические мастерские, музыкальные, оружейные, табачные и так называемые "Английские магазины". При этом традиционно наблюдается некоторый уклон как бы в "мужской набор спроса". Тут, например, работали наиболее востребованные в Одессе мужские портные, французы Лангле и Мишель, преемники прославившегося здесь еще ранее Тессье, а также греческий закройщик Ахилл Приор. Впрочем, параллельно функционировал и популярный дамский салон французской модистки Битру.

Здесь трудился лучший ювелир времен Воронцова — Розагутти (Розегутта), великолепные изделия которого демонстрировались на первой одесской художественно-промышленной выставке 1837 года, приуроченной к визиту императора Николая I. Тут же занимался исполнением частных заказов механик Ришельевского лицея Карл Эдвард Фальк, впоследствии устроивший первый местный частный чугунно-литейный завод, и немецкий же оптик Штейнгардт, в дальнейшем служивший в Императорском Новороссийском университете. Довольно долго в доме Кирико процветала знаменитая кондитерская Адольфа Замбрини (он славился, кроме всего прочего, как искусный фехтовальщик), собиравшая самую изысканную публику, а на смену ей пришло аналогичное заведение Шаца, но уже с немецким уклоном. Любопытно, что много лет спустя, когда владельцем расположенного уже в Пале-Рояле кафе был Евгений Замбрини, его посещал А.П. Чехов.

Еще с тех времен, когда дом принадлежал наследникам Поджио, здесь располагался лучший в городе "Английский магазин", принадлежавший авторитетному негоцианту и общественному деятелю Кортацци. В 1817 году он взял на службу приглянувшегося ему 16-летнего паренька, выходца из Вюртемберга Вильгельма Вагнера. Юноша оправдал его надежды исключительным трудолюбием, честностью, сметкой, доброжелательностью, и 1 марта 1833 года, будучи старшим приказчиком, получил этот бизнес в свои руки: семейство Кортацци к этому времени занималось крупными внешнеторговыми операциями, и магазин уже не представлял для них прежнего интереса. Компаньоном Вагнера стал представитель известной греческой купеческой фамилии Михаил Петрококино, но довольно скоро они мирно разошлись, причем каждый сумел отлично реализоваться.

Следует уточнить, что же собой представлял "Английский магазин". Собственно говоря, это был салон роскошных, престижных, качественных зарубежных товаров. Перефразируя Пушкина: всё, чем для прихоти обильной торгует Лондон щепетильный. Прежде всего, блистательная английская посуда от Веджвуда, лампы, плафоны, столовое белье и серебро, мелкая пластика, галантерея, оптика, мебель и т. д. и т. п. Это вовсе не означает, что там не могли реализовывать богемский хрусталь, саксонские сервизы, китайский фарфор, позднее в ход пошли немецкие швейные машинки, канцелярские товары, велосипеды, французские кофемолки, папильотки, щипцы для завивания волос, эстампы, люстры, итальянское стекло и др.

Многие годы магазин Вагнера располагался в доме Кирико, а осенью 1865 года перешел в бывшие лицейские помещения, что в соседнем квартале по Дерибасовской. Произошло это через несколько лет после того, как Вагнер в 1858 году обменял принадлежавшую ему гостиницу "Европейская", примыкавшую к Городскому саду со стороны Преображенской, на комплекс старых строений Ришельевского лицея. С тех пор они и получили название "Дом Вагнера", там стремительно сформировался масштабный торгово-развлекательный городок, как бы наследовавший одряхлевшему Пале-Роялю. Но это отдельный сюжет, а мы вернемся к дальнейшей истории дома Кирико.

Уже в начале 1840-х годов одним из самых, как нынче говорят, раскрученных куаферов считался итальянец, тосканский подданный Луиджи Антонович Контессини, который надолго обосновался в первом этаже дома Кирико. Здесь уместно вспомнить старый анекдот. Парикмахер

спрашивает клиента, как его постричь, а тот отвечает: "Молча". Так вот в популярных парикмахерских, да и в простых цирюльнях, неразговорчивость куафера или цирюльника считалась признаком дурного тона: он просто обязан был развлекать клиента, а главное, снабжать его всевозможной оперативной информацией. Именно таким манером парикмахерская Контессини превратилась в своеобразную справочную контору. Заинтересованные приезжие специально оповещали мастера о своих деловых намерениях, с тем чтобы он распространял эту информацию. Дошло до того, что в местной газете прямо объявлялось, по какому поводу следует обращаться в заведение Контессини. Пример. 17 июня 1844 года в газете "Одесский вестник" опубликовано следующее объявление: "Француз, фабрикант бумаги, знающий математику и лучшие методы древнего и новейшего выделывания бумаги, желает иметь занятие. Он берется устроить новую фабрику и также всякого рода гидравлические колеса, приспособления ко всякой другой отрасли промышленности. Спросить у г-на Контессини, парикмахера, на Дерибасовской улице, в доме Кирико". К слову, несмотря на острую надобность, первое предприятие по производству бумаги, да и то оберточной, возникло в Одессе лишь 20 лет спустя.

Из рекламных сообщений 1846-1847 годов явствует, что парикмахерская Контессини, взявшего в компаньоны некоего Гвазdановичева, занималась не только собственно стрижкой и бритьем, но реализовывала парики, букли, шиньоны, косы, а кроме того, выполняла функции косметического салона-магазина. В третьей четверти XIX столетия на смену Контессини пришел не менее популярный мастер — француз Жан. Кроме того, в доме Кирико много лет подряд находились: мастерская известного часовых дел мастера Моисея Штерна (его сын Федор впоследствии служил начальником движения на Одесской железной дороге, и о нем интересно рассказывает в своих воспоминаниях С.Ю. Витте) и один из лучших и старейших в Одессе магазинов музыкальных инструментов и нот итальянца Анжело Занотти, некогда служившего в антрепризе итальянской оперы.

Непременно упомянем "Торговлю кяхтинскими и кантонскими чаями" одесского купца, общественного деятеля, гласного Думы, благотворителя Гавриила Крапивина. "Кяхтинские" — чаи, которые доставлялись из Китая сухим путем через Кяхту, "кантонские" — непосредственно через южнокитайский порт Кантон (Гуанчжоу). Любопытно, что Крапивин сотрудничал с другим известным одесским чаеторговцем и общественным

деятелем, В.С. Кандинским, отцом знаменитого художника. Скажем, во время Балканских войн середины 1870-х они жертвовали самые дорогие чаи, так называемые лянсины, для российских волонтеров, сражавшихся на стороне южных славян. В третьей четверти позапрошлого столетия в доме Кирико базировались и солидные мануфактурные магазины — караима Эгиза и еврея Лазаровича.

Немалый интерес представляет табачная ориентация специализированной торговли в доме Кирико, а затем и в доме Новикова, каковая традиция сохраняется буквально до сих пор. Первой крупной табачной торговлей в 1850-е годы здесь занимался греческий купец Роджеро (Руджери). В 1860-е элитарная табачная торговля сосредоточилась в "Американском магазине Л. Гассена". Этот магазин был рельефно мужским — всё для охоты, похода, дороги: от оружия и кофров до железных кроватей и гаванских сигар. Если суммировать, выходило так, что огромный даже по нынешним масштабам дом представлял собой значимый торговый центр, то есть был доходным в полном смысле этого слова. Собственно говоря, налоги с подобных домостроений составляли значимый источник пополнения городского бюджета.

В начале 1870-х годов дом Кирико перешел во владение поистине знаменитого семейства одесских старожилов, почетных граждан, выдающихся общественных деятелей, "канатчиков" Новиковых. Уже в начале XIX столетия представители этого рода устроили канатные заводы, примыкавшие к улице, впоследствии получившей наименование Канатной. Продукция этих предприятий не только полностью обеспечивала запросы Одесского строительного комитета и регионального отечественного мореплавания, но широко экспортировалась за рубеж. Вслед за Федотом Новиковым большой авторитет приобрели купцы 1-й гильдии Илья Сергеевич и Яков Ильич (скончался в 1872 году) Новиковы, исполнявшие обязанности городских голов соответственно в 1833-1836 и 1848-1845 годах. Огромным авторитетом пользовались наследовавшие им Яков Яковлевич Новиков (скончался в 1880 году) и Александр Яковлевич Новиков (скончался в 1887 году), коммерции советник, член Комитета торговли и мануфактур. Два последних лица и были поочередно владельцами бывшего дома Кирико, а затем он среди прочего солидного имущества отошел к их наследникам. В том числе — Якову Алексеевичу Новикову, авторитетному гласному городской Думы, сотруднику Одесского отделения Императорского русского технического общества и члену Английского клуба.

Нелегко даже перечислить все те заведения и офисы, которые размещались в доме Новиковых до его капитальной перестройки перед первой мировой войной: один реестр занял бы несколько страниц текста. Остановимся преимущественно на тех, что были, так сказать, традиционного профиля.

Прежде всего, назовем салон выдающегося одесского фотохудожника Рудольфа Федоровца (Феодоровца), одного из лучших мастеров в этом жанре всех времен, что был в числе создателей Одесского общества изящных искусств (1865 год). В 1860-1870-е годы Федоровец был для Одессы, что называется, знаковой фигурой. "А вот сам Феодровец, — уважительно восклицает Александр Михайлович де Рибас, — бархатная куртка, волосы, закинутые назад, большой умный лоб. Глаза мечтательные, верующие во все мистически-красивое". В те годы вся Одесса помешалась на спиритизме и сомнамбулизме, и Федоровец сделался ярым приверженцем этих новых веяний, несомненно, обладая способностями экстрасенса, гипнотизера. "Какой это был дивный художник! — восхищается мемуарист. — Он верил в ясновидение и очень часто проделывал опыты с разными субъектами, которых усыплял и затем расспрашивал по самым замысловатым вопросам. Я помню сеансы, на которых присутствовали лучшие представители умственной жизни Одессы: врачи, музыканты, профессора лицея. Усыпленная девушка отвечала на все вопросы, угадывала пол и возраст, давала медицинские советы, решала философские задачи".

Нечего и говорить о том, что Федоровец пользовался огромным успехом у слабого пола. Вместе с тем, как всякий талантливый человек, он был

не в меру эмоционален, вспыльчив, раним и нуждался в деликатной умной поддержке. Такую поддержку ему и оказывал другой блистательный одесский фотомастер Александр Хлопонин, питомец Петербургской академии художеств: много лет они работали в одной связке. Великолепный альбом их совместных произведений ныне хранится в ОГНБ имени М. Горького и производит неизгладимое впечатление. Особенно хороши были "концессионеры" в портретном жанре. Лучшие женские портреты старой Одессы — наследие, разумеется, Рудольфа Федоровца. Подобно тому, как популярные куаферы и модистки имели своих фавориток, так и он — своих, не обязательно великосветских. Художник до конца дней выискивал свои типажи, свои фотогеничные образцы.

Уже в 1880-е годы местная газета писала: "Две были старинные фотографические фирмы в Одессе: Хлопонина и Феодоровца. Оба они были не только фотографы, но и художники по профессии. Хлопонин и до сих пор сам дирижирует работами и придает им тот художественный отпечаток, которым отличаются работы этой фотографии. Феодоровец же несколько лет как умер, и едва ли остался даже какой-нибудь аппарат, работавший при покойнике, а между тем на вывеске фотографии красуется: Феодоровец, фотограф Двора и проч.".

Преемником Федоровца в нашем доме стал его лучший ученик, В. Чеховский, получивший гран-при на первой международной фотовыставке, состоявшейся в Одессе в бывшем дворце Нарышкиных в 1890 году. А когда Чеховский перевел свою мастерскую в дом Сепича (бывший Фраполли), по Дерибасовской, № 13, свято место, разумеется, не опустело, и в доме Новикова обосновался еще один великолепный фотограф, К.И. Антонопуло. Он завоевал множество медалей и призов на международных фотосалонах, известны жанровые снимки, запечатлевшие, например, посадку в одесском порту на пароход "Петербург" для отправки на Сахалин каторжан, доставленных из московского централа (1889 год).

Бывший "Американский магазин Л. Гассена" перешел в ведение местных предпринимателей Ефима Горлицкого и Ивана Мазуренко, причем основной акцент делался на реализации оружия, как охотничьего, так и для самообороны (даже для защиты от собак, так называемые "велодоги"). Тему реализации и ремонта часов продолжил некто Абрам Шмеркович Лесник. Известный табачный фабрикант Гайк Иванович Бабадаглы представлял изделия из настоящего македонского "дюбека". Готовым платьем торговал самый, пожалуй, престижный в городе магазин фирмы

"Берзон", а мехами — Э.С. Блюм. Тут же размещалась портняжная мастерская купца Л.Я. Резникова. Продажа оптики представлена торговым домом купца С.И. Левинзона, преемника старинной авторитетной торгово-промышленной фирмы "Л. Левенталь". Любопытная деталь: недавно потомок знаменитого гастронома А.К. Дубинина затеял переписку со Всемирным клубом одесситов из Голландии. Так вот он сообщил, что из единичных реликвий, вывезенных его предками в эмиграцию, сохранился лишь театральный бинокль прабабушки с клеймом "Л. Левенталь, Одесса".

Как бы продолжая традиции, заложенные блистательным куафером Контессини, роскошную парикмахерскую в доме Новикова содержал популярнейший мастер начала XX века Николай Гречухин, работавший в паре с супругой Евдокией. Впоследствии этот салон переместился на угол Екатерининской площади и одноименной улицы, причем парикмахерская существовала затем при советской власти многие десятилетия, по крайней мере, до 1980-х годов. Прямо на углу Дерибасовской и Ришельевской находился вход в представительство товарищества "Ж. Блок", которое занималось реализацией импортных швейных машин и числилось по Ришельевской улице, № 4. Еще один занимательный штрих. Перед входом в означенное представительство дислоцировался один из самых посещаемых в Одессе книжно-газетных киосков, каковой арендовал некто Лейба-Берман Хаимович Меерцуг, проживавший по Польской улице, № 4.

Со стороны Ришельевской улицы Новикову принадлежал и другой дом, планово лежавший в "пятне" бывшего дома Поджио-Кирико. В нем размещался главный офис банкирского дома "М. Ашкенази". Основатель торгового дома — Моисей (Мозес) Ашкенази, много лет занимался хлебным экспортом. Сама "контора" находилась в Могилеве-Подольском, откуда к черноморским берегам и текла подольская пшеница. Тут, как говорится, все были довольны: и производители, и транспортники, и просто горожане, получающие свою долю в виде отчислений от прибыли. На Подолье М. Ашкенази приехал из Европы еще молодым человеком, и своей кипучей энергией, смекалкой, честностью и обязательностью в отношении с деловыми партнерами составил не только значительный капитал, но и авторитет. В 1864 году он основал отделение фирмы в Одессе, а в середине 1870-х передал руководство своему сыну — Евгению Моисеевичу. Отделение занималось операциями, связанными с закупкой и реализацией сельхозпродуктов, но параллельно выступало уже и как кредитное учреждение.

Когда одесское отделение фирмы встало на ноги, в приморский город перебрался и сам Моисей Ашкенази. Они работали рука об руку с сыном и достигли больших высот. По этой ли причине, или по какой другой, но Евгений обрел завидные родственные связи. Сейчас я попробую нарисовать это родственное древо. Представитель крупнейшего в империи банкирского дома Гораций Гинцбург женился на своей двоюродной сестре Анне Гесселевне Розенберг. Сам Гессель Розенберг был крупным предпринимателем в области переработки сахара. Многодетный сахарозаводчик отменно пристроил пять своих дочерей. Анна, как было сказано, вышла за Гинцбурга. Теофила — за Сигизмунда Варбурга, также крупного банкира. Роза — за легендарного фон Гирша. Розалия — за солидного будапештского финансиста Герцфельда. И, наконец, Луиза — за нашего родного, одесского, Евгения Моисеевича Ашкенази.

Идем дальше. У Горация Гинцбурга и Анны Розенберг родился сын Владимир, впоследствии женившийся на дочери известного сахарозаводчика Бродского. (Припоминаете сакраментальное: "Сахар — Бродского, чай — Высоцкого, Россия — Троцкого". В Одессе прибавляли: "Шляпы — Скроцкого".) Сестра Горация Гинцбурга, Матильда, вышла замуж за племянника французского министра финансов П. Фульда. А вот одна из ее дочерей вступила в брак со знаменитым бароном Эдуардом Ротшильдом. Теперь при желании можно точно нарисовать картину родственных связей одесского банкира — представителя настоящей финансовой империи.

К этому остается прибавить, что Мозес Ашкенази ушел из жизни в 1887-м, на 76 году от роду. Ненадолго пережил его и сын Евгений, скончавшийся в 1890 году. Все дело перешло к внуку основателя фирмы, Зигфриду Евгеньевичу, который на исходе XIX столетия значительно его расширил, кредитовал крупные экспортные операции, различные коммерческие и промышленные предприятия. З.Е. Ашкенази продолжал заниматься хлебным экспортом и кредитно-банковскими операциями. Сотрудниками фирмы состояли лучшие специалисты в этой области — Ю.Н. Брук, Я.М. Ландау, Я. Эштерлин, Л.Б. Файнлейб, А.Т. Фридман (доверенные лица), Я.Н. Наливайский (бухгалтер). Все эти годы фирма официально продолжала носить имя своего основателя — Моисея Ашкенази.

Вот краткий перечень регалий З.Е. Ашкенази накануне первой мировой войны: хозяин банкирского дома, выборный купеческого сословия, член Комитета торговли и мануфактур, член Биржевого комитета, товарищ (заместитель) председателя Арбитражной комиссии Биржевого ко-

митета, член Особого городского раскладочного присутствия, председатель Одесского ремесленного и мелкого ссудно-сберегательного товарищества, директор Комитета попечительства о тюрьмах, член Общества исправительных приютов, член Общества по борьбе с туберкулезом, член Одесского отделения Императорского русского музыкального общества. Как домовладельцу Зигфриду Евгеньевичу Ашкенази принадлежали три дома по Княжеской улице — №№ 6, 8 и 10, и особняк на Приморском бульваре, № 3.

В Государственном архиве Одесской области хранится протокол об учреждении торговыми домами "М. Ашкенази" и "Джекобс, Овен и К°" акционерного общества "Русское общество юго-восточного пароходства "Звезда". Основной капитал определен в один миллион рублей, при этом 2/3 его вносится торговым домом "М. Ашкенази"; соответствующим образом распределяется и прибыль. Выпущены акции на предъявителя; устав предусматривает возможность неограниченного увеличения основного капитала. Учреждение нового частного пароходства определялось настоятельной необходимостью вывозить сельхозпродукцию собственными техническими средствами в условиях все более возрастающих ставок на фрахт.

Любопытно, что и сам барон Ротшильд навещал своих одесских родственников в сентябре 1888 года. 43-летний Эдмонд Ротшильд с супругой останавливались в фешенебельной "Лондонской" гостинице, то есть в непосредственной близости от особняка и банковской конторы Ашкенази. Как сообщала пресса, они занимали роскошные апартаменты, выплачивая 100 рублей в сутки. При них находилась прислуга в составе шести особ, доставившая с собой солидный запас консервированных продуктов. О бароне писали, что "сам он не импозантен, невысок, сутул, голос у него глуховатый", и что Ротшильд вообще "производит впечатление чем-то пришибленного человека".

Супругов немедленно атаковала несметная толпа просителей, от которой невозможно было отбиться. Естественно, новый крез тут же "пожертвовал две тысячи рублей на бедных евреев г. Одессы и тысячу рублей в пользу местной большой синагоги". Сколько денег он роздал в ходе личных контактов, исчислению не поддается.

Когда чета покидала гостиницу и направлялась на крымский пароход, ее провожала более чем иронически настроенная толпа зевак. Благодетеля громко обсуждали, корчили рожи и откровенно насмехались. Репортеры отметили, что госпожа Ротшильд от досады закусила губу, а семеня-

щий рядом "близорукий анемичный блондин в серой пиджачной, мешком сидящей паре, от страха даже не кивнул никому головой". Сгорбленный, поддерживаемый женой, уселся он в крытую карету. Одесса бывала всякой...

По сравнению со своими богатыми родственниками Ашкенази потратили в разное время на земляков-одесситов несравненно большие суммы, не исключено, даже больше, нежели легендарный Г.Г. Маразли. Здесь вполне достаточно упомянуть о беспрецедентной благотворительной деятельности, я бы сказал, о подвижничестве Луизы Гесселевны Ашкенази, урожденной Розенберг, подлинной патронессы городской Еврейской больницы. Только на сооружение ряда корпусов и специализированных помещений она пожертвовала в разные годы примерно 200 тысяч рублей.

Но вернемся к эволюции дома Новикова в 1910-х годах. Собственно говоря, бывший дом Кирико-Поджио перестраивали в два этапа. На первом, в 1910 году, по проекту одного из самых известных одесских архитекторов, С.А. Ландесмана, перестроили значительную часть здания, обращенную на Ришельевскую улицу. На втором этапе, в 1912-1913 годах, застраивали основную площадь старого дома, обращенного на Дерибасовскую и частично на Ришельевскую. Второй проект составили тот же С.А. Ландесман и инженер П.Л. Славкин, причем в том и другом случае использовались современные строительные технологии с применением бетонных перекрытий. Оба здания включены в реестр объектов культурного наследия. Не так давно в ходе ремонта здания, где находится Дворец бракосочетания, строители столкнулись с немалыми трудностями: поскольку постройка изначально предназначалась под банк, постольку ремонтники не могли пробить дополнительные окна в сверхпрочных стенах. Вообще говоря, оригинальное сочетание банковских стен и ЗАГСа наводит на размышление о браке по расчету.

Еще интересный момент. В отличие от многих других больших доходных домов исторического центра наш дом использовался под жилье лишь на самом первом этапе своего существования, когда еще принадлежал семейству Поджио (тогда вообще ощущался острый дефицит в приличных жилых апартаментах). Если в других зданиях под различные заведения выделялся лишь первый этаж, иногда — второй, под офисы (остальная площадь служила элитарным жильем: чиновникам, офицерам, юристам, врачам, предпринимателям из "среднего класса"), то в данном случае оба этажа сдавались в аренду исключительно как помещения для торговли

и сферы обслуживания. И только после реконструкции 1912-1913 годов верхние этажи специально приспосабливались под жилье. Это был самый современный жилой дом: с лифтами, электричеством, консьержами, паровым отоплением, прачечными, водопроводом, ванными комнатами, сплавной канализацией и проч.

Для справки. Помимо перечисленных сооружений С.А. Ландесман проектировал и строил: мост Коцебу (в соавторстве), Бессарабско-Таврический банк по улице Пастера, № 25, театр Сибирякова (в соавторстве) по Пастера, № 15, женскую гимназию по Старопортофранковской, № 22, баню Исаковича по Кузнечной, № 57, школу при Одесском отделении Императорского русского технического общества, трамвайный павильон в Аркадии (и другие, которые не сохранились), доходный дом Серебренникова по Екатерининской, № 70, доходный дом Фальц-Фейна (в соавторстве) по Гоголя, № 7, доходный дом Дурьяна по Тираспольской, № 37, доходный дом Штеренберга по Преображенской, № 60, доходный дом Лившица по Преображенской, № 62, доходный дом Инбера по Преображенской, № 13, свой собственный доходный дом по Бунина, № 40. Он также проектировал городские парки, дачи и проч. П.Л. Славкин тоже строил значимые здания, например, дом табачного фабриканта Асвадурова по Успенской, № 60. Всё перечисленное включено в реестр объектов культурного наследия.

В короткий период после кардинальной перестройки старого дома Кирико и до "смутного времени" сюда вернулись многие из прежде помещавшихся здесь заведений, мастерских, контор, например, представительство товарищества "Ж. Блок", ассортимент которого значительно расширился: теперь помимо швейных предлагались французские и швейцарские машины для вязания и вышивания. Однако эпоха ренессанса продолжалась недолго. По свидетельству замечательного краеведа Ростислава Александрова, в дальнейшем здесь в основном обживались заведения и организации с менее экзотическим назначением и названиями: "Конфексион швейной фабрики имени товарища Воровского", "Областной кулинарный совет", "Зал Губпросвета" (со стороны улицы Ленина), "Общегородская театральна рабочая касса", "Одесское областное отделение всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев". По иронии судьбы, немало представителей последнего общества вскоре сделались жертвами политических репрессий.

Многим поколениям одесситов памятно находившееся в этом доме — там, где когда-то квартировало представительство товарищества

"Ж. Блок", — заведение общепита, не раз менявшее название без особого ущерба для содержания (в 1980-х там была неплохая кондитерская). Невероятной популярностью пользовался подвал-шашлычная, известный под народным названием "У бабы Ути". Сколько помню, в 1970-1980-е годы там лучше готовили купаты, митетеи и люля-кебаб, нежели шашлык. Припоминаю и попавшую в местный эпос бабу Утю, официантку или скорее разносчицу: тогда мне и в голову не приходило задуматься, отчего ее так называют (курьезные легенды о ней в последнее время широко тиражируются всевозможными СМИ).

Резюмируем изложенное. Случается, история одного-единственного дома оказывается соразмерной истории целого города — как бы рельефное лаконичное отражение. В каждом проеме фасада можно установить мемориальный знак. Будем помнить друг друга!

Феликс КОХРИХТ

Плющик и Карлик

Исполнилось пять лет со дня смерти выдающегося художника Валентина Хруща

В конце нынешнего августа в Еврейском культурном центре на Нежинской состоялась встреча с отцом и сыном Гордонами. Семья эта – многочисленная и колоритная – давно живет в Одессе и известна далеко за ее пределами. Главным образом благодаря разносторонним способностям и активности двух ее представителей, которые и поделились с земляками последними достижениями в разных видах искусства.

Впервые за много лет Гарри Борисович показал нам свои живописные работы, причем экспозиция была составлена так, что мы познакомились с различными циклами и направлениями его творчества.

Затем мы перешли в зрительный зал, где один из самых популярных и креативных тележурналистов современной России, кинорежиссер и актер Александр Гариевич рассказал о своем новом фильме. Лента "Огни притона", поставленная сыном по отцовскому сценарию (и это уже не первый плод их содружества в кино), рассказывает об Одессе середины 50-х годов и не только пронизана ностальгией, но и передает (тем, кто ее помнит) атмосферу той жизни. Мы увидели лишь фрагменты картины, но надеемся на скорую встречу с ней на широком экране.

Программа включала еще и презентацию романа Гарри Гордона "Обратная перспектива". Его проза и поэзия прочно вошли в контекст современной российской литературы, но мы в Украине, к сожалению, не имеем возможности в полной мере познакомиться с ними. Новая книга, как и предыдущие, носит исповедальный характер, она полна аллюзий, обращений в прошлое автора, главным образом – одесское.

Значительное место и в этом романе занимает тема предназначения художника, его связи и с мировым наследием, и с малой родиной. И здесь для нас важна и особенно интересна сюжетная линия, соединяющая лирического героя и его товарища по детству и юности – Константина Дмитриевича Плюща. Одесситы моего поколения, так или иначе связанные с художественной средой 50-90-х годов, увы, минувшего века, сразу же узнают в нем Валентина Дмитриевича Хруща. Для нас, друзей Хрущика – так называли его всю одесскую жизнь, а ведь закончилась она в середине 80-х, когда ему было уже за 50, – началась иная жизнь художника. Мы мало о ней знаем, мы много о ней размышляем... Большинство из нас гадает, каким бы стало творчество Валика, если бы он не уехал в Москву, которая вскоре стала столицей другого государства, а продолжал бы жить в старом доме на Пантелеймоновской, писать на холстиках и картонках свои "бархатные" натюрморты и портреты и, казалось бы, беспредметные композиции. На этот счет нет единого мнения. Рискну высказать свое: вдали от моря, лиманов, акаций, кайфиков со Староконнного, от чайных

На этих фотографиях — Валентин Хрущ на выставке своих работ в Одесском художественном музее

церемоний, от учеников (ну чистые Левии Матвеи) и поклонниц (среди которых встречались и Маргариты, и Геллы) мастер стал... Он стал другим, впрочем, не утратив и в лучших подмосковных работах феноменального фирменного дарования, позволяющего ему создавать оптические иллюзии Ойкумены — великого античного пространства Средиземноморья. Эта общность разумных людей — "эллинов и иудеев" — захватывала своим восточным краем и Понт Эвксинский — Черное море, и будущую Одессу, но никак не притоки Волги, где расположены и городок Кимры, и деревня, в которых в последние годы обитал пришлый Хрущик, и где живет нынче (большей частью — наездом) уже много лет как москвич Карлик.

Карл Борисович — такое имя-отчество выбрал для себя автор повествования. Односельчане, родные и близкие зовут его Карликом — вовсе не за рост, а запросто — любя. Вот и встречаются на страницах романа Плющик и Карлик. И в реальном деревенском осязаемом быту, и в застолье, и в воспоминаниях, и в авторских предположениях. А их много в этом романе. В частности, Гарри Гордон описывает придуманную им ситуацию: Плющик, чувствуя приближение Ухода, все же решается на поездку в Одессу, где должна состояться выставка его работ.

Необходимо заметить, что в реальной жизни Хрущик действительно два раза приезжал в Одессу из московской эмиграции, и в последний раз — уже неизлечимо больным. Выставки его работ действительно состоялись. Одна — в галерее "Либерти" (куратор Анна Голубовская), другая — в Музее западного и восточного искусства (директор — Виктор Никифоров). Тщаниями друзей-художников, коллекционеров, журналистов были созданы экспозиции, которые Валик рассматривал с любопытством, хотя и както отстраненно. У меня есть снимки, на которых он запечатлен с нами у своих картин... Тщаниями ученика Хрущика Василия Рябченко мы увидели и его фотографии — и в них Валик был неповторим. Автор этих строк писал о прощальных встречах с Хрущом — о его сохраненном до последних дней мастерстве, мудрости, самобытности, обаянии, неповторимости, о его неподражаемом ехидстве... О фирменной "прощалке" — быстрое по-

жатие руки собеседника чуть выше локтя и пожелание: "Лучшего!".

Кто может сказать с убежденностью: "Я разгадал Хруща"? Да ему, да и мне – не поверят... Если бы довелось выбирать эпитафию для его надгробья, то процитировал бы философа-мандрівника Сковороду: "Мир ловил меня, но не поймал".

Но вернемся к роману "Обратная перспектива", который приближается к финалу. Согласно фантазии Гарика Г., его альтер-эго – Карлик – должен был поехать в Одессу вместе с Плющиком, но так на это не решился... Плющик же, следуя фантазии автора, встречается здесь со своими коллегами и поклонниками, живет на осенней люстдорфской даче одного из них, бродит по Староконному рынку, очаровывает завсегдатаев и персонал винарки на Преображенской (та, что ближе к Тираспольской площади), но на открытие своей музейной выставки не идет, а вскоре, почувствовав, что заболел всерьез, уезжает в Подмосковье...

Валентин Хрущ умер в Кимрах в 2005 году, там же и похоронен.

Эти заметки – не рецензия на роман Гордона, хотя, уверен, он заслуживает серьезного и профессионального разговора как оригинальный сплав прозы, поэзии, эссеистики. Публикуя отрывки из него в нашем альманахе, обращаюсь со вступительным словом к читателям – не столько молодым и не знающим ничего о прототипах повествования, сколько к своим ровесникам, участникам некоторых коллизий, описанных в книге и выведенных под псевдонимами.

Наверняка многие узнают себя, и не все из них (из нас) согласятся с автором. Призываю не горячиться и оставить писателю право на трактовку событий и личностей. В отместку можно создать свою литературную версию или написать картину маслом – портрет романиста, тем более что большинство персонажей – художники...

Я прочел книгу с интересом и волнением, подчас вступая с автором в виртуальный спор. Для публикации отобрал фрагменты, связанные с Хрущиком. В романе они размещены в ином порядке, я же решился скомпоновать из текстов подобие последовательного повествования.

Сознательно выбрал лишь сюжеты, в которых действие происходит в Подмосковье, – мы, повторяю, мало знаем об этом периоде жизни Валентина Хруща. И еще – воспоминания Гарри Гордона о юности будущих персонажей его романа.

Гарри ГОРДОН

Обратная перспектива*

...— Константин Дмитриевич, — уныло попросила Снежана, — заделал бы забор. Опять наркоман свалился замертво на нашем участке.

Плющ сдунул опилки с резной рамы, помял замшевую тряпочку.

— Это, Снежана, традиция, — вздохнул он. — Можно сказать — культура. Милицию вызвала?

— Та вызвала.

— Ладно. Менты уедут — заделаю.

— Вы всегда так говорите...

Плющ рассмеялся:

— Что я могу поделать, Снежаночка, если менты никогда никуда не уезжают.

Художник Константин Плющ еще недавно был знаменит. Мягкая тихая слава стояла над ним, как погода в сентябре. О нем не писали в газетах, не брали интервью на телевидении, но непостижимым образом на всем пространстве от Одессы до Питера имя его было на слуху.

Никто не мог определенно сказать, каков он как художник, определить качество, манеру и направление в его живописи, но если человек стал легендой, — какая разница, что он делает и как...

В последние годы осевший в городе Кимры Плющ почувствовал, что слава его кукожится, сокращается географически, но не тает, а даже сгущается, меняется качественно, становится наконец светом в окошке.

Окошко светило в маленьком доме из силикатного кирпича. Он был построен в девяностые годы специально для Плюща деловым немцем из Кельна. Почему немец и почему Кимры — об этом позже, но так или иначе, дом был оценен немцем в три пейзажа Константина Дмитриевича.

Покупатель хорошо пил водку, показывая фотографии своих детей и открытки с видами Кельна. Плющ был восхищен Кельнским собором, удивлялся, развлекая немца, что соорудили его на вокзальной площади, поражался долгострою.

— А чтобы его почистить, — размышлял он, вглядываясь в фотографию, — нужно еще лет триста. Представляешь, сколько у нас за это время можно разрушить?

* Фрагменты романа: Гарри Гордон. Обратная перспектива. Москва. "Луч", 2009.

Очень скоро, разобравшись, Плющ клял своего благодетеля на чем свет стоит — участок в четыре сотки стоял прямо на тропе наркоманов, между вокзалом и цыганской слободой — осевшим табором.

Молодые наркоманы, как муравьи, ведомые генетической памятью, не сворачивали, а перли напролом, круша заборы. Табор, где продавались наркотики, назывался Голливудом. В мирных, на первый взгляд, недрах его с курятниками и голубятнями, козами и цепными псами воплощались мистические триллеры, социальные драмы, трагикомедии и фарсы. Говорят, что название это придумал сам Сергей Петрович, цыганский барон, а попросту пахан, цинично имея в виду грезы, приносящие реальные деньги. Барон жил в затейливом особняке в центре города, напротив мэрии. Он не открывал ногой, как говорили злые языки, двери городского начальства, а входил туда тихо, неохотно и редко — бездарные чиновники его удручали. Мэр же на призывы общественности разорить этот гадюшник, сровнять с землей, закатать асфальтом только руками разводил — "Голливуд", в основном, формировал бюджет города, это вам не обувная фабрика, а километр асфальта знаете, сколько стоит?..

На свет в окошке Плюща слетались местные интеллектуалы, коллекционеры, художники, поэты и просто бездельники — то, что раньше называлось богемой, а теперь — элитой. Толклись они в городской библиотеке под вывеской шахматного клуба, а к Плющу залетали поодиночке. Впрочем, по пятницам за ним заезжали и отвозили в клуб, где художник Плющ Константин Дмитриевич проводил мастер-класс. Закалка одесской богемы сказывалась, и шестидесятилетний Костя держался дольше других.

Скоро он заподозрил, что развлекает балбесов, а развлечение такого рода — деликатная форма хамства.

— Знаешь, Снежаночка, — высоким от обиды голосом жаловался он жене, — благотворительность имеет смысл только в материальном выражении. Конкретный взнос в конкретное дело. А вкладывать душу — хоть в просветительство — сколько надо той души? Кило, полтора? Так и пролететь можно. Еще должен останешься.

И Плющ нашел выход — по пятницам он приезжал по-прежнему, но откупался небольшой картинкой в дар обществу и с полным правом пил молча.

Картинки — точнее, этюды — он писал загодя, месяца на два вперед, одной, разумеется, левой. Это был либо морской пейзаж, либо розовая обнаженка, либо натюрморт с рыбками.

— Достали меня эти Васюки, — приговаривал художник, имея в виду любителей шахмат.

Тем не менее, по пятницам он неизменно надевал белую рубаху и старинную фетровую шляпу. Маленький, смуглый, с седой бородкой, он походил на степного ветеринара.

Снежана, сорокалетняя молодая поэтесса, полуцыганка, отвоеванная Плющом у Васюков, только вздыхала: Костик давно ничего не писал серьезно.

— Картина жизни, Снежаночка, давно написана и уже подсохла. Осталось обуть ее в хорошую раму.

И, хороший ремесленник, Плющ ковырял на рамах коллекционным инструментом растительные орнаменты. Рамы покупали неохотно — цена доступна, не живопись, но в то же время работа знаменитого мастера, а это накладывает дополнительные обязательства, призывает к другому образу жизни.

Со слетавшимися на свет поодиночке Плющ был приветлив: "Гостеприимство, Снежаночка, у нас никто не отнимет — ни комсомольцы, ни олигархи". Хотя, конечно, доставали и здесь. Особенно настырным был Лелеев, обалдуй со стеклянными глазами. Он величал себя князем, потомком декабриста, и настаивал, чтобы так его называли другие, и почти в этом преуспел, но заехавший прошлой осенью Карл (надо же, нашелся через двадцать лет) объяснил, что Лелеев — фамилия не дворянская, а приютская, для подкидышей, что-то вроде Безродного, и декабристы терпели разночинца только по идейным соображениям.

— Константин Дмитриевич, Лелеев пришел, — объявила Снежана.

Плющ вытер руки о штаны и надел пиджак.

— Проходи, сраный разночинец, — приветствовал он. — Снежана...

Снежана уже ставила на кухонный стол холодную картошку в мундире, квашеную капусту, селедку с луком, полбутылки водки.

Лелеев, усмехаясь в потолок, вытащил из кармана брюк бутылку "Путинки".

— Сплетничать будешь? — осведомился Плющ.

— О ком сплетничать, Плющик...

— Не Плющик, а Константин Дмитриевич, — нахмурилась Снежана.

— Ну да. Вот я и говорю, Дмитрич, эти козлы только порочат славное звание провинциалов...

— Со свиданьицем, — Плющ поднял стакан. — Снежана, ты будешь?

— Я — потом как-нибудь. Голова разболелась. Пойду прилягу.

— С богом, — одобрил Константин Дмитриевич. — Ну, так что у нас с провинциалами?

— Я так понимаю, Дмитрич, что провинция — это духовная целина, которая кормит столицу... Это кровеносная система, которая...

Плющ вышел и вернулся с маленьким зеркальцем.

— Смотри сюда, разночинец. Вот эта морда именует себя провинциалом?! Это же чистый люмпен.

Он отложил зеркальце и печально выпил.

— Дожили. Кимры ему провинция. Провинция, Лелеев, это Одесса или Флоренция. Провинциальнее Одессы может быть только Питер...

...Плющ завязал галстук, вгляделся в зеркало и вздохнул:

— Что делается? Я был, Снежаночка, похож на мачо. Как там... Бэ самэ мучо. А теперь — чистый дедушка Мичурин. Одно лицо.

— Это потому, что вы добрый, — отозвалась Снежана. — Иди с богом, водитель уже сигналит.

Бизнесмен Надежда попросила Константина Дмитриевича посмотреть работы своей дочери — есть ли у нее талант, стоит ли заниматься, а если стоит — не подготовит ли он ребенка к поступлению в художественное училище. Занятия раза два хотя бы в неделю, за приличные, разумеется, деньги. А то и без таланта — возраст у девочки опасный, что ей болтаться по Кимрам, вокруг грязь, криминал и "Голливуд".

— Хорошо бы, — вздохнула Снежана.

Постоянная нехватка денег душила и старила ее.

Пенсии Плюща и ее зарплаты офис-менеджера, а попросту уборщицы, хватало на оплату коммунальных услуг — ничего себе услуги, удобства во дворе, — и, пожалуй, сигареты — курили они оба здорово. Деньги от изредка продаваемых резных рам считались шальными и тратились быстро и вдохновенно.

Морская рыба дорожает с каждым днем, а Костик речную не ест — приторная, говорит, и сладкая. В Москве хорошо, там выбор, а здесь — скумбрия мороженая да мелкая камбала, и то не всегда. "Вот уж воистину, Москва — порт пяти морей", — Снежана кисло улыбнулась своей шутке — что-либо придумать приходилось редко, а стихи не сочинялись уже давно...

...Когда проехали мост и остановились у двухэтажного особняка деревянного барокко, Плющ затосковал. Какой из него преподаватель, он и сам сроду не учился, и учителям не доверял.

Учитель, по его мнению, это неудачник, не справившийся с профессией или судьбой.

Если что-то умеешь — делай себе, кто мешает, а не можешь — нечего

пудрить мозги другим. Если речь идет о передаче опыта, то у меня нет опыта. Только возраст. Я из него состою, и отдавать нельзя — рассыплюсь.

Но поднявшись на второй этаж и позвонив, Константин Дмитриевич вдруг ощутил острый восторг от осознания своего несовершенства и возможности начать все заново.

Окончив четыре класса и работая подмастерьем у печника, Плющ и не помышлял об учебе в художественном училище, но там учились его друзья — и Карлик, и Кока*, — все равно приходилось там болтаться и писать постановки, и спорить, — правильнее было бы все-таки поступить.

Требовался аттестат зрелости: в этом случае не нужно было сдавать общеобразовательные предметы — диктант Костик завалил бы обязательно. В крайнем случае, годилась бы справка об окончании восьми классов. А диктант — пацаны что-нибудь придумают, Карлик подбросит.

Документы — подлинные, разумеется, — продавались на Староконном рынке. Аттестат стоил двести пятьдесят рублей, справка — сто. Деньги немалые, но скопить можно. Только какой же ты художник, если копишь деньги, вместо того чтобы пить белое сухое, без которого не докажешь, что Сальвадор Дали — просто гамно.

Однажды в конце мая Плющ ворвался в мастерскую сияющий.

— Где пропадал? — спросил Карл.

— А я, пацаны, бабки делал. Неделю раствор месил. И в результате — у меня на кармане триста карбованцев.

— Аттестат! — строго сказал Кока.

— Ну да. Причем свежий. Урожая этого года. Когда у них там выпускной?.. В воскресенье — на Староконный. Только, мальчики, поедем вместе. А то мне туфту двинут — я того аттестата в глаза не видел.

Кока достал из кармана мелочь, сдул табачные крошки.

— У меня рублей шесть, — отозвался Карл.

— Ребята, а я? Я в доле.

Кока пасмурно оглядел Плющика.

— С тебя тридцатник. И больше не вздумай.

Взяли три бутылки вина, три пачки болгарских сигарет "Витоша", кружок полтавской колбасы и буханку черного хлеба.

Отцветала уже сирень, но над ее синей листвой колыхались и шумно дышали огромные груды белой акации, в ее сладком запахе возвращались смутные детские печали. А когда этот запах смешивался с запахом мор-

* Кока — Николай Лебединский, один из троицы друзей-студентов Одесского художественного училища. Его, Николая Морозова и Гарри Гордона мы называли Кока, Мока и Гога.

ской воды, еще прохладной и потому особенно свежей, тянуло сделать что-нибудь глупое и необъяснимое.

Под Аркадией на диком пляже горел в пещере небольшой костер из плавника, на гибких веточках дерезы покачивался над огнем шашлык из колбасы и хлеба. Колбаса шипела и лопалась, жир капал на гладкие, обточенные морем деревяшки, и капля долго чернела, пока деревяшка не обгорала.

О живописи — это слишком серьезно, об этом потом, вечером, в пустом гулком коридоре под статуей Лаокоона. А сейчас — акации гонят волну, волны эти сталкиваются над берегом с волнами прибоя, мерещатся в этой зыби пленительные образы.

Девушки на курсе, конечно, никакие. Одна — дура, с вечно воздетыми ручками и круглым животом, похожа на примус. Другая — красивая, ничего не скажешь, только уж слишком распущенная, опасная, гуляет с фиксатыми жлобами, старыми, лет под тридцать. А эта вообще — комсомолка с тонкими ножками и бородавкой на губе. Римка, конечно, ничего — веселая, талантливая, с крепкими ногами и низко посаженным задом, а двигается, как американский авианосец "Кирсардж". Только и с ней говорить не о чем — темная, как антрацит, с какого-то хутора под Херсоном.

— Вот мы привередничаем, — грустно сказал Кока, — а женимся в результате на каких-нибудь кугутках.

— Я не женюсь, — похвастал Плющик. — Я, как приспичит жениться, ухо себе буду обрубать, вроде Ван Гога.

— Это сколько тебе ушей понадобится, — рассмеялся Карл. — И вообще, — ты Ван Гога с отцом Сергием перепутал.

— Тихо! — Кока приложил палец к губам и насторожился. Все замерли.

— Нет, показалось, — сказал Кока.

Карл знал, что не надо расспрашивать. Показалось — и показалось. Он выполз из пещеры — и задохнулся, как от хорошей новости: шелестела и клокотала в прибое галька, впереди — полное лето каникул, ему — восемнадцать, а до женитьбы — как до того Лузановского мыса, что висит над горизонтом светлой охрой с разбеленным ультрамарином в лощинах.

Кока взобрался на скалу и подбрасывал в воздух остатки хлеба. Чайки кружили над ним, овевали крыльями щеки, садились на плечи, зависали над головой, царапали светлые волосы, Кока хохотал и разбрасывал руки. Внезапно он затих.

— Стоп! А где Плющик?

— Мало ли... Зашел за скалку.

Кока спрыгнул с камня.

— Ты — туда, а я — туда.

Карл посмотрел на море — да нет, Плющик сдуру туда не полезет, он и в теплой воде не очень-то... По гальке и по песку, перебираясь через осыпи и завалы, заглядывая в пещеры, мимо бледной парочки, недовольно поглядевшей вслед, Карл обошел несколько бухточек и вернулся к угасшему костру. Через некоторое время подошел Кока.

— Ну?

— Слинял, гад.

— Это кто слинял? Это кто гад?

Светящимся силуэтом Плющ возник в проеме пещеры, торжественно вынул из-за пазухи темную бутылку кубинского рома.

— Плакал аттестат зрелости, — обреченно кивнул Кока.

— А ром — он и есть сама зрелость, — возразил Плющик, — напиток настоящих мужчин. Ничего, Кокочка, на справку осталось. Ты ведь, Карлуша, диктант подкинешь?

Швыряли камни, целились в сигаретную пачку, жменю гальки подбрасывали таким образом, чтобы она, входя в воду, произносила: "Бурлюк!". Спорили, у кого лучше получается. Пили за настоящих мужиков— дядю Хэма, Поля Гогена, Александра Грина.

— Я вам скажу хорошую новость, мальчики. Этих бабок все равно бы не хватило. Я узнавал — с этого сезона аттестат стоит пятьсот...

...К северу от Одессы, километрах в тридцати, — деревня Сычавка. Теперь там аммиачный завод, градообразующее предприятие.

От автобуса через высокую полынь около километра до обрыва. По петляющей белой дорожке вниз, в довольно широкую бухту между двумя мысами. Костику двадцать лет, он работает с лучшим художником Одессы, Юрием Николаевичем*. Только что они закончили мозаику в кондитерском магазине "Золотой ключик". Предполагалось, что в Сычавке Юрий Николаевич будет писать, а Костик — учиться.

Художник-монументалист Юрий Николаевич не признавал маленьких размеров — пачки метровых холстов на подрамниках волокли они на спине от автобуса. И большой этюдник на дюралевых ножках, и маленький этюдник Костика, подаренный учителем.

Серое горбатое море, синий мыс, черный рыбацкий баркас.

* Юрий Егоров, оказавший большое влияние не становление художника Хруща.

— Завтра, Костик, будем писать тебя. Во весь рост.

Коричневый Плющ в серых плавках на белом солнцепеке, с оранжевой дыней на ладони. Короткая тень под ногами, пот стекает из-под черной челочки, заливает глаза.

— Дядя Юра, может быть, я не хохол, а китаец?

— А почему не японец? — не отрываясь от холста, отвечает дядя Юра, недовольный, что его отвлекают.

— Не. Японцы рычат отрывисто, жилы рвут. А у меня "мяу" хорошо получается.

Жили в палатке, ели мало, экономили. Подрастающий Плющ был все время голоден.

Крупная желтая слива пляшет на волне прибоя. Откуда ее принесло — Карлик бы напридумал с три короба, включая пиратов. Но это дар моря, и его надо немедленно схавать. У Костика свело челюсть. Он огляделся — дядя Юра смотрит, неудобно. С независимым видом зашел в воду, подобрал сливу и, как бы играя, бросил подальше. Подплыл по-собачьи и, спиной к берегу, съел, смущенно улыбаясь. Слива оказалась невкусная, водянистая.

Поработав часа три, Юрий Николаевич ложился на песок, подложив руки под голову, смотрел в облака. Костик в сторонке торопливо, как обедают преданные денщики, писал этюд. Юрий Николаевич встряхивался, шел купаться, подходил, мокрый, садился рядом на корточки, давал советы. Иногда пальцем размазывал линию горизонта.

Уезжали поспешно — третий день моросило. Вырыли в песке яму, обмотали холсты целлофаном и мешковиной и зарыли. Сверху положили приметный камень. Через несколько дней Юрий Николаевич пригонит машину, увезет.

Желтая приморская собака пробежала трусцой через бухту. Обнюхала место, где недавно стояла палатка, подошла к камню и задрала заднюю лапу...

...Карл зажмурился и начал:

"Теплая стоячая вода временами покрывается пленкой сала. Случаются заморы — не хватает кислорода. Рыба либо дохнет, либо "делает ноги".

Косте Плющу кислорода хватало. Он сам его вырабатывал. Просто ему не нашлось места. Одесситы умеют угощать, но не любят делиться.

В Одессе слишком длинная скамейка запасных. Прибегаю к этому футбольному термину, потому что так, к сожалению, понятнее.

Плющу помахали ручкой, сотворили его образ и повесили на стенку.

Образ каши не просит. Костю Плюща сделали легендой прижизненно. Легенда разрасталась, поджимала судьбу, вытесняла ее, оставляя судьбе самое неблагодарное — физическое выживание...

Он слишком рано стал профессионалом, а профессионализм — это планка, ниже которой нельзя, а выше — как получится. И если обычно художник выжимает из себя ученичество, Плющ последовательно выжимает из себя профессионала. Потому что много званых, да мало избранных. Потому что профессионал — человек бывалый, а Плющ — небывалый человек.

Уход его из южнорусской школы можно объяснить по-разному. Я не собираюсь этого делать — на то есть искусствоведы. Хотя если человек стал легендой — так ли уж важно, что он делает и как... Знаю только, как обидно бывает художнику, когда его хвалят за пустяки и не замечают главного. Знаю только, что многочисленные обнаженки и рыбки — тема неприкаянности и сиротства..."

"Ерунда какая-то, — остановился Карл. — Что-то среднее между предисловием и некрологом. Ладно, потом разберемся. Поехали дальше"...

Плющ, не просыпаясь, привычно протянул руку, но тут же отдернул и проснулся — ладонь легла на что-то упругое и холодное.

Бирюзовая резиновая грелка в виде рыбки лежала чуть пониже соседней подушки.

В последнее время Снежана взяла себе моду — уходя на работу, оставлять вместо себя горячую грелку.

Плющ помалкивал: это было глупо и трогательно, но витало при этом ощущение подвоха, дуновение, знакомое и неприятное, как запах чеснока в автобусе.

На этот раз он проснулся позже обычного, и от грелки веяло отчаянным подземным холодом.

"Нет ничего страшнее, — думал Плющ, разглядывая легкомысленную раздутую рыбку, — труп воды, мертвый натюрморт, смерть после смерти".

Еще недавно мысли о смерти Плюща не трогали — ну, шестьдесят так шестьдесят, были же Ренуар и Клод Моне, Тициан, наконец. Но хронический кашель курильщика приобрел в последнее время пугающую интонацию, и Константин Дмитриевич все чаще смотрел с бессмысленной тоской в белое небо.

На самом деле в умирании нет никакой прелести. Ничего творческого. Это даже не поступок. И стоило ли всю жизнь отстаивать свою отдельность, чтобы тебя в конце сгребли под одну гребенку. Это даже не событие, в том смысле, что нет ни сюжета, ни драматургии, ни торжественной куль-

минации, когда захватывает дух обратный отсчет: три, два, один — старт! Нет никакого старта, только раздражение, страх и стыд.

Вздохнув, Плющ решил вспомнить о хорошем. Хорошее было: бизнесмен Надежда заказала три резные рамы, рамы готовы, и сегодня их заберут. Интересно, сколько она заплатит.

Он прошелся по мастерской и сел в кресло. Плющ садился в него, когда пребывал в замешательстве, и приходил в себя, глядя на этюд Кандинского, писанный с натуры в ученические годы.

Этюд этот он приобрел давно, на Староконном рынке, выменял на карманный "мозер" без стрелок. При этом продавец Кандинского обещал Плющу небольшого Шикельгрубера, то есть Гитлера, если Костик достанет ему брегет в приличном состоянии.

Во были времена! Всего-навсего лет тридцать тому назад.

Серый бережок и розовое море Кандинского на этот раз отозвались в Плюще острым приступом тоски и неприкаянности. Из кухни потянуло печальным запахом гниющих водорослей. Константин Дмитриевич выморгал слезу и удивился себе:

— Ну, ты даешь, Плющик.

Дело не в натурном пейзаже, это скоро понял и сам Кандинский: с натуры писать — только пачкать. Художник и натура существуют параллельно и самостоятельно, подпирая и уважая друг друга.

Так в чем дело? Неужели и вправду поддаться уговорам и двинуть в Одессу? Карла, судя по всему, не поедет. Конец сентября на носу, а от него ни слуха ни духа. Что-то он сторонится прошлого. Не нам судить — может, зажрался, ничего страшного. Человек, у которого новые зубы, имеет право на особое мнение.

Стукнула дверь, и заявился Паша.

— О, Криница, — обрадовался Плющ. — Ты, как всегда, вовремя. Как ты здесь? Ты же где-то в дыре, у безрукого...

— Да там делов всего... шесть колец. Вырыли на раз. А безрукий, Константин Дмитриевич, оказался твой кореш, Борисыч. Только он не безрукий, разве что в технике. А так — просто не хочет. По барабану. Я, говорит, полжизни отпахал физически и устал. Пальцы вон скрутило от цементного раствора.

— А, да, — вспомнил Плющ. — Мозаика — каторжная работа. Представляешь — леса шаткие, доски ненадежные, навернешься — только так. И ящики со смальтой таскать с яруса на ярус, килограмм по двадцать, и скакать все время — вниз-вверх, иначе не увидишь, что ты там наваял. Хорошо, я вовремя соскочил. А скажи, Криница, — говорил он, — собирается ли в Одессу?

— Вряд ли. Квасит с местными мужиками по-черному. Куда ему.

— Ну, ладно, — с непонятным облегчением вздохнул Плющ.

— Дмитрич, извини, я пустой. Подумал — день только начинается.

— Как начинается, так и закончится. Все в наших руках. Пошли на кухню.

"Окно надо помыть, — отметил Плющ, открывая холодильник, — совсем серое".

— Клевая у тебя работа, Пашечка, — Плющ выпил и мечтательно приступил к рассуждениям. — Если порыться, сколько еще нужно колодцев. И для прошлых людей тоже. В порядке реабилитации... или компенсации? Тьфу, совсем заврался. А давай, Криница, инсталляцию сделаем. В духе времени.

— Зачем?

— Нет, ты слушай. Давай мы на моей могилке — представляешь, желтая глина с белыми камушками — поставим деревянную криницу. Сруб и журавль.

— Журавль, Костя, нельзя, — рассудил Паша, — слишком громоздко. Зачем лупить противовесом по клиентам... по скорбящим?

— Тоже верно. А жалко — красиво было бы. Ну, тогда ворот. Представляешь, приходят Карла с Кокой, крутят ворот, а из криницы в деревянной бадье — деревянный Плющик, ручкой машет. Маленький такой, меньше этого. Я вырежу.

В дверь постучали.

— Я сейчас.

Плющ торопливо вышел в прихожую. На фоне дотлевающих берез возник крупный синий силуэт.

— Как красиво, — сказал Плющ. — Вы ко мне?

— Константин Дмитриевич? — с сомнением спросил силуэт. — Меня прислала Надежда.

— Проходите, — Плющ изобразил реверанс. — Водки выпьешь?

— Я ж за рулем, — отмахнулся водитель. — Тут рамы какие-то...

Плющ кивнул и вынес рамы, обмотанные тряпочкой и обвязанные веревочкой.

— Осторожно только, не побей. До машины донести?

— Я уж сам как-нибудь.

Водитель окинул взглядом шустрого старичка, достал из кармана конверт.

— Это вам.

— Большое спасибо, — поклонился Плющ.

— И еще, Надежда просила прибыть к ней на вечеринку. Часов в семь. С супругой.

Плющ представит темень и слякоть, и ветер на мосту...

...Заговорили о Плюще. Константин Дмитриевич, рассказывал Паша, нездоров, кашляет как-то не так, не тем кашляет, слабеет, больше трехсот грамм уже не тянет, часто раздражается. К врачу — попробуй вытащи...

— Это мы проходили, — сказала Татьяна и посмотрела на Карла.

— А главное, — продолжил Паша, — не пишет ничего. В Одессу собирается. "Мы, говорит, поедем с Карлой в конце сентября. Уже условились".

— Да, год назад, — вздохнул Карл.

Выпили за Плюща, Константина Дмитриевича, за Одессу, которая ждет его не дождется. Нужно было сменить невыносимую эту тему...

...Дома Плющ не находил себе места, не знал, что делать: то ли пить дальше и слушать уговоры Снежаны — про Одессу, то ли заснуть, и — утро вечера мудренее.

Все решил Лелеев, ворвался с белыми глазами, но не от пьянства, а от возбуждения и решимости.

— Дмитрич, — сказал он, не глядя нащупывая стол бутылкой водки. — У тебя есть этюд, самый завалящий?

— У Константина Дмитриевича не бывает завалящих этюдов, — нахмурилась Снежана.

— Да подожди ты, — отмахнулся Лелеев, — дело серьезное.

— А у меня, Лелеев, все завалящие, — усмехнулся Плющ, — а что?

— Очень нужно. Мне срочно нужен подарок.

Лелеев достал из кармана триста долларов.

— Отрежь на эту сумму. Говорят, ты в Одессу собрался?

— Какой же ты, Лелеев, дуролом, — умилилась Снежана, — дай я тебя поцелую.

— Да я хотел... зубы, — пробормотал Плющ, чувствуя, что сдается.

— В жопу зубы! — заорал Лелеев. — Наливай!

— Нет, что происходит, — начал Плющ, когда они уселись за столом как следует, под закуску, — поезжай, говорят, на родину. А родина, Лелеев, это когда тебя выпихивают. Это место, где тебе нет места, — Плющ рассмеялся. — Видишь, развеселился на старости лет хоть сейчас в Клуб, падла, веселых и находчивых.

Лелеев с серьезным лицом переждал это лирическое отступление.

— Да кто выпихивал? — спросил он. — Инородцы? Жиды? Черножопые?

— Свои же и выпихивают. Они твою родину больше тебя любят, а ты еще и виноват. А единственное, что я имею в Одессе, — так это дом в Кимрах. А теперь еще и вы. Тоже выпихиваете. Выходит, родина здесь. А что, классно: летом здесь Левитан, зимой — Саврасов.

Внезапно лицо его погасло, как тусклая лампочка в привокзальном туалете:

— Как же я поеду, Снежаночка, без тебя?

— Вы же знаете, Константин Дмитриевич, меня уволят, если я сейчас уеду. И так... Я подумала — может, тебе захочется побыть одному, походить, повспоминать...

— Очень хочется, — простодушно сказал Плющ.

— Ну вот, а я в конце вырвусь на несколько дней, заберу тебя. А жить будешь у Коренюка в мастерской.

— Откуда ты знаешь?

— Так я созвонилась. Одесса тебя ждет, Константин Дмитриевич, — Снежана победоносно выпила рюмку.

— И не сказала?

— Я же вас боюсь.

Догадавшись, что его решимость ехать бесповоротна, Плющ стал капризничать:

— Только никаких самолетов. Просто не люблю, когда меня перевозят. Сидишь, как горошина в стручке. И курить нельзя.

Он встал, прошелся по кухне, потом нырнул в мастерскую и вышел с любимой трубкой и табаком. Трубку он курил в минуты особого самоуважения.

— Пересох табак, зараза. Надо чаще пользоваться. В конце концов, пора выгулять белые штаны. Ты знаешь, Лелеев, какие у меня штаны? Очень даже хорошие. Представляешь, тонкая фланель, английская.

— Сроду не видел, — глупо сказал Лелеев.

— И не увидишь. Как я могу их здесь носить! В Кимрах белые штаны выглядят вызывающе, как лимузин. А в Одессе — это будет символ моей успешности.

— Успешности! — с досадой сказала Снежана. — Они от вас выставки ждут. Даже название уже придумали: "Возвращение".

— Вот суки. Да вы погодите, может, еще билетов не будет. С Одессой всегда проблема... А в общем вагоне я не поеду.

— Вот, блин, Багрицкий нашелся! — рассердилась Снежана. — Помнишь, как он с Катаевым торговался? Ты б еще спросил: "А кушать?".

— Кушать меня не колышет.

— Так вот. Билет уже куплен. И оплачен. Купейный. Осталось его забрать в кассе на вокзале. Поезд послезавтра, в пятнадцать десять.

— Как же?..

— А так. По Интернету. Иногда, Константин Дмитриевич, надо слезать с пальмы...

Плющ вспомнил холодную грелку и помрачнел:

— И долго ты будешь прыгать с ветки на ветку?

Лелеев почувствовал приближение скандала и громко чихнул.

— Будь здоров, князь, — отвлекся Плющ. — Какой же ты тонкий, падлюка. Я и не предполагал.

Он попыхтел трубкой и задумался.

Выставки они от меня ждут. Вот все брошу... Хотя можно и выставку, если бы не... Одесса — это же заграница. Нужно разрешение на вывоз национального, падла, достояния. Это лет десять назад все было схвачено, в Министерстве культуры — без очереди.

— Сик... Что там с транзитом, Снежана?

— Каким транзитом?

— Который мунди.

— А... Так проходит слава мира. Ты о чем?

— Да так... Лелеев! Ты чего мышей не ловишь? Наливай.

— Так о чем все-таки?

Очень просто. Раньше слава была результатом деятельности. Что заслужил — то и маешь. Справедливо, несправедливо — неважно. А теперь что получается — эти потные мальчики и девочки корячатся в телевизоре, для того чтобы их гаишники знали в лицо?.. Интересное кино. Ладно. Одесса хочет выставки — будет ей выставка. Голый король называется. Я им интересен в качестве мифа. Завтра, ребята, поможете. А теперь — спать. Достали вы меня. Лелеев, приходи часа в два.

На полу мастерской Плющ разложил работы. Это были, в основном, почеркушки — эскизы, нашлепки, варианты. На картонках, на крафте и еще пес знает на чем. Акварелью, гуашью, акрилом.

Срезал с подрамников несколько старых небольших холстов.

— Значит, задача такая. Лелеев, у тебя интеллект среднестатистической внучки дошкольного возраста. Так вот, на обороте этих бумажек надо написать тексты: дорогому дедушке и так далее. Чтобы было понятно — на национальное достояние это фуфло не катит. Вот тебе фломастеры, вы-

бери поярче — и вперед. Я думаю, Одесса найдет бабки на паспарту и рамки. А несколько своих, резаных, я захвачу. Это можно.

Вечером пришла Снежана, и Плющ проследил, чтобы старинные его рубашки были выглажены тщательно.

На дно чемодана уложили картонки и холсты, на белые штаны — рулон с внучкиными автографами. Плющ наклонил голову — направо, налево, прищурился:

— Ничего, красиво получилось, — он закрыл чемодан. — Лелеев, дай мобильник, я недорого. Набери этот номер.

— Алло... Я проездом. Приходи завтра ровно в полдень в метро "Китай-город", под башкой. Это Плющик...

...Константин Плющ умер в середине ноября.

Желтая глина на сельском кладбище под Кимрами была усеяна белыми камешками, на нее и на черные деревья, и на черные фигуры падал белый снег. Плотная толпа стояла у могилы.

Карл пробрался вплотную. Окруженный цветами, Плющик выглядел строгим классным руководителем на празднике последнего звонка.

Шелестели по толпе легкие пошлости: "мухи не обидел...", "как он всем помогал...", "у нас художника ценят только после смерти...".

Карл пожал локоть Снежаны и выпутался из толпы.

У кладбищенской ограды заплаканный Лелеев одной рукой держал бородатого человека за грудки, а вторую, с тяжелым кулаком на конце, оттягивал вниз и назад.

— Кончай, князь, — бормотал бородатый. — Ну что ты устраиваешь!..

— Какой, в жопу, князь! — взревел Лелеев. — Я сраный разночинец!

По белому небу летали в разные стороны темные снежинки. Небо было такое белое, какое бывает только в стихах.

— Карл Борисович, — окликнули сзади, — подождите.

Зеленый дедушка ускорил шаг и оказался рядом.

— А вы разве знали Костика? — удивился Карл. — Хотя... наверное, по шахматному клубу?

— Да нет, не по клубу, — улыбнулся Дедушка. — Я с ним в шашки играл. В Чапаева. Давно, правда. Ну что, посоветуемся? Помянем?

Карл затаился в ожидании магической фляги.

— Нет, — сказал Дедушка. — Пойдем в магазин. Что он предпочитал, водку?

Карл огорчился и поплелся за Дедушкой, как пацан. Вот так всегда —

представишь себе что-нибудь чудесное, и все: на жизненные ситуации влиять уже не можешь, даже на самые пустяковые.

Дедушка шел быстро, и Карл запыхался.

Как трудно и неприятно быть вторым. Первым — не надо. Не по характеру, да и не по душе. Можно быть пятым, одиннадцатым, сотым. В толпе — пожалуйста, там ты один. Но вторым, ведомым — увольте...

— И долго, Дедушка, мне прикрывать тылы?

Дедушка сбавил шаг и хмыкнул:

— Обыкновенная гордыня. Вульгарис, — он покосился на Карла. — А вы думали, свобода?

— Я думаю, свобода, — упрямо ответил Карл.

Дедушка огляделся:

— Вот что. У магазина как раз автобусная остановка. До Кимр. Поедем ко мне.

Черная жижа из-под колес губила свежий снег по обочинам. Все десять километров автобус ревел, буксовал, исходил серым дымом, катился юзом.

Дедушка ловко выпрыгнул из автобуса и подал Карлу руку, как даме.

— Добить меня хотите? — кисло улыбнулся Карл.

В доме Дедушки был полумрак, лоснился под окошком крашеный пол. Посреди большой комнаты стоял квадратный стол под вязаной скатертью, шелковый абажур над столом...

Карл вздрогнул: все как в марсианском детстве.

Дедушка достал из темного буфета граненые лафитники, вынул из пакета бутылку водки и еще что-то.

— Вот, не обессудьте, пирожки с повидлом. Константин Дмитриевич их любил... Ну, царствие ему небесное...

— Это все я, — сказал Карл, надкусив холодный пирожок, осторожно, чтобы повидло не выпало. — Я должен был с ним поехать. Он меня ждал.

— И чем бы вы помогли? Снежана его благополучно привезла. А там — вы бы ему только мешали.

— Не в этом дело. Я побоялся ехать. Выходит, я перевел стрелки.

— Я вас понимаю, Карл Борисович. Но вы много на себя берете. Это вам не по силам, даже при желании, — Дедушка глянул весело. — Опять гордыня. Выпьем. Земля ему пухом. Вы обратили внимание? Первый снег сегодня. И часовня, как у Саврасова. Все, как он предполагал.

Дедушка помолчал.

— А смерти он боялся.

— Что же ее, любить, что ли? — удивился Карл.

— Любить... Как можно любить неизбежное? Нет, выбор должен быть. Любить, не любить, а доверять надо.

— Смерти?

— А кому же еще? Вот кто не подведет. И даже не опоздает. Вежливость королей...

Москва

P. S. В заключение — слово вдове Валентина Хруща, с которой он прожил в Одессе много лет — вплоть до отъезда из Одессы в Москву, матери его единственного сына.

Вика Хрущ сейчас живет в Израиле. Мы напечатали подборку ее стихов в 40-м номере альманаха.. Мне кажется, повторная публикация одного из них вполне уместна в контексте всего вышесказанного...

Вика ХРУЩ

* * *

Как долго нет на свете Вали...
Ушел однажды, не простился.
И я с покинутых развалин
Сорвалась перелетной птицей.

Я в сон чужой нечаянно попала.
Я в суету нырнула, чтоб не сгинуть,
Чтоб задолбать непрошенную память.
Одна реальность — на стене картина.

Я время отодвину, как гардину;
Чай наливает гостю Хрущик.
Кувшин из глины на картине,
И по нему крадется лучик.

20 апреля 2009 г.
Бат-Ям

Александр ЮРЧЕНКО

Федор Курицын. Повесть о Дракуле

Исторические хроники конца пятнадцатого века

Федор Васильевич Курицын, важная персона в создаваемом Великим князем Иоанном Васильевичем государстве, садился в сани, собираясь навестить стариков своих в родовом имении Курицыно в двадцати верстах к северо-западу от стольного града.

Курицын любил зиму... Не ту мерзопакостную, что в Венгерском королевстве, когда везде лужи да грязь, а настоящую русскую зиму, с легким обжигающим ветерком, хрустящим под ногами снегом, сияющими ночными звездами.

Сани летели лихо, казалось, и лошади не нужны — дорога шла под уклон. Москву промчали — не успел оглянуться. Выехали на Тверскую дорогу — там еще быстрее. Эх, русская душа! Нет... остановиться, оглянуться, подумать, взвесить, рассчитать. Все рвется куда-то. Лбом двери вышибает. Позади ближние деревеньки: Дрогомилово, Новинское, Кудрино, Три Горы, впереди — поворот на Волоколамск. Выбирать нужно: по Волоколамской или по Тверской дороге ехать?

Все же, несмотря на кажущуюся русскую бесшабашность, в жизни была одна закономерность, которую Курицын хорошо усвоил. Чем ближе к Кремлю были деревеньки, тем знатнее их владельцы, чем дальше — тем менее родовитые. Вотчина Курицыных — самая дальняя из всех близких к Москве. Потому Федор Васильевич и решился напрямик ехать, лесами да болотами. Увязнуть в трясине не надеялся, мороз — в помощь, а лесом — так дорожка была, которую знал хорошо. Показал бывший боярин, ныне монах Кириллова монастыря Гурий, в миру Григорий Михайлович Тушин, внук знатного боярина Василия Туши, правнук воеводы костромского Ивана Родионовича Квашни, от которого и пошли ближайшие соседи Курицыных: Квашнины и Тушины.

Удивительно, что не все еще на Руси золотому тельцу благоволят, думал Курицын. Вот у Григория: и власть, и деньги. Но в двадцать два годка сказал отрок: "Не деньги мерило всего", — и отрекся от имени своего. Удалец все же Гришка! И в монахах — первый! В тридцать с небольшим — игумен, и не где-нибудь, в Кирилло-Белозерском монастыре!

Дорога уже шла по соседским землям. По правую руку деревенька Братцево — вотчина Квашниных — открылась. По левую — Коробово — владение Тушиных — промелькнуло. Не заметил Федор Васильевич, как

реку Химку переткнул. Понял только, когда в большую яму, вернее, не яму, — а ямище, уперся. На версты две ровным кругом идет, словно выгреб кто землю ковшом или чашей, — здесь река Всходня петляет, крутой поворот делает. Место это в народе "чашей" прозвали. И вправду, чаша! Только не медом полна, а белым снегом.

Курицын остановил сани. Эх, красота! Иметь бы крылья — взлетел бы белым соколом! Потом подумал: "Летать бы больно много не дали, с лихвой среди бояр завистливых". Объезжал "чашу" долго, сани вязли в глубоком снегу. Но вот и Курицыно.

— Ну, дай поесть сыну, Василий, — причитала матушка, вынося хлебосолы из поварской комнаты. — Потом расспросишь, чай, не вечер.

Родительский стол не ломился от яств, но и бедным его нельзя было назвать: кулебяка, гусиный паштет, вареная репа, глухарь, запеченный в тесте, брусничный и клюквенный морс, медовуха, куличи с рыбой и голубикой — все, чем богата была земля подмосковная, матушка сама аккуратно выстраивала на столе, крытом кружевами вологодскими.

С десяток крестьянских душ досталось Василию Афанасьевичу из надела Великой княгини Софьи Витовны, бабки нынешнего государя. Был он служилым человеком в ее вотчине — Митино. Выбился в люди благодаря уму и сообразительности, за что и дарован был малой деревенькой. Снаружи отеческий дом мало чем отличался от простой крестьянской избы, разве что больше был по размеру, да во дворе отец соорудил конюшню и баньку. Зато внутри обстановка не уступала иным боярским усадьбам. Резные шкафчики, буфеты, коврики домотканые и даже персидский ковер на стене в гостиной зале. В услужении у матушки — три дворовые девки. Одна хлебосолами занята, другая стиркой да прибиранием светлиц, третья ткачеством и вышиванием — коечто из ее рукоделий зимой выставляли на продажу на Москве-реке. Единственный дворовой холоп — конюх Елисей, он же плотник, кузнец и до девок охотник, не раз был бит хозяином за недопустимые вольности. Оттого отличался преданностью и особой любовью к "Курице", как за глаза называли Василия Афанасьевича более влиятельные соседи. Елисей в обиду хозяина не давал и не раз встревал в перепалку, и не только словесную с соседскими, если слышал от них оскорбительное, по его мнению, прозвище.

— Ну, как там, в Венгриях? — вопрошал любознательный Василий Афанасьевич. — Палаты каменные али деревянные мастерят?

— По преимуществу каменные, — коротко отвечал Федор.

— Вишь ты, а у нас — деревянные. Оттого и пожаров много. Вот давеча у Тушиных Свято-Спасский монастырь горел — три дня не могли потушить. Леса в избытке, да головы нет. Как будем соболей, белок да куниц промышлять, когда весь лес вырубим?

— Не ворчи, Василий Афанасьевич, — вмешалась матушка. — Пусть Феденька о жилье в Москве расскажет. Как там внучата наши, Афоня да Ивашка?

— О Москве успеется, — перебил жену Курицын-старший. — А кто королем у них, Федор?

— Королем Матвей Корвин. Корвин — прозвище, по-ихнему "ворон". Хитер да пронырлив. Купил корону у императора Фридриха за большие деньги, а потом того императора из его города Вены и попросил. Турок разбил дважды. Зело мудр. Наш государь греческую царевну в жены взял, а Матвей — флорентийскую. Книг на латинском привез. Каменщиков, пушкарей, рудознатцев италийских. Как и наш Иоанн Васильевич, земли венгерские собирает. Мало того, и соседние к рукам прибирает: Чехию, Силезию, Словакию тож.

На челе Василия Афанасьевича обозначилась борозда глубокая — призадумался он. Собирание земель — его любимая тема.

— Разумею теперь, зачем тебя государь к королю венгерскому посылал. Нам свободный проход в Италию нужен. Нас ливонцы с поляками, литовцами да турками в кольцо взяли, вздохнуть не дают. Значит, с Венгрией дружить будем. А я думаю, и с турками завести разговор надо: тогда по морю Черному купцы приезжать будут. И ни Литва, ни Польша, ни Ливония помехой не станут, обойдем их стороной. Ты как, Федор, мыслишь?

— Так и мыслю, — оживился Федор Васильевич. — С Венгрией против Польши договор заключил, теперь в Турцию послов посылать будем.

Ближе к вечеру, как давно уже было заведено, отец и сын уединились в небольшой комнате — "коморе", как называл ее Курицын-старший, где Василий Афанасьевич разрабатывал прожекты об устройстве земли русской. В "коморе" нашелся для государева дьяка благодатный и вместе с тем требовательный слушатель — отец не любил фальши ни в делах, ни в мыслях. Ему решил Курицын поведать свою повесть о Дракуле, тайный плод венгерских размышлений. За этим в родимое гнездо и приезжал. Открыл заветную тетрадку, набрал в грудь воздуха побольше и выговорил еле слышно:

— А послушай, батюшка Василий Афанасьевич, мою новую повесть.

Сказание о Дракуле

Был в Мутьянской земле греческой веры христианин воевода именем Дракула — валашским языком, а нашим — диавол. Так зломудр, как по имени, такова и жизнь его была.

— Где же эта земля Мунтьянская? — полюбопытствовал Василий Афанасьевич.

Устроившись на лавке поудобнее, он приготовился к долгому слушанию.

Курицын знал, что батюшка любит точность. Посему четко разъяснил:

— Это земля Валашская, что в гористой местности к югу от королевства Венгерского, да к западу от княжества Молдавского, — и продолжил:

— Однажды пришли к нему послы турецкого царя и, войдя, поклонились, а шапок — по своему обычаю — не сняли. Спросил их Дракула: "Почему так поступили, пришли к великому государю и бесчестие ему нанесли?".

Те отвечают: "Таковы обычаи страны нашей".

Он им говорит: "Я хочу закон земли вашей подтвердить, чтобы крепко его держались". И повелел прибить шапки к их головам гвоздями, и отпустил со словами: "Идите и скажите государю вашему, коли он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, пусть не посылает свой обычай являть другим государям, которым он чужд, а блюдет только в стране своей".

— Суров, зело суров сей Дракула, — не удержался от восклицания Василий Афанасьевич, но в голосе его не слышно было осуждения действий государя валашского. — Но, Федор, доподлинно мне известно, что турки носят на голове не шапки, а тюрбаны или, в крайнем случае, фески.

— Верно, отец, — улыбнулся Курицын. — Откуда ты знаешь? Я-то турок видел, почитай год держали меня в Белом городе.

Курицын-старший промолчал, ничем не выдавая, что слова сына было ему лестно слушать.

— Продолжай, продолжай. Потом расскажешь о Белом городе.

— Царь же весьма разгневался и пошел на Дракулу войной, и напал великими силами. Тот же, собрав все войско свое, ударил на турок ночью и перебил их множество. Но не смог с небольшой своей ратью одолеть все их войско огромное и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы. Кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи производил, а кто в спину — того велел на кол сажать, говоря:

"Не мужчина ты, а женщина". А когда снова пошел войной на турок, то сказал воинам своим: "Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается". Царь же, услышав об этом, повернул назад с великим позором, потеряв без числа воинов и не посмев выступить против Дракулы.

Федор Васильевич взглянул на отца, ожидая от него оценки происходящего. Тот слушал, закрыв глаза, только пальцы, теребившие угол скатерки, выдавали его бодрствование.

— Сейчас самое интересное. Что ты скажешь на это?

— И отправил царь к Дракуле посла, требуя от него дани. Дракула же воздал послу пышные почести и показал ему богатство свое, и сказал: "Я не только готов платить дань царю, но со всем воинством и со всем богатством своим готов пойти к нему на службу, и как повелит мне, так буду ему служить. И ты передай царю, что когда пойду к нему, пусть объявит он по своей земле, чтобы не чинили зла мне и людям моим, а вскоре вслед за тобою к царю пойду и дань принесу. Царь же, услышав от посла своего, что хочет Дракула прийти к нему на службу, и что послу его почести воздал, зело рад был, ибо вел в то время войну на Востоке. И тотчас послал объявить по всем городам и по всем землям, чтобы, когда пойдет Дракула, никто никакого зла ему не причинял, а напротив, встречали бы его с почетом. Дракула же, собрав войско, двинулся в путь, и сопровождали его царские приставы, и воздавали ему всяческие почести. Он же, углубившись в турецкую землю на пять дневных переходов, внезапно повернул назад и стал разорять города и села, и людей множество перебил и пленил: одних турок на колья сажал, других рассекал надвое и сжигал, не щадя и грудных младенцев. Ничего не оставил на пути своем, всю землю в пустыню превратил, а бывших там христиан увел и в своей земле расселил. И возвратился восвояси, захватив несметные богатства, а приставов царских отпустил с почестями, напутствуя: "Идите и поведайте царю вашему обо всем, что видели: сколько мог, послужил ему. И если люба ему моя служба, готов и еще ему так служить, сколько сил моих станет". Царь же ничего не смог с ним сделать, только себя опозорил.

— Свиреп, слишком свиреп, хоть и христианин, — пробурчал Василий Афанасьевич. — Наш государь на его месте так не поступил бы. Мудрее наш Иоанн Васильевич будет. Он и воюет, и договоры о мире устраивает. Передышку давать нужно. Война войной, а если слово даешь, так держать нужно.

— Скажу, отец, и о времени мирном. Послушай, как Дракула жизнь внутри страны устроил. Здесь он слово держит: зло искореняет.

И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что если кто совершит какое-либо преступление, украдет или ограбит, или обманет, или обидит, не избегнуть тому смерти. Будь он знатным вельможей или священником, или монахом, или простым человеком, пусть бы он владел несметными богатствами, все равно не мог отступиться от смерти. Так грозен был Дракула.

Курицын взглянул на отца. Василий Афанасьевич тихо дремал, опустив голову на грудь. Федор Васильевич накрыл его плечи шерстяным покрывалом и подкинул в печь несколько поленьев — искорки благодарно обожгли дьяку его белые холеные руки.

Рано утром, едва только небо предвещало рассвет, не попрощавшись с родителем, Курицын выехал из родимого дома. Надо быть при дворе — Иоанн Васильевич не прощал долгой отлучки своих любимцев.

С утра голова у Курицына болела думой о турках...

Прав батюшка, нужно дружбу водить с басурманами. Велика держава их: от Черного до Индийского моря-океана простирается. У нас только Белое студеное, льдами большей частию покрытое, далеко не уплывешь. И то, тесно туркам. Перешли Босфор, принялись за христианские государства. Словно река, вышедшая из берегов, сметают все на пути, империи рушат. Пали греки, албанцы, болгары, сербы, хорваты. Уже венецианские города к рукам прибирают, к папе римскому подбираются.

— Что тут планы какого-то дьяка? — думал о себе в третьем лице Курицын. Первому из русских ему удалось увидеть эту адскую силу. Почитай два года прошло, а все не может забыть, как это было.

...Внезапно они явились, словно призраки в заснеженной степи, — белые всадники на белых конях, с копьями наперевес, с саблями над головой. Не литовцы... те одеты как рыцари... И с молодцами Менгли-Гирея не схожи — у татар лошаденки поменьше и крику много.

Эти же молча налетели, саблями машут, глазами вращают. Так страшнее еще. "Турки", — успел шепнуть возница. Достал Курицын охранную грамоту — не ждал, что поможет, на всякий случай. Помогло. Радостно зацокали, мол, знатную персону ухватили. Развернули обоз, к себе повезли, в Белую крепость, на берег Черного моря...

Начальник крепости сразу допрос учинил: куда направляются и зачем, и что за люди, и почему без разрешения по турецкой земле едут? Объяснил Курицын, что посол он московский и из Венгрии домой возвращается. А что земля эта турецкая — не знал. Раньше она молдавской

была, и на проезд по ней грамота имеется. Турок разрешение на проезд из рук вырвал, разорвал на клочки и молвил: "В оковы не заковывать до выяснения подлинности особы". Грамоту же охранную государя московского отправил в Константинополь — в канцелярию Великого, Непобедимого и Справедливого Баязета Второго — султана Высокого Османского Государства.

Курицын и рад был заточению... Солома под ногами, железное кольцо в стене, коим узников заковывают, цепь, слава Богу, пока в стороне; острая похлебка чечевичная да тусклый свет из узкой щели, проделанной вместо окна в толстенной стене, сырость да мгла — что еще нужно, чтобы стать философом? Думано-передумано много... Жизнь в Буде при дворе короля Матвея казалась далекой, хоть убыли из Венгрии не так давно. Помнил лишь книги, прочитанные в королевской библиотеке, да рассказы немецких купцов о Дракуле. Четырнадцать годков просидел в темнице валашский господарь, а выпустил его король Матфей — за год свою смерть нашел. Не мог Курицын в Венгрии всей правды узнать. Не любили там Дракулу. А здесь, в стане турецком, где Дракулу главным врагом султана почитали, правда и открылась.

Приставил начальник крепости стража нового, который при допросе слова Курицына переводил. Михай-молдаванин его звали, у Дракулы служил, когда тот из Венгрии воротился. Рассказывал сей молдаванин разные истории о своем господине.

История первая

— Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить воду из того колодца, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя он в безлюдном месте, поставил золотую чашу дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чаши и ставил ее на место, и сколько времени прошло — никто не посмел украсть ту чашу.

История вторая

— Однажды прибыл из венгерской земли купец. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой — на возу, а сам лег спать в доме. И кто-то украл с воза 160 золотых

дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о пропаже. Дракула же отвечал: "Иди. Этой же ночью найдешь свое золото". И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: "Если не найдете преступника, весь город погублю". И велел той же ночью положить на воз свое золото и добавить лишний дукат. Купец же наутро встал, обнаружил золото и пересчитал его и раз, и другой. И увидел, что один дукат лишний, и, придя к Дракуле, сказал: "Государь, нашел золото, но один дукат не мой — лишний". В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: "Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, посадил бы тебя на кол вместе с этим вором".

История третья

— Однажды объявил Дракула по всей земле своей, пусть придут к нему все, кто стар или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать всех их в построенных для них хоромах и велел принести им как можно больше еды и вина — они же пировали вовсю и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: "Чего еще хотите?". Они же все отвечали: "Это ведомо Богу, государь, и тебе: на что тебя Бог наставит". Он же спросил их: "А хотите, чтобы сделал вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?". Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: "Хотим, государь!". А Дракула приказал запереть хоромы и поджечь их, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: "Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдает никто из них на этом свете от нищеты или болезней".

Еще сказывал страж, как погиб господин его.

Наблюдал Дракула с холма битву войска своего с турками — в тот момент его копьями в спину сразили. Свои убили, бояре. На сторону султана переметнуться решили. Господарем стал Влад-монах, младший брат Дракулы. Ему и служит теперь страж Михай. А здесь потому оказался, что валахи после смерти Дракулы на сторону султана встали и год назад Белую крепость у братьев своих, молдаван, вместе с турками отбили... .Долго текли дни в Аккермане — так турки Белую крепость прозвали. Затерялась депеша начальника крепости в султанских хоромах. Полгода прошло — никакого ответа. Сидеть бы у турок до конца дней, кабы не

Михай. Передал он брату своему, что Курицын с посольством в Аккермане взаперти сидит. Тот Стефану Великому донес, Стефан — королю Матфею, Матфей — государю московскому. Государь призадумался. Нарушились планы его. Велел он Курицыну в Венгрии гостей заморских дожидаться, коих из италийских городов выписал. Просил государь для приглашенных мастеров новую дорогу опробовать. Через дружеские Венгрию и Молдавию, кордоны литовские в стороне оставляя, в Крым к хану Менгли-Гирею — он в союзе с Московией, мешать не станет, — а дальше через Дон степями бескрайними вдоль Волги-матушки в самое сердце княжества Московского. Через Ливонию беспокойно стало, держат в магистрате Ревеля и послов, и гостей заморских, не глядя на грамоты Иоанна Васильевича. Все сломали басурманы! Стоит работа в Кремле, стены разобрали — возводить некому, башни новые ставить надо, да и палаты великокняжеские поизносились.

А король Матфей, как узнал о невзгодах курицынских, долго не думал, написал письмо султану: просил освободить Курицына. Султан у Менгли-Гирея справился. Крымский хан подтвердил: "дружбу с Москвой водим, освободи, Великий, Непобедимый и Справедливый Баязет, посла московского". Не прошло и трех месяцев, освободил Великий, Непобедимый и Справедливый Курицына, а через слуг передал дьяку в дорогу слова свои: "Если брат наш, Менгли-Гирей, дружбу с Москвой водит, то и мы могли бы".

...Вот и думал Курицын по прошествии двух лет: почему турецкое дело на месте стоит? Отправил государь Баязету грамоту свою. Тот в ответ посла, да литовцы в Смоленске его задержали и обратно воротили. Зря Иоанн Васильевич медлит. Путь для заморских гостей по Черному морю невозможен стал. Турки Босфор перекрыли, корабли венецианские не пропускают. Захирела торговля наша.

Как подступиться к государю, не знал Курицын. Не заводил Иоанн Васильевич разговора о турках. С Венгрией дело хотел справить. Велел дьяку с послом венгерским говорить, да вновь просить Матфея прислать мастеров каменных дел стены строить, палаты да церкви возводить. Решил Курицын на хитрость пойти. Написать Великому князю донесение о том, как устроена Белая крепость, что Аккерманом теперь зовется. Любил Великий князь чертежи разные изучать о крепостях и о палатах каменных. Глядишь, и разговор о турках завяжется. Тут Курицын и "восточный прожект" подкинет.

Описание крепости Аккерманской, для Великого князя и государя всея Руси Иоанна Васильевича рабом Федькой Курицыным самолично сделанное

— А крепость сия — огромный город, из четырех дворов состоит, стенами высокими обнесена, одна из них в море глядит.

Двор первый. Въезд через ворота главные по мосту подъемному. Там жилые дома, кузня, гончарная мастерская, склады с провиантом и запасом воды. В центре двора — торговые ряды. Ярмарка. Чего только нет: персидские ковры, турецкие сладости, венецианская посуда, молдавский виноград и яблоки. Двор второй. В него попадаешь из первого. Здесь гарнизон крепости стоит... Оба двора стенами отгорожены от третьего — самого малого. Двор третий. По углам четыре башни стоят. Называют замком генуэзским. Генуэзцы для защиты купцов своих его строили. В одной башне, что на скале над морем, — казна. Охраняема денно и нощно. Она куртиной соединена со второй — в ней темница. Еще одна — у моря, потаенный ход имеет из крепости. Перед нею четвертая башня — в ней начальник крепости сидит. Она самая укрепленная, с бойницами для пушек и ружей. И стены имеет самые толстые — в несколько сажен. Двор четвертый. Корабельный. Рядом с замком генуэзским соседствует, выход потаенный к морю имеет. Здесь живут моряки да купцы турецкие. За стеной у пристани корабли генуэзские стоят, купцами брошенные. Как перекрыли турки проход в Черное море, так и остались стоять без хозяев.

В конце Курицын приписал: "Крепость сию на бумаге отобразил не потехи ради, а для пользы государя Князя Великого Иоанна Василевича". Донесение свое вручил постельничему — самый верный способ попасться на ясные очи государя, от себя же на словах добавил: "Дело сие не терпит промедления".

Иоанн Васильевич не заставил себя долго ждать. На следующий день ясные очи — у государя они были ярко-голубого цвета — внимательно смотрели в глаза Курицыну. Взгляд этот был не иначе как магнетическим — бояре в гостиной зале решительно от него уклонялись, а уж когда на ком остановится, — считал тот концом света. За одно и то же содеянное всего можно было ждать: и награды, и опалы. Девки, особливо те, что не замужем, или, наоборот, на сносях, падали от него в обморок. Курицын не из

робких был — и то холодок по душе пробежал. Может, раскусил государь тайное намерение его, а если так, то как отнесся к нему? Ведь Великая княгиня из гречанок, а греков турки первыми притеснять стали, да так, что еще в малолетстве Софья родителей лишилась. Но государь неожиданно для дьяка заговорил о другом.

— Как мой наказ? Говорил с Климентом, послом венгерским?

— Говорил, господин-государь, — ответствовал Курицын.

— И как?

— Все, что велел господин-государь, послу передал: и не только на словах, — письмом сопроводил. Мастеров каменных дел затребовал для крепостей, церквей и палат, а также иных умельцев — пушечных, рудных промыслов, искусных делателей кубков и кухонной утвари.

— А почему Климент отказал взять с собой в Венгрию посла нашего и сказал ему отдельно ехать? — взгляд государя словно просверлил в груди Курицына большую дыру. Боли и страха дьяк не почувствовал, но сердце забилось учащенно, мысли в голове закрутились, заработали сильнее. Одно оставалось — выбрать из них самую верную.

— Думаю, при дворе короля многое изменилось, — начал Курицын, а дальше пошло-поехало, как по писаному. — В тесном кольце земля Матфея. Да и Венгрия — не Московия: нет у них простора нашего. С юга — Орда и турки, с востока — Польша с Литвой. С севера и запада империя германской нации. Сдается мне, клонят Матфея бояре венгерские к союзу с королем польским Казимиром. А коли у нас война с литовцами, то и не хочет Климент судьбу испытывать.

— Да... прав ты, Федор. Почуял и я неладное. Но сие от нас не зависит. Бог судия брату нашему Матфею. — Иоанн Васильевич перекрестился. — Посмотрим, куда судьба нас выведет.

Взгляд государя затуманился и переместился в угол комнаты, где висели образа. Сердце курицынское забилось привольнее, но страх в глубине души не прошел. Сомнения терзали его. Главное было — отрицать при всяк случае любой намек о пользе дружбы с турками, а бить только на ценность турецкой крепости для обороны от неприятеля. Не мешало бы такую на границе с Ливонией поставить.

— А план, что ты начертал, Федор, Антон Фрязин, что был с тобой в турецком полоне, давно мне дал. Мы и башню воздвигли Тайницкую, с ходом подземным на Москву-реку, как в Белой крепости было устроено.

Слова эти государь говорил как бы между прочим, не придавая им никакого значения, и смотрел не в глаза Курицыну, а куда-то в сторону, что

было еще опаснее. "Пострадать ни за что при верной службе и любви к государю — что может быть ужаснее!"

Небольшую заминку, непонятно чем чреватую для посольского дьяка, прервал осторожный стук в дверь. В проеме появилась кудрявая голова постельничего Бобра.

— Братец пожаловал, Андрей Угличский.

Курицын, воспользовавшись предлогом, подался было к двери.

— Проси, — Иоанн Васильевич удобнее устроился в кресле и придвинул к себе столик с чернилами, гусиными перьями и печатью. Курицыну показалась, что государь уже ждал брата, и приход его был для него не новостью. — А ты останься, Федор, я ведь не опускал тебя.

Андрей Угличский по имени Большой, что отличало его при жизни от уже умершего младшего брата — Андрея Меньшого, а по прозвищу Горяй, что говорило о горячем нраве его, был необычайно взволнован. Сложные отношения возникли между ним и Иоанном Васильевичем. Не делился Великий князь с младшим братом ни земелькой от уделов ушедших из жизни родственников, как было принято давно, еще со времен прапрадедушки его Ивана Калиты, ни добычей, нажитой совместными военными подвигами, а было их множество — от стояния против царевича Ахмата на реке Угре до новгородского, тверского и казанского походов.

Не стеснялся Андрей Угличский спорить со старшим братом, всегда отстаивал права свои. Но вот умерла матушка, мирившая братьев, и время наступило тревожное. Тучи стали сгущаться над Андреем.

— Верный боярин сообщил, что хочешь ты меня в оковы заковать, — Андрей Большой сделал паузу. Он увидел, что не один находится в покоях старшего брата, и глазами указал на Курицына.

— Это Федор Курицын, посольский дьяк, — Иоанн Васильевич кивнул в сторону дьяка. — Можешь говорить при нем, я все ему доверяю.

Подивился Андрей Большой решению Иоанна Васильевича, да пыл свой горячий поумерил. Узнав на днях страшную для себя новость, он бросился в Москву, пытался выяснить причину возможной опалы у князя Патрикеева, но тот как воды в рот набрал. Тогда Андрей решился испросить напрямую у брата. И вот теперь должен он говорить о делах семейных при постороннем человеке.

— Государь, в чем повинен я? Скажи прямо, был разговор, о котором мне поведали?

Непростая тишина воцарилась великокняжеских покоях.

— И был, и не был, — ответил Иоанн Васильевич, замявшись. — Это

боярин мой в шутку сказал. Я же ответствовал ему, чтобы не шутил так более. В чем провина твоя? Ты Углич отстроил. Церкви каменные поставил, монастыри воздвиг. Богоугодными делами занимаешься. Хочешь, клятву тебе немедля дам, что ничего супротив тебя не готовил?

Иоанн Васильевич взял в руки перо и застрочил скоро по бумаге: "Клянусь небом и землей, и Богом сильным Творцом всея твари, что и в мыслях у меня того не было". И приложил печать, на которой был изображен ангел, надевающий венок на стоящего перед ним человека.

— Иль не веришь? — вопрошал Великий князь, когда брат прочитал поданную ему бумагу. По обычаю, клятвы завершались целованием креста при священнике. Тут же в бумаге и небо, и земля, и Бог-Творец — мешанина, схожая с ересью, а вместо священника — посольский дьяк. Андрей Большой призадумался, но делать было нечего.

— Верю, — ответил он и обнял брата.

— Верь мне, верь, — радостно заговорил Иоанн Васильевич. — Трое нас в этой жизни осталось: ты, я да Борис. В мире мы жить должны. Да, были негаразды. К Литве ты хотел примкнуть. И я не всегда справедлив к тебе, знаю. Давай скажем, как раньше, когда детками малыми были, да при батюшке родном жили: "Кто старое помянет, тому глаз вон". Сядь, Андрей, расскажи новости свои. Говорят, ты палаты каменные воздвиг. Пора и мне, давно Софья просит. Сказывают, старца завел праведного, Кассиана, у которого научаешься. Хорошо это. У каждого должен быть учитель. У меня нет такого, одному о всех думать надо.

Долго еще говорили. Уже слуга приходил от царевны Софьи звать Иоанна Васильевича к трапезе, холоп зажег свечи в серебряных подсвечниках, колокола Успенского собора пробили к вечерней молитве. Курицын стоял ни живой ни мертвый, ног под собой не чуял. Тайны великокняжеские не хотел он знать, а пришлось, по прихоти господина его. Зачем это было нужно государю? В какую игру заставил играть его венценосный?

— Да, чуть не забыл, — молвил Иоанн Васильевич, отпуская Курицына. — Тебя, Федор Васильевич, хочет видеть женка моя. Приходи в воскресенье пополудни к ее двору, будут греки да гости заморские. Ты, чай, давно книг латинских и греческих не читал. У Великой княгини велика любовь к книжникам.

И тут Курицына удивил государь... То кличками своих поданных снабдит: кого "Гвоздем" назовет, кого "Тушей"; то уменьшительными именами осчастливит: "Ивашки", "Степашки" да "Васьки" за честь уже почитают так называться — лишь бы на глазах у венценосца быть. А тут — "Федор

Васильевич". Никак в толк не возьмет дьяк учтивости такой. Однако больше всего озадачило приглашение прийти ко двору царевны Софьи. Там, по слухам, люди все ученые: кто в дворцовых интригах силен, кто в книжных знаниях, а есть и такие, что в "музыках" славу приобрели. Промашку нельзя давать в компании такой. "Одним словом, из огня, да в полымя", — подумал Курицын и вышел из государевой светлицы.

Ночь была лунная. Свет небесного светила, отражаясь от позолоченных церковных куполов, превращался в серебряную дорожку, которая вела прямо к Троицким воротам, от которых и до палат курицынских рукой подать. Главное — держаться ее, не сбиться в сторону, итальянские мастера, строители кремлевских стен, башен и соборов, нарыли канав всяческих, да камней набросали — недалеко и шею сломать.

"Неужто высоко взлечу? — подумал государев дьяк, подходя к дому. — Кабы крылья не обломали!" О беседе государя с братом, Андреем Угличским, велел себе накрепко забыть. Встреча с царевной Софьей больше занимала государева дьяка. На то причина была.

По воскресеньям Федор Васильевич сам столы накрывал. В палатах его на Тверской гости бывали любомудрые: переписчики книг, священники, дьяки, бояре да дети боярские... Начало для бесед положили после приезда из Новгорода Великого двух священников — Алексея и Дионисия: первого поставили в Успенском соборе, второго в Архангельском. Близки они стали государю Иоанну Васильевичу. Утешали слух государя Алексей и Дионисий тем, что не будет конца царствию земному, о чем кручинился Иоанн Васильевич в бессонные ночи, и не коснется главы людской кара небесная за грехи их и дела неправедные. Судьбу людскую по звездам определяли, как пророки библейские. Беседы такие и в палатах курицынских вели. О конце света говорили немало, близился его день — 7000-й год от сотворения всего сущего на земле. Дела посольские венгерские беседам конец положили. А вернулся Курицын из плена турецкого, снова гостей собирать стал. В темнице сырой на берегу Черного моря только о звездах и думал, хотя в окошко высокое и не видать их было, и нельзя узнать, как на судьбу его повлияют. Улыбнулись звезды Курицыну, особливо одна, путеводная. Веру укрепила в себя и в силы небесные: знать, неспроста ему родители и Бог жизнь положили.

Давид МАРКИШ

Спасение Ударной армии

Глухой ночью змея укусила солдатку Розенцвейг за гениталию. Казалось бы: ну что тут такого? Война все спишет...

Ночь была приятная, немного ветреная. Ветер дул и дудел, звезды красиво сверкали над Синайским полуостровом. Солдатка Розенцвейг вышла из палатки на волю, стала там оправляться, и ее тяпнула змея.

— Сразу видно, что она не из Галиции, — узнав о происшествии, заметил сержант Мишка Гербер, хустский уроженец. — Галичанские бабы писают стоя. Если б она тоже писала стоя, никакая змея ее бы не достала.

Мишка Гербер считал себя истинным галичанином, и это обстоятельство как бы приподнимало его над синайской песчаной равниной.

А со змеей было все не так просто. Командир батальона подполковник Дуду Бар-Муха по кличке Тембель* еще третьего дня обошел солдатские палатки и все объяснил: "Вы, ребята, даже не сомневайтесь. Я сам из Марокко, я знаю: тут змей никаких нет и быть не может. Я это вам прямо говорю. Скорпионы — да, это дело другое. Но где их нет, скорпионов! Тут надо под ноги глядеть, не зевать".

Солдатка Розенцвейг тоже, надо думать, не зевала, а вон что вышло. Мало того. Назавтра вечером, уже после истории с солдаткой, в нашей палатке обнаружился змеенок. Солдаты, числом восемь, включая Мишку Гербера, валялись на двухъярусных койках. Откуда ни возьмись появился змеенок, чиркнул по земляному полу. Солдаты, живенько подобрав ноги, заорали на своих койках, а змеенок от этого ора и почему-то хохота юркнул в ближайший красный ботинок, валявшийся около койки. Не сговариваясь, солдаты выдернули из-под своих тощих матрасиков автоматы М-16 и открыли ураганный огонь очередями по десантному ботинку. Это правильно, что автоматы кладут под матрас, чтоб всегда были под рукой.

На шум прибежал Тембель, имевший нехорошее обыкновение шататься по лагерю в темноте и выуживать солдат, вышедших подышать воздухом без каски на голове. Такие любители свежего воздуха могли с подачи Тембеля угодить под трибунал и схлопотать денежный штраф или двое суток губы. Приятного мало.

— Вы чего? — заглядывая в палатку, но не входя, спросил Тембель.

— Змея! — укоризненным хором объяснили мы со своих коек. В этой

* Тембель (иврит) — простецкая крестьянская шляпа. В переносном смысле — "придурок".

укоризне заключалось и то, что змея ужалила солдатку Розенцвейг, и то, что уверения подполковника — тут, мол, этих тварей не сыщешь и днем с огнем — оказались пустым звуком.

Тембель ковырнул носком разнесенный в клочья ботинок.

— Исключительный случай, — постановил Тембель. — А вы уже испугались. Израильские солдаты боятся какой-то вшивой змеи! Учебный фильм все видали?

Нечего было и гадать, какой именно фильм имел в виду Тембель. Он имел в виду потрясающую трофейную ленту, на которой египетские десантники, пробегая верблюжьей парадной рысью мимо трибуны с начальством, выдергивали из-за пазухи живых змей и сжирали их на бегу, начиная с головы. Глядя на эту мрачную трапезу, нельзя было не взгрустнуть о том, что Господь Бог послал нам таких жутких соседей.

Войска соседей стояли тут же, за Суэцким каналом. Посреди канала нелепо торчал из воды притопленный кубинский сухогруз. Гражданских вообще нигде не было видно, они куда-то ушли или попрятались, как сквозь землю провалились. По белым улицам пустых прибрежных городов бродили только кошки да ослы. Собаки не появлялись: арабы не любят собак, считают их нечистыми. Кто-то нам рассказывал, что если араб случайно прикоснется к собаке, то он потом не может совершать намаз. У каждого свои заморочки.

Соглашение о прекращении огня было уже подписано на 101-м километре от Каира, в пустынной степи справа от шоссейной дороги. Там разбили огромную палатку, настоящий шатер, как в древние времена, когда в ходу были кожаные рубли и деревянные полтинники, а солдаты скакали с пиками на лошадях, а не ездили в танках и самоходках. Вечерело, египтяне выставили шеренгу с одной стороны шатра — почистились, построились и ровно стояли, несмотря на поражение. А наши раскидались кучками по всей степи до горизонта вокруг костерков, на которых варили кофе, — грязные, заросшие, только-только из боя. Вся степь была в этих костерках, как будто тут конники Чингисхана спешились на ночь и варят свою кашу...

Подписывать соглашение прилетел начальник военной разведки генерал Аарон Ярив. Он по-молодому выпрыгнул из вертолета, поглядел на вытянувшихся по стойке "смирно" почищенных египтян, усмехнулся и прошел в шатер. В шатре он недолго пробыл — обсуждать было нечего, а подготовленные документы лежали на столе.

Война к тому времени уже почти закончилась: Арик Шарон, форсировав Суэцкий канал, проутюжил своими танками его африканский берег,

нашпигованный зенитными ракетами. Теперь нашим самолетам ничего не мешало атаковать стратегические объекты в глубине Египта. На Синае слышалась еще кое-где стрельба: то пытались пробиться к своим, на запад, отбившиеся от разбитых и разметанных частей группки египетских солдат. Пленных не брали, у сдававшихся тысячами египтян отбирали оружие и ботинки и отпускали: идите домой! И это было умно: пленных надо кормить и охранять, а без оружия и босиком в пустыне много не навоюешь.

Самую большую головную боль причиняла нашему начальству Ударная египетская армия. Прижатая к каналу с синайской стороны, поредевшая, обескровленная и обезвоженная, она все же представляла собою боевую единицу. Что с ней делать, не знал никто. Одни предлагали распустить ее по домам, другие — сжечь напалмом; а время шло, и поползли уже разговоры, что израильтяне специально, с дальним прицелом, ничего не делают, и что в Ударной вот-вот начнется повальный мор. Нам в наших палатках плевать было на то, что случится с Ударной армией в сорока километрах от нас. Мы уже полтора месяца не получали увольнительных, и поездка домой на сорок восемь часов стала для нас нежной мечтой, которую даже не стоило представлять вживе, чтоб не спугнуть.

Однако же и на Синае, вблизи священной горы, на отрогах которой не остыли еще следы пророка Моисея со скрижалями в руках, всякая вещь имеет свой конец. Дождались и мы: нас отпускают на пятницу и субботу, за нами придет транспортный "Геркулес" по прозвищу "Гиппопотам", или, сокращенно, "Гиппо". Сорок минут полета — и мы дома. Ура!

Уже с утра мы то и дело поглядывали на небо: не летит ли транспортник. "Гиппо" должен был приземлиться в четыре, и нам объявили, чтоб мы были готовы. Да мы и так были готовы: оружие при нас, электробритва, кое-какая трофейная на память мелочевка с того берега канала, из Африки. Какая мелочевка? Ну какая... Брикетик мыла "Земляничное" саратовской, что ли, фабрики, или солдатская штормовка, тоже советская. Мы под Порт-Саидом военный склад вскрыли, а там одни штормовки эти и мыло, больше ничего нет. Ну, все же трофеи! И уже на выходе внимание обратили: на двери бумажка висит, на ней написано: "Заминировано". Ну, думаем, пронесло... Оказывается, это наши ребята из полевой контрразведки бумажку прилепили, чтоб не лазили кому не положено. А чего там лазить, кому это мыло нужно? Может, сами египтяне склад успели грабануть, оставили одно барахло.

А то, что было там еще кое-что, это точно. Сапоги, например. Настоящие русские сапоги! Низкие такие кирзачи, на две ладони ниже колена. Гербер Мишка под пустыми полками нашел пару. Отличные, между про-

чим, сапоги, их носить — не переносить, года на два хватит, а наши ботинки рассчитаны только на шесть месяцев. Полгода — расчетный срок. Если полгода прошло, а солдат топает себе дальше, ничего с ним не случилось, — ему новые ботинки выдадут. А если случилось, то тогда и новые ботинки ни к чему. И в этом, если вдуматься, ничего такого нет особенного. Зачем мертвому солдату новые ботинки? Средний срок жизни солдата по статистике — полгода, и если ботинки всем подряд шить, предположим, на год, то это дороже обойдется налогоплательщику. А чего ради? Чтоб совесть спокойная была у госконтролера? Так ведь это для нас шьют, для солдат, а у нас и так совесть — броня; так что все в порядке.

Да это нас и не волнует, сказано же: каждой вещи свой срок. Если бы Господь Бог хотел сделать нас бессрочными, он дал бы нам алмазные зубы, — а у нас скребки какие-то во рту, от них одни неприятности, не говоря уже о том, что никаких денег на ремонт не напасешься. Пока в армии, чинят за счет казны, а после демобилизации делай, что хочешь.

Я люблю армию. Не из-за зубов, конечно, я ее люблю. У нас в армии все, строго говоря, равны — как в бане: там тоже кипяток на всех один. А что наш Тембель придурок, так это ничего не меняет: дурак — он и в Африке дурак, и это в прямом смысле. Вон она, Африка, за каналом, и если Тембель перейдет на ту сторону по понтонному мосту, он умней от этого не станет.

Да, в армии все равны, хотя один приказывает, а другой как бы беспрекословно подчиняется. Для того чтобы в армии тебе было легко и хорошо, надо валять дурака и в этом состоянии все время пребывать. Вот и я валяю дурака, и объясняюсь по-дурацки, и прекрасно себя чувствую. А если начнешь рассуждать о философии войны и насилия, о крови и проверенных военных хитростях, когда надо обмануть человека, заманить его в западню и убить из-за угла, это — беда.

По существу, солдаты — те же испорченные дети, армия — детский сад. Тут и ходят строем, и поют всякую муру по принудиловке. Дети должны слушаться. Пой — и всё, хотя у тебя нет к этому никакой склонности. И наказание тебе светит, если что не так, и старшие поймают. Только в детстве нас тянуло отодрать у мухи крылышки, у кузнечика — голову, а то и кошку стукнуть ни за что ни про что палкой с гвоздем. А в армии главная задача — укокошить врага на законном основании.

Все мы с блуждающей улыбкой на поблекших щеках мечтаем вернуться в детство хоть ненадолго. Вот и возвращаемся в армии. "Р-рота! За-певай!" Топ-топ, топ-топ. Взрослым людям неестественно ходить гуськом под музыку, уставившись в затылок друг другу. На гражданке так пойдешь —

подумают, что психи сбежали из сумасшедшего дома. А детям можно, и многие даже думают, что это трогательно и красиво.

К посадочной полосе мы потянулись врассыпную и без песен. Увольнительную получили шестнадцать солдат — две палатки. Подходя, мы уже по-деловому смотрели то на часы, то на небо: ну где же "Гиппо", чего ж не летит, черт его возьми! До Тель-Авива час лета, а оттуда многим из нас еще предстояло добираться до дому два-три часа. Стоя у края полосы, мы нетерпеливо переступали с ноги на ногу, как будто самолет уже приземлился, и мы сейчас толпой бросимся садиться.

Наконец с небес прилетел далекий рев моторов, и мы сразу расслабились: вон он, вон он! Хотелось погрузиться как можно скорее и подняться в воздух.

И тут явился Тембель.

— Ну как, ребята, готовы?— подозрительно сладко спросил Тембель. — Молодцы! — и продолжал уже неприятным голосом: — Тут у Ударной армии проблемы, смертность у них подскочила, теперь весь район провоняют... Надо им помочь, кровь сдать. Спасти то есть. На добровольных, конечно, началах.

Новость била наповал.

— Как это? — спросили солдаты вразнобой. — Кому?

— Им, — не стал вдаваться в подробности Тембель. — Ударной. Спасти, я сказал.

— Да нет! — немного оклемавшись, выступил вперед Мишка Гербер. — Кому сдавать-то?

— Не понимаешь? — нехорошо прищурился Тембель. — Нам! Добровольно!

— Вот это да! — сказал Мишка Гербер и поглядел на нас злыми глазами. — Вот это по-нашему! Пусть гражданские сдают, мы-то тут при чем? Кровь!

"Геркулес" тем временем зашел на посадку, сел и поехал по неровной земле. Оставалось подняться в самолет, пристроиться на железных седачках, укрепленных вдоль бортов, и улететь домой.

— Не хочешь — не сдавай, — сказал Тембель. — Я ж говорю: дело добровольное. Но кто не сдаст, домой не поедет, — крутанувшись на каблуках, он размашисто зашагал к штабному бараку. И мы, понурив головы, угрюмо поплелись за нашим командиром Дуду Бар-Мухой.

— Главное, чтоб самолет без нас не ушел, — пробормотал Мишка Гербер. — Ну что ты будешь делать!

— А то ты не знаешь, — подбодрил я Мишку Гербера. — Пол-литра сдал — и свободен. И еще чашку кофе дадут с бутербродом.

— На черта мне этот бутерброд? — сказал Мишка Гербер и в сердцах махнул рукой. — Я, как увижу кровь, сразу сознание теряю.

Это было что-то новенькое: Мишка Гербер прошел всю войну в боевых частях, и быть такого не могло, чтоб он крови не видал.

— Какую кровь-то? — спросил я, стараясь разобраться в услышанном. — Чужую или свою?

— Все равно какую, — сказал Мишка Гербер. — Теряю — и все. Это вроде такой болезни. И внутри все едет.

— А если не смотреть? — предложил я обман. — У тебя берут — а ты в это время отвернись.

— Не поможет, — кисло поморщился Мишка Гербер. — Ты отворачиваешься, а тебя все равно тянет смотреть. Так тянет, что не утерпишь. Я-то уж знаю.

Палатка, оборудованная под полевой лазарет, стояла сразу за штабным бараком. Раскладные походные койки были готовы принять доноров в свои парусиновые ладони. На дощатом ящике, на голубом подносе, покрытом марлей от мух, тесно лежали бутерброды с сыром. Все было готово. Фельдшер, покуривая, ждал.

Не снимая обуви, мы молча улеглись. Фельдшер быстро переходил от койки к койке, наклонялся и делал свое дело. Я глядел, как наша кровь шибко бежала в пластмассовые прозрачные мешочки.

Когда очередь дошла до Миши Гербера, он как-то затравленно оглядеался и, поймав мой взгляд, подмигнул мне. Я слышал, как он скрипнул зубами, протягивая фельдшеру выпростанную из рукава гимнастерки руку. Головы он так и не отвернул и зачарованно следил за тем, как длинная игла шприца глубоко вошла в его вену. Потом кровь показалась в трубочке и уверенно поползла по ней вверх, к мешку, а тело Миши вдруг выгнулось, а потом обмякло, и голова откинулась на подушечный валик.

— Э! — окликнул я фельдшера. — Он сознание потерял!

— Ничего, — переходя ко мне, сказал фельдшер. — Это бывает. Пройдет.

"Гиппо" ревел всеми своими четырьмя моторами, в грузовом отсеке стоял ровный грохот. До посадки оставалось еще минут двадцать. Мы плечо в плечо сидели вдоль борта, а у наших ног на железном полу лежал на носилках Мишка Гербер. Он еще не пришел в себя, фельдшер вкатал ему что-то успокоительное, и он теперь спал. Дикий шум, как видно, не тревожил его.

Ударная армия была спасена.

Израиль

Олег ГУБАРЬ

Ромашки спрятались, поникли лютики

На исходе пьянки Виталик Фельдман неизменно запевает дурным голосом эту некогда катастрофически популярную, практически народную песню. Всех слов он, по всему судя, не знал никогда. А быть может, в силу алкоголического бессилья растерял, да так основательно, что произвольным образом слепилась симпатичная галерейка словосочетаний. Например, "зачем вы девушки, одни страдания, поникли лютики от горьких слов". Или, допустим, "зачем вы девушки, вода холодная, сняла решительно от той любви". Случается, "Ромашки" пересекаются с "Таганкой", и тогда получается совсем уж немыслимый гибрид типа "зачем вы девушки, опять по пятницам, пиджак наброшенный, казенный дом". В такие минуты взор страдальца Фельдмана увлажняется слезой, он добреет и даже раскошеливается на дежурный шкалик коньяка.

Фельдман идет с базара с некоторым опережением (меня), то есть несколькими годами взрослее, а потому ему обиднее, и хочется приискать виновных. Я с ним вполне солидарен. Болеть и стареть надо героически, а не понапрасну. Некоторым удается сгореть на работе, но не каждому так везет. Остальные, по-видимому, обладают противопожарными свойствами. Я, к примеру, много лет вообще не хожу на службу по инвалидности, то есть практически бесперспективен в этом смысле. Приходится гореть дома. Виталик же выходит, горит с двух сторон, и ему все мало, хочется еще чего-нибудь социального, желательно адресного, от Президента там или Верховной Рады. Скажем, накинут пятилетку пенсионеру задним числом, так ему еще два года на службе гореть. Как по мне, не так уж плохо.

Нет, можно, конечно, поговорить о внуках. Он и говорит иной раз на том же голубом глазу. Фельдману нужна аудитория — прежде все годы лекции читал, экскурсии проводил, а нынче как бы несолидно. Куда ж энергию прикажете выплескивать, как гореть синим пламенем? Аудитория — серьезное дело, это когда сразу всех имеешь. А так что? С глазу на глаз, и оба голубые, в хорошем, конечно, смысле.

"Внук ухватит ладошкой палец, зашагает рядом, лепеча по ходу: "Деда, мы идем, мы идем..." Виталик умилительно все это так изображает, театрально. Вскоре стыдится себя, почти старческой своей слезливости, и дальше уже надрывно паясничает, рожи строит. Лицо у него складчато-выразительное, гуттаперчевое, фотопластичное. Какой мим безвозвратно уходит классически, понемногу.

"Мы идем..." Это верно. Это правильно. Это естественно. Но это неверно, неправильно и противоестественно. Детям не свойственно перемещаться однонаправленно, даже таким пожившим, как мы. Но мы идем, уже поневоле, и некого ухватить за большой палец.

Дети, к слову, бывают молчаливо тараторливы. Как это, спрашивается? Да очень же просто. И молчат, и тараторят на птичьем своем языке. Как многоречиво молчат! Вы наблюдали и сами когда-то, в гулкой своей рани, неумолчно молчали, интуитивно. До того, как научились читать "Молчи, скрывайся и таи". Чтоб не быть осмеянными и непонятыми. Как в том анекдоте: "Раньше все было хорошо".

С Фельдманом не помолчишь. Со мной тоже — просто некому. Как говорит мой приятель Вова Великанов, выпить всегда есть с кем, не с кем не выпить. Слава Богу — это не вводные слова, а истинная правда! — есть о чем говорить и есть о чем не говорить. Например, чего говорить об искусствоведении, которое не что иное, как навешивание ярлыков, да и только. Виталик согласен, хотя сам искусствовед. Зато это профессия, ибо должен же кто-нибудь навешивать, раз уж нам это не по нутру. Можно еще не говорить о гендерных проблемах — не вижу смысла, потому что еще не родился тот человек, который... далее по тексту. Можно не говорить о чем угодно, но не каждому дано.

Говорить тоже можно обо всем. За исключением того, о чем лучше помалкивать. Завтра может быть по-другому, и в этом нет никакого противоречия, поскольку вчерашний я — это как бы инициал и фамилия: Я. Вчерашний. Поэтому очень хорошо понимаю бабушек-старушек у подворотен и парадных восседающих: вот идет пьяный N, сейчас жена его веником охаживать станет — конкретика, которая живее всех живых. Вот и бабушки оживляются, самопроявляются и самозакрепляются фотобумагой. Зато у нас в запасе остается этакая перспектива.

Хорошо говорить о вчерашнем после этого самого вчерашнего. Так всего много — похвальбы, демонстративной алкоголической эрудиции, мотивирования, вкрадчивого воззвания к состраданию и проч. Мы и говорим, вдохновенно перебивая друг друга. В процессе Фельдман ненароком, походя, предлагает раздавить шкалик — начало положено.

Меж тем хорошо горится не только на службе, но и дома. А если нет, так можно завести пару-тройку домов, чтоб уж сгореть наверняка. Когда перебежками, от семьи к семье, так лучше разгорается. Опять-таки, есть что подкинуть в топку разговора на голубом глазу. Детей, правда, жалко, а себя как бы нет. Хотя на самом деле тоже очень.

"Деда, можно к тебе? Я ботинки снял". Хотя Фельдман безоговорочно принял бы и в ботинках. Улегся к нему на впалую интеллигентскую грудинку котенком. Прошелестел доверительно: "Я бы съел чего-нибудь". Дедушка Виталик, вообще говоря, и сам бы чего-нибудь схряпал, а то и кого-нибудь. Дети с кем-то громогласно общаются по скайпу — видать, и они одиноки. Дети детей одиноки, покуда родители общаются. Отец детей этих детей одинок, покуда одни общаются со вторыми вместо первых. "Идем, — говорит, — пошарим в холодильнике, никто и не заметит". Пошарили удачно. Смачно так трескают похожую на эскимо колбаску, валяются в обнимку, радостно уставившись в сиреневый потолок. Есть все-таки в жизни счастье, и вот оно меж ними разлеглось. В вышних — только лампочка, тусклая, не горит, пожалуй. Оно и означает: всё до лампочки. То есть абсентеизм измеряется в свечах. Их впоследствии много по тебе сгорит в оправдание.

Славно горится у костра. Мы там, на чудом выжившей Фельдмановской старенькой приморской дачке, как распалим, да как распалимся, так мало не покажется. Шашлык исключен из репертуара категорически — как банальность. Христолюбивую рыбешку печем на решетке: и повседневно голенькую, и празднично в фольгу приодетую. Картошку. В мундирах и без. Такие себе юные пионеэры.

На этой дачке в затертые времена местная избранная интеллигенция — художники, там профессура университетская, медики и прочие недобитки из бывших очкастых — отмечала ею же придуманный День сирени. Выбирали ближайший к расцвету оной выходной, тащили, кто что мог, а после несли, кто что имел за душой. Хотя со временем кой о чем и помалкивали. А все одно в очередной сиреневый день становилось их все меньше и, что характерно, далеко не по одним объективным причинам. Сгорели, это точно. Прорву лет спустя мы с Виталиком к этому дню и к этой сирени демонстративно и запоздало вернулись. Сирень ведь та же самая, что ей сделается. Ну и море, конечно, если б не Айвазовский и прочие навязчивые маринисты. Хотя сирень как бы такой же натюр-морт, как море и шашлык, который тоже, по сути, один и тот же. Короче говоря, завтрак на траве, над морем, трава на дворе, на траве дрова, то есть мужики пьяные, и потому самоуверенные, а на самом деле нанюхавшиеся сирени и обожравшиеся палеонтологического мяса. Неудачливые в попытке за что-нибудь уцепиться и ощутить твердую почву, датскую, вестимо. Давеча сын-подросток удивил стишком собственного производства — молодой, да, видно, из ранних: "Сирень — цветы? Сирень — сирень. И день —

не жизнь, и жизнь — не день: смятенье, тень, недоуменье, конёк сиреневый, шальной лесной олень".

...Внук незаметно задремал. Виталик теряет из вида лампочку, до которой всё. Сонно озирается. На стене репродукция, Борисов-Мусатов: "Мы вернемся сюда, когда зацветет сирень". Вернемся. Это точно.

Сюда?

Роман БРОДАВКО

Правнучка Кандинского

Маше Кравченко наконец-то повезло. После десяти лет хронического безденежья, двух разводов, полного равнодушья публики к ее творчеству удача вдруг улыбнулась Маше. И произошло это после того, как она сделала сенсационное заявление.

Дело было в маленьком городке в Израиле, куда Машу пригласила в гости подруга и однокурсница по художественному училищу. В маленьком кафе, где собиралась местная богема, в основном, выходцы из Союза, когда речь зашла о том, скольких выдающихся художников дала миру Одесса, слегка "принявшая" Маша небрежно бросила:

— ...и моего великого прадеда.

— А кто твой прадед? — поинтересовался черноглазый парень в узбекской феске.

— Кандинский, — спокойно произнесла Маша и устремила задумчивый взгляд на бокал с вином.

— То есть как? — заинтересовался черноглазый. — Насколько мне известно...

— Ничего тебе не известно, — отрезала Маша.

Но Рубикон был перейден, и после непрекращающихся расспросов черноглазого она поведала, что более ста лет назад у ее прабабушки был бурный роман с молодым Кандинским. Прабабушка уже была замужем. Бросить мужа и укатить за границу с основоположником абстракционизма она не решилась. А когда художник уехал, оказалась в "интересном" положении. Муж об этом ничего не знал, а когда родилась девочка, воспитал ее, то есть Машину бабушку, как родную дочь. И осталось бы все это в тайне, если бы прабабушка, будучи на смертном одре, не назвала своему единственному чаду имя ее настоящего отца. Кандинский в то время был еще жив, но о какой связи между дочерью и жившим за границей отцом могла идти речь в тридцатые годы!..

Все это было самой настоящей "пургой", неизвестно каким образом запорошившей Машин разум. На самом деле она вообще ничего не знала о своей прабабушке. Помнила только бабушку, которая работала на фабрике "Одесфото" ретушером.

Машин отец умер, когда ей исполнилось пять лет. Мама была зубным техником и одна тянула старшего сына и дочь. Она не имела никакого от-

ношения к искусству, хотя протезы, которые она изготовляла, часто называли настоящей художественной работой.

Интерес к рисованию Маша проявила в семь лет, тогда же поступила в художественную школу. После девятого класса мама хотела отдать дочь в медицинское училище, где та смогла бы овладеть достойной профессией зубного техника, — благо и замдиректора и зав. отделением были мамиными добрыми знакомыми. Но Маша заупрямилась — и поступила в художественное, вслед за мальчиком, с которым встречалась с седьмого класса. Он же стал ее первым мужем. Уже на втором месяце брака стало ясно, что они не созданы друг для друга. Разошлись мирно — и остались друзьями.

Через год после этого Маша вышла замуж за художника, который работал на киностудии. Он был старше ее на десять лет. С ним у нее получился отличный мальчишка Санек, но жить со вторым мужем оказалось еще сложнее, чем с первым. Они развелись, а Санек стал "бабушкиной радостью", потому что у Маши на него ни времени, ни терпения не хватало. Надо было творить и зарабатывать на жизнь. Для некоторых это одно и то же, но у Маши так не получалось. Как говорится, мухи отдельно, а котлеты — отдельно...

Маша преподавала в художественной студии в Центре эстетического воспитания детей и писала пейзажи и натюрморты, которые изредка продавались. Иногда она сочиняла беспредметные композиции, в которые вкладывала свое настроение и свое представление обо всем сущем. Такие работы не вызывали интереса у продавцов картин, они считали это блажью художницы и открыто ей об этом говорили. Маша не обижалась. Иногда она дарила свои композиции друзьям и знакомым. Однажды коллега по Центру, балетмейстер, получив ко дню рождения Машин холст (у нее тогда просто не было денег на приобретение подарка), сказал:

— Очень похоже на Кандинского...

Маша тогда не придала этой фразе никакого значения.

И вот сейчас в Израиле, сама не зная почему, она связала себя с великим именем. Забыть бы поскорее об этом!

Но джинн уже был выпущен из бутылки. Через день в маленькой русскоязычной газетке появилась информация о том, что, мол, гостит в Израиле правнучка великого художника. Спасибо еще, что без семейных подробностей... Подпись "Джафаров" сразу наводила на мысль, кто автор публикации.

А после этого в доме подруги появился интеллигентного вида мужчи-

на, галерист из Эйлата, который предложил Маше показать ему свои работы. Она продемонстрировала ему три опуса, написанные здесь, в Израиле.

Возможно, для западноевропейского или американского художника сумма в девятьсот долларов за три работы выглядела бы мизерной, но Маша осталась ей очень довольной и до своего отъезда из Израиля написала еще две картины под названием "Состояние 1" и "Состояние 2". Из уважения к галеристу она отдала обе за пятьсот.

Но вот настало время попрощаться с подругой и ее друзьями. Отвальную устроили все в том же кафе. Все желали Маше творческих успехов и счастья в личной жизни. А Джафаров, хитро подмигивая, изрек:

— Еще Гете сказал, что скромность — кратчайший путь к безвестности.

В Одессе Машу ожидали привычные хлопоты и проблемы. На заработанные деньги она купила сыну велосипед, новые кроссовки и джинсы, матери — шерстяной свитер, и кое-что себе. Глядя на остаток денег, Маша с грустью подумала, что пополнения не предвидится. Но она ошиблась.

Через несколько дней после приезда позвонил ее первый муж. Он занимался в какой-то фирме компьютерным дизайном и сутками пропадал в сети.

— Ну, Машуня, чего не знал — того не знал, — начал он с места в карьер.

— Чего ты не знал?

— Что ты — правнучка Кандинского.

— А ты откуда взял?

— Из Интернета. Там так о тебе написано!.. И твои работы выставлены. По-моему, очень неплохие... Запиши электронные адреса...

Маша записала. Действительно, ее израильские работы были выставлены на двух сайтах. А еще они были одобрены на форуме, где побывало уже человек сто.

Потом было еще несколько телефонных звонков от одесских знакомых, которые поздравляли Машу с успехом. Но совершенной неожиданностью стал звонок из Киева. Незнакомая дама поинтересовалась, когда она может приехать, чтобы посмотреть Машины работы на предмет дальнейшего продвижения их на украинском и зарубежном арт-рынке. В голосе дамы звучали уважительные нотки — очевидно, именно так следовало разговаривать с правнучкой великого Кандинского. Маша тут же сбрехала, что завтра уезжает на отдых в Бали, и попросила перезвонить через три недели.

"Так, старуха, — дала она себе установку, — перечитать все о Кандинском и работать, работать, работать!"

Отсутствие привычки работать день и ночь преодолевалось трудно, но деваться было некуда: или пан, или пропал.

По ее просьбе первый муж привел в порядок мастерскую на чердаке, выбросил хлам, поклеил обои, поставил металлопластиковые окна. Помещение приобрело вполне презентабельный вид. Маша все это время работала не покладая рук. Восемь композиций!

— А у тебя неплохо получается! Что-то в этом есть, — похвалил первый муж, рассматривая выставленные в ряд нагромождения геометрических тел, яркие цветные фигуры и причудливые орнаменты. — Рамки нужны.

Знакомый рамник в долг оформил работы. Теперь они имели по-настоящему товарный вид. В правом нижнем углу красовалась авторская подпись в виде размашистой буквы "К", а на обороте — загадочные названия: "Разорванное время", "Композиция", "Финальный аккорд" и тому подобное.

Дама из Киева позвонила ровно через двадцать один день и тут же явилась.

— Какой прелестный загар! — сделала она комплимент Маше, которая за все это время ни разу не была на пляже, и тут же приступила к делу. Как оказалось, Софья Александровна — так звали даму — занимается созданием в Украине настоящего арт-рынка (при этом она многозначительно подняла указательный палец правой руки вверх) и хотела бы "продвигать" работы Маши. Потенциальные покупатели у нее есть. На полотна она взглянула мельком. А когда Маша попыталась как-то их прокомментировать, сказала влажным голосом:

— Дорогая, здесь важно другое... Имя...

— Но я...

— Конечно, вы — не он. А гены!.. Я могу забрать все? — Софья Александровна указала на работы.

— Нет, две крайние уже проданы, — не моргнув глазом, соврала Маша.

— Значит, шесть... Я дам вам аванс. Две тысячи. При расчете после продажи двадцать пять процентов мои. Поверьте, я вас не обману. Я хочу, чтобы наше сотрудничество было долгим. Вот моя визитка... Согласны?

— Ладно, как для первого раза... — с неопределенностью в голосе произнесла Маша, сжимая купюры на сумму, которую раньше никогда в руках не держала.

И покатилось! Софья Александровна предлагала ее работы "новым украинцам", банкирам, хозяевам фирм, представителям иностранных компаний. При этом она всегда словно невзначай произносила имя "вели-

кого прадеда" Маши. На некоторых это производило серьезное впечатление. Так или иначе, работы раскупались.

Маша работала без устали. Появился стимул. И не только материальный. Она поняла, что ее творчество кому-то нужно, и от этого испытывала радость.

Постепенно перестала мучить бедность. Нет, Маша не почувствовала себя богачкой, но когда вывозили из квартиры разваливавшуюся на части стенку "Жемчужина", холодильник "Днепр", купленный еще до ее рождения, колченогие кухонные табуретки, она была счастлива. Словно закончился какой-то долгий, затянувшийся период ее жизни — и начинался новый.

Санек теперь жил с ней. По вечерам они часто рассматривали альбомы с репродукциями картин великих художников. Мальчику нравилось размышлять об увиденном, его оценки поражали мать серьезностью, иногда — нестандартностью. Она открывала для себя сына, в воспитании которого до сих пор принимала опосредствованное участие.

Однажды Сане попался альбом Кандинского. Он долго рассматривал глянцевые страницы, потом отложил и сказал:

— По-моему, это похоже на твои работы, мама. Но твои — интереснее...

От этого детского высказывания Маше стало так светло на душе, как не было никогда в жизни.

Маша по-прежнему много работала. Свою художественную студию в Центре эстетического воспитания не оставляла, потому что понимала, что "все может враз закончиться", и этот — пусть даже более чем скромный заработок — ей будет нужен.

За последний год Маша несколько раз выезжала в Киев, где Софья Александровна познакомила ее с некоторыми своими постоянными клиентами. Маша вела себя с ними независимо, и это, по-видимому, производило на них хорошее впечатление.

Ее фото попало в какой-то престижный справочник наряду с портретами успешных бизнес-леди. Несколько раз ее приглашали на светские приемы, где собиралась так называемая столичная элита. Один из владельцев международной сети супермаркетов пытался приударить за ней. Он был толстым, противным и ходил в сопровождении двух здоровенных телохранителей. Однажды Маша представила себе: захоти она провести ночь с ним, эти двое будут до рассвета сопеть за дверью. И она вдруг рассмеялась так весело, как давно уже не смеялась. Толстый и противный был решительно отшит, что еще больше подняло ее акции в кругу Софьи Александровны.

Неожиданно Маша получила письмо из Германии от вице-президента Фонда имени Василия Кандинского, который просил разрешения посетить ее мастерскую. Сначала Маша оцепенела. А что если и вице-президента, в первую очередь, заинтересуют ее "родственные узы" с великим художником? Рассказывать байку о согрешившей прабабушке — стыдно, отвратительно, унизительно... И за что она оклеветала хорошую женщину, которая, судя по рассказам матери, была далека от искусства, слыла добродетельной домохозяйкой и жила не то на Слободке, не то на Пересыпи, куда в конце XIX века молодые амбициозные художники наверняка не забредали!..

Вице-президент оказался симпатичным мужчиной лет тридцати пяти, из выходцев из России. Говорил по-русски правильно, правда, с легким акцентом. Внимательно осмотрев Машины работы, он сказал:

— Я могу организовать вашу выставку у нас. Думаю, она вызовет интерес. Фонд оплатит все расходы по организации и по вашему пребыванию. Весна будущего года вас устроит?

Маша согласилась. Потом они вместе пили кофе, говорили на разные темы. Она все время ожидала рокового вопроса, но гость не задавал его. Лишь в конце беседы он сказал:

— Я впервые увидел ваши роботы у моего знакомого — киевского банкира. Обратил внимание, что они отдаленно напоминают молодого Кандинского. Вероятно, сказывается одесская школа... — и больше о Кандинском ни слова.

Они поболтали еще минут десять, и гость стал прощаться:

— До свидания, госпожа Кравченко. До встречи в Германии!

Маша крепко пожала его руку.

Виталий КУЗЬМИН

Два рассказа

Записки ночного будочника

"Лето 1997-го года выдалось на редкость холодным"

Пишу эти строки в железной будке типа "батискаф". Справа от меня шипит радиоприемник. Слева — открытое во тьму окно. Сейчас только около двадцати минут десятого, а мне уже почему-то не по себе. Только что вышел по надобности, и покончив с ней, тут же бросился назад в свое надежное убежище, захлопнул дверь, быстро запер ее на замок и цепь. Первая мысль, всегда присутствующая в подсознании даже в яркий солнечный день, — "пришли враги, чтобы расправиться со мной и разгромить будку".

Кругом черным-черно. Мой батискаф давно заброшен на дне неведомого моря. Здесь я совсем один. Полную тишину нарушает только шуршание водорослей за бортом. Электрическая лампочка под потолком излучает яркий свет. Он, должно быть, виден за тысячу миль отсюда...

Изредка к иллюминатору подплывают рыбы, неслышно появляясь из темноты. У них разные лица, губы, носы и рты. Чешуя и плавники заметны меньше, так как скрыты во мраке.

Когда рыб долго нет, кажется, что они уже никогда не появятся, что они все вымерли или переселились в другие моря. Но стоит на минуту расслабиться, как в иллюминаторе уже чавкают губы, шевелятся носы и уши диковинных рыб. Когда я выдаю им корм, они исчезают. Иногда бесшумно, а иногда с веселым хихиканьем.

Делаю очередную запись в бортовом журнале: "Чувство бесконечного одиночества охватывает человека на такой глубине. Колоссальное давление давит на мозги и отбивает всякое желание что-то понимать, осмыслить и хоть в чем-то разобраться". Да и кислорода все меньше. Если он закончится — как я тогда буду общаться с рыбами? Среди них всякие попадаются.

Здесь, на глубине, все очень хрупко и непостоянно. Так, казалось бы, незыблемо сидеть в яркой будке... Но стоит только выйти во тьму, как дороги и тропинки сами понесут меня куда-то без оглядки, только вперед. Я буду ориентироваться на тусклые огни среди деревьев и почти интуитив-

но угадываемое впереди пространство. Ночной шум ветра захватит меня, и я забуду дорогу назад, как только будка скроется за деревьями.

Так тяжело писать... Кислорода все меньше, но всплывать нельзя. Всплытие разрешено только на рассвете с первыми лучами солнца...

Иногда неожиданно мелкая рыба ударяется об обшивку, вызывая легкую дрожь. Можно только представить себе, что будет, если в батискаф врежется взрослая рыба. Рыбы меньше 170 см в длину, как правило, здесь не плавают в это время.

Хочется выйти наружу во что бы то ни стало. При этом опасность сверху практически отсутствует. И все-таки кажется, что как только я открою люк, все обитатели моря примчатся сюда поглазеть на меня и сделать свои выводы. И хотя шансы появления (с претензиями) недовольных кормом ничтожно малы, следует соблюдать осторожность.

Кажется, выход неизбежен. Если бы я знал, что время здесь будет тянуться так долго, я бы отказался от дежурства и заплатил неустойку, только бы остаться наверху. Надо выходить обязательно.

Итак, все нормально, отработанная смесь слита за борт. Рыб не было видно, но, как мне показалось, они шмыгали вокруг в темноте и щелкали плавниками. На поверхности явно неспокойно. Явно кому-то не спится. Где-то там, далеко наверху, раздается пьяный рев, дудки и смех. Там отмечают день рождения любимого города. Грохочет музыка. С неба осыпаются искры салюта, а тысячи пустых бутылок проплывают высоко надо мной.

Черный океан окружает меня. На тысячи квадратных километров — ни души. Здесь, в спертой атмосфере ночной будки, я могу общаться только с комарами и пауками. С первыми разговор обычно не затягивается. Часто все заканчивается первым же приветственным хлопком. Мелькнула мысль о крысах. Но тут же отпала как никому не интересная. Их здесь нет. Обшивка будки крепко сварена. Она выдержала все шторма и ливни нынешнего мрачного лета, и должна еще долго простоять.

Что касается пауков, то они, как и вышеперечисленные представители местной фауны, как правило, симпатий не вызывают. Однако они дают толчок противоречивым чувствам. Им вроде бы все по фиг. Ничего они не боятся и никого. Недаром по народным приметам их можно только топить, иначе раздавленный вами паук будет являться вам в кошмарных снах. Пауки ночной будки — своего рода мафия мира насекомых. Они таинственные воротилы потолка, интеллектуалы темных углов. Видно, например, что у них есть мозги, какие-то цели, принципы, уклад жизни,

наконец. Паук вежлив и предупредителен, но он никогда не поверит вам на слово, руководствуясь правилом "доверяй, но проверяй". Пауки сильны вместе и поодиночке. И только извечный баланс в природе и разнообразие животных форм не дает им оплести своей паутиной весь мир. Несомненно, пауки видят свое предназначение именно в этом. Именно так, по их представлениям, должен выглядеть паучий рай...

Только что недосыпал корма одной рыбе. Она защелкала хвостом, и я понял свою ошибку. Инструкцией подобные ошибки строжайше запрещены. Но давление, недостаток кислорода и весело проведенное время наверху дают о себе знать. Между тем такие ошибки могут быть неправильно поняты, и это высаживает на измену...

Кто такой "metal guru"?

Трудно сказать, почему так притягивает эта мелодия, какие воспоминания и ассоциации всплывают при этом. Но всегда это что-то трогательное и привлекательное.

Она невероятно добрая, несмотря на жесткий ритм. В ней постоянно повторяется один и тот же куплет. Она неудержимо мчится вперед, словно транссибирский экспресс. Она захватывает нас и выносит из подъезда — по холодной лестнице в жаркий день. Мчит по асфальтовой дороге, туда, где заканчивается асфальт. Туда, где начинается Поле с пылью и жаворонками. А за Полем Лески, а за Лесками море. Люди, живущие в высоких домах, часто смотрят туда со своих бетонных балконов. Они щелкают кнопками телевизоров и магнитофонов. Вставляют и вынимают кассеты. Слушают и слушают музыку.

Люди ездят в центр на автобусах. Иногда они возвращаются домой примерно после обеда. Под их балконами растет сухая трава. У их подъездов шелестят листвой деревья. Внутри подъезда прохладно и вонюче. Внутри квартиры тихо и светло. Там работает телевизор: недавно подключили кабельное. А вдруг будет что-то интересное? Изображение плохое, но в перерыве между фильмами иногда бывает музыка. Всегда загадочная и экзотичная иностранная музыка. Диковинные люди внутри телевизора. Кого-то из них давно уже нет среди живых. Кто-то из них давно стал легендой (где-то ТАМ). А я так мало о них знаю... Но сейчас они впервые являются мне. Кто-то что-то сказал... Кто-то что-то слышал... А кто еще помнит о Марке Болане? Он один из загадочных представителей чужого мира, материализовавшийся в советском телевизоре. Припев его песни

звучит в моих ушах как "меливалю" или что-то в этом роде. Никто не знает, что это, зачем и откуда оно появилось. Но в этом есть некая тайна. Так же, как и в ее давно погибшем сочинителе.

Сегодня опять показывали их. Господи! А я переключил слишком поздно и застал только финал ЭТОЙ песни! Следующие уже не так мне интересны. И когда теперь покажут в следующий раз?! Может быть, никогда! Так оно и получилось. Марк Болан навсегда исчез из советских телевизоров. Он сам, как и его удивительная песня, затерялись, ушли в область легенд и смутных воспоминаний. Были сметены проблемами, переменами и жизненной суетой.

Перестроечные времена теперь уже сами стали легендой. Нет ни Поля, ни Лесков, ни советских телевизоров. Только высокие дома с бетонными балконами никуда не делись. И люди все так же ездят на автобусах. Едут в центр и возвращаются обратно. Слушают и слушают музыку. И конечно, им теперь никто не помешает вспомнить о Марке Болане и его удивительной песне. И даже повторять ее слова: "Metal guru, is it you, Metal guru, is it you! Yea, Yea, Yea!".

"Пушкинская осень в Одессе"

В третий раз в нашем городе под этим девизом прошел Фестиваль русской поэзии и культуры, придуманный и осуществленный поэтом Олегом Борушко (Лондон) и его единомышленниками. Участники соревновались за первенство в нескольких разрядах-турнирах: Поэтов, Иронической поэзии, Детском.

В нынешнем году поступило 200 творческих заявок из 18 областей Украины, а в финал прошли около тридцати авторов.

По традиции, все участники конкурса должны были импровизировать и фантазировать на тему пушкинской строки. На сей раз она была взята из "Послания Родзянке..." (царский сановник XIX века): "Прости, украинский мудрец..." – что удалось им в разной степени.

Жюри, в которое вошли известные литераторы из Москвы, Киева, Одессы, определило лучших. В обоих взрослых конкурсах первую премию завоевал киевлянин Александр Чернов. В детском – одиннадцатилетняя Тамара Леонова (Кременчуг).

Наши земляки стали призерами: Анна Ильина – третье место среди взрослых; Элина Унгарова и Марк Солодчук – соответственно второе и третье в детском конкурсе. Ирина Корнетова и Борис Осенний (иронист) заслужили призы зрительских симпатий.

Мы выбрали несколько стихотворений финалистов из вышедшего к конкурсу сборника "Пушкинская осень в Одессе 2010" и предлагаем их нашим читателям.

Феликс КОХРИХТ

Анна ИЛЬИНА

* * *

Зайди в Петербург с телефона,
Разбей невозможную грань
В том зыбком проеме оконном,
Где — помнишь? — горела герань.

Не флагом, что правит морями,
Не невским бесчувственным льдом —
Он встретит тебя пустырями,
Мой Питер, мой брошенный дом.

Я жду тебя там, между строчек,
В дыханье раздвинутых штор,
Где, тонущий в дыме отсрочек,
Причудится наш разговор.

Ты будешь бела, как страница,
Склоненная ветхой строкой.
И царских времен половица
Не всхлипнет под царской ногой.

И, вторя игре привидений,
Не всхлипнет стальная кровать.
И вниз двадцать восемь ступеней
Я буду о нас горевать.

А там, возродившись из пыли,
Нагрянут печали гурьбой...
(О чертово наше бессилье,
Что мы именуем судьбой!)

И холодом выступит жалость
На Млечном, на долгом пути...
Зайди в Петербург хоть на малость...
...И дай мне отсюда уйти.

Одесса

Елена МЕЛЬНИК

Читая Пушкина

Осенняя пора.
Пустеет лета дом.
Все тише и тревожней
над лесами.
Грустит камыш
над пепельным прудом

и ветрено,
и грома голосами
вздыхает даль.
Но сердце ждет вестей
и мучают сомнения
стократно!
И лиственная стелется
постель,
и светится свечою
луч закатный.

Евпатория

Александр ЧЕРНОВ

* * *

Прости, украинский мудрец,
в моих познаниях пробелы
среди стволов, узлов омелы,
ветвей и листьев, наконец.
В угодьях водных и лесных,
рождая речь простых созвучий,
и дикий зверь, и гад ползучий
не знает истин прописных,
когда, куда ни посмотри,
равно за глазом безоружным
происходящее внутри
происходящему снаружи.
Но есть такой в природе свет,
передающий звук и запах,
в котором чувствуешь внезапно
на рубеже враждебных сред:
печаль пчелиную, тоску
осиных гнезд и хохот птахи
волнообразный, словно взмахи
тяжелых крыльев по песку.
Откуда он в меня проник,
достигнув высшего накала,

чтоб, просветленная, на миг
душа на цыпочки привстала?
Ползет ли кроха-муравей,
плывет ли рыба на стремнине —
все откликается отныне
в глубинах памяти моей.
Смогу ли я живую прыть
полупрозрачного растенья,
не повредив его строенье,
в живую строчку превратить,
чтобы раскрытый наугад
мой стих гербарием не высох
и отозвался на губах,
словно обычный вдох и выдох?

Киев

Ирина КОРНЕТОВА

Одессе

Мой город! Солнечновлюбленный
Октябрь пошил тебе наряд...
И ветер, дымом освященный,
Вершит таинственный обряд...

Пасьянс из листьев золотистых
Рассыпал на асфальте день...
На хризантемах бархатистых
Листок кленовый набекрень...

В бутылочно-зеленом море
Царит свинцовая тоска...
Весь пляж в октябрьском декоре:
Пустынна полоса песка...

На территории нейтральной,
Что меж прибоем и землей,

В осенней смуте ирреальной,
Я чувствую себя родней

Туману, осени и морю,
Крикливым чайкам над водой,
Платанам с желтою листвою,
Одессе — нежной и шальной...

Одесса

Ольга СКВИРСКАЯ

Изгои

Про таких говорят: невменяем,
Сумасшедший, придурок, урод.
Мы, я помню, задачи решаем,
Он вполголоса что-то поет.

Все лупили его не вполсилы,
Он смеялся, удар тяжелел.
Мешковатую куртку носил он,
На большой перемене не ел.

Старый пес есть у нас в переулке.
Беспородный, косматый, ничей.
Кто-то кинет бродячему булку,
Кто-то пнет и прогонит взашей.

И вот вижу однажды картину:
Мой знакомый со школьной скамьи
Нежно гладит лохматому спину,
Сидя с ним в придорожной пыли.

Обнимает бродягу за шею,
Пес виляет хвостом и дрожит.
А над ними как добрая фея
Счастье бабочкой белой кружит.

И пошли они к бухте июля,
Где закат осязаем и тих.
С той поры безуспешно ищу я
Тех, кто был бы счастливее их.

Николаев

"Печаль дана, чтоб развиднелось..."

* * *

Тарасу Федюку

Печаль и гнев. Печаль и гнев, —
Недуг страстей всегда греховен.
Но жизнь была б неполнокровной,
Когда б отсечь я их сумел.

Застило свет. Нехватка слов.
Слезы ожог, зубовный скрежет...
Покой — и тот души не тешит,
Судьбу он надвое рассёк.

В единстве разум и душа.
Благоразумие ж и сердце
В одной упряжке тянут врозь.

Взметнулась всполохом межа!..
Печаль дана, чтоб развиднелось,
Гнев — прожигает все насквозь.

Зорепад

Текут небеса, как вода,
И фыркает месяц с пригорка.
Кому-то сияет звезда,
А с кем-то прощается зорька.

Избранья обряд-лиходей —
Кто в гуще созвездий, кто с краю...

...За что из всех прочих людей
Зарница тебя выбирает?

Зари всеочистная ясь,
Пульсация речи надмирной.
И в сердце слеза занялась —
Как таинство, невозмутима.

Рассыпан алмазный овес
С лихвою по горнему полю.
Загадка и чудо чудес —
Заря над тернистой юдолью.

И взглядом, направленным ввысь,
К серебряно-пурпурной книге,
Покайся в тиши, помолись,
Оплачь на раменах вериги.

И небо покинула хмарь,
И ночи наполнена чаша.
А ты — мира вечный звездарь —
Судьбу вопрошаешь на башне.

Как выплавки высшей руда,
Как слов осиянных узорье,
Всходила бессмертной звезда,
А падала, падала — зорька.

И след ее звуком парит.
Душа к поднебесью воздета,
Где так сострадально зорит
Струна благодати и света.

* * *

Прозрачно ткался снег
На грусти лепестка.
Меня нашел твой смех
Сквозь терен и года.

Коснулись руки рук
Сквозь стены и сады.
В оазисах разлук
Рассыпалось:
— Найди!..

Сетования

Молчат, не найдены слова,
Безмолвствуют стихи напропалую.
А мудрость,
Неуклюжая сова,
Глазами хлопает...
Вот так зимую.

Скрипка наследий

Опять эта скрипка. Ей вновь очаровывать душу,
И вновь возвращать, что уже и не грезилось нам.
По водам бездольным нести нас на твердую сушу,
По боли пожарищ направить нас в солнечный храм.

Опять эта скрипка. Мое неутешное диво:
Она достигает и чистых, и темных сердец.
И будни осветит. Про совесть расскажет правдиво.
И к каждому нимбу прицепит терновый венец.

Вот скрипка так скрипка! Пожалуй, одна во всем свете.
(Порвались другие — осталась лишь эта струна.)
Себе заповедует в музыке жизней бессмертье,
Людских полифоний достигнув вершины и дна.

Молчит уже скрипка. Косица из жиденьких струнок...
Сиротски пустая та новая папка для нот.
Дождем золотым возвращается эхо подлунных
Громов, что хрипят отголоском небесных высот...

Тайна

Море вновь задает нам с усмешкой загадки...
И сквозь сон ощущаю волн размеренный ритм.
Словно это судьба листает украдкой
Книгу жизни, в которой ты неповторим.

Сонет лета — уже без матери

Как вчера — и рассвет, и перезва.
Свет — соборность несет небесам.
Первый луч — первый голос небесный.
Отдан щебет вторым голосам.

И душа — словно ключ родниковый,
И прозрачен печали прелюд.
Всё. Без маминого омофора
Покаянно на рясте стою.

Донесут ли небесные струи
Птиц веселых, земных аллилуйю
К слуху матери в царстве зимы?

И укажут дорогу ли к храму,
К отпущенью сиротского срама
Перед Богом и перед людьми?

"Море вновь задает нам с усмешкой загадки..."

* * *

Покинув плен убогих дачных стен,
где все сосредоточенно молчало,
мы закатали джинсы до колен
и двинулись к рыбацкому причалу.

Мы шли на звук, на мерный ропот волн,
мы шли на запах, йода запах свежий,
и словно распростертая ладонь,
предстало перед нами побережье.

Еще безлюдно. Море в этот час
еще спало, и что-то морю снилось,
лишь вдалеке отчаянный баркас
испытывал зачем-то божью милость.

А позже мы креветок и камсу
швыряли вверх с рыбацкого причала,
а чайки их ловили на весу,
и это ничего не означало.

Тяжелый краб, лежащий у воды,
смотрел на мир бессмысленно и мудро.
Смывало море старые следы,
и начинался день. И было утро.

* * *

Роксоланы
село носит имя
скифского племени
рок и соль сложились в названье

в непрерывном кочевье от старых пастбищ к новым
скифы протоптали дорогу
оседлые потомки вымостили ее камнем
в новейшее время появились асфальт кюветы дорожные знаки

осенью
крестьянки приносят к трассе
пестроту и свежесть грядок и фруктовых деревьев
расставляют
на самодельных лотках из фанеры
садятся
на равном расстоянии друг от друга
сцепив пальцы на животе
как скифский идол

купите будь ласка горку яблок
они скрасят ваш путь
вам будет не так тревожно
если несколько яблок покачивается на пустом сиденье рядом

пыль пыль на губах
продолжается ли кочевье
лица напряжены
скоростная трасса
от прежних стоянок к новым
от древних курганов к будущим
и какие разные люди
спешат по дороге и сидят у ее обочины

Вольный город

Заходившие в нашу гавань
караваны торговых шхун
привозили булыжный камень,
для балласта груженый в трюм.

Отнимал грузовую площадь
обязательный этот дар,

им стелили новую площадь,
мостовую или бульвар.

В тихой лавке колониальной,
чужеземцу отдав рубли,
обыватель касался тайны
недоступной ему земли.

Расставляя свои акценты,
превращая зерно в металл,
вольный город достиг расцвета
и расплаты не избежал.

Эти гипсовые амуры
над сапожною мастерской
суть обломки иной культуры,
залетевшие в мезозой.

Подхватило порывом ветра
и рассыпало наугад
те образчики стиля ретро,
что не тронул полураспад.

После сдвигов и деформаций,
обнажающих новый пласт,
от ветшающих декораций
нам остался один балласт.

Нам остался булыжный камень
от затей городских властей,
отшлифованный башмаками
и колесами всех мастей.

Ефим и Давид

Две тыщи лет тому назад — я помню как сейчас —
к Ефиму заглянул Давид и говорит: "Атас,

мой старший брат, держись за стол, иначе упадешь,
в газете я сейчас прочел за нашу молодежь.
В роддоме тройня родилась, все трое — пацаны,
не слабы, согласись, дела наследников страны.
Завод счастливому отцу коляску подарил,
чтоб можно было сыновей возить, не тратя сил.
Ткачихи выткали комплект постельного белья.
Горисполком ключи вручил от нового жилья".

Был горд и рад за них Давид, смотрел куда-то ввысь,
как будто лично у него три сына родились,
и держит он в руке ключи от нового жилья,
где расстелить успел комплект постельного белья.
Сейчас уже не объяснишь, чему же он был рад.
Текла совсем другая жизнь две тыщи лет назад.

"О, неразумный младший брат,— сказал мой дед Ефим, —
халоймес — все, что ты прочел. О чем мы говорим?
Как можно верить в этот бред? Ответь на мой вопрос!
Ты б лучше шабское вино взамен газет принес.
Завода нет, коляски нет, нет нового жилья,
и злая выдумка — комплект постельного белья.
Когда не лгут, ведь тоже лгут!" А я был крайне мал
и, отложив свою игру, без звука им внимал.
Ефим — хитрец, Давид — добряк, они вступили в спор,
но я в кого — не разобрать, не добр и не хитер.

С тех пор прошло две тыщи лет, две тыщи долгих зим,
а я решаю: кто же прав, Давид или Ефим?
Уж если дети родились, то нужно знать верней,
как все-таки сложилась жизнь у трех богатырей.
Стоят ли в поле по сей день, как в ступоре, втроем,
или очнулись, чтоб скакать особенным путем?
Что выпало на том пути? Война? Тюрьма? Сума?
И пощадили ль их живот холера и чума?
Но дед и брат его родной ушли, их больше нет,
а с их уходом в мир иной никто не даст ответ.

Баллада изгнания

Он был легко одет,
перед отплытием я подарил ему
свою шляпу.
Из воспоминаний чекиста

Как холодно в Одессе в феврале!
Мерцает Водолей на небосводе,
бело на море, словно на земле,
мороз и ветер — кавардак в природе.

Снег вперемешку с ледяной крупой
обрушился, как божье наказанье;
изгой и вождь, преступник и герой
сегодня отправляется в изгнанье.

Он смотрит сквозь нечистое стекло
летящей в белый сумрак спецмашины,
его везут, ему не повезло,
но будет время выяснить причины.

Шофер газует, давит на педаль,
на перекрестках поминая черта...

"Знакомый город, чуть не ville natale,
знакомый путь — с окраины до порта.
Куда как скучно сохранять уклад,
отцом и дедом созданный с любовью,
и жизнь ценя, не строить баррикад,
предпочитая Тору и торговлю.
Здесь кровь прольют — во время грабежа,
с иронией воспримут смену флага
и риск поймут лишь ради барыша,
а не во имя мирового блага".

...От станции Раздельная его
домчат без остановок до причала,
где ждет "Ильич". "Названье каково! —
он бросит. — Хорошо б не укачало..."

Как холодно в Одессе в феврале
у берега. Вот человек по трапу
спускается: "Багаж на корабле.
Прошу вас..." И протягивает шляпу.

Куда теперь? И что за морем ждет?
Им плыл Улисс, с ним пленная Гекуба...
Дар ГПУ его убережет
от инфлюэнцы, не от ледоруба.

Составляя антологию

Лес легких лесенок сквозных,
прямых и винтовых,
дым пробирается сквозь них
из вытяжек печных,

я вижу город под собой,
он многими воспет,
и я неверною стопой
иду за ними вслед.

Он, вспыхнув, ослепив, затмив,
от мостовых до крыш
весь уместился в новый миф,
как Вена и Париж,

и в этом мифе золотом
ему сам черт — не брат,
он в нем, как в веке золотом,
насмешлив и богат.

Но не дано тем, кто извне,
проникнуть за покров,
в ту жизнь, которая на дне,
внутри его дворов.

Я мифотворцев не корю,
не поджигаю храм.
— Пусть будет так, — я говорю, —
— поверим их словам.

Москва

Домашний сверчок

* * *

Грачи устроят перепалку,
И я увижу из окна,
Что галок и грачей — не жалко,
У них не ссора, а весна...

Они кричат, не обижаясь,
Не прячась в грусть и скорлупу,
Как мы... Не сетуя, не жалуясь
Ни на весну, ни на судьбу...

* * *

Щедрая бабочка в синем разливе небес...
Если хватиться сачка, то останемся без
легкости этой, что прячет двоих под крыло,
не прерывая движения — дарит тепло...
Если хватиться сачка и печаль затаить —
Я не узнаю, кем сотканы крылья твои...

* * *

Миг настроенной скрипкой — лежит на плече,
Но боясь, как чумы, закругленного жеста,
Я — в ладонях небес, я похожа на тесто,
Ты печешь меня в жарком июльском луче...

То к высокой волне подведешь босиком,
То насыпешь горячей полуденной соли...
И расправлюсь струной, и оправлюсь от боли,
К сердцу скрипки — как встарь — прижимаясь щекой.

* * *

"Если правду сказать — я по
крови домашний сверчок..."
А. Тарковский

Ночь прикроет ладонью меня — как сверчка,
Прилетит первых снов голубиная стая...
Ты пойми, до конца я не знаю пока
Ничего... В эту ночь — я на скрипке играю...

Что случится — полет или новый щелчок...
Не укрыться от ветра увесистым томом.
Ты пойми, я по крови — домашний сверчок,
Но опять поутру убегаю из дома...

* * *

Печаль — боренье с ангелом в ночи...
Но боль уходит, и светлеет небо...
И галка, что за окнами кричит,
Опять не просит ни воды, ни хлеба...

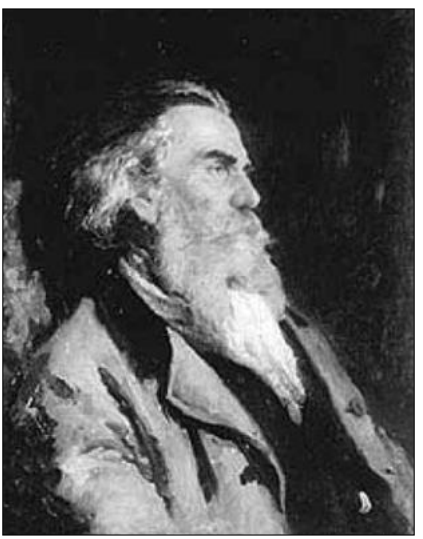
Ей все уже отмерено с лихвой,
Найдется хлеб в пакетике бумажном...
Но крик ее звенит над головой
О чем-то кроме голода и жажды...

Татьяна БЫКАДОРОВА

Счастливая звезда А.П. Боголюбова — моряка и мариниста

К 110-летию Одесского художественного музея

Бывает так: идешь по музейным залам, и вдруг еще издали взгляд привлекают несколько картин. Они небольшого размера, они не манят яркими красками, но явственно слышен их аккорд, звучание тонких холодных серебристых серых тонов со многими вариациями. Еще не ясен сюжет, неразличимы детали, но эти картины настойчиво притягивают нас к себе. Перед нами работы Алексея Петровича Боголюбова — прекрасного художника, знаменитого, признанного корифеем русской живописи во второй половине XIX века, почитаемого знатоками живописи и собирателями и сегодня, но, к сожалению, мало известного широкому кругу публики. Не так давно отмечался 185-летний юбилей замечательного мастера, и в связи с этим хочется подробнее рассказать о его творчестве, интереснейшей судьбе и о картинах, хранящихся в Одесском художественном музее.

Родился А.П. Боголюбов 28 марта 1824 года в семье военного. Его отец был боевым полковником, участвовавшим во всех кампаниях России против Наполеона. Мать — дочь опального революционного мыслителя и писателя А.Н. Радищева, на чье творчество и само имя был наложен в то время запрет. Боголюбов гордился своим великим дедом. Будучи уже известным художником, он в 1885 году открыл в Саратове, где находилось имение Радищевых, один из первых провинциальных общедоступных музеев в стране, который по его настоянию был назван Радищевским художественным музеем.

Судьба Боголюбова была определена родителями с детства — уже в шесть лет он зачислен в морскую роту Царскосельского корпуса, затем переведен в Морской кадетский корпус, который окончил в 1840 году. Именно в Морском корпусе он впервые прославился как художник. Прославился своими карикатурами. Плодами этой славы было то, что с молодого мичмана взяли подписку, что впредь он не будет заниматься рисованием до производства в офицеры.

История умалчивает, действительно ли Боголюбов на какое-то время оставил рисование, но факт остается фактом — творческая эволюция этого художника ярка и поучительна. Действительно, живописный талант Боголюбова — счастливый пример самосозидания.

Во время походов на военных кораблях по Балтийскому и Северному морям, по Атлантике Боголюбов делает множество рисунков, акварелей. Каждую свободную минуту он посвящал живописи. С современной ему европейской школой живописи впервые он познакомился в 1848 году, посетив музеи Амстердама, Гарлема и Роттердама. И вот во время одного из морских походов на острове Мадейра Боголюбов знакомится со знаменитым во всей Европе художником Карлом Брюлловым, который, взглянув на его работы, настоятельно рекомендует молодому моряку-художнику серьезно заняться живописью. Талант Боголюбова замечает и герцог Максимилиан Лейхтенбергский, который в то время был президентом Академии художеств.

В 1851 году Боголюбов поступает в Академию художеств и уже в 1853 оканчивает ее с большой золотой медалью. Только теперь он оставляет морскую службу и становится художником Главного морского штаба.

Одесский художественный музей располагает коллекцией, которую составляют тринадцать живописных картин Боголюбова и один лист графики. И это не только интересный рассказ о путешествиях моряка-художника. Написанные в разное время, работы отражают те изменения, которые претерпевал его стиль.

После окончания Академии художеств Боголюбов часто и подолгу бывает в Европе. В целом его пенсионерство длилось семь лет. Молодой и энергичный, он работает в Италии, Швейцарии, Турции, Франции, Германии, Голландии и приобретает богатые впечатления от знакомства с музеями, выставками, художественными школами.

До поступления в академию во время путешествий по Европе на Боголюбова сильное впечатление произвели пейзажи английского мариниста Тернера с их красочностью и приподнятым настроением. Но начав рабо-

тать в академии, он был поражен яркостью творчества Айвазовского. Боголюбов вспоминал: "...я увидел в первый раз такой блеск красок на холсте, что даже забыл Тернера".[1] Мастерство Айвазовского имело большое влияние на молодого художника, и Боголюбов начинает подражать своему великому предшественнику, как он позже говорит, "до гадости".

Под впечатлением образов Айвазовского написана картина "Парусник. Аванцо", хранящаяся в Одесском художественном музее. Перед нами ночь, чуть взволнованное море, парусник с поднятыми парусами на фоне темных очертаний итальянского города Аванцо вдалеке. Полная луна освещает этот пейзаж, заливая все вокруг холодным синим светом; от нее бежит мерцающая в волнах желтыми оттенками лунная дорожка. Вероятно, пейзаж написан во время первого путешествия Боголюбова по Италии в 1854-1856 годах.

Стиль работы "Порт д'Анцио" из фондов ОХМ также позволяет отнести ее к раннему этапу творчества художника. Из "Записок" Боголюбова известно, что он в 1855 г. бывал в этом небольшом городке, расположенном немного южнее Рима. На картине изображено взволнованное море с разбрызгивающимися о скалы волнами, серое штормовое небо. Пейзаж "Морской берег. Сорренто" написан в той же манере. Это романтический вид города Сорренто на высоком скалистом берегу, вдали окутанные дымкой горы и море — уже "боголюбовское": серебристое, с удлиненными синими, голубоватыми, светлыми полосками волн.

Работы из фондов ОХМ "Лунная ночь" с фактурными эффектами и "Костел ночью", вероятно, также написаны в Италии и относятся к 1854-1856 годам.

В 1854 году Боголюбов, совершая поездку по Италии, впервые посещает Венецию. "Не буду описывать моих впечатлений и восторгов венецианских. Считаю это личным достоянием каждого, кто здесь побывает, — пишет в своих "Записках" художник. — А мои впечатления кто увидит в картинах, то пусть составит понятие, верно ли я глядел на красавицу морей и точно ли передавал ее тонкий серебристо-серый колорит, ее мутную, но очаровательную воду и разнообразнейшие строения перспективных линий. Красоты ее так глубоко меня поразили, что я много раз писал ее во всех видах в разнообразные времена, да и буду писать до конца моей жизни..."[2]

В Одесском художественном музее находятся две недатированные работы под названием "Венеция". Одна из них, с изображением канала, нескольких парусников и фрагмента портика хранится в фондах музея и, вероятно, относится к раннему периоду творчества художника. Возможно,

она написана во время первого пребывания Боголюбова в Венеции. Во многом чувствуется влияние академии: несколько суховатая манера, горизонтальность планов, пристальное внимание к деталям, гладкая лессировочная живопись. Но при этом есть единая световоздушная среда, прекрасно выстроена перспектива, — преподавателем Боголюбова был М.Н. Воробьев, не только талантливый художник, но и замечательный педагог.

Можно, однако, предположить и другое. Известно, что виды Венеции молодой художник писал с гравюр, будучи еще учащимся академии. В подтверждение такого происхождения работы говорит ее колорит — Боголюбов здесь явно подражает Айвазовскому. Он сам с позором вспоминает об этом на страницах своих "Записок", которые в данном случае лучше не цитировать.

Красив этюд "Венеция", находящийся в экспозиции ОХМ, который поступил в музей из собрания видного одесского коллекционера и мецената А.П. Руссова: прозрачный воздух, изящные очертания архитектурных сооружений, лес тонких мачт, устремленных в небо, и паруса, многокрасочно отражающиеся в спокойной воде канала. Музейный каталог датирует эту работу 1851 годом, то есть годом поступления Боголюбова в академию, поскольку на лицевой стороне холста значится число "51". Однако такие цифры, иногда встречающиеся на холстах Боголюбова, обычно представляют собой порядковые номера. Так на предыдущей "Венеции" можно заметить цифру "8". Известно, что Боголюбов еще не раз бывал в Венеции. Он посещал ее и в 1872, и в 1873 гг. Говорят, Боголюбов так и не полюбил природу Италии, хотя она словно предрасполагает к *dolce far niente* — "прекрасному ничегонеделанию", которое в глазах русских было истинной основой итальянской жизни. И лишь Венеция с ее жемчужным воздухом, каналами и архитектурой вдохновляла его и очаровывала.

В Италии, в Риме, Боголюбов знакомится с русским художником А. Ивановым, совету которого — больше уделять внимание рисунку с натуры — следовал всю жизнь. В Европе он завязывает знакомства со многими интересными людьми. Он знакомится с А. Дюма, композитором Р. Шуманом и его супругой пианисткой Кларой Шуман, знаменитым Дж. Россини. В Париже два с половиной года учится у известного французского художника Э. Изабе, сближается с художниками О. Верне, Ж.О.Д. Энгром, П. Деларош; позднее знакомится с барбизонцами — К. Коро, Ш.Ф. Добиньи, Т. Руссо, К. Тройоном. Трезвый реализм Боголюбова удивлял многих западноевропейских мастеров и внушал уважение

к их русскому побратиму. Поэтому в его мастерской часто сиживал "старик Коро, — как писал Боголюбов, — и покуривал свою коротенькую трубку, которую в виде лакомства набивал турецким табаком, у меня водившимся".[3]

В 1859 году Боголюбов отправляется в Дюссельдорф к Андрею Ахенбаху, работами которого он восхищался. Ахенбах рекомендует ему забыть его картины, руководствоваться только своим взглядом на природу, и отправляет его на этюды в небольшой голландский городок Шевенинген. "Возвратясь домой через три месяца, я привез пропасть тщательных рисунков с натуры и столько же этюдов. Более всего отец Андрей одобрил корабли, барки, пароходы, лодки и, узнав мою силу, советовал мне всегда держаться этой отрасли..." — вспоминал Боголюбов.[4]

В экспозиции ОХМ можно увидеть "Этюд" с лодками, поступивший в музей под названием "Шевенинген", который, вероятно, был написан именно в 1859 году. Оставаясь верным себе, художник пишет всего лишь то, что видит, ничего не приукрашая и не идеализируя, но все же пейзаж оказывается удивительно романтичным. И в этом суть своеобразия таланта Боголюбова, — он осознанно стремится передать на холсте всю прелесть неприкрашенной природы, сообщить зрителю настроение, испытываемое самим художником от реального пейзажа. В Шевенингене Боголюбов бывал и позже, в 1885 году, но к этому времени его живописная манера претерпела значительные изменения.

В 1860 году, возвратившись в Петербург после семилетнего отсутствия, А. Боголюбов привез около тридцати картин, двести этюдов и сотни рисунков, за которые Академия художеств присвоила ему звание профессора "по живописи пейзажной". В пользу вдов и сирот художников была устроена выставка работ Боголюбова, которая имела огромный успех.

Художник, уезжавший в заграничную командировку откровенным подражателем Айвазовского и добросовестным учеником Воробьева, вернулся интересным своеобразным мастером, усвоившим современную европейскую технику живописи. Ни один из пенсионеров не привозил такого количества свежих этюдов, рисунков, картин.

Конечно, главные объекты его изображений — это море и корабли, приморские города. При этом творческие интересы Боголюбова проявлялись в двух не пересекающихся друг с другом направлениях. По царским заказам и заказам Главного морского штаба им исполнены серии картин по истории морских сражений русского флота. Младший современник А.П. Боголюбова одесский художник Петр Нилус пишет: "Картины, вы-

полненные по поручению императоров Николая и Александра II, образуют целую галерею, составляющую почти полную историю нашего военного флота. Эта галерея может считаться одной из очень редких: мы не знаем в Европе ни одного мариниста, деятельность которого представила бы такую цельность, разнообразие и богатство".[5]

Другая сторона творчества художника представлена натурными этюдами, которые он писал не по заказу, а просто по внутренней потребности. Многие часы теперь Боголюбов проводит в работе на пленэре. И хотя он пишет и большие панорамные картины, и заказные серии картин о морских сражениях, свое призвание он нашел именно в этюдах. "Что больше всего доказывает в нем присутствие таланта, это его этюды. В них он бывает даже положительно оригинален", — писал И.Н. Крамской в 1877 г.[6] Точнее, это этюды-картины, так как в композиционном, живописном и образном отношении они имеют характер небольшой натурной пейзажной картины. Писал их Боголюбов постоянно, изо дня в день. На страницах своих "Записок" он вспоминает: "Писал я их (этюды. — **Т. Б.)** массу, оставляя себе более достойные, а остальные — все на кутеж и жизнь"; и дальше замечает: "Теперь наши художники так не поступают. Вся их работа расценивается на вес золота. Хлам свой они берегут Бог знает для чего, не желая уронить свое достоинство. Все это ложно, тупо и глупо".[7] О своих работах он пишет: "200 таковых у меня купила академия наша, 250 я отдал в свой музей (Саратовский Радищевский. — **Т. Б.)**, а тысячи, слава Богу, гуляют по всему свету".[8]

Наиболее интересными, ценными пейзажными этюдами 70-х годов — времени начала творческой зрелости художника — Боголюбов представлен и в экспозиции ОХМ.

Пейзажи "Сен-Мало" (1870), "Морской берег" и "Лидо" (1872) написаны в разное время, но расположенные рядом и выполненные в одном тональном решении, воспринимаются как единое целое. Эти этюды, передающие большие пространства, наполненные воздухом, светом, восхищают богатством цветовых переходов, скрытых в сдержанной скромной гамме. В это время происходит коренная перестройка живописной системы Боголюбова. Он освобождается от суховатой обстоятельности, находя живописное содержание в самом простом мотиве.

В Сен-Мало, небольшой приморский городок на французском берегу Ла-Манша, Боголюбов прибыл вскоре после начала франко-прусской войны. Глядя на эту работу, которая была приобретена Императорской академией художеств под названием "Купальня для дам", трудно запо-

дозрить, что война уже началась: сидит под зонтиком дама в окружении собачек, пишет этюд художник, поодаль — пары, прогуливающиеся по берегу. Но в своих "Записках" художник-путешественник вспоминает: "Туда тоже проникло воинственное настроение, вечером толпы мальчишек бегали по улицам с разноцветными фонарями и знаменами... Газеты зачитывались до хлопьев. Солдатики наплывали со всех сторон. Беглецы — молодые люди шепотом говорили, узнавая, как бы отлынить от набора".[9]

Атмосферы войны не чувствуется и в работе "Морской берег. Этюд". (Сам Боголюбов дал ей название "Могила Шатобриана".) Близ Сен-Мало в проливе Ла-Манш расположены маленькие острова. На одном из них похоронен Шатобриан — поэт-романтик, писатель и дипломат. Он сам избрал местом своего погребения одинокую морскую скалу Lie du Grand-Be, где бы и после смерти он "мог разговаривать с морем". Попасть на Grand-Be из Сен-Мало возможно лишь во время отлива. Эта особенность заинтересовала Боголюбова, и он пишет этюд-панораму с идущими в отдалении по узкой тропинке людьми, направляющимися к могиле Шатобриана.

Работа не датирована, но можно предположить, что она написана в то же время, что и "Сен-Мало": та же местность, колорит, формат картины. В Музей живописи при Императорской академии художеств она попадает под названием "Бретань (Могила Шатобриана)" в 1874-1875 гг. вместе с работой "Сен-Мало (Купальня для дам)", а также "Порто Данцио (Морской прибой)".[10]

Работы "Сен-Мало" и "Могила Шатобриана" были переданы в 1885 году одесскому Обществу изящных искусств Императорской академией художеств.[11]

Пейзаж "Остров Лидо" (Венеция) также был приобретен Академией художеств в 1874 г. В Одессу он поступил до 1915, более точное время поступления в ОХМ неизвестно. Лидо — небольшой полуостров, коса, отделяющая Венецианский залив от Адриатики, — излюбленное место многих поэтов, писателей и художников. В этом пейзаже сине-серое море с белыми, чуть удлиненными полосками набегающих волн кажется необъятным перед человеческими фигурками, входящими в воду. Но природа на картинах Боголюбова никогда не подавляет человека своим величием, напротив, она как бы открывает ему свою внутреннюю жизнь для совместного бытия.

Работы "Сен-Мало", "Могила Шатобриана" и "Шевенинген" экспонировались на I Выставке передвижников в Москве в 1872 году.

Этюд "Шевенинген" и ранняя работа "Порт Данцио" поступили из Академии художеств специально для открывающегося Музея изящных искусств (сегодня — Одесский художественный музей) по просьбе одесского городского головы Г.Г. Маразли в 1896 г.[12]

Боголюбов и сам посетил Одессу, и написал ее вид.

Здесь нужно рассказать еще об одной стороне личности Алексея Петровича Боголюбова. Его творческая судьба как для художника складывалась удивительно счастливо. И здесь свою роль сыграли не только его редкое трудолюбие, образование, офицерское звание и происхождение, но и талант общения с людьми. Боголюбовские контакты простирались от самых демократичных кругов, охватывавших не только русское, но и европейское общество, до самых высших придворных сфер. Достаточно близко Боголюбов был знаком и с царской семьей. Особым милостивым вниманием он пользовался и у государя Александра II, и у цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III, высочайшего покровителя Радищевского музея, благодаря которому Боголюбов добился легализации имени Радищева), руководил занятиями по искусству цесаревны (датской принцессы Марии-Софьи-Фредерики-Дагмар), которая впоследствии станет государыней императрицей Марией Федоровной. Уроки он ей давал бесплатно. "Я... никогда не позволял себе быть учителем на жаловании, что давало мне право быть гораздо свободнее с нею в моих беседах об искусстве", — писал Боголюбов, отмечая аккуратность, чистоту манеры и отменный вкус к краскам молодой супруги цесаревича.[13] Такое отношение к художнику со стороны царствующих особ в России является почти что исключением. Был он представлен и королю датскому, императору австрийскому.

В 1869 году вместе с наследником цесаревичем и цесаревной он отправляется в путешествие по Волге и Дону до Черного моря. Конечным пунктом этого путешествия стала Одесса. Императорская яхта "Тигр" пришвартовалась в Карантинной гавани 4 сентября 1869 г. "Около половины 9-го часа императорская яхта показалась на горизонте, и около половины 10-го часа бросила якорь в Карантинной гавани", — отмечает газета "Одесский вестник".[14] Характеризует Боголюбов Одессу коротко, но емко: "...Я не буду описывать красоты города Одессы, они известны многим россиянам, ибо самые высокие плуты, банкиры и казнокрады — все были продуктом этого нового культурного города с жидами, греками, итальянцами, турками, армянами и пр. и пр. Побывав в музее, приняв бал, их высочества отправились в Москву и Петербург".[15] Нужно сказать, что

программа пребывания наследника и его супруги в Одессе была гораздо шире. Из "Одесского вестника" известно, что они посетили Кафедральный собор, приют цесаревны Марии Федоровны близ Михайловского монастыря, затем последовали на Скаковое поле, где были расположены лагерем стоящие в Одессе войска. Также были в Институте благородных девиц, посетили императорский Новороссийский университет и вечером присутствовали в театре. Около полуночи с железнодорожного вокзала отбыли в Киев.[16]

Можно предположить, что Боголюбов не сопровождал царскую семью во всех передвижениях по Одессе, а посвятил свое время любимому делу: в фондах ОХМ хранится лист графики А.П. Боголюбова с видом Одессы, выполненный в смешанной технике. "Одесса-порт" — замечательный видовой пейзаж, написанный художником, по-видимому, с Карантинного мола и изображающий Практическую гавань Одессы. Через залив в отдалении можно увидеть Потемкинскую лестницу, справа от нее Никольскую церковь у моря. На Приморском бульваре хорошо различимы полуциркульные дома, построенные в 20-х годах XIX века, возвышающийся над ними купол Кафедрального собора, Воронцовский дворец. Слева у мола фрагментарно — ряд парусных кораблей, написанных очень тщательно, со знанием дела. Но, конечно, здесь сказывается профессионализм Боголюбова не только как моряка, но и как художника. Ему удается прекрасно передать ощущение пространства, ощущение протяженности над заливом и уходящей дальше — за противоположный берег. На переднем плане работы очень живо изображены две человеческие фигурки, сидящие на причале, увлеченно склонившиеся за каким-то занятием, и скучающая личность, прислонившаяся к кнехту.

В достаточно подробных дневниках А.П. Боголюбова нет других упоминаний о пребывании в Одессе, поэтому данную работу можно датировать 1869 годом.

Нужно отметить, что имея обширные и устойчивые связи при русском императорском дворе, царедворцем Боголюбов не стал. Близость ко двору, а также членство в совете императорской Академии художеств не мешало ему быть и активным деятелем оппозиционного Товарищества передвижников, с которыми Боголюбова сближала верность принципам реалистического искусства, смелость и неутолимая жажда новаторства в пленэрной живописи.

С начала 1870-х годов по состоянию здоровья Боголюбов почти постоянно живет в Европе. Академией художеств он назначается старостой

среди русских художников, работающих в Париже и Риме. Совместные поездки на этюды, встречи праздников, Нового года по русскому календарю, музыкальные вечера в доме И.С. Тургенева или Полины Виардо, с которыми был дружен Боголюбов, делали жизнь художников разнообразной, активной и живой.

В 1877 году по инициативе Боголюбова в Париже создается Общество взаимного вспомоществования русских художников, где председателем становится он сам, а секретарем — И.С. Тургенев. Имея связи при дворе, Боголюбов неоднократно помогал своим собратьям в получении выгодных заказов на картины или денежного содержания. Он был советчиком и товарищем многих молодых художников — И. Репина, В. Поленова, В. Верещагина, И. Похитонова. Оставаясь энергичным и активным до самой своей смерти, последовавшей в 1896 году, он сделал очень много как для продвижения русской живописи в Европе, так и в "обратном направлении", — Боголюбов привнес в русскую живопись новые европейские течения, вплоть до раннего импрессионизма.

Благодаря разнообразным впечатлениям и знаниям Боголюбов приобрел большой опыт и выработал индивидуальную манеру живописи. Создал собственный художественный мир. Каждый художник отличается своим видением реальности, проявляющимся в любой клеточке его холста, и это накладывает печать единой личности на все его работы. Творчество Боголюбова в течение жизни вобрало в себя многие направления европейской живописи XIX века — от холодного академизма до пленэрного реализма с многообразием цветовых оттенков, до работ, выполненных в стиле позднего романтизма с их повышенным интересом к передаче эффектов освещения, от барбизонской традиции до раннего импрессионизма. Но несмотря на это, существует определенное единство многочисленных произведений этого удивительного художника. Работы из коллекции Одесского художественного музея — яркое тому подтверждение.

Примечания

1. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника 1848-1852 // www.centre.smr.ru ("Записки моряка-художника" увидели свет сравнительно недавно — в 1996 году, к 100-летию со дня смерти А.П. Боголюбова их печатал журнал "Волга". Сам художник завещал их опубликовать через 22 года. Это шесть довольно толстых тетрадей. К ним по его завещанию прилагалась сумма 2000 р., которую следовало положить на проценты, с тем чтобы через 22 года наросла сумма, необходимая для издания его "Записок". Специально для того, кто будет составлять его записки, Боголюбов оставляет в подарок четыре своих рисунка, выполненных тушью и пером. 22 года, рассчитанные Боголюбовым, истекли в 1918 году, и к тому времени, когда все стало государственным, выполнять его волю было уже некому.)

2. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника 1853-1854 // www.centre.smr.ru

3. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника 1857-1858 // www.centre.smr.ru

4. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника 1859-1860 // www.centre.smr.ru

5. П. Н-с А.П. Боголюбов // Одесские новости, 1896 (29 октября). — П.Н-с — Петр Александрович Нилус (1869-1943), член ТПХВ, активный деятель ТЮРХ.

6. Цит. по: Арбитман Э. Алексей Петрович Боголюбов: К 160-летию со дня рождения. — Искусство, 1985. — № 3. — С. 64-70.

7. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника 1857-1858 // www.centre.smr.ru

8. Там же.

9. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника 1870-1874 // www.centre.smr.ru

10. Отчет императорской АХ: с 4 ноября 1874 г. по 4 ноября 1875 г. — СПб, 1876 // www.rarebooks.ru

11. Упоминается об отправке в Общество изящных искусств в 1885 году // Художественные новости, 1885. — Т. 3. — № 6 (15 марта). — С. 168. (Цит. по: Архів. Документ. Історія. Сучасність: Збірка наукових статей та матеріалів / Праці Державного архіву Одеської області. — Т. IV. / Архів Одеської області Державного комітету архівів України. — Одеса: Друк, 2001. — 381 с.)

12. "Швенинген" и "Порт д'Анцио" упоминаются как присланные из АХ в 1896 г. // Одесские новости, 1898. — № 4205 (21 января). (Цит. по: Архів. Документ. Історія. Сучасність: Збірка наукових статей та матеріалів / Праці Державного архіву Одеської області. — Т. IV. / Архів Одеської області Державного комітету архівів України. — Одеса: Друк, 2001. — 381 с.)

13. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника 1864-1869 // www.centre.smr.ru

14. Одесский вестник, 1869. — № 195 (5 сентября).

15. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника 1864-1869 // www.centre.smr.ru

16. Одесский вестник, 1869. — № 195 (5 сентября).

Галина МЕЩЕРЯКОВА

Как времени пойти наперекор

Как время нашей воле подчинить?
Утопия! Таинственной воронкой
Уже затянутый наполовину –
Боюсь порвать кармическую нить,
Что оказалась беззащитно тонкой.
Не сдамся! Не устану! Не остыну!
Ю. Линник

Бравада? Возможно. Однако полезно услышать голос человека, живущего во всю силу своих возможностей. Чужие мысли, чужие стихи, картины, творения и сотворения, которыми они становятся в момент узнавания их, как свои мысли, переживания и... словом, сотворчество.

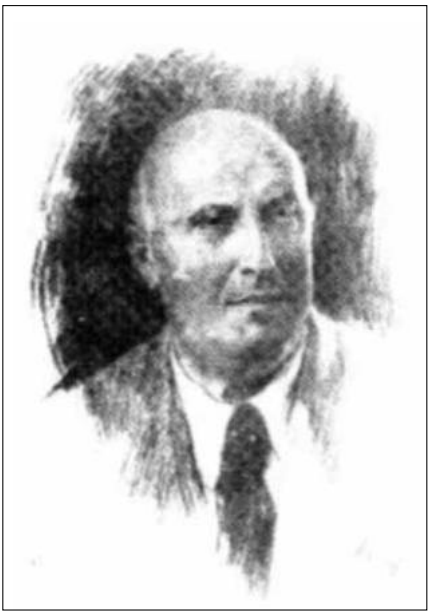
Воспоминания — это своеобразный призыв к сотворчеству. Я расскажу — вы послушайте и проникнитесь.

Одесса — город, давший много славных имен, а уж о славных людях есть что вспомнить. У меня свой выбор. Свои представления о том, что хочется донести до вас.

Итак. Выставка в Художественном музее из частных собраний. Вхожу — и сразу поражена большим по размеру полотном — натюрморт, закомпонован своеобразно: холст почти пустой, внизу арбузы, овощи, фрукты, сбоку драпировка. Живопись сдержанно-изысканного колорита. Автор — Теофил Фраерман. С работой этого художника сталкиваюсь впервые. Еще работа, опять натюрморт. Посреди холста удлиненного формата — табурет. На нем сложены игрушки, сбоку драпировка (так запомнилось), и из-за нее выглядывает кукла-паяц. И опять-таки невероятно изысканная живопись, это не мешает ей быть мощной без навязчивого самоутверждения. Для меня все это открытие. Я прониклась красотой и необычной культурой решения.

Никто толком ничего не может сказать об этом художнике.

Проходит какое-то время. По делу я прихожу на улицу Греческую и попадаю в помещение Музея западного и восточного искусства со стороны двора. Мраморная лестница, второй этаж — и я в вестибюле. Мне нужна была квартира Зелигеров. Две входные двери, справа — Т.Б. Фраерман. Я поражена, даже потрясена. Неужели это квартира художника Фраермана? Да, действительно, здесь когда-то жил Т. Ф., а сейчас живет его вдо-

М. Иванов. Портрет Теофила Фраермана

ва. Я прошу Зелигеров познакомить меня с Лидией Владимировной, вдовой художника. Меня знакомят. И — о чудо! — в комнате ковровая развеска работ Фраермана. Большинство — это гуаши, но есть и работы маслом. Небольшие по формату, но все тоже чудо живописи. Композиции своеобразны. При всей их простоте и локальности они очень выразительны.

Вот так началась моя школа живописи и знакомство с судьбой художника.

Я видела проспекты "Осенних салонов", ежегодные выставки в Париже. Так вот, члены жюри: Роден, Анатоль Франс, Фраерман, ну и другие, естественно.

Ах, какие документы, какие письма! Современники старшего поколения, — а фотографии! Вера Холодная на даче у Фраерманов (флигель с колоннами на территории нынешнего санатория "Россия"). Она снята на веранде у стола, где сидит общество, на плечах у нее подобие шали. "Вот эта шаль", — и Лидия Владимировна показывает мне ее: кремовый шелк вышит крошечными сценками из жизни китайцев. Шаль, обычная в быту вещь, но чудесным умением превращена в произведение искусства, а это отсылает нас к вечности. Что такое произведение искусства? Это время, застывшее в вечности. Творя, человек подспудно ощущает, что есть иная, вневременная реальность, с которой он связывает свои представления о высших ценностях бытия. Именно это и останавливает нас перед подлинными творениями человека.

Однако все далеко не однозначно. Как-то я встретила известного заслуженного художника и поделилась с ним своими восторгами о живописи Т. Фраермана. Он согласился, что это неординарный живописец, однако... "Сидеть в четырех стенах и писать неизвестно что, это как-то..." Словом, не "наш человек". Да, действительно, было такое определение после статьи тов. Жданова в журнале "Звезда".

Летели головы лучших из лучших: Ахматова, Зощенко. Это Ленинград. Ну, и Одесса выполнила разнарядку. И попали в числе прочих Т. Фраерман, Д. Фрумина и другие. Один шаг — и ты "враг народа". Вот вам и четыре стены, и живопись неизвестно о чем.

Профессор Фраерман был лишен возможности преподавать. Оставался Худфонд, чтобы заработать на пропитание. А времена голодные, послевоенные.

Далеко в прошлом то время, когда художник приехал из Парижа в Одессу к больной матери и волею судьбы остался навсегда в нашем городе. Преподавал в Художественном институте Одессы, участвовал в организации Музея западного и восточного искусства. Стал его первым директором. Тогда музей назвался "Народно-художественным".

Итак, художник Фраерман в Одессе. Жил, много работал творчески, успешно преподавал. Ему было чему научить будущих художников. Среди студенток он отличил Лиду. Ей пора было замуж, и она охотно приняла ухаживания преподавателя, человека внешне импозантного, примечательного своим обликом, к тому же мягко остроумного, много повидавшего за стенами уже тогда прочно существовавшего "железного занавеса". Однако время шло, а дальше ухаживаний дело не продвигалось. Были очень интересные рассказы о жизни во Франции, о людях, с которыми свела судьба художника, но это и всё. Забеспокоились родители. Состоялся разговор — и Фраерман сделал официальное предложение. Расписались. Лидия осталась дома у родителей, Тюша, так она его называла, ушел к себе домой.

А жил он в это время в угловой комнате дворца Толстых. В этом же особняке в это время располагался и музей. Комната на тот момент сохранила основной декор: стены обтянуты шелком, по углам свисают до пола большие кисти, на полу белый ковер. Имея безупречный вкус, Фраерман не разрушал созданной до него красоты интерьера, а лишь насытил его подобранными в пандан вещами. Но туда Лидушу не пригласили. А была она хороша. Сейчас определили бы понятием "стильная женщина". Но все постепенно стало на свои места. Брак был счастливым, жизнь увлекательной. Однако не все так просто и в этой ситуации. Со стороны Лидии Владимировны отношение к Фраерману вряд ли можно назвать любовью, скорее увлечением, обусловленным уважением и восхищением как человеком далеко не ординарным и прекрасным художником. Это она оценила сразу, это и покорило ее.

Но в жизни все не так просто и однозначно. Впереди Лидию Владимировну ждала любовь.

А. Чемесов. Портрет Л. Мучника

Еще будучи молодыми девушками, Лидия и ее сестра (впоследствии жена киевского скульптора Фридмана, в свое время оказавшего большое влияние на судьбу художника Шовкуненко, подсказав тому, как удержаться на прежней высоте, уже давно завоеванной художником, но, увы, не вписывавшимся в тематику и видение окружающего нового советского времени. Так вот, Фридман порекомендовал создать цикл работ на стройке коммунизма Днепрострое. Благодаря энергии жены Шовкуненко попал на стройку, где весьма успешно поработав, создал цикл акварельных пейзажей "Днепрострой", выставил их в Киеве и с успехом влился в ряды художников киевского творческого союза) обратили внимание на блестящего молодого человека, часто попадавшегося им на пути. И неудивительно, — ходили они одними дорогами. Был это Мучник, профессор Художественного института. Хорош собой, успешен. Много и плодотворно работал творчески. Увы, был уже женат. Но, как видно, это была судьба. Лидия и Мучник полюбили друг друга. Были прогулки на берегу моря вдали от людских глаз и бесконечно строившиеся планы на будущее, хотя сближение их было трудным и сложным; полноценность мужчины часто не просто физиологически обусловленная возможность, а подчинена высоким моральным категориям. И все же на берегу под шум прибоя все и произошло, они сблизились, и уже до конца жизни каждого из них.

Любовь не знает никаких рамок. Часто ее трудно вписать в регламент общества, она не терпит никаких уз, никаких условностей. Она сама себе мораль и она оправдывает все. Однако порывы любви часто приводят к глубоким внутренним конфликтам в душах людей.

Итак, Лидия обо всем рассказала мужу, при этом проливая горькие слезы. Фраерман прореагировал как высоко благородный человек. Он сказал Лидии Владимировне: "Дурочка, ну почему же ты плачешь? Это такое счастье — полюбить так сильно и искренне".

Вот так и открылся им троим драматизм любви, и принят он был как данность, с которой ничего не поделаешь. Морально Лидия получила свободу. Пока этого было достаточно.

Мучник получил мастерскую, описанную еще Куприным. Она находилась в бывшем доме художника Буковецкого, наверху. Чердак был превращен Буковецким в изысканно обставленную и столь же изысканно декорированную с помощью шелков и бархата мастерскую, где работали он и художник Петр Нилус. Теперь от этого помещения осталась только пара небольших комнат. Они ее приводили в порядок — белили, красили, и в ходе дела обнаружили тайник, а в нем пачку писем, причем любовных, художника Петра Нилуса. Мучник забрал их домой. Где они, бесценные свидетели ушедшего времени?

Время — это сложная категория восприятия действительности. Человек может не замечать времени, может находиться в гармонии с ним, может ощущать его как дискомфорт. Мифотворчество предоставляет широкие возможности к адаптации времени, снижая его натиск. Потому и ценны для нас самые разнообразные свидетельства в виде документов, писем, воспоминаний. Мир времени несовершенен и имеет, по Платону, отрицательную ценность. Вечность — положительную. Для культуры характерно специфическое томление по вечности. Создание музеев, коллекций, собраний, библиотек — все это тщетные попытки адаптировать время, отдать ценное вечности или попросту сотворить иллюзию вечных ценностей. Сам Фраерман о времени говорил так: "Художник, вяжи время дратвой". И вот еще один из его великолепных афоризмов: "Горячий срывает оружие, но мудрый подпирает двери древком копья" (из воспоминаний Олега Соколова).

Вернемся к нашим героям. Фраерман продолжал жить, работать творчески, преподавать. В творчестве его очень много мотивов-воспоминаний о темах французских художников, что-то подобное перекличке. Небольшая гуашь "В кафе". Женщина за столиком, перед ней чашка кофе. Рабо-

та маслом "Музыкант". Фигура скрипача в интерьере повернута спиной к зрителю. Работы грустные, мир, изображаемый на них, замкнут, контакт с нами умозрительный. В свой мир художник нас не приглашает. Не здесь и не сейчас — как знак творческого кредо.

Роман Лидии Владимировны продолжался. Все шло к новому браку. Были очень конкретные планы совместной жизни. Мучник получил разрешение построить дом на площадке перед Русским музеем с видом на море. Было даже кое-что приобретено для будущей обстановки...

Увы. Все планы смяла война. Музей готовили к эвакуации. Уехали в Уфу. Мучник был с ними. Более того, жили в одной комнате, Л. В. за занавеской. Жили там тяжко, голодно. Спасала мужчин от голода своей работой Лидия Владимировна. Она шила дамские подвязки и украшала их женскими головками своей работы. Я видела их, из того, что осталось на память. А однажды мне подобная подвязка попалась на Староконном базаре. Жаль, я ее не приобрела.

Как память о времени пребывания в Уфе мне посчастливилось видеть как работы Мучника, так и работы Т.Б. Фраермана. У Мучника: две фигуры на берегу, низкий горизонт композиции картины. Хмурое небо в черных тучах. Ветер рвет одежду. Женщина и мужчина — Лидия Владимировна и Мучник. Все пронизано тревогой.

И два пейзажа Фраермана, масло. На переднем плане лужа растаявшего снега, слева виден дом, справа — дерево. Все просто, как всегда, но и, как всегда, невероятно красиво в своей цветовой скупости, тональной выразительности, непритязательности композиции, при этом ее какой-то необычной значимости. Второй пейзаж: опять-таки на переднем плане лужа, но формат вытянут по горизонтали, горизонт низкий. Слева темное строение и дерево, зимнее, без листьев. Колорит очень суровый, тон близок к черному. И опять невероятно красиво.

Как-то в комиссионном магазине я увидела работу Мучника, написанную в Уфе. Побежала к Л. В., поскольку с собой не было денег, а когда вернулась в магазин, работу уже купили.

В 1944 году после освобождения города Мучник вернулся в Одессу. Лидия Владимировна читала мне его письма к ней. Эти письма могли бы храниться в Краеведческом музее как документы эпохи. Он описывает город после войны и освобождения, улицы, Художественное училище, где он начал работать. Фраерман еще оставался в Уфе до окончания войны. И потом музей вернулся в Одессу.

Война, как буря, смешала все, выдвинув единое стремление — выжить, но не подчинив ему человеческий дух. Тело говорит — жить, выжить. Тело — это великий разум, великое множество с единым сознанием. Орудием тела служит разум, который зовем мы духом. Чувства и ум всего лишь орудия, за этим скрывается "самость". Она ищет глазами чувства, а ум слушает ушами.

А. Чемесов. Портрет Теофила Фраермана

Трудно было человеку того времени, который понимал истинный смысл слов "в буднях великих строек", понимая, знал истинную цену этих "великих строек", писать картины, наполненные пафосом советских идей. Это и было бы "потерей самости" для такого человека и художника, как Т.Б. Фраерман. Или закрыть глаза, или уйти в сторону, в себя,

Мучник писал на исторические темы. Фраерман — вспоминал и грустил.

Мы все знаем огромную картину Мучника, посвященную восстанию на броненосце "Потемкин". Это, безусловно, программная вещь. Она висит в зале Художественного музея. Лидия Владимировна рассказывала, как писал художник, вернее, его манеру письма. Мучник определял замысел, и когда переходил к выполнению его, то начинал с угла и по диагонали шел в другой угол, обычно не прибегая к исправлениям. Лидия Владимировна при всей своей любви к художнику не ставила его живопись так высоко, как живопись Фраермана. И не только саму живопись, но и творческую наполненность, мировосприятие, круг интересов и тем, которые художник освещал в своих работах.

Работы Фраермана, независимо от того, был ли это пейзаж, натюрморт, портретная композиция или композиция на самую простую тему, полны какого-то особого значения. При этом Фраерман не прибегал ни к каким ударным способам решения замысла. Все было необычайно просто и так же необычайно значимо. Как-то очень камерно и монументально в то же время.

Однажды в комиссионном магазине Фраерман увидел свою работу парижского периода и купил ее. Это была необыкновенная работа по выразительности образа, сдержанности колорита и необычайному воздействию на зрителя. Называлась она "Проститутка". Изображена на ней молодая женщина в легком и стремительном повороте на зрителя с пристальным и в то же время скользящим взглядом. Поясное изображение. На заднем плане силуэт уходящего мужчины: обернулся, смотрит на женщину с интересом. Все это на фоне парижской улочки. Как видно, во Франции все еще продолжались традиции Тулуз Лотрека.

Традиция традицией, однако решение было свое, только ему присущее, и сразу узнаваемый почерк Фраермана. Это был, безусловно, шедевр в коллекции Лидии Владимировны. Позже она продала эту картину.

Была еще одна маленькая работа — гуашь периода работы во Франции. Головка девушки на фоне фейерверка. Словом, праздник в Париже. Встречались композиции традиционно французские. Кафе, одинокая фигура женщины перед чашкою кофе. Любимым решением портретной композиции было такое: на переднем плане голова, часто в профиль, плечи, иногда поясное изображение. По этой же оси вверху над головой или зеркало с отражением, или висящая картина небольшого размера, или небольшое окошко с пейзажем. Общий тон работ скорее минорный.

Работы покупались музеями, при этом их вынимали из рамок и забирали. Оставались пустые рамки, это было уныло, и Лидия Владимировна предложила мне писать копии с покупаемых работ. Обычно она заранее знала, какие работы музеи намечали к приобретению. Я очень охотно копировала. Это была прекрасная школа культуры живописи. Мы вставляли мои копии в рамки и были очень довольны.

И вот такой конфуз одновременно с приятным комплиментом. Лидию Владимировну часто посещал Владимир Васильевич Криштопенко — искусствовед, художник, тонкий знаток и авторитетный ценитель живописи. И вот, стоя перед моими копиями, он говорил: "Какой прекрасный художник Фраерман!". Но это были копии, мои работы! Тогда, да и теперь я считаю для себя высшею похвалой оценку Криштопенко, — значит, я поняла суть творчества Фраермана и сумела ее передать.

Но что говорить обо мне! Учеником Т.Б. Фраермана был художник Кибрик. В своих воспоминаниях он пишет об этом с большим уважением к Фраерману. Своим учителем считал Фраермана и художник Олег Соколов, чьими новаторскими идеями была увлечена молодежь 60-х. Здесь уместно вспомнить статью О. Соколова "Не Меркурию, а Аполлону", на-

писанную им к 100-летию со дня рождения Т.Б. Фраермана. "Через мастерскую профессора Т.Б. Фраермана прошли в своем становлении А. Постель, С. Остроущенко, Г. Титов, М. Иванов". Евгений Кибрик с благодарностью вспоминал, что в результате выучки у Фраермана при поступлении в ленинградскую Академию художеств его этюд был поставлен первым номером.

Художник Олег Соколов вспоминает:

"Мне же посчастливилось заниматься на правах "вольного", "индивидуального" ученика. Я встречался с профессором у него дома, и это были самые весомые уроки в моей жизни". Со слов жены Соколова Е.Н. Шелестовой, Соколов приносил свои работы на оценку Фраерману, и профессор ставил отметки на оборотной стороне работ: +, ++, и самая высокая оценка — +++. Работы с оценками, к счастью, сохранились.

"До сих пор в моей памяти остались эпизоды его незабываемых встреч с известными художниками и поэтами. Он работал с Дега и в мастерской Родена. Анатоль Франс к нему забегал похвастаться очередным приобретением для своей коллекции. Он был своим человеком в многочисленных художественных студиях Парижа, его картины экспонировались на "Осенних салонах", салоне "Независимых".

В 1909 году он был избран членом жюри "Осеннего салона". У Лидии Владимировны был проспект, где перечислялись члены жюри: Роден, Дега, Анатоль Франс, Фраерман.

Его охотно репродуцировали французские издательства, впрочем, об этом я узнал не от Фраермана, а из энциклопедического словаря художников...

...Сам Теофил Борисович предельно скромен. Он был прирожденным философом. "Знаете, меня не особенно волнует, что будет потом, меня интересует сиюминутный процесс. Если будешь слишком рассудочным и здравомыслящим, — разрушишь творческую идею, вернее, потеряешь ее". И в своем творчестве живописца придерживался принципа: жить без оглядок на успех, на увековечивание собственного шедевра. Мне всегда импонировала в профессоре прекрасная отрешенность от мысли о благах, которыми оплачивается творчество. Казалось, он был не в ладах с Меркурием, он служил только Аполлону".

Это мысли и впечатления художников, непосредственно общавшихся с Фраерманом.

Мне же пришлось учиться быть художником, изучая работы Теофила Борисовича, и это для меня была академия живописи, и не просто живописи, а культуры творчества.

"Быть художником — это сложный комплекс, моральная сторона играет здесь едва ли не большую роль, чем сами интеллектуальные достижения". Кроме громадной эрудиции, широкой образованности, жизненного кругозора Теофил Борисович имел то, что дано не всякому, кто пишет и рисует. Он имел абсолютный вкус и абсолютное призвание к искусству. Кто-то сказал над его могилой: "Такие люди только рождаются, они не умирают".

После возвращения в Одессу Фраерман занимался только педагогической работой. Директором музея был Зелигер.

В быту, со слов Лидии Владимировны, Фраерман был прост и непритязателен. Однако любил веселую компанию, дружеские застолья. Любил животных. Их всегда было много в доме. "Мало кого интересует мир животных, а зря. Нет более великого учителя для человека, чем природа, именно природа..." (из воспоминаний Олега Соколова).

Послевоенные годы для художника были сложными и тяжелыми, что не могло не отразиться на его здоровье. Больное сердце. Это и определило его конец. Последние месяцы Фраерман почти все время проводил в постели. Однако духом не падал и бесконечно вспоминал свою жизнь во Франции, все коллизии преподнося с присущим ему юмором. Лидия Владимировна очень тревожилась и боялась надолго покидать его одного. Но однажды придя домой, Лидия Владимировна застала Т.Б. Фраермана мертвым. Она ушла совсем ненадолго, в магазин, но вряд ли ее присутствие могло бы чем-то помочь.

Проводила она в последний путь и профессора Мучника. В день его похорон она была на кладбище, скрываясь от людей. Стояла за деревом под дождем. Промокла и заболела.

Так и прожили они с Мучником всю жизнь врозь до конца.

Сама Лидия Владимировна умерла в Киеве. Прах ее похоронен в могиле Т.Б. Фраермана на Втором городском кладбище.

Мне удалось познакомиться с не виденными мною ранними работами Фраермана. Это не тот Фраерман, творческий образ которого сложился у меня, когда я увидела впервые его работы. Это скорее перекличка с работами, что были выставлены в Национальном музее Киева на выставке "Арестованные полотна". Бойчук и бойчукисты — и там же Фраерман. Запомнился "Портрет крестьянина".

Что еще очень отрадно, так это то, что память о художнике жива, о нем пишут, говорят. В Художественном музее висит его работа, та, что восхи-

тила меня на первой выставке из частных собраний и собраний фонда музея. "Натюрморт с табуреткой".

Сотрудники музея охотно откликнулись на просьбу помочь документальным материалом. Спасибо директору музея Н.С. Полищук. Искусствоведу, главному хранителю музея Л.А. Ереминой. Искусствоведу, заместителю директора Художественного музея В.А. Абрамову и бывшему директору Музея западного и восточного искусства Н.Г. Луцкевич, и нынешнему директору музея В.А. Островскому, первому, кто подал мысль записать мои воспоминания. Особая благодарность искусствоведу, журналисту Наталье Романовой, г. Киев, которая поддержала меня и утвердила в справедливости этого труда воспоминаний. Благодарю Е.М. Голубовского, искусствоведа, журналиста. Он помог разобраться в сложных хитросплетениях хронологии жизни Т.Б. Фраермана и поддержал меня в моем труде. Благодарю О.А. Тарасенко, профессора, доктора искусствоведения. Она была восторженным слушателем моего не менее восторженного повествования о судьбах этих людей.

Светлая память художнику и человеку Теофилу Борисовичу Фраерману.

Примечания

Фраерман Теофил Борисович, 1883-1957 гг. Родился в г. Одессе.

Учился у педагога Кириака Константиновича Костанди на курсах при художественном училище. К.К. Костанди — основатель Общества южнорусских художников. Дальнейшее обучение провел за границей. Мюнхен — школа Ашбе. Париж — мастерская Боннара, Парижская художественная школа, мастерская Габриеля Ферье.

В 1909 году избран членом жюри "Осенних салонов".

С 1917 года жил и работал в Одессе. Член "Товарищества независимых художников".

Участвует в организации Народно-художественного музея, позднее Музея западного и восточного искусства.

Преподает в Одесском институте ИЗО. Профессор.

В годы войны с коллекцией работ Музея западного и восточного искусства, спасая коллекцию, уезжает в г. Уфу.

Работает в Художественном фонде.

Пестрякова Лидия Владимировна, ученица Т.Б. Фраермана, керамик. Жена художника.

Мучник Леонид Евсеевич, 1896-1966 гг., художник, профессор, преподаватель Одесского института ИЗО. Автор работы "Броненосец Потемкин" (Одесский художественный музей).

Кибрик. Художник, график, ученик Т.Б. Фраермана. Жил и работал в России.

Соколов Олег Аркадьевич, 1919-1990 гг. Родился в Одессе. 1935-39 гг. — учился в Одесском художественном училище. 1940-1946 гг. — служил в Красной Армии. Художник, график. С 1955 по 1990 гг. — сотрудник Музея западного и восточного искусства.

Шелестова Елена Николаевна — филолог, искусствовед. Жена художника О.А. Соколова. Сотрудник Музея западного и восточного искусства.

Фридман. Скульптор. Жил и работал в г. Киеве.

Шовкуненко Алексей Алексеевич, 1884-1974, г. Херсон. Учился в Одесском художественном училище 1901-1908 гг., преподаватель — К.К. Костанди. В петербургской Академии художеств — 1909-17 гг. Профессор Киевского художественного института. Заслуженный деятель искусств. Лауреат государственной премии им. Шевченко.

Валентин МАКСИМЕНКО

"Раечка"

К 85-летию со дня рождения Р.М. Сергиенко

Первый спектакль, увиденный мною в Ла Скала, — "Аида". Он принес и радость встречи с высоким искусством Оперы, и... удивление: Аиду пела хорошая певица, но наша Раиса Сергиенко не только ни в чем ей не уступала, — она была лучше! И красотой, и звучностью голоса, и эмоциональностью. В это трудно было поверить: ведь у нас "периферия", а там — Мекка вокального искусства... И тем не менее...

Пожалуй, не было в Одессе в 50-80-е годы XX столетия оперной певицы более популярной, чем Сергиенко. Она — по праву таланта и вдохновенного труда — была первой (и как потом оказалось, единственной) артисткой города, удостоенной высшего почетного звания. И все-таки не это, по-моему, самое важное. Ее любили слушатели, ее чтили и продолжают чтить, несмотря на то, что прошло более полутора десятилетий после трагически раннего ухода певицы. Недавно мне прислали номер газеты "Одесский маяк" из Лос-Анжелеса со статьей о Раисе Михайловне. Ее поминают добрым словом и в Австралии, Канаде, Германии, Израиле — везде, где разбросаны судьбой люди, которым посчастливилось узнать и полюбить искусство замечательной певицы, имя которой по дарованию и свершениям вошло в историю украинского оперного искусства.

Сейчас модно искать свои "дворянские корни", говорить об элитарности искусства, снисходительно улыбаться, когда вспоминают еще недавно столь популярную формулу "искусство принадлежит народу"... Наверное, оно не должно никому "принадлежать", но без живительной связи с демократической аудиторией искусство не может существовать... Если современные "мэтры" (и особенно "сантимэтры") тешат себя рассуждениями о "парении в эмпиреях", то Чайковский, например, мечтал о том, чтобы его музыка стала "достоянием — при благоприятных условиях — всего народа". А Верди, Глинка, Пушкин, Толстой, Шаляпин, Баттистини, Руффо, Нежданова и многие другие деятели мировой культуры видели силу ее в единении с народом, о котором некоторые "прогрессисты" говорят сегодня если не с презрением, то снисходительно.

Раиса Сергиенко родилась в 1925 году в Новоукраинке в семье, профессионально с музыкой не связанной. Но родители любили музыку, участ-

вовали в художественной самодеятельности и привлекли к ней Раю, увлеченно внимавшую народным песням.

Девушка впервые услышала оперу, когда в Новоукраинку приехал специальный железнодорожный вагон с одесскими артистами и декорациями "Паяцев". Спектакль произвел на Раису большое впечатление, но тогда ей и в голову не могло прийти, что спустя несколько лет она станет певицей, которой посчастливится петь в одних спектаклях с услышанными ею корифеями оперного искусства.

В то время Раиса Сергиенко готовилась стать педагогом-филологом. Чувствовала она себя не очень уютно: вынужденное пребывание в оккупации отбросило тень на все мироощущение, породило смутное чувство "вины". После окончания войны она вышла замуж за В.А. Стратонова, чья забота и энергия помогли ее становлению. Когда Сергиенко приехала в Одессу на смотр художественной самодеятельности, Стратонов добился прослушивания жены в консерватории. Сама О.Н. Благовидова благословила Сергиенко на поступление в вуз, который та окончит с отличием. Ее имя занесли на мраморную Доску почета, где оно расположилось рядом с именами Ойстраха, Гилельса, Гришко, Зака, Данькевича, Чавдар, Христич, Олейниченко, Поливановой. В консерваторские годы Сергиенко принимала участие в сценах из опер "Снегурочка" (Купава), "Свадьба Фигаро (Графиня), "Русалка" (Наташа) в студенческих постановках оперной студии.

Профессор Н.Д. Покровский, тогда главный дирижер Одесского театра оперы и балета, пригласил Сергиенко в труппу. Она блестяще дебютировала в партии Наташи в "Русалке" Даргомыжского. Ее партнерами были мастера одесской оперы И. Тоцкий (Мельник), Н. Топчий (Князь). Иван Корнилович сказал ей: "Девочка, у тебя большой голос, ты затрачиваешь много сил. Никогда не соглашайся петь на следующий после спектакля день: потеряешь голос и никому не будешь нужна". Певицу приняли доброжелательно маститые коллеги, восторженно — зрители. За нею закрепилось еще с консерваторских лет имя Раечка, как вскоре за Галиной Олейниченко — Галочка. Их так называли и в театре, и зрители с первых шагов и до последних на сцене. Подобное обращение становится своеобразным титулом, который нельзя присвоить. Это выше официальных званий. У обеих певиц сразу же образовался круг почитателей, именуемых в просторечии "сырами". Это привилегия не многих артистов.

Так сложилось, что соперницей Сергиенко на полтора десятилетия стала талантливая певица Галина Поливанова, которая позднее призна-

лась мне, что специально приходила в театр, когда Сергиенко пела в "Русалке", и слушала ее из-за кулис. Это признание "дорогого стоит". Раечку полюбили строгие и небеспристрастные ценители — артисты хора, оркестранты.

Маэстро Покровский любил и оберегал молодую исполнительницу, заботясь о ее естественном, постепенном творческом развитии. При этом Сергиенко интенсивно осваивала новый репертуар. Работала щедро, пела всегда эмоционально, неизменно находя путь к сердцам слушателей. Природа одарила ее редким голосом — мощным и теплым лирико-драматическим сопрано полного диапазона, красивого тембра, сохранявшегося во всех регистрах. Его насыщенное звучание сочеталось с полетностью. Исполнение неизменно отличалось взволнованностью, искренностью. Е.К. Катульская (знаменитая певица и педагог, к слову, уроженка Одессы) определяла пение как "повышенное душевное состояние". Эти слова по праву могли быть применены к искусству Сергиенко, которое захватывало с первых же звуков, спетых певицей, всегда создавало в зале приподнятое настроение.

Певцам с большими голосами нередко свойственно утрированное пение, пренебрежение авторскими указаниями. Сергиенко никогда не любовалась "звучком", не "ставила" фермат вопреки замыслу композитора, не пела "на публику": от этого ее надежно оберегал природный вкус, школа, полученная в классе С.И. Щавинской, ученицы знаменитого В.А. Селявина.

К.С. Станиславский призывал певцов петь не "голые ноты", а "ноты-мысли". Сергиенко, как мне думается, пела "ноты-чувства", из которых рождались мысли. Стихия ее дарования — глубокий искренний лиризм, "истина страстей". Исполнение певицы отличалось не только верностью замыслу композитора, но и чутким вниманием к слову: она всегда бережно доносила до слушателей текст. У нее была чистая дикция: Р. М. уделяла большое внимание согласным, произнося их так же четко, как гласные, — искусство, редкое среди вокалистов.

Творческий метод Сергиенко-актрисы был основан на принципах корифеев русского и украинского театра. Следуя мудрому совету В.И. Немировича-Данченко в каждой роли исходить из самого себя, искать себя в каждом герое, Сергиенко на сцене (да и в жизни) была чужда вычурности, манерности. Ее отличала та высокая простота, "которая приходит лишь к артистам, бережно и бескорыстно преданным искусству, влюбленным в него до самозабвения" (Мария Заньковецкая). Она наследовала

творческие достижения прославленных деятелей украинского театра Садовского, Саксаганского, Крушельницкой, Кипоренко-Доманского, Петрусенко, Гайдай...

Михаил Чехов говорил: "Слушайте голос, и вы узнаете человека". Мне представляется, что секрет успеха Сергиенко заключался и в ее человеческих качествах, отражавшихся в сценических созданиях. Воспитанник нашей консерватории М. Гришко уже в ранге признанного мастера украинской оперы писал о Сергиенко: "У нее подлинное профессиональное мастерство, теплота, задушевность, все это очаровывает, трогает до глубины души. Она всегда украшение спектакля. Это настоящая певица, достойная большой сцены".

У Раисы Михайловны был обширный репертуар. Многие удачи Сергиенко связаны с музыкой Чайковского. Это, прежде всего, Иоланта, которая была у нее очень трогательна и обаятельна. Но Р. М. создавала образ не "бедняжки", которую "жестокая и злобная судьба дара драгоценного лишила", а молодой женщины, способной на глубокое чувство и самопожертвование ради любви.

Не знаю, была ли знакома Сергиенко со словами Чайковского о душе Татьяны, "полной чистой женственной красоты", но именно такой была ее героиня. В облике Лизы в "Пиковой даме" Раиса Михайловна, вслед за Держинской, подчеркивала не "демонические" страсти, а "теплоту и боль женского сердца". Она была замечательной Марией в "Мазепе". Вот уже сколько десятилетий прошло, а в памяти живет исполнение певицей колыбельной Марии в финале оперы.

С успехом пела Сергиенко Ольгу в "Псковитянке", Милитрису в "Сказке о царе Салтане". Ее большой удачей стала Ярославна в "Князе Игоре". В многогранном образе, созданном исполнительницей, лирические грани соседствовали с героическими. Впервые Р. М. спела Ярославну в день своего рождения 13 июля 1965 г. в гастрольном спектакле солиста Большого театра Ивана Петрова, исполнявшего Галицкого. В дневнике она запишет: "Успех был большой, много цветов... Иванов (Евгений Николаевич, известный бас, педагог. — **В. М.**) меня очень хвалил... 13 лет не решалась спеть Ярославну, но, слава Богу, все благополучно".

Особо были близки Сергиенко персонажи в украинских операх. Тридцать (!) лет пела она Одарку. Впервые вышла на сцену в "Запорожце" через два года после гастролей на одесской сцене легендарного дуэта М. Литвиненко-Вольгемут и И. Паторжинского. И хотя трактовка Литвиненко представлялась идеально слившейся с музыкой и пьесой, Сергиен-

ко удалось ни в чем не повторить предшественницу, создать свой образ: она акцентировала женское обаяние "молодыци", смекалку, чувство юмора. С блеском проводила Р. М. знаменитый дуэт первого акта (ее первым партнером был Н.П. Савченко, а затем на долгие годы Е.Н. Иванов, любимый коллега и друг, и А.П.Рихтер). С какой легкостью, удалью буквально пролетала по авансцене Одарка-Сергиенко в третьем акте!..

Мне рассказывали, что Раиса Михайловна, как многие сельские девушки, очень любила прыгать через костер. Во время гастролей театра в области в этих игрищах ее партнерами были парни — артисты балета.

В 1954 году она впервые спела Наталку: "Люблю Наталку, по душе она мне... Пела премьеру очень-очень хорошо" (тоже запись в дневнике; специально хочу подчеркнуть, что это беспощадный дневник, в нем отмечены все неудачи с редкой прямотой, это следует иметь в виду, читая цитируемые фрагменты, где запечатлена радость исполнительницы).

Конец 1975 года ознаменовался премьерой "Катерины" Аркаса: "Полюбила эту партию с первого урока... Успех большой... На все спектакли иду с удовольствием".

Да, славянская музыка была близка Сергиенко, но она показала себя мастером перевоплощения, когда обращалась к операм мировой классики, где уже не могла опираться на собственный опыт, на свою природу. Одна из вершин Сергиенко актрисы и певицы — Аида. Возможно, это связано с отмеченной Г. Ларошем особенностью оперы: "Музыка Верди в "Аиде" непроизвольно приняла несколько русский характер... На богатую почву его таланта пали кое-какие глинкинские семена".

Аида-Сергиенко не раба: гордый и благородный дух ее отражается во взгляде, который она прячет от соперницы, боясь выдать свои чувства. Но певица не подчеркивала и царственность героини. Венец и трон для нее менее важны, чем свобода, дающая право на любовь... Финал сцены на площади. Соперница торжествует, горе Аиды безмерно. Как передать его, если Верди написал великолепный, но такой плотный ансамбль, в котором заняты все герои, хор, оркестр? Голос Сергиенко пробивал мощный звуковой массив, ибо в нем билась боль, отчаяние сердца Аиды...

У Сергиенко никогда не было "пустых" мест. Даже если ее героиня молчала, она жила. Снова вспоминается сцена на площади. Возвращение триумфаторов. Аида в стороне, у подножия трона, все внимание постановщика отдано победителям. Но мы не можем не следить за героиней Сергиенко, оторваться от ее огромных лучистых глаз, передающих сложную гамму чувств...

Однажды увидев, невозможно было забыть слезы ее Аиды, Джоконды, Чио-Чио-сан, Манон, Тоски... Казалось, что это о ней сказано: "Над вымыслом слезами обольюсь". Ее слезы были искренни, но они не мешали пению. Зрители не могли не сопереживать героиням певицы. Многие плакали на ее спектаклях... Согласитесь, это не часто встречается на практике, а не в умозрительных публикациях.

Знала певица признание и больших профессионалов: А. Пирогова (они пели вместе в "Русалке"), А. Кривчени ("Запорожец"), Б. Гмыри, З. Анджапаридзе, К. Зариня, З. Бабия, В. Третьяка. Гордилась, когда Н. Покровский сказал, что она поет "большого Верди", когда ее одобрил Е. Иванов ("сам Женя меня хвалил"), когда приходили поздравлять с успехом Г. Проваторов, О. Благовидова, Я. Вощак, Г. Поливанова...

Знала она и официальное признание: вторая премия Всесоюзного конкурса 1956 года (первая у Г. Олейниченко, среди лауреатов третьей премии Б. Руденко, Г. Поливанова), звание заслуженной артистки в следующем году ("когда услышала по радио указ, начала бегать по квартире, плакать"), народной республики ("счастью нет предела, счастье захлестнуло"), народной Союза ("Я об этом думать боялась, а сбылось, плакала, рыдала... Нет, недаром отдаю театру всю жизнь.... Господи, спасибо!").

Ее чтили самые взыскательные в театре люди — артисты хора и оркестра. Собинов писал: "Когда вместе с залом аплодируют и хор, и оркестр, и рабочие сцены, вот это значит, что искусство исполнило свою священную заповедь: оно дошло до человеческой души". На чествовании Сергиенко в связи с присвоением ей звания народной артистки страны прозвучало приветствие артистов хора и оркестра:

...За труд твой огромный спасибо, за радость работы с тобой,
За то, что ты просто товарищ, член нашей семьи трудовой...

...И пусть всегда на нашей сцене звучит прекрасный голос твой,
А что касается оркестра, ты пой, а мы всегда с тобой.

От солистов ее приветствовала отличная певица и прекрасный человек (позднее она трагически погибнет в автокатастрофе) Ася Глинкина:

Мы все хотим тебя поздравить
И искренне, сердечно пожелать

Всегда красивой быть, всегда звучать,
Прелестной ножкой сильный пол пленять
И никогда не унывать.

У Раисы Михайловны было много почитателей. В их числе профессор медицины, пианист, дирижер А.М. Сигал, педагог и скрипач А.М. Баренбойм, посвятивший певице талантливый акростих:

Смогли Вы воплотить в Елизавете
Единство чувства, мысли, красоты,
Роднят актрису с королевой эти
Гармонией рожденные черты.
И кто ж родству подобному не рад?
Едва ли есть удел на свете краше:
Надев опять свой будничный наряд,
Корону царскую вернув на склад, —
Остаться все ж властительницей нашей!
(Елизавета Валуа — героиня оперы Верди "Дон Карлос")

Р. М. знала и международное признание. Один из пиков — гастроли на сцене Бухарестской оперы, где она пела Аиду со всемирно известными вокалистами З. Палли (Амнерис) и Г. Зобианом (Радамес). Из рецензии: "В заглавной роли певица Сергиенко пленила слушателей теплым голосом прекрасной красоты, мастерством сценической игры. В ариях и дуэтах она показала себя мастером высокого класса... Спектакль стал ярким событием высочайшего уровня". Когда журналисты спросили, какая у нее школа, Гарбис Зобиан опередил Сергиенко: "Мама".

В архиве певицы бережно хранилось приглашение в Большой театр, которым она не воспользовалась: в ее трудовой книжке только одна запись — "Одесский театр балета". Она была верной женой, другом, преданной дочерью, матерью, бабушкой.

Н.Д. Покровский рассказывал мне, что встретил однажды плачущую Раису Михайловну: "Нужно ехать на зарубежные гастроли, а кто будет обеспечивать быт семьи?". "Обычно люди плакали, если их не посылали на гастроли", — заметил Николай Дмитриевич...

Она и Галина Поливанова были соперницами на сцене, возможно, они не испытывали теплых взаимных чувств, но их отношение к делу было достойно уважения и подражания: обе НИКОГДА не подводили друг друга —

старались заблаговременно предупреждать о необходимости замены, чтобы не поставить в неловкое положение коллегу...

Раиса Михайловна умела дружить. С какой теплотой говорила мне о ней концертмейстер Анна Владимировна Черткова, с которой Раису Михайловну связывали многолетние искренние, доброжелательные отношения (сама А. В. была высокопрофессиональным музыкантом и светлым человеком, так много доброго сделавшим для театра за шесть десятилетий честного труда)!

Сколько тепла отдавала Сергиенко больной внучке! Не случайно та умерла вскоре после того, как ушла из жизни Раиса Михайловна, ибо лишилась опоры...

Когда уходила навсегда сама Раиса Михайловна, раздался звон колоколов. Некоторые удивлялись: "Как это? Она ведь член партии". Да, она была членом партии, ибо разделяла идеи (увы, не все "партийцы" жили в согласии с идеями), но чего греха таить: без членства в партии не было бы хода таланту, официального признания... Всю сознательную жизнь Сергиенко была истинно верующим человеком. И это уживалось в ней, как, например, у И.С. Козловского, Н.С. Голованова, А.В. Неждановой, академика В.П. Филатова и других честных людей, вынужденных скрывать свою веру. В этом отношении показательны дневники Раисы Михайловны.

"...5 мая 1975 года первый спектакль после смерти моей золотой, дорогой, любимой Мамочки... Нет слов, чтобы выразить скорбь и муки... Она жила моими успехами и радостями. Всегда говорила мне: "Пой, моя ненаглядная, с Богом!" Я и пою с Богом..."

...Сергиенко очень любила море, до самозабвения. А.М. Баренбойм посвятил ей и такие строчки:

И годы, и штормы, и холод
Для Вас не помеха,
Ведь к Вашим услугам в любую погоду
И музыки море, и море успеха.

Однажды она записала: "купалась в Божьем море". Другой раз: "На море была с 8 до 10, купалась от души, считая, что спектакль у меня вечерний. Потом не спеша зашла в магазин. Пришла домой в 11 часов 22 минуты. И тут же звонок: "Почему дома? В 12 спектакль!" Что со мной было! Бежала всю дорогу. В 12 была в театре, сперва как в тумане. Спектакль прошел отлично, слава Богу. А если бы задержалась?!!".

Она была чутким человеком. Никогда не забывала принести после премьеры торт одевальщицам, отмечала знаки внимания к себе: "...Пришла в гримуборную уборщица с каллами"... "Пришел мальчик, принес первые цветы"... "Сигал (Александр Маркович был почитателем Сергиенко и старался не пропускать спектакли с ее участием, особенно "Манон Леско". — **В. М.**) передал альпийские фиалки". "А. М. прислал розы"... "Заходила Ира Брагинцева (в прошлом известная солистка оперы, незабываемая Татьяна и просто очень добрый человек. — **В. М.**) поздравить с успехом"... "Маэстро Проваторов благодарил за спектакль"... "Приходил В., святой человек, как он сочувствовал мне, когда было худо..."

Очень волновалась перед спектаклями. Приходила в театр задолго до начала. Как вспоминала ее коллега, ныне профессор консерватории Алиса Джамагорцян, с которой они делили гримуборную, Раечка всегда приносила талисман — это был незатейливый "петушок". Радость приходила к певице к концу представления. Появлялось желание... повторить спектакль. Это она сама рассказывала мне...

Она была ранима. Горько пришлось Раисе Михайловне, когда появилась соперница Т. с очень трудным характером: забирала спектакли, лишила на целое десятилетие премьер... Дело доходило даже до оскорбительных курьезов: та требовала, чтобы ее фамилия стояла в программках первой — вопреки алфавиту. На гастролях Одесского театра в Москве первый спектакль "Аиды", на котором ожидалось присутствие журналистов, телевидения, отдали действительно хорошей исполнительнице Т., назначив Сергиенко на второй. Но так случилось, что СМИ прибыли в Кремлевский дворец, на сцене которого гастролировали одесситы, на второй спектакль. Раечку в грубой форме лишили запланированного участия в нем. Трудно, больно читать описание этой этически неловкой ситуации в дневнике Раисы Михайловны...

К жизни Сергиенко в театре можно применить слова М. Максаковой о Е. Катульской: "Ей пришлось пережить немало огорчений, подчас несправедливости, потому что не обладала иным оружием, кроме своего искусства. Но именно оно и помогло преодолеть все "колючки" и заставило всех преклониться перед нею, ее поистине рыцарским отношением к делу своей жизни".

Прошло три с половиной десятилетия, и можно рассказать об одном эпизоде. Отмечалось 50-летие Сергиенко. Дирекция предложила ей спектакль — "Запорожец за Дунаем". Она была в нем очаровательна. Но недоброжелатели твердили, что певица потеряла форму, необходимую для ис-

полнения вершин оперного искусства. Я предложил в один вечер показать трех ее героинь — Ярославну (первый акт "Князя Игоря"), Тоску (второй акт оперы Пуччини), Одарку (третий акт "Запорожца за Дунаем"). Дирекция сопротивлялась. Я буквально заставил ее настоять на предлагаемом. Спектакль прошел очень успешно. Сергиенко сердечно благодарила меня. Мы с женой не пошли на банкет, чтобы не вызывать неудовольствие по отношению к Р. М. власть державших в театре, которых всегда раздражало мое независимое поведение (писал только то, что думал, считал правильным). Поздравив певицу, я сказал: "А "Запорожца" Вы споете на следующем юбилее". Так и случилось десять лет спустя...

Некоторые говорили: "Да, ее Одарка хороша, но... это легкая самоигральная роль". Нет! Когда Сергиенко не стало, признанные примы, народные артистки не смогли даже приблизиться к ее успеху в этой (да и других) опере. И она, и ее любимый Карась Е.Н. Иванов неповторимы.

...Мы с Р. М.не были близко дружны. У меня нет ни одной фотографии с ее автографом (горжусь благодарными упоминаниями обо мне в ее дневниках, но не решаюсь их воспроизвести — слишком лестны). Мне было приятно, что сумел подарить ей грампластинку, где запечатлены ее Наташа в "Русалке" и Сантуцца в "Сельской чести". У Сергиенко этой пластинки не было. Жаль, что это ЕДИНСТВЕННЫЙ диск замечательной певицы. Я пытался подвигнуть Раечку на другие записи. Даже договорился с главным редактором фирмы "Мелодия" А.А. Карповым о ее приезде в Москву, наметили программу записи на диск "Гигант" мировой и украинской классики, но Р. М. не могла поехать в Москву — снова: "Как оставить дом?". Договорился о записи в Киеве, но и туда она не поехала... Очень обидно.

Она никогда не отказывалась от поездок в колхозы, на заводы, в воинские части. Не отказывалась и от маленьких ролей. Так, в опере В. Губаренко "Вий" народная артистка страны Сергиенко исполняла даже безымянную роль, обозначенную как "Нянька панны" (не знаю, что чувствовала при этом сама Раиса Михайловна, но мне было больно за нее: талант певицы и актрисы был достоин совсем иного применения).

К ней, к счастью, придет "вторая молодость": роли Любки, а затем Хиври в "Семене Котко", царевны Софьи в "Петре I", Сусанны в "Хованщине", роли матерей в "Семье Тараса", в опере "В бурю", в "Наталке Полтавке" (в молодости она пела партии дочерей этих героинь). Сергиенко по предложению дирижера Д.И. Сипитинера успешно вошла в старый спектакль "Царской невесты", создав запомнившийся образ Сабуровой. Ее последняя премьера — Ковалиха в "Незрадженій любові".

Всего было спето Сергиенко около сорока партий, но они не исчерпали возможностей певицы. Она могла бы быть интересной Кумой ("Чародейка"), Февронией ("Китеж"), Иоанной ("Орлеанская дева"), Катериной Измайловой ("Леди Макбет Мценского уезда"), Анной ("Украдене щастя"), Хозяйкой корчмы в "Борисе Годунове"... Последняя роль была вполне реальной, но в ней отказали, ссылаясь на то, что партия написана для меццо-сопрано. А спела Хозяйку... сопрано, правда, жена главного режиссера. Это была последняя и особо горькая обида...

...Сергиенко унесла тяжкая "болезнь века". Остались добрые воспоминания о хорошем человеке, большой певице, имя которой вошло в историю консерватории, театра оперы и балета, города, да и всей страны, а главное — оно в сердцах тех, кто имел счастье слушать и видеть Раису Михайловну.

О преданности почитательницы. В последний путь Раису Михайловну собрала добрый друг Инна Мер, ныне живущая в Израиле. Это ли не подвиг почтения и любви?..

После кончины певицы я трижды проводил вечера ее памяти на собраниях Театрального общества. Увы, театр забывает своих корифеев. В последний раз откликнулся только один певец — Анатолий Капустин, ее коллега, которому судьба даровала достойное творческое долголетие. К слову, Сергиенко любила с ним петь. На юбилейном спектакле 1975 года ей предложили другого тенора, она с огорчением рассказала мне об этом. Я почти заставил ее настоять на своем — издавна такое право негласно закреплено за бенефициантом. Дирекция подчинилась.

Из театра на вечер памяти не пришел и концертмейстер. Анатолий Трофимович спел арию Каварадосси а капелла! Из публики вышла скрипачка Алла Михайловна Семенцова и впервые в жизни сыграла партию фортепиано — арию Петра из "Наталки Полтавки" Капустин пел уже в ансамбле... Без единой репетиции. Благодарный зал принимал исполнителей не просто тепло — горячо. И в этом был отсвет таланта незабвенной нашей "Раечки".

Галина ЗАКИПНАЯ

Последняя гастроль великого артиста

Одним из любимых развлечений первых одесситов было посещение театра. Поэтому и выстроили в Одессе театр одним из первых зданий. Вторым любимым интеллектуальным занятием стало чтение местных газет. К концу XIX века газет в Одессе стало выходить множество, в избытке было и гастрольных трупп. И вот два увлечения слились в одном — одесситам полюбилось ходить в театр, а после читать в газетах об увиденных спектаклях и артистах. Таким образом, освещение театральной жизни города стало излюбленной темой одесских газет. Среди информации о театральных событиях лидирует украинский театр. Начиная с первых триумфальных гастролей 1883 года, тема украинского театра становится одной из самых популярных в одесской журналистике. "Отъявленные скептики в течение двух месяцев не переставали посещать спектакли с малорусскими пьесами; ежедневно у кассы Мариинского театра происходила давка, переходившая в драки из-за билетов; артистам устраивали овации, подносили ценные подарки, курили фимиамы... Что же сей сон означает? Толкование его одно: в Одессе была труппа, отвечающая самым строгим требованиям драматического искусства" (Земляк. "Из записной книжки рецензента" — "Одесский вестник", "Одесские новости", "Одесский листок", 1883).

По одесским газетам можно изучать историю театра украинских корифеев.

Вот о чем писали одесские газеты сто лет тому назад.

В газете "Голос Одессы" от 12 апреля (31 марта) 1910 года под рубрикой "Театр и музыка" опубликована заметка "Наталка Полтавка", подписанная псевдонимом Moderato: "Публика, посетившая третьего дня Сибиряковский театр, наслаждалась поистине блестящей игрой г. Кропивницкого. Все акты — это ряд шедевров. Трудно и невозможно сказать, какой акт, какая сцена у артиста лучше и сильнее. Сравнивая нынешнее исполнение г. Кропивницкого в роли Выборного, приходишь к заключению, что эта роль в его исполнении осталась той же глубокой и вдохновенной, как и прежде. Среди ряда сцен мне хотелось бы отметить редкий по искренности вдохновения финал второго акта. Г. Кропивницкий производит своей игрой глубокое впечатление, ибо он ведет Выборного в намеченных им рамках, с яркими проблесками непосредственного воодушевления. Публика горячо принимала г. Кропивницкого и др. исполнителей".

В газете "Голос Одессы" от 15 апреля (2 мая) 1910 года под рубрикой "Театр и музыка" опубликована заметка "Гастроли М.Л. Кропивницкого", подписанная псевдонимом Moderato:

"Если бы украинский театр нуждался в каком-либо оправдании, то на представлении пьесы "Глытай або ж павук" он был бы оправдан, и оправдан блестяще. И не только оправдан, но и возвеличен. Театральные староверы, признающие только сценическую реальность, должны бы на этом спектакле почувствовать, что их театральная религия как-то раздвоилась, и что мир их художественных восприятий стал тоньше и глубже. В смысле ансамбля "Глытай або ж павук" прошел весьма удачно.

Заглавную роль прекрасно провел гастролер. Он представил своего героя в таких нежных тонах, которые очаровали публику. Прежде всего, в исполнении чувствовалась неподдельная искренность, т. е. то, что так важно и так необходимо дать в герое.

Г-жа Атаманская играла роль Олены с мастерством, с недурными нюансами, с подкупающим темпераментом, хорош по силе у артистки 2-й акт, много скорбного изящества и благородной грусти. Хорош в роли Андрия г. Колесниченко.

Третья гастроль, как и предыдущие, само собою разумеется, прошла торжественно. Талантливого гастролера многочисленная публика встретила аплодисментами и в течение всего вечера награждала также шумными аплодисментами".

Следом без подписи размещена колонка информации:

"— Сегодня в театре Сибирякова последняя гастроль и бенефис талантливого артиста М.Л. Кропивницкого — "Пошились у дурни" и "По ревизии".

— В театре "Наука и жизнь" только три дня, сверх программы будет демонстрироваться научная картина "Размножение мухи и вред, ею приносимый". Очень удачный снимок раскрывает пред нами вред — насекомого, посредством которого разносятся все заразные болезни и гибнут немало людей.

— Марк Лукич Кропивницкий в субботу 3 апреля выезжает со своим сыном Константином Марковичем Кропивницким, М.Р. Мацеевич, Л.М. Мациевской и со своим помощником П.Д. Варягиным — в город Аккерман на 2 гастроли, а затем вновь приедет в Одессу и примет участие со своей внучкой Л.В. Мациевской во вторник 6 апреля в спектакле, посвящ. памяти Т.Гр. Шевченко. Пойдет "Назар Стодоля" в театре Сибирякова".

Не оставили без внимания эти гастроли Кропивницкого и другие

одесские газеты. В газете "Одесские новости" от 14 (1) апреля 1910 года публикуется короткая информация "Театр Сибирякова. Третья гастроль М.Л. Кропивницкого": "Если гастроли М.Л. Кропивницкого являются театральным праздником для любителей украинской сцены, то на артистов труппы г. Колесниченко совместная игра с знаменитым "батькой" влияет несомненно благотворно. Поставленная вчера пьеса "Глытай або ж павук" при некоторых купюрах могла бы произвести впечатление даже на более требовательную публику, так как маститый гастролер нашел достойных себе коллег.

Г. Кропивницкий в роли Осипа Степановича дал, как всегда, вполне законченный тип; надо в совершенстве знать украинскую среду, надо быть тонким художником, чтобы эту трудную роль "богатого чоловика" провести так хорошо, не впадая ни на минуту в шарж. Ведь сцена, когда доведенная до отчаяния Олена требует от этого низкого старика "горячих поцелуев", была прямо шедевром актерского искусства. Притом г. Кропивницкий не гоняется за дешевыми эффектами, как это делают обыкновенно украинские артисты, а играет вполне натурально, без всякого преувеличения.

Остальные исполнители играли вчера очень хорошо; пальму первенства следует отдать талантливой премьере труппы, г-же Атаманской, исполнявшей трудную роль Олены; указанная выше сцена с г. Кропивницким и в особенности последний акт были превосходны. Г. Колесниченко, с большой искренностью игравший роль Андрея, и г-жа Мельникова (почему-то не указанная в афише) в роли старухи-матери удачно дополняли ансамбль".

Заметка подписана инициалом V.

Следом за этой короткой информацией опубликована весьма любопытная статья "Зигзаги" Лоэнгрина (псевдоним известного одесского журналиста Петра Титовича Герцо-Виноградского), некоторые моменты которой не утратили актуальности и сто лет спустя.

"Малороссы, игравшие в Сибиряковском театре, пригласили на несколько гастрольных спектаклей М.Л. Кропивницкого.

И конечно, дела их с приездом малорусской драматической знаменитости сразу поправились.

Я, однако, позволю себе один коварный вопрос: что будет с малорусскими труппами, если не будет Марка Лукича Кропивницкого и Заньковецкой и, скажем, Саксаганского и, скажем, Садовского?

Вот знаменитое классическое созвездие. Хотя оно и распалось сейчас,

но каждый из участников этого прошлого созвездия и ансамбля продолжает сиять и магически и неотразимо влиять гипнозом своего имени на нас.

Они уже догорают, эти былые яркие звезды.

И на смену им никто не идет.

Нет среди молодых малорусских драматических сил ни одной, которая могла бы заставить верить в себя, заставить нас сказать:

— Малорусский театр не умирает, и на смену славным старикам славного прошлого идут новые имена.

Горько в этом убеждаться, но перед нами слишком явный факт малорусского драматического и актерского оскудения.

Я никогда бы не назвал исключительно модой то увлечение малорусской драмой, которое имело место 15-20 лет тому назад.

Самое слово "мода", это узкое, тупое, я сказал бы, слишком дамскомодное или модно-дамское слово совсем не подходит и совсем не характеризует глубину и страстность чисто психического и любовного увлечения и преклонения перед малороссами в былые времена.

Ах, это были какие-то особенные любовные и трогательные времена.

И я боюсь думать, но мне кажется, что они более уже не повторятся.

Дорогой и славный Кропивницкий! Он сияет сейчас на малорусском драматическом горизонте, как закатное солнце.

И он сам хорошо это знает. И мы сами это прекрасно понимаем и чувствуем.

И когда мы посещаем сейчас его недолгие гастроли, мы, прежде всего, погружаемся в свои воспоминания, приятные и сладостные.

Мы аплодируем ему горячо и вместе с тем мы аплодируем своему прошлому.

Вызываем из своей памяти тени былого.

Справедливость, конечно, требует указать на то, что исключительно русский театр держится знаменитостями-ветеранами.

Отнимите, напр., у Александринки Давыдова и Варламова, и образуется, само собой, слишком внушительная пустота.

Кто придет на смену этим двум классикам, — мы не знаем.

Но вместе с тем, мы все же знаем и чувствуем, что на русской сцене положение вещей надежнее и появление новых драматических талантов вероятнее.

Малорусская же сцена такой веры не дает.

Мы можем хотеть, чтобы малорусская сцена не оскудевала. От всей души мы можем желать ей дальнейшего процветания. Но все же фактов

текущего малорусского театра мы не можем не учитывать. И факты эти пока не дают нам надежд.

Боже мой, странно и смешно сейчас думать о прошлых страхах властных мира сего перед малорусской литературой и пред малорусской драмой. Все мы помним эти комические времена, когда обязательно в каждый малорусский спектакль вставлялся для разжижения малорусских "тенденций" русский водевиль.

Грозный призрак возможного сепаратизма стоял перед очами властных мира сего.

Где этот призрак? Где этот сепаратизм? Помню, как в былые времена, грозившие "сепаратизмом Малороссии", дорогой и грустный М.Л. Кропивницкий говорил мне, что у него есть чуть ли не целый сундук не разрешенных к постановке пьес.

И вот извольте-ка: это яркое и пышное созвездие, эти алмазы украинского театрального неба: и Кропивницкий, и Заньковецкая, и великая комическая старуха Затыркевич, и Саксаганский играли, и как чудесно играли в эти времена запрещений, указов и надзоров!

Я из этого вовсе не хочу вывести то заключение, что запретительная система прошлого обладала прекрасным свойством делать и пробуждать сценические таланты. Напротив, она, вероятно, немало повредила этим талантам.

Но вместе с тем я не могу найти странным то обстоятельство, что теперь, когда запретительная система значительно сократила размеры своей опеки над малорусским "сепаратизмом", украинский театр обнаруживает явную тенденцию к своему оскудению.

И я очень хотел бы думать, что это только временная заминка.

Бывают такие недороды. Бывают такие неурожайные годы и такие оскудения не только на полях российской равнины, но и во всех проявлениях российской интеллектуальной творческой мысли.

Будем думать, что это только неурожайная полоса. Давно не было благодатного дождя. И оскудение прервется. И малорусский театр, взращенный, между прочим, и руками славного "дида" Марка Лукича Кропивницкого, снова воссияет и заблещет".

Увы, Кропивницкому не судилось увидеть ренессанса украинского театра. Эти гастроли стали для него последними, а одесские газеты накрыла волна поминальных публикаций об уходе из жизни "батьки украинского театра".

Газета "Одесский листок" от 24 (11) апреля 1911 года опубликовала

"Воспоминания о Кропивницком", подписанные псевдонимом Бедовый: "Когда М.Л. Кропивницкий праздновал 25-летний юбилей своей сценической деятельности, мне пришлось с ним беседовать.

Труппа его в ту пору играла в Русском театре, теперь уже не существующем.

Марк Лукич занимал небольшой номер в гостинице на углу Преображенской и Полицейской улиц.

Он говорил бойко, живо, не без остроумия, часто вставляя малороссийские выражения и объясняя мне их значение, удивляясь тому, как это можно не знать малорусских слов.

Во время первого дебюта в Одессе Кропивницкий имел большой успех.

В 1871 г., после того, как он исполнил роль Стецка, графы Морковы и Чернышев не выпустили его из театра и, загримированного, заставили подписать контракт. Ему назначили жалованье в 175 р. в месяц, — по тогдашнему времени, при дешевизне жизни, — это был большой оклад.

В течение 5 лет, когда малорусских пьес не ставили, М. Л. участвовал в русских труппах.

Голодание труппы Ашкаренко в Кременчуге, в 1881 г., подсказало М. Л. мысль телеграфно просить министра Лорис-Меликова о разрешении ставить малорусские пьесы.

Последовало разрешение. Возобновление малорусских спектаклей вызвало восторг среди украинцев.

В полном блеске малорусская труппа была в 1884 г. В состав ее входили: Заньковецкая, Затыркевич, Вырина, Саксаганский, Грицай, Стоян-Светлов, Манько, Карпенко, Касиненко, Боярский.

В январе 1887 г. малорусская труппа играла в Петербурге в присутствии царской семьи. Поставлены были "Назар Стодоля" и "Як ковбаса та чарка".

Император Александр III сказал Кропивницкому:

— Я желаю вас еще видеть.

Во время исполнения Кропивницким Глитая было несколько эпизодов.

В Ростове купец, товарищ гор. головы Баршин, пришел в такое негодование, что, ударив цилиндром о барьер, крикнул, указывая Садовскому, игравшему Андрея:

— Бей его!

Крик сопровождался ругательствами.

Будучи вдовцом, М. Л. ухаживал за барышней. Она обещала выйти за него замуж.

Но... увидав его в роли Глитая, взяла свое слово обратно и отказалась выйти "за такого изверга".

В том же номере о последних часах жизни Марка Лукича и его трагическом уходе помещены воспоминания "О М.Л. Кропивницком", подписанные инициалом П.

"Посетив сына пред своим отъездом, Марк Лукич даже с внуками в карты играл и был очень весел, собираясь в дорогу. Между тем, несмотря на свою веселость, он заметно изменился. Сын и семья его собрались проводить отца и деда и даже имели намерение сопровождать его до Харькова. Но старик со станции Раздельная выпроводил сына К. М. и внучку в обратный путь, категорически заявив им, что в их услугах он нуждаться не будет, так как чувствует себя хорошо. Сын не пошел против желания отца и просил, чтобы он разрешил дочери его провожать, но "батько" и от этого отказался.

М.И. Кропивницкая рассказывала, что предчувствие ни на минуту не оставляло ее. Она была полна тревоги, несмотря на то, что Марк Лукич, когда знакомые дамы советовали ему отдохнуть в Одессе и поправиться, смеялся и вышучивал их страх за его здоровье. Еще больше тревожилась М. И. с приездом мужа обратно, когда увидела, что на венке, поднесенном "батько" на бенефисе, цветы почернели. Ей почудилось что-то недоброе, и она заявила мужу, который, смеясь, заметил: "У тебя скоро и ленты венка сделаются белыми". Не успел он окончить этих слов, как вошел железнодорожный жандарм и подал телеграмму о... внезапной смерти отца".

Марко Лукич Кропивницкий умер в поезде.

О трагическом уходе из жизни великого украинского артиста и драматурга писали не только одесские газеты. В санкт-петербургской "Газете-копейке" от 23 апреля (10 мая) 1910 года опубликовал статью "Батько Кропивницкий" известный русский писатель Скиталец (Петров Степан Гаврилович), некоторое время проживавший в Одессе. Скиталец не очень хорошо знал биографию Кропивницкого, потому не все факты, изложенные в публикации, соответствуют действительности, неверно указан даже год рождения (Кропивницкий родился 7 мая 1840 года), но подкупает искренняя скорбь автора об ушедшем великом мастере сцены.

"Умер Марк Лукич Кропивницкий, только на днях еще выступавший в Одессе и чаровавший зрителей неувядаемой мощью своего таланта.

Кажется, — не было в Малороссии более популярного человека, чем

"батько Кропивницкий". От него началась слава малорусского театра, который стали признавать не только на берегах Псела и Ворсклы, но и на берегах Невы.

Кропивницкий родился в 1841 году в Херсонской губернии, в небогатой дворянской семье. Учился он в гимназии в Киеве — и там же поступил в университет — на историко-филологический факультет. В университете, однако, он оставался недолго, его манила сцена, его увлекала мысль — народный малорусский театр поднять на художественную высоту.

Сначала он подвизался в чужих труппах, а в 1880 году основал собственную, в которую привлек талантливейших малорусских артистов своего времени — Заньковецкую, Затыркевич и братьев Тобилевичей, — Садовского, Саксаганского и Карпенко-Карого. Получился исключительный, небывалый подбор артистических талантов. Труппа имела везде огромный успех — тем более что уже не надо было пробавляться старыми наивными пьесами народного репертуара, так как Карпенко-Карый и сам "батько" написали ряд превосходных пьес, ярко и художественно рисовавших живую жизнь и нравы Украйны.

С этими силами и с этими пьесами после блестящих успехов в провинции Кропивницкий приехал в Петербург. На русской сцене царил тогда Виктор Крылов с своими пустенькими комедийками, в которых русские — были только имена. Появление Кропивницкого с реальным истинно жизненным репертуаром — было целым откровением. Такие критики, как А. Суворин, ставили малороссов — их игру и пьесы — в образец нашему театру.

Не меньший успех выпал на долю малороссов и в Москве. К сожалению, вскоре блестящий ансамбль Кропивницкого распался. Образовавшиеся отдельные труппы враждовали между собою — и "батьке" пришлось пережить немало горьких минут.

Последние годы Кропивницкий гастролировал по приглашениям в разных городах. До конца ярко горел его талант — неиссякаемый в комизме, потрясающий в драме. Его пьесы "Невольник", "Дай сердцу волю", "Пошилысь у дурни" и особенно водевиль "По ревизии" долго будут украшать репертуар малорусского театра.

Как человек — Кропивницкий был прост, ласков, добр — настоящий "батько". Родному театру и народу он посвятил почти всю свою жизнь — и в Украйне не забудут его".

Через сто лет, прошедших после публикации этих статей, можно уверенно сказать — не забыли, помним. Одесситы гордятся, что в Одессе

Кропивницкий дебютировал на профессиональной сцене в 1871 году, что здесь прошли в 1883 году триумфальные гастроли первой украинской профессиональной труппы, режиссером которой он был, именно в Одессе в 1896 году праздновал "батько украинского театра" 25-летний юбилей своей профессиональной деятельности, и простился он со сценой тоже в нашем городе.

Тексты статей публикуются впервые. Они взяты из коллекции газетных вырезок, которую собрал некий одессит, поклонник таланта великого артиста. Вырезки компактно хранились, очевидно, в небольшом конверте, а по прошествии многих десятков лет были обнаружены родственниками или друзьями, которые поняли их историческую ценность и отнесли в Литературный музей, оставив просто на вахте. Эта коллекция вместе с экспонатами из фондов музея будет представлена на выставке, посвященной корифеям украинского театра. Спасибо вам, неизвестные дарители, оказавшие достойное уважение истории нашего города.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Вещь есть пространство...

Мне хочется поздравить любителей искусства в нашем городе. Художников, притом хороших, в Одессе всегда было немало. Но, в основном, одесская школа славилась живописцами. Мастеров графики, особенно печатной графики, будь то офорт, ксилография, линогравюра, всегда было мало. Можно вспомнить тончайшего офортиста В. Заузе, позднее А. Постеля, в наше время Д. Беккера, Г. Гармидера, Г. Верещагина... Но все чаще Г. Гармидер, Д. Беккер "изменяют" музе графики с живописью. Объяснить это можно: графика — искусство утонченное, коллекционеров и знатоков графики мало, графические листы хранят в потаенных папках и ящиках, сохраняя от губительного воздействия света, редко вывешивая на стены... И поэтому так значимо, что в когорте одесских графиков пополнение — несколько выставок подряд, показывая все новые и новые работы, представила одесситам молодая художница Альбина Ялоза.

"Мы все учились понемногу", — почти два века назад заметил Александр Сергеевич Пушкин. Мало что изменилось за это долгое время, но к Альбине Ялозе эти слова поэта не относятся. Она училась много — за ее спиной и Харьковская художественная школа, и Харьковское художественное училище. Казалось бы, можно остановиться и приступать к творческой работе, но Альбина оканчивает Харьковскую государственную академию дизайна и искусств (1999-2005 годы), а затем и магистратуру. Иногда бывает, что такой объем ученичества может "засушить" художника. К счастью, этого не случилось. Все тонкости техники высокой печати были опробованы, осмыслены. Путь в творчество начинался сразу с мастерства. А вот как его применить, Альбина Ялоза понимала уже давно.

Выставка, о которой я хочу рассказать, персональная выставка гравюр Альбины Ялозы, состоялась во Всемирном клубе одесситов.

Наше знакомство могло произойти раньше — один из художников приглашал меня на выставку Альбины в Литературном музее. Но в тот раз не сложилось. Но однажды я пришел в "коммуну художников" на Садовой, 5, готовилась выставка Владимира Наумца, и оказалось, что в одной из комнат в этой "коммуне" — мастерская Ялозы. Несколько часов лист за листом просматривал я ее работы. Ясно было, что передо мной художник со своим взглядом на мир, своими эстетическими пристрастиями, что академизм не только не помешал ей искать новые формы, но дал возможность делать это легко, я бы сказал, элегантно.

Урбанизм пейзажей, конструктивизм, в котором чувствуется "харьковская школа" от Василия Ермилова до Бориса Косарева (лидеров украинского авангардного искусства), переходит в минимализм (столь характерный для современной европейской графики) серии "Свет" или "Осветительные приборы". Но переезд в Одессу, где Альбина живет последние два года, аура художественной жизни города, его лирическая напряженность не могли не сказаться на творчестве прелестной харьковчанки. Ее листы, где в житейском море плывут утонченные рыбки, не только продолжают, на мой взгляд, излюбленную тему Валентина Хруща, но, возможно, уводят еще глубже — в историю, к раннехристианским образам, где изображение рыбы было своеобразным паролем для первых, еще гонимых, последователей Иисуса Христа...

Перебирая лист за листом уже отпечатанные, оформленные работы (к оформлению каждой гравюры Альбина тоже относится как к процессу творческому), я тут же предложил Альбине Ялозе сделать персональную выставку во Всемирном клубе одесситов, чтобы гости города, посещающие клуб, одесские члены клуба ощутили очарование и трепет этих работ. Нужно было выбрать, что показать зрителям. И цикл "Алкоголь", и цикл "Влюбленность и методы ее лечения", и цикл "Свет" могли быть интересны зрителю. Но захотелось, я бы сказал, сразить сомневающихся в самоценности графики. И мы выбрали цикл цветных гравюр "Цветы" и цикл "Рыбы".

"Цветы" — казалось бы, академические натюрморты. Но столько в них эмоциональности, чувственности, что они обжигают своей непосредственностью.

А "Рыбы" — это признание в любви Одессе, пусть зашифрованное в натюрморты, но искреннее и нежное, на пределе чувств...

Натюрморты. Именно их показала на выставке Альбина Ялоза. В статье, написанной для ее каталога (пока не вышедшего), Наталья Веретко, зная, что любимый поэт Альбины Ялозы Иосиф Бродский, нашла очень подходящую строфу из стихотворения Бродского "Натюрморт":

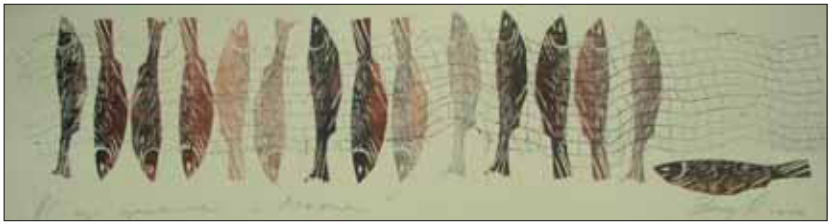
> Вещь не стоит. И не
> движется. Это — бред.
> Вещь есть пространство, вне
> коего вещи нет.

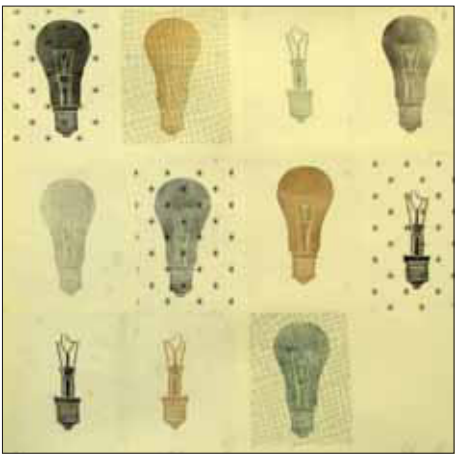
Точнее о натюрмортах Альбины Ялозы и не скажешь. Для нее "вещь

есть пространство", и в этом пространстве живут ее зрители, живет она сама, созидающая новый мир, свой мир вокруг себя.

Выставка во Всемирном клубе одесситов завершилась, а жизнь продолжается. Альбина Ялоза показывает свои работы на "Одесском биеннале — 2" в Музее современного искусства Одессы, в Арт-центре Александра Коробчинского, открыла персональную выставку в "Садах Победы". Под ее руками оживают большие клеенки (вспомним, что Нико Пиросманишвили все свои картины писал на клеенках), она осваивает пластик... Эксперименты? Но при таком уровне владения техникой они всегда ведут к удаче, успеху. Тем более что это всегда поддерживается эмоциональной искренностью и безупречным вкусом!

Олег ГУБАРЬ

Божик

С куцым жизненным опытом легко быть моралистом. А с нашим-то рюкзаком за плечами поостережешься назидать. Вставь какую-нибудь комнатную, рафинированную особь втулкою да в какой-нибудь промасленный старый редуктор, поглядим еще, чего она тогда запоет, какую песню о главном. Потому — снисходительнее, с ударением на последнем слоге, как у Жванецкого, того лучше — с почтительным вниманием к потертой обстоятельствам небольшой, но значимой детали.

Некоторое время назад, сам изрядно потертый, заметил, что перестал влюбляться в людей. Это плохой признак — отсутствие вдохновляющего фактора. Человеческого, разумеется. Старые связи основательно поддерживают, а все равно тоскливо. Эта наша неизбывная охота к переменам, волчий аппетит при виде свежатины, сиречь вампиризм. Иначе зачахнешь. На непредвиденное нечто (счастье? несчастье?) мое, коротко разглядел Божку.

Божидар Милович, он же Божко, он же Бошка, он же Божжо (в нежной родительской интерпретации), по чести говоря, редкого разлива разгильдяй, и при этом исключительно обаятельный персонаж. Много лет пребывал он в поле зрения, но вне моей орбиты. Полгорода горделиво называют себя его близкими друзьями. Год за годом, на любой богемной тусовке непредсказуемо услышишь: "Божко приехал". И — ни малейших пояснений. О чем тут говорить, когда всякий и без того знает: Божко — это Божко, явление природы, да и только. Вот он и явился. Будто весенний ливень и (или) летняя жара.

Есть такая редкая порода: вот, вроде бы, ни черта не делает человек, как тот певчий дрозд из трогательного одноименного фильма, живет себе, как Бог на душу положит, легко и безответственно, насыщает собой пространство. Четверо детей от четырех разных матерей и, говорят, всем оставлено по квартире. Букет благоухающих барышень, вечнозеленый, обновляющийся. Куча разномастных приятелей — художников, искусствоведов, журналистов, реставраторов, антикваров, да просто забулдыг: кому выставку устроил — и здесь, и в Белграде, кому с публикацией помог, кому партнеров подкинул, кого друг с другом перезнакомил, кому просто подал. И всё как бы между прочим, само собой, левой ногой, играючи, по пьянке-гулянке. Сам изрядное художественное и искусствоведческое образование получил, массу жан-

ров великолепно освоил — как художник и фотохудожник, успешно экспонируется, выступает как идеолог и руководитель массы арт-проектов, но это общее место. Его предназначение — монета, постоянно пребывающая в обращении. Потрешься тут, и на поверку — биография как произведение искусства.

Это его смешливое, иронически свистящее "п-ф-ф", одними губами выдуваемое, — идет ли речь о пропитых деньгах, несданных вовремя железнодорожных билетах, упущенных возможностях, неблагодарности облагодетельствованных. Просто "п-ф-ф", чтоб руками не махать, сил не тратить. Это мне надо было культивировать беззлобность, у Божко она врожденная, то есть шаровая. Иной раз деликатничает, и там, где следовало бы однозначно направить на три веселых буквы, — жалостливый. Потому, подобно давнему знакомцу нашему, покойному Юре Коваленко, часто нищих пишет, уличных музыкантов, "погибших, но милых" и прочую шантрапу. А нахалов в природе избыток: ты ему нальешь из сострадания, а он сию же минуту в амикошонство.

Да, так вот, как в цыганской величальной поется, к нам приехал наш любимый... И начинает народ водку жрать. На шару, естественно. Ну не только водку, конечно. Мы, скажем, в один из подготовительных (к персональной его выставке в Художественном музее) дней потребили в следующей последовательности: коньяк — абсент — коньяк — пиво — водка — сливовица — самогон. Откуда и зачем это наше дешевое надрывное молодечество, когда похваляться стойкостью друг перед другом давно незачем, по утрам, кряхтя, цедим пиво, бурчливо оправдываясь и обсуждая болячки. Отчаялись, должно быть, от тревожно кардинальной бесперспективности. Хочется детского крика на лужайке, а кричать пора внукам. Кругом —

ребята помоложе, поамбициознее, эти еще свои цистерны не освоили, своего говна не накушались, живут покуда без оглядки, и нам в их присутствии ударять лицом в грязь не с руки. Недаром же мы и т. д. Вот и рвем жилы, чтоб другим неповадно было.

Все это на фоне непрестанно изменяющегося лика города. Лет тридцать тому в разгар лета молоденький, поистине молочный Божжо, выпускник югославской мореходки, лихо перескочил металлический заборчик у причала катеров — не обходить же весь Первый район порта, до проходной аж на Таможенной площади. От морвокзала взлетел по Потемкинской лестнице до парикмахерской, что с дореволюционных времен квартировала слева, на одноименной площади. Привел себя, чернявого экзотического красавчика, в морской порядок, пересек проезжую часть по диагонали и присел на веранде ресторана "Украина", где и бар, что был известен тогда в среде продвинутой молодежи как "Розовый". Заказал 250 отменного советского пломбира, потом еще 250 и, охладившись, ворвался в разомлевшую от жары, румяную и округлую, словно тургеневская Одинцова, Одессу.

Я вот таким же покорителем-повелителем городов, властным и вместе проникновенным Барбароссой, из армии вернулся. Понимаю. Когда провинциал является за похожим с внешней стороны интересом, это совсем другое дело — такие заточены ставить на колени и устрашающе требовать миньета. Злобная неудовлетворенность вымещается на укорененных домах и лицах. Захватив чужую территорию, избавляются от малейших декораций, напоминающих о прежних хозяевах. Перелицованное под себя, по-животному меченое обиталище, в котором вознамерились агрессивно существовать веки вечные.

Мы об этом с Божко много трепались. Мы вообще много треплемся по этому поводу. Не думаю, впрочем, что от нас было бы больше прока как от участников митингов и прочих манифестаций. Рациональнее использовать нас по назначению. То есть он пусть себе занимается — смотри выше, по-своему подпитывая лениво отцветающую красавицу, а я, грешный, продолжу снабжать манифестантов достоверной ретроспективной информацией по специальности.

Да на самом деле не все так страшно и плохо. Когда Белград бомбили — не так уж давно это было, а, поди, старательно позабыли, — так Божко во время бомбежки барышню в кафе пригласил, сидели близ находящегося под прицелом моста. Девушка обеспокоилась, но мой товарищ спокойно заметил: "Не факт, что в другом месте безопаснее. И вообще, гляди и запо-

минай — в каких еще неандертальских дебрях оценишь уровень нашей цивилизованности".

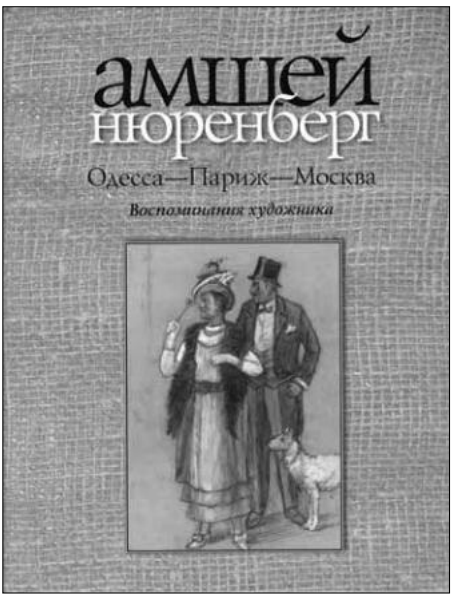
И это прошло. И это пройдет. Времена не выбирают, истинная правда. Выбирают города. Божко свой выбор сделал давно, Белград — Одесса, Одесса — Белград, и так всю дорогу. Песочными часами. Нет такого прямого поезда. Нормальные герои всегда идут в обход, чтобы возвратиться на круги своя.

Фото Наталии ЕВСТРАТОВОЙ

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

С кем протекли его боренья?

Амшей НЮРЕНБЕРГ
Одесса – Париж – Москва
Воспоминания художника.
Подготовка текста
О. Тангян-Трифоновой
Мосты культуры – Gesharim.
Москва – Иерусалим.

Это Борис Пастернак в стихотворении "Художник" задает вопрос и тут же на него отвечает:

С кем протекли его боренья?
С самим собой, с самим собой.

Кажется, эти две поэтические строки можно вспомнить и применить к каждому настоящему мастеру — в литературе, на сцене, в живописи и скульптуре. И все же есть судьбы художников в двадцатом столетии, чьи боренья протекли не только с самим собой, но и с эпохой, со временем, которое они не выбирали, но пришлось жить...

Одним из таких художников был Амшей Маркович Нюренберг.

Книга "Амшей Нюренберг. Одесса — Париж — Москва. Воспоминания художника" была собрана Ольгой Тангян-Трифоновой, внучкой художника и дочерью писателя Юрия Трифонова.

Казалось, что в недобрые времена художник был почти забыт, во всяком случае, официальным искусствоведением, извлекавшим его имя только в необходимости упомянуть Нюренберга в связи с "Окнами РОСТА" и другими идеологически дозволенными страницами в истории отечественного искусства.

Хоть и в ту пору был круг людей, знавший и ценивший художника. В наше время этот круг стал гораздо шире — появились альбомы, статьи, выставки и даже аукционы...

Но об этом дальше.

Книга об Амшее Нюренберге, точнее, книга самого Амшея Нюренберга, подготовленная Ольгой Тангян, состоит из его воспоминаний — искренних, веселых и печальных, порою драматических. Это книга рассказов о семье, об отце, о детстве в тихом Елисаветграде, которое рано закончилось. Книга об учителях и друзьях — в Одессе, в Париже и в Москве — рассказов, порою напоминающих уверенный графический набросок, порою — пластичный живописный портрет, и все же наряду с этими достоинствами автор воспоминаний блестяще владеет не только карандашом и кистью, но и словом, выразительным и образным. Забегая вперед, скажу, что не случайно в юности, живя в Париже, он печатал в русской газете "Парижский вестник" статьи о художниках (под выразительным псевдонимом — А. Курганный). Это была первая проба пера, которым он владел и артистично, и мудро. Книга, о которой здесь идет речь, — тому свидетельство.

Страница за страницей перед нами проходит жизнь человека, художника, блестяще начинавшаяся в Одессе, где наставником в художественном училище был Кириак Костанди.

Из Одессы — прямиком в Париж, без связей, без денег. Только друзья-художники, оказавшиеся в Париже раньше, чем Амшей Нюренберг, стали во многом его поддержкой, его опорой.

Парижские страницы воспоминаний — это восхищение французской культурой, это живой и увлеченный интерес к творчеству своих собратьев, это взаимопомощь перед не отступающим холодом и голодом. И главное — общение, дружба с "одесскими парижанами" — Фазини, Мещаниновым, Фраерманом, зародившаяся тогда дружба с Марком Шагалом, о них написано так живо, так искренне, причем без распространенной, к сожалению, манеры в стиле "Я и Шагал"...

Не нужно, наверное, объяснять, что значили для молодого художника посещение прославленных музеев Парижа — от Лувра до Люксембургского дворца, пытливый взгляд на великих мастеров от Веласкеса и Рембрандта до импрессионистов. И еще один парижский опыт пригодится Амшею Нюренбергу в дальнейшем — занятие карикатурой, начинавшееся как способ подработать. Но постепенно, знакомясь с произведениями Домье, Гаварни, он все глубже проникает в природу юмора, иронии, сатиры, выраженной в экспрессии графики. Потом ему это очень пригодится в работе над "Окнами РОСТА", на протяжении долгой жизни он будет оттачивать свой рисунок, создавая выразительные жанровые и пейзажные зарисовки, словно одним росчерком акварельной кисти или карандаша — портреты близких, друзей, автопортреты.

В жизни Амшея Нюренберга будет еще одна встреча с Парижем, в конце 20-х годов. Казалось, что еще раз у художника появляется возможность остаться в любимой Франции, в близкой ему среде. И во второй раз он не принимает этот подарок судьбы. Так с кем протекли его боренья? В этом случае, очевидно, — с самим собой, с самим собой!

Из Парижа он возвращается в Одессу.

Гражданская война.

И несмотря на все катаклизмы, жизнь в одесском искусстве продолжается — "Свободная мастерская", которой руководит Амшей Нюренберг, — "днем живопись, вечером рисунок. На рисунок (обнаженная модель) приходило много художников: Фраерман, Олесевич, Фазини, Гозиассон, Константиновский, Мидлер и Малик". Пройдет немного времени — и все разъедутся, кто в Париж, кто в Москву. Их них в Одессе до конца своих дней останется только Теофил Борисович Фраерман...

"Окаянные дни". Эта формула Ивана Бунина стала характеристикой всего того, что происходило в Одессе в годы революции и гражданской войны. Нюренберг и Бунин оказываются по разные стороны баррикад. Сегодня бессмысленно ставить вопрос: почему это произошло? Так было. И перед нами документ, фиксирующий ситуацию такой, какой она виделась с "красной" стороны.

Есть воспоминания, которые пишутся для себя, для близких и друзей, без намерений или надежды их издать, как еще недавно говорили — "в стол". Амшей Нюренберг писал с желанием увидеть свою книгу напечатанной. Писал в начале 60-х годов, во времена хрущевской "оттепели", когда кое о чем уже можно было говорить, но о многом следовало умолчать.

В 1963 году в Одессе состоялась персональная выставка картин А.М. Нюренберга. Тогда мы познакомились, тогда он рассказывал мне о работе над книгой. Увы, и в этом "советском" варианте текста книга долгое время лежала на полке в издательстве. Именно тогда была предпринята попытка издать книгу в Одессе. Но и это в 1967 году оказалось невозможным, хоть рукопись рекомендовал не только я, но и Б.Ф. Деревянко. Лишь в 1969 году "Советский художник" издал книгу, сократив ее в два раза... Так подробно пишу о судьбе рукописи, лишь сейчас подготовленной Ольгой Тангян и замечательно сделанной издательством "Мосты культуры" (Москва — Иерусалим), так как убежден, если бы Амшей Маркович писал ее "в стол", книга была бы во многом другой.

Нынешний интерес к воспоминаниям художника совпал с находкой в Израиле коллекции Якова Перемена, собравшего картины первого

одесского авангарда и увезшего их в Палестину в начале 20-х годов. Выставка в Израиле, аукцион "Сотбис", возвращение 86 картин в Украину! Сенсация!

Но при внимательном чтении мы не найдем ни одного упоминания о меценате Якове Перемене. По сути, ничего не сказано о собственной живописи — с 1912-го по 1919-й год. А это был период "бури и натиска", попытка (и успешная!) создать свой узнаваемый стиль. Задолго до того, как появились репродукции картин из собрания Я. Перемена, я видел в одесском Музее западного и восточного искусства шесть панно А. Нюренберга. Потом они таинственно исчезли, лет десять тому назад в фондах обнаружили лишь одно из них, незарегистрированное, и подарили Одесскому художественному музею...

Ни слова о работах, которые привели автора в "Общество независимых", дали право возглавить "Свободные мастерские". Страх, рожденный в тридцатые годы, умноженный обвинением в космополитизме в сороковые, был сильнее желания представить читателю, "с кем протекли его боренья".

Но любую книгу нужно оценивать не из того, чего в ней нет, а из того, что в ней есть. А в этой книге "Одесса — Париж — Москва" так много блистательных удач, что она заслуживает самой высокой оценки.

Многие ученики К.К. Костанди оставили о нем свои воспоминания. И все же к самым проникновенным, как и воспоминания П. Нилуса, я бы отнес эссе А.М. Нюренберга. Пути учителя и ученика в творчестве разошлись, но благодарная память, вкус искусствоведа сотворили чудо. И Кириак Константинович предстал мощной фигурой во всем русском искусстве конца XIX — начала XX-века.

Возвращаюсь к воспоминаниям А. Нюренберга об Одессе. Насколько своеобычен Исаак Бабель, выразителен Эдуард Багрицкий в этой книге! Да и о многих художниках мы многого бы не знали. К примеру, Александр Альтман (не путать с Натаном Альтманом!). На аукционах в последние годы начали появляться его картины. Но кто это? Прочтите главу о посещении мастерской Александра Альтмана, "старого парижанина", — и это в 1912 году. Именно этой книге мы обязаны "воскрешением" Оскара Мещанинова, Айзика Федера и многих, многих других...

Конечно же, не только Одесса и Париж, но и Москва разнообразно представлена в книге. С интересом читал я главы о П. Кончаловском, А. Осмеркине, по-"бубнововалетски" сочно и ярко прописанные, о ВХУТЕМАСе, где преподавал А.М. Нюренберг, где была издана его

книга "Сезанн", об Игоре Грабаре, замечательном художнике и реставраторе, талантливом искусствоведе...

Выход этого тома воспоминаний — заслуга внучки художника Ольги Тангян. Она не ограничилась тем, что восстановила рукопись во всем ее объеме, она включила в текст фрагменты дневника художника, записей для себя, делающие воспоминания еще более объемными. Большая работа была проведена над справочным аппаратом, без которого эта книга была бы беднее. И еще одна мысль, представляющаяся мне важной. Составительница не пошла на то, чтобы в угоду нашему времени изымать какие-то главы. Да, сегодня мы видим многое не так, как пятьдесят лет тому назад. Но книга — документ эпохи. В этом ее особая ценность.

Дважды Амшей Нюренберг прощался с Парижем, несколько раз с Одессой, навсегда связал свою жизнь с Москвой. Искал свой путь в живописи.

В конце концов, написал об этом книгу. Старался писать не столько о себе, как о "парижской школе, о друзьях из "Улья", об одесском училище, о борьбе с примитивным пониманием искусства у АХРРовцев в Москве. А получилась книга о времени и о себе. Этим она интересна. И думаю, завоюет надолго интерес и признание читателей.

Феликс КОХРИХТ

Видъ на рейдъ с лѣстницы

Когда я смотрю с верхней площадки Потемкинской лестницы на порт, то порой ощущаю, что вместе со мной любуются морем и близким берегом Лузановки мои предки...

В середине 19 века прадед — Исаак Кохрихт, ювелир, ставший впоследствии знатным горожанином, купцом первой гильдии, приводил сюда, к памятнику Дюку де Ришелье, молодую жену. Ей предстояло стать матерью сыновей и дочерей, судьбы которых сложились и блестяще, и относительно благополучно. А вот их внукам, родившимся на стыке веков, тем более — их правнукам, выпали жестокие испытания войнами, погромами, революциями, изгнанием, Холокостом...

...Но сегодня, в сентябрьский день, скажем, 1870 года, они молоды и уже знают, что вскоре у них родится первенец — мой дед Израиль.

Пройдут годы, и он, молодой человек из хорошей семьи, получивший блестящее образование, сделает площадку у Дюка отправной точкой для путешествия по городу и окрестностям. Отсюда его коляска на резиновых шинах, запряженная вышколенными лошадьми, отправится на Лиман — через Пересыпь, где пересекутся судьбы наследника знаменитой ювелирной фирмы и фабричной девчонки — златовласка месила белыми ногами глину на кустарном кирпичном заводике, а "паныч" как раз проезжал мимо...

Семья не дала разрешения на неравный брак, и мой будущий дед ушел из роскошного дома на Дерибасовской в квартиру на Молдаванке, где и родился мой отец Давид — старший из трех братьев. Вскоре они стали сиротами — вольнолюбивый сын миллионера, работавший в порту конторщиком, умер от туберкулеза. Далее события развивались по канве готического романа. К моей прабабке явился во сне умерший сын и потребовал: "Возьмите к себе Давида и дайте ему воспитание!". Так мой отец испытал перемену участи и оказался в центре Южной Пальмиры — в апартаментах дома Вагнера, где жил прадед и находился его главный ювелирный магазин.

Первые детские годы Давид провел на окраине, среди пацанов, как две капли воды похожих на рыбацкого внука Гаврика — одного из героев повести Валентина Катаева "Белеет парус одинокий", теперь же ему предстояло стать гимназистом и учиться с учительским сыном Петей Бачеем. Но, учитывая национальные и сословные особенности, скорее всего, его

ждала судьба Сережи Мильгрома — блистательного и, увы, непутевого питомца семьи торговцев хлебом из повести "Пятеро". Ее автор Владимир Жаботинский создал книгу о том же времени и том же городе, что и Катаев. На моей золотой одесской полке они стоят рядом.

...В летний день 1905 года отец сбежал с уроков помчался на Николаевский бульвар, где уже клубилась толпа: на рейде стоял мятежный броненосец "Потемкин" и наводил пушки на город. Рядом с ним, шарахаясь от верховых казаков, теснились Владимир Жаботинский, Валентин Катаев, а быть может, и Исаак Бабель... Их герои? Какая разница!

Пройдут годы, и отец расскажет мне о том дне, а писатели поведают об этом в своих книгах.

И в этих воспоминаниях будут памятники Екатерине, Пушкину, Дюку.

Будет бульвар — Николаевский, Фельдмана, Приморский.

Будет лестница — Большая, Потемкинская, Одесская.

Впервые я увидел лестницу и порт осенью 1944 года. Мы недавно вернулись из эвакуации, а старший брат был на пути к Берлину. Мама привела меня на бульвар, и я с интересом разглядывал подбитый немецкий танк у Воронцовского дворца, а у памятника Дюку стояли патрульные морячки с автоматами ППШ и смотрели на порт, где у причалов громоздились сгоревшие транспорты...

Мама рассказала, что перед самой войной отец приносил меня, младенца, к Дюку и показывал парусник "Товарищ", стоящий на рейде.

Любопытно, что в двадцатые годы он, прошедший первую мировую и гражданскую, был начальником Бульварного отдела милиции, гарцевал по аллеям на белом коне — хотел понравиться дамам, а по утрам вместо физзарядки бегал несколько раз по Потемкинской лестнице вверх-вниз. Я на такое способен не был. Но книжки читал чуть ли не с рождения.

Вот описание порта, бульвара и прибрежной полосы Одессы начала 20 века, почерпнутое из книг Катаева, Жаботинского, Бабеля. Я не ставлю кавычек и не делю текст по авторам. Разбирайтесь сами.

...Если бы можно было, я бы хотел подъехать не через Раздельную... на пароходе; летом, конечно, и рано утром. Встал бы перед рассветом, когда еще не потух маяк на Большом Фонтане... Потом начинают вырисовываться детали порта. Это брекватер, а это волнорез (никто из горожан не знал разницы, а я знал)... В детстве моем еще лесом, бывало, торчали трубы и мачты во всех гаванях, когда Одесса была царицей... Помню ли еще здания, которые видны высоко на горе, подъезжая с моря? Дума была белая. одноэтажная, просто греческого рисунка... Направо стройная линия

дворцов вдоль бульвара... И лестница, шириной в широкую улицу... второй такой нет, кажется, на свете. И над лестницей каменный Дюк — протянул руку и тычет в приезжего пальцем: меня звали дю Плесси де Ришелье — помни, со всех концов Европы сколько сошлось народов, чтобы выстроить один город.

...Проехали мимо знаменитой одесской лестницы. Вверху ее треугольника, в пролете между силуэтами двух полукруглых симметричных дворцов, на светлом фоне ночного неба стояла маленькая фигурка дюка де-Ришелье с античной рукой, простертой к морю. Сверкали трехрукие фонари бульвара. С эспланады открытого ресторана слышалась музыка. Над каштанами и гравием бульвара бледно дрожала первая звезда.

К 216 годовщине Одессы художники Стас Жалобнюк, Олеся Зайвая, Сергей Боголюбов показали у памятника Дюку две работы, изображающие порт столетие назад и в возможной перспективе. Они озаглавлены: "Видъ на рейдъ с лѣстницы" — как на старой открытке

...Они дошли до угла и повернули на Пушкинскую... Я остался один и вдруг с такой ясностью, какой никогда не испытывал до тех пор, увидел уходящие ввысь колонны Думы, освещенную листву на бульваре, бронзовую голову Пушкина с неярким отблеском луны на ней, увидел в первый раз окружающее меня таким, каким оно было на самом деле, — затихшим и невыразимо прекрасным.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

1920 год
Из дневника

Вадим Константинович Паустовский, сын писателя, в пояснениях к публикации дневников отца довольно подробно рассказал о характере и стиле этих записей. Их телеграфная манера и отсутствие систематичности позволили ему говорить о дневниках как о рабочих "вехах для собственной памяти", по которым только автор мог бы восстановить всю цепь изложенных событий.

И все же случались периоды в жизни писателя, когда записи велись довольно подробно. Недавно в редакции оказались 27 "одесских" листков 1920 года, считавшиеся ранее утерянными.

С любезного согласия их обладателя, Дмитрия Алексеевича Лосева, журналиста и издателя из Феодосии, предлагаем их вниманию читателей. О причинах обережения этих страниц на протяжении многих десятилетий исследователям остается делать свои предположения и догадки.

Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами русского современного языка.

Такого глухого, чугунного времени еще не знала Россия. Словно земля почернела от корки запекшейся крови. Ухмыляющийся зев великого хама.

В Петербурге — городе мертвых — прекращается деторождение. Мужчины импотентны. За шесть дней он не видал ни одной улыбки, не слыхал смеха или окрика извозчика. Любви нет. Разница между полами стерта голодом, грязью, невыносимой тяготой жизни.

Нет того, что раньше называлось флиртом. Резиновая скука. Жизнь — в этой скуке, серой, пахнущей аммиаком из отхожих мест, — тянется, как высохшая резина, пока не разорвется.

Нет пола. Есть голодное существо, одетое в рваную шубу, с потухшими глазами. Почти все не моются по два месяца — в квартирах замерзает вода — разве здесь можно говорить о любви? Женственность — признак жизни живой, свободной и богатой, усохла, как усыхает река. Женщины внушают только отвращение грязью, затасканными подолами, слезящимися глазами, точно так же, как и обросшие, несвежие мужчины.

Усиление военной интервенции Антанты
Увод интервентами захваченных судов из одесского порта. 1919 г.

Боже, до чего ты довел Россию. Хочется молиться в теплых блещущих матовым золотом полутемных соборах. Молиться и знать, что за папертью идут в голубых огнях и снегу тихие площади Кремля, живет быт, пушистые снежинки падают на бархатную девичью шубку. Молиться. В последних истоках мутного света сослепу тычется, ища черствую корку, громадный умирающий народ. Чувство головокружения и тошноты стало всенародным. И больше умирают от этой душевной тошноты, тоски и одиночества, чем от голода и сыпняка.

Сегодня утром за маленьким окном едва светало. Вспомнил стихи, Москву, детство. Лежа на рассвете в теплой постели, в рождественские синие рассветы, так похожие на сумерки, хорошо было слушать треск дров в печке, звон чашек в столовой, смотреть на запушенные деревья в уютном саду, на красные блики огня на натертом паркете, вдыхать запах елки и ни о чем не думать.

Каждый день учеты, регистрации, допросы, реорганизации, сокращения штатов, слияния, аресты, боевые приказы, картавые мальчишки с револьверами на заду, дурацкая суета и отупелое ничегонеделанье — так жи-

вут советские учреждения. Крепостные. Хуже крепостных — "сволочь", скоты, которых дерут плетью ежечасно. Больно дерут по лицу. И за дрожью от холода, от обиды, от смутной боли — жалкое сознание, что там где-то "хвост" — очередь, и в этой очереди дают раз в три дня кислый ячменный хлеб, от которого пучит живот. Во имя этого терпят. А среди них есть интеллигентные люди.

Я совершенно не создан для службы, для канцелярщины, для сиденья за столом. Я болен. Тоска стала непрерывной, замкнутым в себе кругом (я не могу теперь, не сдерживая слез, слышать плач детей), она наполнила все мои дни до краев, и я не знаю ни сил, ни возможности разорвать ее, засмеяться, почувствовать, что ведь я еще молод, что мне всего только 28 лет, что я хотел жить иначе.

Книги лежат начатые, но писать дальше не могу. Отморожены, должно быть, мозги, и отморожены руки. Пальцы опухли, в язвах, и умыванье вызывает слезы.

У батюшки умер сын. Ребенок был слаб. Дети родятся хилые, с дурными соками, у матерей нет молока. Вечером он служил панихиду у гробика в цветах. Цветы (астры) принес Крол. Горела коптилка. За окнами дул сырой норд-ост и стояла черная злая ночь... "В месте светле, в месте покойне, иде же несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная". Великая жажда у всех к этим местам, где нет воздыхания. У меня, у немногих есть свои "дети", — то, что мы отдаем будущему, свою душу в этих разорванных листках и книгах, то, что мы расплещем из себя, как пену из стакана с вином. У многих этого нет, нет своей доли в бесконечности жизни, кроме детей.

В нашем положении — выгоднее всего — это ждать смерти.

Вспомнил похороны Гартенштейна. Он был еврей. Что-то бормотал над ним рыжий синагогальный служка в пыльном цилиндре. На кладбище около гроба подрались канторы. Один из них взял верх и надрывно, отчаянно запел отходную. "Ой, лейбе, ицко, лейбе!" Было невыносимо тяжело. Весь обряд погребения, от обмывания и выдавливания экскрементов, до савана, из которого торчат мертвые ноги в носках, и носилок для тела со следами каких-то высохших соков — безобразен. Я нес эти носилки. Старик умер от тоски — пять дней ничего не ел.

Мы дожили до самого страшного времени, когда правы все идиоты.

Третья революция, которая близка, будет самой кровавой. Будут убивать на улицах, как зверей. Ибо давление ненависти и тяжесть терпения перейдут предел и разразятся внезапным и ошеломляющим взрывом.

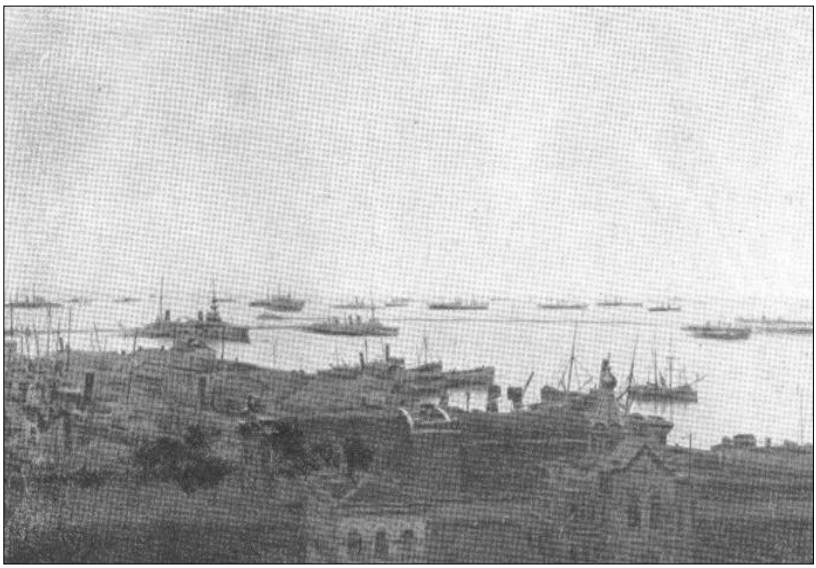
Жалость... будет достаточным поводом для смерти. Жизнь народа не терпит пустоты, а теперь эта бесплодная пустота (скопческая в отношении духа, творчества) наступила. Нет никаких надежд. У безнадежного один исход — расплата с теми, кто загнал его издыхать во вшивую нору. Издыхать одного, ибо давно уже умерли маленькие дети и слабая жена, и чувство человеческого, и любовь, и вера в какой-то смысл своего земного существования.

На угрозу "поставить к стенке" он ответил: "Я 24 часа в сутки стою у стенки, — стою у стенки за фунтом хлеба, у стенки за советским пойлом, у стенки за восьмушкой сахара и за поленом, стою у стенки голодной смерти и, если вы поставите меня к последней стенке, — я буду только благодарен".

Расстрел, "размен", "ставка Духонина" совершается над каждым из нас 24 часа в сутки, непрерывно. А смерть — это только "последняя" стенка, цементная стена гаража и грохот автомобильного мотора (их заводят, чтобы не было слышно выстрелов), после которого останутся только клочья воспаленных мозгов и лужица крови. Товарищи-операторы (раньше — "палачи") разденут труп, и родные увидят на улице на одном из них знакомые вещи и только по этому узнают о смерти близкого. Узнают еще и по тому, что после смерти приходят к родным и забирают вещи убитого. Так было с братом Ириши.

2 декабря. Первый снег. Пушистый. Какой красивое слово "снег", "снежный". Если бы был художником, написал бы картину "Снега". Снега на закате, розовеющие, как в полях... "Страна, которая молчит, вся в белом, белом...". От вечернего снега в тихие залы деревенских домов ложатся бледные отсветы. А в Москве — балы. Вспомнил Зайцева. Море — в снежном тумане. (Мост на Греческой.)

Рисую план Парижа. Меня волнуют даже названия улиц. Есть три важных города, где я хотел бы жить, Москва, Париж и Рим.

Французский патруль на улицах Одессы

В Москве — потому что там есть Гранатный переулок и "в ноябре на Тверской лежит снег", потому что там прекрасные русские девушки, милый ласковый быт и белые соборы в Кремле. "Дальний край" Бориса Зайцева[1].

Париж — за блесткое очарование его бульваров, как запах меха, только что сброшенного женщиной, за *cafe* и газовые рожки и Верлена, за *Notre-Dame* и Гюго, и сады Версаля в дождях, с желтыми отблесками ноябрьского заката в окнах дворца.

Рим — за кисловатое вино и остерии, за то, что Рим — город печальных любовников и художников в потертых пиджаках, за мрамор, увитый плющом Муратова, и солнце в узеньких улочках.

3/XII. Утром рыжий парк весь в солнце, белым пятном сверкает маяк, заголубело море. К вечеру закат ослепительно горел в окнах обсерватории жидким золотом, и над бухтой нависла розовая морская мгла. Болит голова и трудно о чем-нибудь думать. Устал от тасканья по базару, где все про-

[1] Имеется в виду роман, написанный в 1913 г.

дают и никто не покупает. На возах сидят, расставив ноги, толстые бабы с лицами чудовищ. Около каждой — десятки женщин с измученными глазами, мужчин в пенсне, студентов... и все, как нищие, протягивают руки с бельем, ботинками, мехами. Какая-то всероссийская распродажа интеллигенции. Но на все — один ухмыляющийся самодовольный ответ: "не треба". И острая, злая радость в глазах, что можно унизить "панов". А "паны", может быть, уже двое суток ничего не ели.

Острое, почти болезненное желанье сладкого чаю и легких, красивых журналов. Весь день бы просидел за номерами "Столицы и усадьбы", "Искры", "Солнца России", вглядываясь в рисунки, радуясь каждой букве, как запойный пьяница.

4/XII. На рассвете Крол рассказывал мне о своем детстве. Какой это был милый и цветистый быт. Красное платьице. Все зимние дни — на деревенской улице с Лелей на салазках и ледянках. Далекие поездки на лошадях по родственникам в престольные праздники. Колокольные звоны. Снега, солнце и пыльное лето во ржах. Введенье — преддверье Рождества. Домовитость, уют, мамины заботы, теплые лежанки. Гаврила Петрович — псаломщик — венчал ее кукол. Ей надо, хотя бы раз в год, побывать около рязанских березок, около Оки в лапотной, родной и древней (седенькой) России. А я завез ее сюда, на юг, в бездушный и тяжелый город, где даже раз в год нельзя услышать чистый, русский, поющий язык, ее рязанский говор.

"Я пришла к тебе от быта".

Быт и Кустодиев. На полотнах его много пряников (красных и зеленых лошадок), игрушек, базарной пестроты, овчин и мохнатых лошаденок. Там на Успенье уже краснеется калина, вода в речушках студеная и чистая, играют пескари, и золотые листья, как уборы с икон, опадают с березовых лесов на увалах, и такая нерушимая, церковная, золотая тишина над землей. Это родное. А здешнее, "украинское", все эти "перукарни"[1], "харчкомы", атаманы, Черные Ангелы и Тютюнники, размокшие степи и наглые мужики — лукавое, тяжкое, недоброе, замкнутое — так органически, до отвращения чуждо, хотя мой отец малоросс. Я родился в Москве, крестили меня в Георгиевской церкви (что на Вспо-

[1] Парикмахерские (укр.).

лье[1]), и Москва преобразила мою хохлацкую кровь, дала ей древность и крепкую свежесть русской земли.

Бог прислал меня на землю с даром красок. Поэтому — я художник. Я остро чувствую краски и настроения дней, хотя близорук. И в людях я чувствую краски их души. Пишу, и слова ложатся мазками, как краска на холст, и вся моя мысль — в этих тонах, то блеклых, то густо-алых, но больше всего золотых, золотеющих, насыщенных внутренней теплотой. Мысль, философствование, как игра идей, как шахматы, как комбинации вдумываний, из которых рождаются гениальные прозрения, — мне чужды. Я мыслю сердцем. Может быть, потому так быстро сгорает жизнь. Хорошо погрузиться в воспоминания, думы, образы, как в теплый сон, безвольно, без притягивания своей мысли веревкой (дисциплиной дня) все на ту же дорогу. Поэтому я вряд ли создам что-нибудь дельное. Но я могу написать несколько прекрасных строк о свете лампадок и вечернем чае в теплой, уютной столовой, о морском утре, словно закутанном в голубой шелк, переливающий солнцем, и о покрытых жемчужной пылью кулис картинах Дегаза.

Я вдруг почувствовал, что впереди меня ждет небывалое еще счастье. Был сырой день, я шел парком, с зеленого взволнованного моря дул сырой ветер. Такое чувство бывает у меня редко и никогда не обманывает.

Первый раз было в Ревнах, в лесу, в июльский день, когда наливались ржи. 14 год. И действительно пришло счастье бродяжничества, великой любви и моря.

Второй раз — вот теперь.

Кролу к именинам подарили белые хризантемы. Зимние, с хлопьями усталых лепестков. Они особенно красивы в холодных комнатах, когда на стеклах узоры от мороза. Горький запах очень печален. Почему-то вспоминаются снежные глубокие дни в Москве и голос Бумы.

Когда кончилась гражданская война и началось "мирное строительство" ("фронт труда") — все сразу увидели, что "король голый" и вся сила его только в войне, в разрушительной энергии злобы, в ужасе, в махнов-

[1] Церковь Св. Георгия на Всполье была заложена в 1779 г., располагалась на ул. М. Никитской, снесена в 1932-33 гг. На ее месте многоэтажное здание, которое в советские времена занимал Центральный дом радиовещания и звукозаписи.

цах, одетых в колпаки из старых красных и зеленых портьер. Чтобы создавать — нужна свободная душа и детские пальцы, а не прокисший ум, изъеденный, как молью, партийной программой и трехлетним озлоблением. Они искалеченные, но не огнем, а тлением, распадом, неудачливостью. Вся страна превращена в аракчеевские поселения.

Началась новая эпоха — прикармливание интеллигенции, профессоров, художников, литераторов. На горьком хлебе, напитанном кровью, должно быть, они создадут какой-то нудный лепет — "великое искусство пролетариата, классовой ненависти". Должны создать. Положение к тому обязывает. Чека им крикнуло "пиль", и они покорно пошли, поджав облезлый от голода хвост. Голгофа. Предсмертная пена на губах такого тонкого, сверкавшего, заворожившего все души искусства. Кто из них потом повесится, как Иуда на высохшей осине? Кто однажды продал душу? Господи, да минет меня чаша сия.

Не может быть, чтобы они не знали, что в Чека перед расстрелом смертникам, раздетым донага, пускают в спину струю ледяной воды из шланга и потом стреляют, — чтобы меньше было крови. Все же жизнь прогрессирует. Из недр Чека исходит этот прогресс, ибо техника убийства там разработана в недосягаемом совершенстве. Никто не проклянет тех, кто пошел "чесать пятки Луначарскому". Тех, кто мог бы проклясть <нрзб> и завистливо смотрят, как "те" тащат два фунта ячной крупы с мышиным пометом — академический паек.

Самое ненормальное и чудовищное явление в жизни — физический труд. Он мельчит душу и родит тусклое, непрерывное озлобление. "Кто не трудится — тот не ест" — детская галиматья, недомыслие. Словно для того человек пришел в жизнь с изощренным богатством своего ума и чувств, чтобы всю жизнь кряхтеть и сверлить сталь на заводе, потом напиться и спать, как животные.

Почти никто не знает, что человек (не изломанный) призван к тому, чтобы "ничего не делать", но создавать. Из великой лени созданы узоры уальдовского письма, "Евгений Онегин" и стихи пьяницы Верлена. И весь производственный труд всех социалистических, советских, федеративных и красных республик не стоит одной его строчки "Les sanglots longs des violons de l'automne". Наши деды умели только лежать на диванах в зимние оранжевые дни и слушать треск дров в старинных (синих) гол-

ландских печах — и они создали дворянские гнезда и домовые церкви, залитые блеском свечей, и покрытые снегами набережные Невы в фонарях, и балы, и Пушкина, и Грибоедова, и Бунина, создали Толстого (не религиозно-философствующего, а Толстого "Войны и мира") и, наконец, печальника русской осени, русского флорентийца Бориса Зайцева. Они создали редкий фарфор и гобелены, и клавесины красного дерева. И прабабушки прозрачными пальцами играли на них Моцарта, композитора старой изысканной Вены. А тот, кто "трудится и ест", создали Чека, советское пойло, советских скотов (всю Россию), тоску, грязь, плакаты и сотни жеваных "правд" и "известий".

Какая тонкость вкуса. Китайцы стараются окрашивать фарфоровые чашки в такие краски, которые гармонировали бы с цветом чая. Голубой цвет. Он создаст с коричнево-золотым чаем зеленоватые, теплые отсветы. В этом — прелесть быта, ежедневного уклада. На красивые вещи нельзя смотреть в музеях, как на редкость, открыв от изумления рот. С ними надо жить, каждый день едва скользить по ним взглядом, но потом это уж не вытравишь из души. Незаметно душа нарастает. Я замечаю это по той серебряно-зеленой парче — бывшему антиминсу[1], что висит над диваном.

Коммунизм, интернационал рождены еврейством, это — органическое, как у нас, русских, — дряблость и неуклюжесть. По существу, еврей, ненавидящий большевиков, более большевичен, чем русский красноармеец.

Медведев долго рассказывал о том, как выкладывали мозаикой его панно для дворца одного из петроградских князей. Медленная и красивая работа. Какое богатство ума было вложено в технику этих вещей. Говорили о реставрации старых картин, о подмосковной усадьбе кн. Щербатова с трельяжами, елисаветинскими залами и отблесками снега на стенах, куда он ездил в "теплом" автомобиле. Мы слушали как сказку. В грязной комнате было ниже нуля. Замерзло чернило. У него — черные, изъеденные язвами руки — от копоти и оттого, что чистит картошку. Сквозь дыру в ботинке выглядывал белый носок.

Первый и безошибочный признак пошлости — холеные усы. Слегка подвинченные. Приказчичьи. Как у Головчинера.

[1] Антиминс — греч. местопрестольник, освященный плат с изображением положения во гроб Иисуса Христа; кладется на престол церковный при совершении св. евхаристии.

Опять в снега, как в ризы голубые,
Закутана вечерняя страна.
В пустых соборах служат литургии,
И грусть моя по-зимнему ясна
В седых садах, где в небе бродит звезды,
В золотизне рождественских ветвей,
В седых садах, где месяц всходит поздно,
Над белизной березовых аллей.
А в городке горят в домах лампады
И отблеск их ложится на паркет.
В Москве балы и пышные парады
И на Тверской вечерний мягкий свет
В Москве мороз горит в дыму кострами
И в Зубове, в твоем особняке.
Я слышу смех и вздох о "нежной даме",
Мои стихи в задумчивой руке.
Мне грезится блистательный Растрелли,
Его рука чертила белый зал,
Где столько лет потом в ночах звенели
Моцарта сны под русский клавесин.
Опять снега закутали как пледом
Весь городок, и только сторожа
Стучат в ночах. За ними ходит следом
Глухой рассвет, синея и дрожа.

16/XII. На днях был странный сон. Снова я в старом помещичьем доме с низкими потолками, теплом и уютном. Из светлых сеней, где стояли еще с зимы в зимних кадках рододендроны и пальмы, я вышел на крыльцо. Был март. Вокруг дома стоял сосновый лес, снег лежал весь в синих лужах. Чудесный талый воздух. Около крыльца пилили сосну, и ее смолистый запах, снега, теплые предвечерние отсветы в окнах дома — все это было до того родное, русское, далекое от "интернационализма", что я заплакал во сне от детской, беспомощной тоски. Проснулся в слезах.

Замерзло море, и стали холода. Тянет над садами ледяным и соленым воздухом. Над белым платом льда — сизое северное небо. Рано зажигают огни. Перелом зимы.

Часто приходит ко мне желание писать — писать дни и ночи напролет, лишь изредка отрываясь и глядя в туманный зимний сад или спускаясь к черно-зеленому, покрытому льдами у берега морю. И думать о тех, кто прочтет эти строки, написанные мной. О далеких друзьях в Москве, в России. Но это желание вянет, комкается в жизни от ежедневного хождения в какой-то дурацкий Окружкомгуб, от усталости, холода, таскания обедов и тысячи мелочей. А жизнь уходит. Ленивый раб, зарывший талант свой в землю.

Святки, Рождество и Пасха — самые душистые праздники в жизни.

Утром выпал легкий, едва тронувший бурую землю снег. Парк, словно старинный зал в серых, но светящихся серебряных отсветах. Глубокая, поразившая меня тишина стояла над садами и морем. Только по усадьбам глухо кричали петухи. Цвет неба — словно цвет крыльев синевато-серебряной моли. И такая тишина стояла кругом, что, кажется, можно было зажечь под этим низким небом, в ясности этого святочного утра маленькую елку, и ее золотые огни не погасли бы и горели недвижно и ярко, как на алтаре. Молитвенная, церковная красота, не создавшая еще своих художников, своих поэтов.

Теперь впервые я все чаще и чаще встречаю на улицах умирающих людей. Выпитые глаза, трупный цвет рук и лица, трясущаяся голова, забитая, неизлечимая тоска в глазах. Тоска неизбежного смрадного и потому бесконечно горького конца. И за этой тоской — какие-то серенькие огоньки — память о прошлом, о милых святках и светлых, теплых комнатах, о друзьях и родных, которые теперь досадливо отмахиваются.

Послесловие

Эти страницы были написаны на юге великой державы, в одном из блистательных городов ушедшей империи. Страна, израненная междоусобицей и потерявшая привычный уклад мирной жизни, начинала являть иные законы бытия. Страшные эпизоды, свидетелем которых был Константин Паустовский, складываются в картину, полную безысходности.

Но уже через несколько месяцев наступят еще более страшные времена. Красное колесо прокатится по всей стране, и его глубокие борозды особенно кровавыми будут на

юге. Сотни тысяч человек будут расстреляны, уничтожены — без суда и следствия. Бухты Севастополя, старинные генуэзские стены Феодосии, южнобережные леса Ялты, тихие улочки Одессы станут свидетелями зверств и насилия над теми, кто не устраивал новую власть.

Но это еще впереди. А пока 28-летний поэт и журналист свои сокровенные мысли доверяет дневнику...

Сколько бумаг жестоких тех лет безвозвратно утрачено! А вот эта небольшая стопка листков с дневниковыми записями Константина Георгиевича волею судеб сохранилась. Но дожив до наших дней, уникальный документ эпохи мог быть утрачен. Если бы не воля случая.

...Летом 1998 года мой приятель Игорь Ильницкий, крымчанин, осевший не так давно в Москве, оказался в палисадничке на Большой Дмитровке. Зашел сюда пиво попить с другом. Неожиданно в скверик пожаловали и бродяги, проще сказать, бомжи, с коробкой старых бумаг. И сразу к себе привлекли внимание. Роясь в куче листов, писем, газетных вырезок, они натыкались на старые открытки и с интересом читали: "Коктебель, Одесса, Севастополь, Паустовский..." Ну как остаться равнодушным и безучастливо на это смотреть?! "Откуда это у вас, мужики?" — "А тебе какое дело?" — "Да так... Заинтересовало". — "Ну и купи!" — и назвали немалую сумму.

Игорь повертел в руках несколько листков, открыток. И сообразил: "Это бумаги из архива Паустовского. Если не забрать, ведь выбросят, и окажется все в мусорном контейнере". Но виду не подал и продолжил разговор: "Наивные... Кто у вас это купит за такие деньжищи! Потолкайтесь по антикварным магазинам и поймете, что никому это не нужно. А я бы вот купил открытки с видами Крыма...". "Ну, бери тогда все..."

Сделка обошлась Игорю в пятьсот рублей, что соответствовало примерно восьмидесяти долларам. Неожиданно разбогатевшие пилигримы московских улиц, пробормотав, мол, "еще принесем старье", скрылись так же стремительно, как и появились. Около часа Игорь поджидал новоявленных антикваров, однако второго явления не последовало...

Дома, разбирая бумаги, он убедился: они действительно из архива выдающегося русского писателя. Много детских посланий сына, письма и автографы Паустовского, дневниковые листы, письма и диплом жены Екатерины Степановны, черновики ее доноса середины 30-х годов на Константина Георгиевича (мол, пишет на темы, не отвечающие современным реалиям), письма разных лиц к Паустовским, журналы с прижизненными публикациями писателя...

Вскоре о покупке узнал и я. "Здесь много любопытного, — услыхал от Игоря в телефонной трубке. — Кстати, есть и четыре письма Нины Николаевны Грин к Паустовским", — и принялся их мне читать...

Спустя несколько дней я купил практически все содержимое коробки. Игорь оставил себе лишь письма вдовы Грина. И то — на время. Чтобы вскоре подарить их гринов-

скому музею в Феодосии. К слову, фрагменты из них только что опубликованы в книге Н.Н. Грин "Воспоминания об Александре Грине". Вышел том в Издательском доме "Коктебель". Стечением обстоятельств автор этих строк стал издателем и редактором книги.

Ничего случайного в этом мире не происходит. Еще раз утвердился в этой простой аксиоме, когда услышал историю обретения уникальных бумаг.

Они должны были сохраниться. Несмотря ни на что. Вопреки времени и условиям. Чтобы их прочли потомки. Чтобы помнили!

Публикация, комментарии
Дмитрия ЛОСЕВА

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР

Несколько слов об архиве-призраке и новелле-невидимке

Сигизмунд Кржижановский

"...Меня не покидало беспокойство о Сигизмунде Доминиковиче. Мы жили на разных квартирах и обычно встречались вечером. Утром я не знала, как прошла ночь, проснулся ли он в своей постели. Иногда, не в силах дождаться вечера, я после трех часов звонила в редакцию, зная, что в это время работа уже прекращалась, и звонок не выдаст моей тревоги. Мне отвечали: "Кржижановский был, уже ушел", – и я спокойно дожидалась вечерней встречи.

Особенно меня волновала судьба рукописей. Он правил рукописи у меня на квартире и тут же оставлял их. Почти все они лежали у меня в шкафу на полке, прикрытые черной шитой золотом парчой (иронический намек на их литературное небытие)".

Этот фрагмент воспоминаний жены Сигизмунда Кржижановского Анны Бовшек относится к пограничью двадцатых-тридцатых годов.

И далее: "Настроение, общую подавленность и настороженность тех дней Кржижановский отразил в рассказах "Красный снег" и "Воспоминания о будущем".

В данном случае "рассказы" – не обозначение жанра: стостраничную повесть "Воспоминания о будущем" куда вернее было бы назвать "романом". Но так Бовшек именует в мемуарах все сочинения Кржижановского.

Повесть – единственная прозаическая вещь Кржижановского, написанная в 1929 году.

В двух сохранившихся составленных писателем "Автобиблиографиях" датою 1930 помечены три заглавия: "Чужая тема", "Материалы к биографии Горгиса Катафалаки" и "Красный снег". Два из этих трех произведений – большая новелла и повесть – опубликованы мною два десятка лет назад, их машинописи есть в архивном фонде Кржижановско-

го, хранящемся в РГАЛИ, обнаружились они и среди тех сочинений, которые Бовшек подарила немногочисленным своим друзьям "на память о Сигизмунде Доминиковиче" и которые в семидесятых-восьмидесятых годах осели постепенно в моем собственном архиве.

Все вещи, обозначенные в "Автобиблиографиях", в этих двух архивах были. Кроме одной.

"Красного снега" не было нигде.

Искать его стоило уже хотя бы по одному тому, что им, в сущности, почти завершаются пять наиболее интенсивных и ярких лет в творчестве Кржижановского-прозаика, когда написаны почти все самые значительные, знаковые его новеллы и повести — те, которые ныне определяют совершенно особое место этого писателя в русской литературе, и не только в ней (добавить можно разве что появившийся годом позже "Мост через Стикс").

Через семнадцать лет после смерти мужа, в 1967 году, уезжая "доживать" из Москвы в родную Одессу, Анна Гавриловна увезла с собой и все бумаги Кржижановского, которые в начале пятидесятых не отдала в государственный архив. По большей части — копии того, что есть в РГАЛИ (кое-что присылала друзьям и оттуда). Но резонно было предположить, что не только. Ну хотя бы потому, что в РГАЛИ нет ни одной рукописи этого писателя (исключение — письма), даже "Записные Тетради" здесь являют собою стопку машинописных страниц. Конечно, известно, что Кржижановский свои сочинения преимущественно не писал, а диктовал машинисткам (в письмах называл свою работу "диктантами"), но все же полное отсутствие рукописей. Возможно ли?..

Летом 1996 года в Одессе на даче семьи Бовшек (Большой Фонтан, 16-я станция) я беседовал с родственницами, верней — свойственницами Анны Гавриловны. И старшая из них, вдова племянника, Валентина Осмоловская, подтвердила: бумаги были, много бумаг, десятки папок да еще фотографии. И все это после смерти Анны Гавриловны ее сестра, Екатерина Довгань (свекровь Осмоловской), передала в Одесское отделение Литфонда УССР. Благо работники оного были ей хорошо знакомы: принадлежащий Литфонду Дом творчества соседствует с дачей Бовшек, которую дирекция Литфонда одно время пыталась присвоить, но уладилось, обошлось.

По моей просьбе к поиску подключились сотрудники Одесского литературного музея. И ни следа не обнаружили. Из разнообразных предположений в итоге осталось два — совершенно пессимистическое и сдержанно оптимистическое.

Первое: бумаги попросту — тогда же — выбросили. Мало ли безумных вдов, убежденных, что их мужья были гениальными писателями, и заваливающих сочинениями покойного редакции и архивы! Мне и самому с такими доводилось встречаться...

Второе: распорядиться бумагами столь решительно работникам Литфонда могло (должно ли было? — вопрос) помешать то, что Кржижановский числился членом Союза писателей. И если в городском архиве папок нет, надо думать, их переслали "по команде", то бишь в Литфонд Украины. В Киев.

Там их, впрочем, тоже искали.

В частности, молодые гуманитарии-киевляне, затеявшие в начале девяностых издание внушительных размеров журнала "Новый круг" и вожделевшие в каждом номере печатать материалы, так или иначе связанные с творчеством замечательного земляка. Осуществить сие сумели, однако вышло всего три номера.

Или посетившая украинскую столицу московская аспирантка, писавшая диссертацию о Кржижановском. Ей удалось откопать в напластованиях ветхой периодики несколько публикаций Кржижановского, относящихся, по определению автора, к "дописательскому" периоду, — и выстроить на этом основании собственный концептуальный вариант понимания и оценки творчества писателя.

Были и другие искатели.

Архив не дался в руки никому.

Короче, к 1999 году, когда началась работа над пятитомным собранием сочинений Кржижановского, "базовый" архив его представлялся скорее призраком, фантомом, нежели реальностью. Это огорчало, но не слишком удивляло. Уж если могилу писателя, умершего в Москве в 1950 году, найти невозможно, что говорить о давным-давно и неведомо где заблудившихся его бумагах, которые не могли сказать ничего ассоциативно-внятного практически никому из тех, у кого в руках могли очутиться. Ибо автор этот — прижизненно и посмертно — был известен лишь "своей неизвестностью"...

Изучая его биографию, исследуя написанное, ко всякого рода странностям не то чтобы привыкаешь, но неизбежно с ними смиряешься. Как сказал однажды Владимир Николаевич Топоров, было бы куда более странно, если бы "вокруг Кржижановского" подобных вещей не происходило.

За шесть лет были изданы четыре тома собрания сочинений, включившие в себя, как я полагал, всю завершенную прозу Кржижановского, а также исследования и статьи о литературе и театре. Ко времени, когда вот-вот должен был появиться четвертый том, работа над пятым была практически завершена — пьесы, незавершенное, "Записные Тетради", письма, воспоминания о писателе, вклейка с фотографиями.

Поиск нескольких фотографий для этой самой вклейки и привел внезапно к обнаружению архива.

В Киеве.

Почему до сих пор он ускользал, — для меня загадка. Поддастся ли разгадыванию? — не уверен. Ведь даже документ о принятии архива на хранение — не без странности, совершенно в духе Кржижановского. Там сказано, что переданы папки в 1972 году женой писателя Анной Бовшек, умершей, как известно, в семьдесят первом...

В описи фонда кроме "Красного снега" значится еще несколько вещей, о которых я доселе не слыхивал: в "Автобиблиографиях" они не упомянуты. И еще — "Копилка образов" (сотня страниц "приготовления к писательству" — миниатюры, этюды, путевые записки), на-

броски, ранние статьи – и конспекты поздних, неосуществленных статей, больше похожих на монографии (скажем, "История ненаписанной литературы"), автограф "Записных Тетрадей", существенно отличающийся от машинописи, хранящейся в РГАЛИ, фотографии...

Анна Бовшек

Так что к занятиям пятым томом пришлось вернуться. Он и прежде был весьма объемистым, а тут в него добавилось около четырехсот страниц неведомых прежде текстов этого автора. И пятитомник... стал шеститомником. Два последних тома были готовы к концу 2007 года. Затем последовал экономический кризис, наотмашь ударивший по издательствам. Обе книги до сих пор не вышли – ждут своего часа. Для наследия Кржижановского ожидание – дело привычное...

Впрочем, ожидание это не всегда пассивно, подчас оно взрывается – внезапностями на диво своевременными.

Быть может, в том и дело, думается мне, что архив возник именно тогда, когда, помедли он еще немного, в Собрание сочинений его содержимому было бы уже не попасть. Кто знает...

Можно понять, читатель в том убедится, почему Анна Бовшек не рискнула не только доверить "Красный снег" государственному архиву, но и просто выпустить из рук – под любознательные глаза. При жизни это сочинение было смертельно опасно для автора, после смерти – для его наследия. И тем более опасно, что речь идет об одном из самых художественно завершенных и совершенных сочинений Кржижановского. Кто хорошо знает предмет, то бишь судьбу литературы советской поры, поймет, что одного такого текста вполне могло хватить для того, чтобы все произведения автора канули в беспамятство, в бездну спецхрана: мост через Стикс перейти им было бы не дано.

Судя по машинописи (а рукопись не сохранилась, во всяком случае, искать ее теперь уже негде), Бовшек отдавала себе в том отчет. Рискну предположить, что перепечатывала новеллу она сама – неумело, на старенькой с истертыми литерами машинке, с трудом разбирая неутомимо сгущающую строки авторскую правку, все эти вымарки и вставки, перестановки слов и фрагментов. Ни на одну из множества прежде виданных мною машинописей Кржижановского эта решительно не похожа.

Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ

Красный снег[1]

В покорности судьбе необходимо упражняться. Как и во всяком другом искусстве. Так утверждает, во всяком случае, гражданин Шушашин. Каждый свой день, обувшись и умывшись, прежде чем набросить на плечи пиджак, он начинает экзерцисом[2]. Опять-таки, выражение принадлежит ему. Экзерцис заключается в следующем: подойдя к стенке, он прислоняется к ней лопатками и стоит так в позе предельной покорности. Минута-две. И всё. Экзерцис окончен. Можно начинать жить.

Так было и в это мутное зимнее утро, скорее похожее на поседевшую за ночь ночь. Покончив свое упражнение, не требующее других приборов, кроме человека, стенки и лба, подставленного под что угодно, Шушашин перебросил через плечо петлю помочей, вздохнул, потом зевнул и прищурился в окно: против окна — окно, в окне — желтый блик лампочки, точно заблудившийся меж дня и ночи. Шушашин прибавил к вчерашней дате единичку и влез руками в рукава пальто.

Семь поворотов лестницы, ржавый всхлип дверной пружины, двор, длинный сводчатый проход из двора во двор, ворота, улица.

Шушашин занят очень трудной работой: безработицей. Каждый день навестить десяток обещаний, спросить в телефон у дюжины пятизначных цифр — "ну, как? тоже? никак? завтра?" — снова и снова обивать пороги, стараясь не сбивать подошв, которые от дня к дню, вместе с надеждой, тончеют и тончеют.

Асфальт и камни были под пленкой гололеди. Туман шел в сорока шагах впереди глаза, заслоняя собой все вещи. Огибая угловой дом, длинным вялым солитером тянулась очередь: к чему-то. Лавируя меж автомобильных рожков, Шушашин пересек перекресток. Другая: корзины, свисшие с рук, платки и кепки. Шушашин свернул в переулок, схватывая глазами бумажные квадратики, белеющие то тут, то там со стены: а вдруг. "Окрашиваю вещи в черный цвет" — "любую вещь недорого крашу в черный цвет" — "в черный цвет"... что за черт... Шушашин отдернулся зрачками и продолжал шагать, выбирая желтые пятна песку поверх льда. И вдруг он почти наткнулся на вынырнувшие из тумана слова:

— Э, батенька, из квартиры... Меня вот из собственной моей головы выселили, и я ничего. А вы...

И двое быстро прошли мимо. Шушашин оглянулся. Две спины: одна под толстой шубой с головой, провалившейся в встопорщенный мех, другая в истрепанном куцем демисезоне с разинутой распоркою внизу.

Затем переулок повернул, огибая молчаливую низкорослую колокольню и железо ограды, влево. Еще минута — и навстречу стал надвигаться знакомый хмурый контур с чинным гранитом ступеней, вводящих в него. Сквозь дверь проталкивалась, шумя и переплетаясь, экскурсия, но на нижней ступеньке, отдельно от других, стояло двое, притоптывающих валенками. Один был молод и строен, с растопыренными наушниками из-под шапки, другой в сизо-белой бороде под цвет туману, низкий и сутулый, казалось, с каждым словом втаптывался еще больше в землю:

— Ну, вот. Осмотреть Москву в невпопадный час. Чего захотели! Это за музейными номерками от одиннадцати до четырех. А Москве смотрины в неписанный час.

— Какой такой неписанный? — качнулись наушники.

— А такой: черный — когда и в окнах, и в людях ночь, и нигде, ни в переуличьи, ни на площадях, ни живой души.

— Почему?

— Простей простого: потому что в Москве ведь ни души.

Наушники, подхлестнутые ветром, встопорщились:

— Но ведь...

— Правда, правда, правда! — прокричал мальчишка, прорывая туман толстой пачкой газет, и через секунды голос его был далек и глух.

Шушашин обошел стороной конец разговора. С расстояния, достаточного для неслышания, он еще раз повернул голову к абрису музея: двое подымались по его ступенькам, борода сутулого втуманивалась в туман, и с каждым шагом он втаптывался все ниже и глубже в камень. "Хватит его до входа или не хватит?" — вскользнулось в мысль Шушашину, но опасливый рефлекс дернул за шейные мускулы, и Шушашин, не досмотрев, свернул за угол. Кстати, неподалеку, за граненой дверью подъезда, обитала пятизначная цифра, обещавшая замолвить слово, кому надо. И началось. Шушашин взобрался на четвертый этаж, спустился, опять на пятый, скользя по поручню вниз, на третий, четвертый, пятый, третий, цепляясь за поручень, на шестой — и остановился на шахматных серо-белых камнях площадки, тяжело дыша и оглядываясь на сейсмограммически изогнутую желтую линию поручня, опутывающего провал пролета. И на этот раз неуловимое, меняющее знаки пятицифрия, представилось ему в виде юркой мыши, прячущейся под мембрану с длинным — на кило-

метры — из-под переулка в переулки извивающимся телефонной проволокой хвостом. И он стал медленно спускаться. По лестнице вниз сновали портфели. Двумя этажами под резко распахнулась дверь, выбросила вскрик "ты у меня ног не соберешь!" и со звоном захлопнулась. И Шушашин, устало опадая со ступеньки, думал, что если для того, чтобы собрать две ноги, нужно "*x*" времени, то осьминогу, чтобы собрать восемь ног, или вот тысяченожке... и вдруг, сдернув с мозга нитонисётину, огляделся: где и что? Желтая, сомкнувшая длинные створы дверь; на двери дощечка:

врачу Бухгалтеру — три раза
Ю. Ю. Тишашеву — два раза
Безносенко — один раз
И. Я. — ни разу

Рука Шушашина в нерешительности описала круг около звонковой кнопки: интересно бы взглянуть на этого И. Я.; только как до него добраться?

Рука упала, ноги досчитали ступеньки. Шушашино отражение, скользкое на скользком стекле, под толчком ладони посторонилось, Шушашин вышагнул на улицу и повернул плечо вдоль тротуара. Туман редел, но люди шли гуще. Солнце пробовало протолкнуться лучами сквозь толпу серых, в солдатском сукне, туч, но те не размыкали плеч. Теперь Шушашину незачем было спешить. Пусть дымы вверх и вниз над трубами, ему ни к кому и ни от кого, все вертикали проделаны, остается лишь длинная, неизмотанным клубком, безнадежная горизонталь.

Внезапно улицы сшиблись в площадь. Автомобили. Трамвайные короба. В центре, у скрещения рельс, замотанная в платки женщина, тыча чем-то, похожим на кочергу, в стыки, расцепляла накатывающие друг на друга вагоны. Рядом с хлопочущей фигурой — складной табурет, но лязгающие номера не давали роздыху.

Шушашину было все равно куда, и кружение колес загнало его шаги на выгнутый белый обод бульвара. Здесь было тише, но печальнее. Безлистные деревья, пустые обмерзлые скамьи. Идя вдоль ряда стволов, Шушашин вдруг заметил: на одном из них — прямым парусом фон уличного фотографа[3]; рядом — шевелящий прямыми метлами, прилаживающийся к защелку, аппарат. Вокруг паруса — несколько хмурых людей, обнаживших головы. Что бы это? Шушашин приблизился: против выпяченного стеклянного глаза аппарата, у желтого дворца, увитого розами, и лебедей, плывущих над синью озер, — короткий детский гробик с желтым головастиком внутри. Женская рука, скользнув в последний раз вдоль деревян-

ного ранта, поправила стылую пяточку в желтом чулке и отодвинулась. Мембрана щелкнула. "Да, так дешевле", — бормотал Шушашин, продолжая сгибать и разгибать колени мимо стволов и скамей. Но усталость подвешивалась гирями к шагам и мглила мысль. Надо передохнуть. Ближайшая же скамья подставила холодную спинку и позволила вытянуть ноги. Мужчина и женщина, сидевшие у другого края, оборвали разговор. Но Шушашин даже не взглянул. И только через минуту, когда слова, возвратившись, заставили его, скосил глаза в сторону пары.

Говорил, лишь изредка останавливаемый репликой, собственно, один мужчина. Плечо его, повернутое к истертому жухлому плюшу, под которым пряталось ухо собеседницы, гневно вздергивалось:

— Они мне прислали анкету: ваше отношение к религии? Бог — ведь это лишенец, которого надо выселить из им построенного мира. Не так ли? Но давай всерьез. Я уже набросал черновик ответа. И я им пишу: "Бога, разумеется, нет, потому что, если бы он был, то мог бы, по всемогуществу своему, создать себе более умных противников, чем тупые писаки из "Безбожника"[4]. Ну, что ты скажешь?

Истертый плюш прикоснулся к руке мужчины:

— Что ты не пошлешь. Не надо.

— Но ведь должен же я сказать...

— Не надо.

Мужчина качнулся плечами вперед, зажал пясти рук меж колен и всматривался в затоптанный снег дорожки.

— Может быть, ты права. Как всегда. К чему быть глупее глупых. Знаешь, я еще в отрочестве думал: если та гигантская трехипостасная тень усумнится в людях, то людям только и остается — на неверие неверием. Ну, и все это вздор, архаическое трехбуквие, которое я давно уже вышвырнул из головы. Но, понимаешь, теперь я опять начинаю верить, да, начинаю, но... в другое. Мне кажется, нет — я знаю, только ты не пугайся, я *вижу*, что загробная жизнь есть. Да, да, это факт.

— Вадя...

— Я повторяю — факт. Разве ты не замечала, что уже несколько лет, как в нашу жизнь вкралось несуществование. Исподволь, тишком. Мы еще вправлены в свое старое пространство, как пни на месте срубленного леса[5]. Но жизни наши давно уже сложены в штабеля, и не для нас, а для других. Вот эти часы с пульсирующей стрелкой на моем запястье еще мои, но время уже не мое, оно чужое и не пустит ни меня, ни тебя ни в единую из своих секунд. Ведь что такое смерть? Частный случай *безнадежности*.

Только. И разве мы, в самом наименовании которых "интеллигенты" все еще слышится древнее слово *intellectus*[6], разве мы все не вчерчены в безнадежность!.. Людей прибыло. Земли убыло. И становится так тесно, что сразу и быть, и сознавать уже нельзя. Что ж, пусть берут бытие, — я предпочитаю не быть, но сознавать[7]. Только вот у тебя дрожат пальцы. Это нехорошо. Тут ничего страшного: ведь и в безнадежности есть острый, как лезвие, восторг. Посмотри вот на эти деревья, опадающие пальчатыми ветвями к земле: они грустят о нас, тех, которые умели их видеть. Или ранние зимние приполуденные сумерки — ты заметила, как они — пепельной просыпью сквозь поры воздуха? И там вот вдалеке, за стеклом, — первый огонь — как поминальная лампада. Ничего, ничего, ничего. Будем учиться не жить, будем...

Шушашин, стараясь не зацепить за ножку скамьи, встал и, беззвучно ступая, отошел от беседы. Минуту-другую он шел, как-то странно обходя предметы и людей, с видом неопытного привидения, по ошибке забредшего в дневной свет.

Впрочем, воздух действительно уже тронуло пеплом, а закат, навстречу его шагам, горел гигантскими желтыми кострами. На закрючинах ветвей — стая черных картавых вороньих клякс. Застывшие ноги, постепенно разминаемые ходьбой, размертвились и быстрее проделывали шаг. Вскоре у конца бульвара Шушашин нагнал троих прохожих, шедших вплотную друг к другу. Средний, поворачиваясь то к правому, то к левому спутнику, досказывал:

— Ну, вот: подходит это он к своему дому. А у них, надо вам знать, двор, потом подворотня, потом другой двор. Подходит, говорю... ночь, все окна потушены, а только в его окне свет. Ну, известно что. И пойти, и не пойти: одно. Сунул он, это, руку в карман, а в кармане у него штучка, на ношение которой тоже документ полагается, — и...

Шушашин хотел нагнать конец фразы, но ноги его как-то странно цеплялись за землю, он схватился за столб и вспомнил, что с утра не ел. Три спины канули в толпу. Слева была дверь с двумя меню поверх жести по бокам. Шушашин хотел было толкнуть дверную ручку, но дорогу ему перегородил кусок картона, подвешенный на шпагате:

Столовая закрыта на обед.

Пришлось вспоминать, нет ли поблизости другой. Еще четверть часа ходьбы, и Шушашин сидел у тарелки, поставленной в ряд с дюжиной дру-

гих по краю узкого крытого клеенкой стола. В столовке уже горело электричество. Над тарелками стоял пар и гомон голосов. Шушашин, наклонившись над своим супом, старался сосредоточить слух на стуке ложки о глину, но голоса соседей назойливо лезли в уши. Напротив, за узкой доской, взорвался веселый смех. Шушашин взглянул сквозь суповый пар. Несколько молодых веселых лиц с вздернутыми надо лбами козырьками кепок. Вероятно, вузовцы или из литфака. Широкоскулый юноша, соскабливавший хлебной коркой рыжий соус с тарелки, проглотил корку и, лукаво блеснув глазами, добавил:

— Или вот. Пишет он рассказ. Заглавие не помню. "Мы шли поздней ночью по одному из московских переулков. Черные окна крепко спали. Все звуки точно придавило к земле тьмой. И если б не скрип снега из-под четырех подошв и не протяжное надсадное пение вторых петухов..." Хаха, недурно вляпался на петухах, а?

Одобрительное кмыхание соседей подтверждало.

— Но почему же... — начал было Шушашин, но сипотой ему перервало голос.

Лицо над запрокинувшимся козырьком юмористически сузило глаза:

— А потому, гражданин, что столичные шантеклеры[8], с вашего разрешения... — юноша неторопливо пошарил по столу, взял в руку нож и, описав им дугу в воздухе вокруг своего горла, аккуратно положил нож на место. Новый взлет смеха сопровождал трюк. Шушашин снова опустил глаза в тарелку.

Стулья напротив, скребя ножками о пол, отодвинулись. Но откуда-то сбоку из-за вазона с бумажной пальмой бубнил мутный голос:

— По статистике больших центров каждый двенадцатитысячный попадает под колеса. Следовательно, распределяя, так сказать, поровну и по справедливости, одна двенадцатитысячная любого из нас раздавлена автомобилем. И вот...

Шушашин, делая усилие выдернуться ушами из гомона, придвинул к тарелке горчичницу и ткнул лопаточкой в ее облепленное коричневой коростой горлышко; но тычок уперся во что-то твердое и упругое; Шушашин ковырнул сильнее, и наружу, застревая в дыре, выставился облипший горчицей старый и растрескавшийся презерватив. Шушашин оттолкнул тарелку и встал. К горлу скользил тошнотный ком. Душный пар с масляной пригорью мглил глаза. Он рванул за дверь.

Уличный воздух уже переоделся в вечерний креп. Монотонно пели голоса газетчиков. Из-за угла, метнувшись желтым двухглазием, взвыл автомобиль: как если б и его переехали.

Шушашин шел мимо огней и лиц и думал, что скорее бы к себе, защелкнуть свет и лицом в подушку. Но знакомые кварталы странно длиннились, растягиваясь, как резина. Магазин с игрушками, казалось, уже пройден, — и вот он опять лезет крашеной пестрядью в зрачки.

Наконец-то, издалека знакомые ворота. Дом — еще дом — аптечная вывеска — потом яркая витрина, за которой на пустых прилавках круглые и красные, как головы, ободранные от кожи, деревянные сыры, — срыв кирпичных ступенек в "скоропочинную" — и сквозь сквозняк подворотни — двор — туннель второй подворотни. И тут, под второй навесью, внезапно из-за спины — мысль: а что если окно?...

Шушашин круто стал, весь в облипи пота. Но мимо — по стене туннеля — чья-то фигура: прошла, не оглянулась. И еще: оглядела и замедлила шаг. Шушашин усилием воли толкнул мускулы. Из глубины второго двора рядами окон вплывал в поле зрения каменным фрегатом дом: *его*, шушашинское окно было черным. "Чертовы нервы, — пробормотал и освобожденно вздохнул, — наметет в голову всякого — и..."

В комнате за дверной задвижкой было тепло и почти отдохновенно. Правда, терлись голоса соседей, на кухне стучали посудой и накачивали шум в примус, но все-таки можно было хоть одним ухом в глухую подушку и сверху прикрыться тьмой. Только окно, что насупротив окна его комнаты, чуть-чуть раздражало Шушашина: то квадратится красным светом, то погаснет, и опять. "Как испорченная зажигалка", — подумал Шушашин и прикрыл глаза ладонью. Лежа лбом к стенке, он пробовал слабеющими мыслями развязать и сбросить с себя день, как перед этим развязал и сбросил с пят ботинки. Но связи путались и стягивались узлами, и тесный день продолжал охватывать мозг: лестницы рябили ступенями, и сквозь зажатые веки деревья бульваров протягивали нищенские ветви, прося уметь их видеть, а сутулый человечек в бороде из тумана упрямо втаптывался в землю, приговаривая, что не от одиннадцати и не от двенадцати, и не от тринадцати, и не от... цифры сине-белыми надворотными номерами скользили неисчетной чередой, человечек уж из аршинного стал футовым, из футового вершковым, из вершкового дюймовым, из дюйм...

Шушашин, напряженно всматриваясь зажатыми глазами, хотел изловить топтуна, когда он из миллиметров вплющится в нули, но сбоку — как-то сквозь виски — ударило теплым ветром, и миллимикроны, а вслед за ними примусовый шорох и все до последнего призвуки из зрительных точек в глазах, свеянное, кануло в... во что? Он пробовал оторвать ухо от

подушки, настигнуть зрачками, но голова то ухала в тьму, то неслась, задевая о желтые огни, чтобы снова кануть в пустоту. И вдруг крутой поворот ветра сбросил виски кверху, и Шушашин увидел себя сидящим на кровати, ладонями в тюфяк.

В комнате было темно. За стенками — ни единого звука. В стеклянной мембране окна — ни легчайшего эха улиц. Молчание было так полно, что можно было слышать тембры своих мыслей: ну да, конечно, это тот черный час, когда, пока все спит, бодрствует смысл. Шушашин улыбнулся в темноту: миллимикронам не вернуться; теперь — нет. И подтянул к пятам подошвы. Тело его было странно легким и гибким. Дверь беззвучно отворилась. В коридоре и в кухне все углы и вещи точно сторонились его шага. Лестница. Дворы. И снова улица: но теперь иная и новая. Черные глазницы окон над пустыми стланями земли. Ни обоза, ни шага. И только вдоль панели и сквозь виски — настойчивый, но теплый, ни на секунду не затихающий ветер. Шушашин распахнул полы пальто, и ветер, толкая их, как парус, вел, поворачивая скользящие шаги из переулка в переулки. Лед, переступив через точку таяния, расползался лужами, но лужи под ударами подошв были бесплескны и тихи. Все было стереоскопически бездвижно и стыло. Так что ритмически закачавшиеся тени у верхнего края стены, близящейся к глазу, заставили Шушашина поднять взгляд к тому, что их отбрасывало: на приземистой колокольне в полном беззвучии под рывками веревок раскачивались колокола. Но ветер повернул правую полу — и снова навстречу скольжению шагов с новой, на этот раз высокой, в узорных слухах, колокольни, бешеная раскачка безъязыких, звонящих беззвонный благовест колоколов.

Шушашин не успел проапперципировать, как поперек ветра в шаге от глаз взмахнула козырьком чья-то кепка, и голос из-под кепки, вдуваясь в ухо вместе с ветром, отрекомендовался:

— И Я. Без точек. Да-да, и я. Я всякий раз, когда мне ни разу.

Шушашин оглядел: невнятная фигура и лицо без примет.

— Моему я еще во множество мест. Так что коротенько: мысль немее рыб, к дну, но если их глушить, они всплывают наверх.

И повернув конферируемого за полу влево, И Я сделал знак воздуху. Тот наддал — и Шушашин быстро заскользил вперед.

Так же внезапно порыв ветра оборвался. Пальто спало, как парус в штиль. Шушашин, стоя у незнакомого, очевидно, окраинного перекрестка, среди заборов и низких крыш, с недоумением оглядывал обступившие

его контуры. Вдоль забора к низкому крылечку и квадрату вывески над ним тянулась длинным солитером очередь. Людей, вжавшихся чередою плеч в доски забора, можно было принять — с расстояния в два-три десятка шагов — за пятна сырости или кляксы теней, но Шушашин в эту ночь видел как-то особенно остро и сразу же опознал: люди.

Прежде всего, желая эмансипироваться от возможных непредвиденностей, он застегнул шубу, подвернул полы и только тогда приблизился к очереди. "Любопытно, что им тут выдают?"

Проще всего было осведомиться у вывески. Шушашин так и сделал. На квадрате: по четырем углам четыре знака — *A, E, I, O*[9], а у скрещения диагоналей латинское — "*contradictio*"[10].

Непонимающий взгляд Шушашина перешел от квадрата к ряду из людей. Еще непонятнее: стоящие лбами в затылки были в добротных шубах, над каракулями и мехами белели воротнички, а кое-где к носам липли стекла; под локтями у них вместо корзин и мешков поблескивала кожа портфелей и топорщились пачки тетрадей и книг. Шушашин, вероятно, не сразу бы решился на расспросы, если б не знакомая по недавней еще утренней встрече толстая шуба с воротником, встопорщившимся вокруг донца шапки. Ну, да, конечно, это был тот, выселенный из своей головы.

— Будьте любезны, эта очередь за чем?

— За зачем, — прогугнило из воротника, и шуба отвернулась.

Но английский драп, стоявший двумя номерами дальше, переложил плотную пачку из-под одного локтя под другой и любезно проинформировал:

— Видите ли, тут мм... выдают логику. Если ваш талон *M* не отрезан, можно получить средние термины. Торопитесь, термина может не хватить. Только, пожалуйста, в хвост.

— А скажите, — выдернулась откуда-то сзади безлобая на жирафьей шее голова, — а правда ли, что средний термин предположено в целях рационализации унифицировать?

— Понятия не имею.

— Разумеется, не имеете, раз вам его не выдали. По-моему, единоэмность надо всячески приветствовать: ведь *M* в "*S* есть *P*"[11] все равно никогда не попадает, следовательно, не все ли равно, какое оно там. На какого Канта нам...

— Ну, все-таки, — забурчало сквозь седую проволоку наёженных усов, — философия, позволю себе так выразиться...

— Философия? — качнулась шея. — Хорошенькое имечко: ведь это по-нашенски, без всяких там пи и си, "любовь к мудрости". Без двух секунд порнография-с.

— Ну, а как же мне ее называть?

— Проще всего — никак. А если приспичило, ну, там как-нибудь: "соболезнование к мудрости" или что-нибудь в этом роде. А то вдруг... истинизм и размысляйство.

— Правильно, — подхватило где-то из последних хвостовых позвонков очереди сипловатое профундо[12], — одобряю. Но все-таки с распределением логизмов недостаточно налажено. Путают. Посудите сами: в прошлый раз мне вместо "*Baroko*" ткнули "*Barbara*", а вместо "*Bokardo*" — "*Bramantip*"[13]. На кой ляд мне общеутвердительная посылка, когда мне нужно для моей статьи частно-отрицательную.

— Ах, вот как, — протянула шея, — частно-отрицательную? А вам известно, что всякого рода частничество ликвидируется, а?

На минуту воцарилось молчание. Вдруг чья-то робкая фистула:

— Вот вы всё знаете. Я, видите ли, писатель. Говорят, предстоит пересчет мыслей, и те, скажем, у которых их на протяжении "полного собрания" три, а не две или там четыре, а три...

— Разумеется, — отчеканил вопрошаемый, — вы бы еще сказали "пять-шесть", подобно тершемуся по заграницам помещику Чацкому. И в мышлении необходимо твердо держать линию на бедняцкие умы. А всех этих... и вообще писательский короб надо бы перетряхнуть. Пощупать, что там у вас под теменами.

— Помилуйте, решительно ничего[14], — взмолился фальцет.

— Гм, можно и ничее. И вообще строчкистов надо поукоротить. Держать литературу в тысячу голов — это нам не по средствам. Посудите сами: очередная тема у нас обычно одна, ну, и идеологии не две же. Если один рабочий *одной лопатой* в один рабдень вырывает один кубический метр[15], то и тысяча рабочих одной лопатой в тот же срок выроют тот же кубометр. Следовательно, сокращая штат беллетра, очередную можно обслужить одним дежурным пером. Вместо сотен гонораров — один, а вместо ста десятитысячных тиражей — один разпроархитираж в миллион экземпляров. В каком порядке дежурства? Допустим, в алфавитном или...

— Но ведь моя фамилия на *у*, — взвизгнул фальцет.

В это время дверь под скрещением диагоналей беззвучно распахнулась, и из разъятых створ ее пахнуло ледяной логикой. Ёжась и присутуливаясь, очередь стала медленно вползать внутрь.

Шушашин, обойдя ее хвост, продолжал путь меж полувтоптавшихся в землю подвалов по узким тротуарам окраинного переулочья. Сверху, сквозь черную ночь, летели мягкими и влажными касаниями снежины. Огибая одно из крылец, вышагнувших тремя ступеньками на тротуар, он заметил неподвижную, с втянутыми внутрь себя плечами, фигуру. Сидя на верхней ступеньке, с дыханием, запрятанным в воротник холодного пальто, человек, очевидно, спал. Спальне его, если учесть короткий навес, не хватало трех стен и одной кровати, не считая постельных принадлежностей. Шушашин, нагнувшись, притронулся к груди человека, и под пальцами у него что-то прошелестело: не то дыхание, не то рукопись, запрятанная под ткань. Но человек не пробуждался. Тогда Шушашин пригнулся еще ниже: лицо человека было... лицом *человека*; но только поперек костистого лба — тесный шнур, книзу — на короткой свеси — пломба. Шушашин распрямился. Ясно: мышление под этой просторной лобной костью было опечатано. Оставалось — дальше.

Шушашин шел, стараясь набрести на знакомую улицу. Но вокруг бесконечным рядом тянулись черные впадины окон, точно ниши гигантского крематория, и тут он стал замечать некую странность: влажный и теплый снег, увязавшийся за ним медленными, не отстающими хлопьями вдоль душного бездушья переулков, оседая на губах, давал какой-то сладковатый и железистый привкус. Шушашин вынул носовой платок и отер губы. На платке — темное пятно. Навстречу, из-за угла, выставился в мутном зеленоватом нимбе фонарь. Шушашин вошел в круг света и увидел: медленно рея неисчислимостью хлопьев, на землю падал красный снег. Булыжины улиц были в красных лужах. Из дождевых труб текла алая прелая жижа. И с его шушашинских пальцев капали пурпурные капли. Шушашин зажал веки и, сослепу ловя пространство, пошел вперед. Сначала ладонь ткнулась о фонарную вертикаль, потом пустой воздух, потом стена. Шушашин стоял так, стараясь перехватить сердце, выпрыгивающее в горло.

И вдруг прикосновение руки к локтю. Шушашин пошел ладонями по стене. Но рука — тоже по стене — вслед. Шушашин вокруг оси — и вжал лопатки в стену: экзерцис все-таки пригодился.

Две-три секунды молчание. Потом в трех шагах вперед — острый металлический скрип: "В последний раз", — и Шушашин открыл глаза. Против него — человек чрезвычайно мирного, чуть даже согбенного вида: приставив профиль к своей левой калоше, он ухватил себя за голову, равномерным кругообразным движением, как это делают с электрической лампочкой, вывинчивая ее из-под воротника. Шушашин хотел схватить

взглядом лицо согбенного, но голова, поворачиваясь под пальцами то лицом, то затылком, не давала себя апперципировать. Поворот, еще поворот, и рука согбенного протягивала застигнутому им прохожему свою голову — тем специфическим жестом, каким нищие подставляют свою деревянную миску под доброхотный пятак. Шушашин хотел было попятиться от лысого шара с покосившимся от манипуляций пенсне над переносицей, но в это мгновение губы на шаре зашевелились — и:

— Подайте философу на философему. Бывший бог вам воздаст. Писывал я о Беме. А теперь: ни бе, ни ме[16].

Шушашин, отмахиваясь рукой, хотел мимо, но клянчащая голова перегораживала путь. Тогда он толкнул ее. Выскользнув из рук, она плюхнулась в красную лужу и покатилась под ноги Шушашину. Он споткнулся о красный шар и, еле удерживая равновесие, пнул его прочь. Пунцовая сырная голова запрыгала с деревянным стуком по булыжнику.

Шушашин, не оглядываясь, почти бежал вперед и вперед. Предчувствие рассвета — синими прожилками — ввивалось в черный тяжкий мрамор ночи. Случайно мелькнул знакомый перекресток. Переходя из шага в бег, Шушашин быстро взял один квартал, за ним другой, мимо глаз пронеслась в сыром предутрии витрина с дюжиной таких же вот деревянных и кровавых голов, убегающие в землю ступеньки "скоропочинной", подворотня, двор, подворотня, двор — и вдруг Шушашин стал, как врытый, и сердце рванулось в нем, будто пробуя сорваться с жильных тяжей. Все окна, что против глаз, были темны, и только одно, его, шушашинское окно горело ярким светом.

Шушашин дико вскрикнул и... проснулся. Комната и воздух за окном были черны. Но напротив, красной прорезью в ночь, горело чужое окно. Шушашин лежал на спине, головой в жаркую подушку. И не успел он приподняться на локте, как свет уже защелкнулся. Сидя на своей кровати, подбородком в колени, Шушашин думал: "Да, если их глушить, они всплывают, но только мертвые".

1930

Публикация Вадима ПЕРЕЛЬМУТЕРА

Примечания

[1] *Красный снег* — совершенно в духе автора "Поэтики заглавий": ассоциация-рифма с "Красным смехом" Леонида Андреева (1904), заглавие-камертон, сразу настраивающее на чтение.

[2] *Экзерцис* — фр. — упражнение.

[3] *...фон уличного фотографа* — ср. очерк "Коллекция секунд" (1925 — Собрание сочинений, т. I, 559-566; далее в подобных случаях указывается номер тома и страницы).

[4] *...писаки из "Безбожника"...* — одноименные антирелигиозные газета и журнал (до 1932 г. — с общей редакцией), выходившие в Москве (газета с 1922, журнал с 1925 — по лето 1941); в пору написания новеллы у них был и общий редактор — главный большевистский безбожник Емельян Ярославский (1878-1943).

[5] *...вправлены в свое старое пространство, как пни на месте срубленного леса* — ср. новеллу "Пни" (1922 — I, 206-209).

[6] *Intellectus* — ум, *intelligentia* — понимание (лат.).

[7] *...я предпочитаю не быть, но сознавать* — ср. во "Второй Записной Тетради": "Я выбрал: лучше сознательно не быть, чем быть, но не сознавать" (полный текст "Записных Тетрадей" С. Кржижановского можно найти: http://www.utoronto.ca/tsq/19/krzhizh-zapisnye19.shtml).

[8] *...столичные шантеклеры* — намек на пьесу Э. Ростана "Шантеклер", где одноименный главный герой — петух.

[9] *На квадрате: по четырем углам четыре знака — A, E, I, O* — здесь Кржижановский вспоминает о том, что все логические суждения делятся на четыре класса: A (обще-утвердительные суждения: "все S суть P"), E (обще-отрицательные: "ни одно S не есть P"), I (частно-утвердительные: — "некоторые S суть P"), O (частно-отрицательные: "некоторые S не суть P"), а отношения между классами принято представлять в виде схемы, называемой "логическим квадратом".

[10] *Contradictio* — противоречащие (лат.).

[11] *M в "S есть P"* — речь идет о строении силлогизма — формы умозаключения, в которой из двух суждений необходимо вытекает третье; исходные суждения называются "посылками" (praemissae), а новое суждение — "заключением" (conclusio); в "Записных Тетрадях" Кржижановского есть фрагмент: "Моя художественная логика: Все люди смертны. Кай — смертен. Следовательно, Кай хоть немножко, да человек"; в "нехудожественном" варианте этот силлогизм выглядел бы так: "Все люди суть смертные. Кай (есть) человек. (Следовательно) Кай (есть) смертный"; заключение силлогизма состоит из двух терминов — субъекта (S = Кай) и предиката (P = смертный); термин, который присутствует в посылках, но отсутствует в заключении, — это средний термин (*M, terminus medius* = человек), то есть средний термин M, по определению, отсутствует в заключении "S есть P".

[12] *...сипловатое профундо* — то есть бас-профундо — самый низкий грудной мужской голос.

[13] *...вместо "Baroko" ткнули "Barbara", а вместо "Bokardo" — "Bramantip"* — любой силлогизм можно представить как последовательность трех букв, обозначающих большую посылку, меньшую посылку и заключение; суждения могут комбинироваться не как угодно, но сообразно правилам логики. Число правильных силлогизмов 11, а если к тому же учесть положение среднего термина в посылках, то получим 19 правильных видов силлогизма (19 модусов), распределенных на 4 класса (4 фигуры); учащихся гимназии времен Кржижановского заставляли запоминать эти 19 модусов наизусть, для облегчения заучивания придумали для учебника логики стихотворение, написанное гекзаметром (подобно тому, как в учебник русского языка был сочинен стишок для заучивания исключений с "*ять*"):

Bàrbara, Cèlarènt, Darii, Ferìoque priòris;
Cèsare, Càmestrès, Festinò, Baròko, secùndae;
Tèrtia *Dàraptì, Disamìs, Datìsi, Felàpton,*
Bòkardò, Ferisòn habèt: Quarta ìnsuper àddit
Bràmantip, Camenès, Dimaris, Fesàpo, Fresìson.

Три гласные из каждого набранного курсивом слова означают отдельный модус: *AAA*, *EAE* и т. д.; таким образом, каждый модус силлогизма можно представить либо в виде сочетания трех букв (например, *AOO* или *AAA*), либо в виде звучного слова (*Baro*ko или *Barbara*); "раздача логизмов стоящим в очереди гражданам" отсылает к "распределению логизмов" в логике; таким образом, в тексте новеллы некий гражданин два раза подряд нуждался в частно-отрицательной посылке, а ему дважды вместо нее предлагали общеутвердительную.

[14] *Помилуйте, решительно ничего* — ср. из монолога профессора Наслышки: "...если бы я укрывал какую-нибудь мысль, если бы у меня вот тут (защищая пальцами лоб) этакий какой-нибудь силлогизм, — я понимаю, за это можно и ответить, но, товарищи, ей-богу же — ни-ни, чисто, хоть шаром, как честный человек..." (Писаная торба, Акт второй, Ситуация — Современная драматургия, 1992, № 2).

[15] *Если один рабочий одной лопатой в один рабдень вырывает один кубический метр...* — ср. "Писаная торба", Акт третий, Ситуация (эпизод со Шпротом).

[16] *Писывал я о Беме. А теперь: ни бе, ни ме...* — ср. в "Записных Тетрадях" (Записи, наброски...): "Наши философы в каком-нибудь Беме — ни бе, ни ме".

"Надо, чтобы всем на земле было хорошо, не правда ли?.."

Среди одесских периодических изданий, появившихся осенью 1919 года, есть два забытых названия: "Бешеная тетка" (ред. И.А. Сухий, Д.И. Шперлинг, изд. Р.И. Оргеевский и Л.А. Бельц) и "Возрождение" (ред. Я. Чухненко, изд. Николаев и др.).

Вышли они тогда, когда французские войска, а затем большевиков сменила в городе Добровольческая армия Деникина. Естественно, на их страницы попали материалы авторов, не сумевших принять власть красных. Увы, журналы "Бешеная тетка" и "Возрождение" нельзя отнести к удачным начинаниям, как, скажем, журнал "Огонек" Бориса Флита (он тоже после первого номера не имел продолжения) или ежедневную литературно-театральную газету "Театр", выходившие в Одессе в тот же период.

Это произошло из-за того, что создателям не удалось найти свой стиль, своего художника (иллюстрации вторичны, уже виденные на страницах других изданий). Наверно, желательно было бы с большим вкусом выбирать шутки и поэтические строки. Явно ощущается отсутствие самостоятельных профессиональных издательских и редакторских решений, и это относит рассматриваемые журналы к разряду второстепенных однодневок. Общее впечатление несколько спасают публикации фельетона Арк. Аверченко "Размышление о совнаркоме и о собаке", очерка М. Горького "Праздник", неплохого рассказа Н. Карпова "Золото".

При всем при этом, конечно, журналы "Бешеная тетка" и "Возрождение" входят в летопись одесской периодики и несут на себе печать своего сложного и противоречивого времени.

№ 1-ый

БѢШЕННАЯ ТЕТКА

Орган незлобивого смеха

Телеграммы.

ВАЛЮТОЧКИ

Оперативная сводка.

ВОЗРОЖДЕНІЕ

еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный сатирическій журналъ.

СЕНТЯБРЬ

№ 1.

Татьяна ЩУРОВА

Размышленіе о совнаркомѣ и о собакѣ

Аркадія Аверченко.

Съ большимъ огорченіемъ прочелъ о новомъ планѣ совѣтскаго правительства.

Я очень люблю большевиковъ, считаю ихъ умными, честными талантливыми и полезными для Россіи.

Подумайте только — сколько они добра принесли Россіи! какъ все хорошо устроили.

Вся Россія любитъ и благославляетъ большевиковъ.

Очень, очень милые.

И, потому, я съ огромнымъ огорченіемъ и печалью прочелъ странныя сообщенія московскихъ газетъ объ ихъ предполагаемомъ отъѣздѣ.

Недоумѣваю: какъ можетъ населеніе Москвы и Петрограда отпустить отъ себя эту роскошную власть... Да я бы зубами въ нихъ вцѣпился.

На засѣданіи совнаркома заявлено будто бы, что если добровольцы оккупируютъ Москву и Петроградъ — совнаркомъ переберется на Волгу в Нижній, а если добровольцы возмутъ и Волгу, то совнаркомъ переберется на Уралъ въ Екатеринбургъ.

То-то тамъ радость будетъ! Москва и Петроградъ одѣнутся въ трауръ, а въ Екатеринбургѣ — радостный перезвонъ колоколовъ...

Да, ничего не подѣлаешь. Такъ ужъ устроено; что радость для однихъ, то горе другимъ.

Я объ одномъ только съ ужасомъ думаю: если добровольцы доберутся и до Екатеринбурга — куда дѣнутся большевики? Терять любимое — горше всего.

* * *

Не знаю почему, вспомнилась мнѣ одна забавная исторійка, которую я прочелъ будучи еще ребенкомъ.

Два пріятеля стояли на берегу и съ любопытствомъ слѣдили за собакой, которая имѣла недвумысленное намѣреніе выкупаться въ рѣкѣ.

Съ чего это она? спросилъ одинъ пріятель другого.

— Жарко очень. Да и главное блохи одолѣли.

Собака же, очевидно, принадлежала къ партіи "постепенцевъ".

Сначала вошла въ мелкую воду, замочивъ только кончики лапъ.

Затѣмъ продвинулась немножко поглубже.

Вода доходила ей уже по брюхо.

Сдѣлала еще три шага. Вода покрыла спину, только голова и шея торчала изъ воды.

Еще шагъ — одна макушка, носъ, да умный черный глазъ виднѣлся изъ воды.

Р-разъ. Собака цѣликомъ скрылась подъ водой, нырнула и выскочила на берегъ — добрая освѣжавшая будто на свѣтъ Божій родилась.

— Почему она такъ странно вела себя? — спросилъ одинъ пріятель другого.

— То есть?

— Почему она не сразу прыгнула въ воду, а входила постепенно?

— А-а, братъ! ты и представить себѣ не можешь, какая это умная собака.

Настоящій нѣмецкій песъ.

Видишь-ли если бы она бросилась въ воду сразу, то всѣ блохи, которыя прятались въ ея длинной, густой шерсти такъ и остались бы на ней.

А ежели постепенно, то совсѣмъ другая музыка.

Она окунула лапы въ воду — и блохи перепрыгнули съ лапъ на брюхо, окунула брюхо — блохи перебрались на спину; а когда и спина оказалась неблагополучной по водѣ онѣ перебрались еще выше. Кончилось тѣмъ, что всѣ блохи столпились на кончикѣ ея носа — а здѣсь уже полевое дѣло избавиться, частъ языкомъ смахнула, часть теченіемъ унесло.

И долго еще оба пріятеля, стоя на берегу, дивились разуму хитрой собаки.

Аркадій Аверченко.

Печатается только потому, что Аркаша настойчиво просилъ. Редакція

Книжная полка.

Л. П. Гроссманъ. Плеяда, Циклъ сонетовъ

Маленькая, изящно изданная книжечка, содержащая пару десятковъ сонетовъ о поэтахъ и мыслителяхъ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Въ этомъ трудѣ Леонида Гроссмана нѣтъ той надуманности и неискренности, которая такъ и сквозитъ въ его "Вторникѣ у Каролины Павловой".

Стихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ исключительной глубины и силы.

Есть превосходные строчки, оригинальные образы.

Праздникъ.

(Очеркъ)

Скоро полночь.

Въ синемъ небѣ надъ маленькой церковью Капри низко плывутъ облака, вспыхиваетъ и гаснетъ Сиріусъ, а изъ дверей церкви льется важно пѣніе органа, и бѣгъ облаковъ, трепетъ звѣздъ. движеніе тѣней по стѣнамъ зданій к камню площади — тоже какъ тихая музыка.

Подъ ея торжественный ритмъ вся площадь, странно похожая на оперную декорацію, колеблется, становясь то тѣсной, то просторной и прозрачно свѣтлой.

Надъ Монте Соляро раскинулось великолѣпное созвѣздіе Оріона, вершина горы пышно увѣнчана бѣлымъ облакомъ, а обрывъ ея, отвѣсный, какъ стѣна, изрѣзанный трещинами — точно чье-то темное древнее лицо, измученное великими думами о мірѣ и людяхъ.

Тамъ, на высотѣ шестисотъ метровъ, накрытъ облакомъ заброшенный маленькій монастырь и при немъ — кладбище, тоже маленькое; могилы на немъ подобны цвѣточнымъ грядкамъ; ихъ немного, и въ нихъ подъ цвѣтами всѣ монахи этого монастыря. Иногда его сѣрыя стѣны выглядываютъ изъ облака, точно прислушиваясь къ тому что творится внизу.

По площади шумно бѣгаютъ дѣти. разбрасывая шутихи; по камнямъ съ трескомъ разсыпаются красныя искры, прыгаютъ огненные змѣи; иногда смѣлая рука бросаетъ зажженую шутиху высоко вверхъ, она шипитъ, мечется въ воздухѣ, какъ испуганная летучая мышь, ловкія темныя фигурки бѣгутъ во всѣ стороны со смѣхомъ и крикомъ — раздается гулкій взрывъ, на секунду освѣщая десятки ребятишекъ, прижавшихся въ углахъ, — десятки бойкихъ глазъ весело вспыхиваютъ во тьмѣ.

Взрывы раздаются почти непрерывно, заглушая хохотъ, возгласы испуга и четкій стукъ деревянныхъ башмаковъ по гулкой лавѣ; вздрагиваютъ тѣни, взмывая вверхъ, на облакахъ красныя отраженія, а старыя тѣни домовъ точно улыбаются.

Но чуть только выдѣлится минута тишины — снова слышенъ молитвенный гулъ органа, а снизу ему отвѣчаетъ море глухими ударами волнъ о прибрежные камни и шелковымъ шорохомъ гальки.

Заливъ — точно чаша, полная темнымъ, пѣннымъ пивомъ, а по краямъ ея сверкаетъ живая нить самоцвѣтныхъ камней, это огни городовъ — золотое ожерелье залива.

Надъ Неаполемъ — опаловое зарево, оно колышется, точно сѣверное сіяніе, десятки ракетъ и фугасовъ врываются въ него разноцвѣтными букетами яркихъ огней и, на мигъ остановясь въ трепетномъ облакѣ свѣта, гаснутъ — доносится тяжкій гулъ. По всему полукругу залива идетъ неустанно

красивая бесѣда огня: холодно горитъ бѣдный маякъ неаполитанскаго порта и сверкаетъ красное око Капо ди Мизена, а огни на Прочидѣ и у подножія Искіи — какъ ряды крупныхъ брилліантовъ, нашитыхъ на мягкій бархатъ тьмы.

По заливу ходятъ стада бѣлыхъ волнъ, сквозь ихъ пѣвучій плескъ издали доносятся смягченные вздохи взрывовъ ракетъ, все еще гудитъ органъ, и смѣются дѣти; но вотъ — неожиданно и торжественно колоколъ башенныхъ часовъ бьетъ четыре и двѣнадцать разъ.

Кончилась месса, изъ дверей церкви на широкія ступени лѣстницы пестрой лавою течетъ толпа, навстрѣчу ей, взвиваясь, прыгаютъ красные змѣи, пугливо вскрикиваютъ женщины, радостно хохочутъ мальчишки — это ихъ праздникъ, и никто не смѣетъ запретить имъ играть красивымъ огнемъ.

Немножко испугать солиднаго, праздничнo одѣтаго взрослаго человѣка, заставить его, деспота, попрыгать по площади отъ шутихи, которая гонится за нимъ, шипя и обрызгивая искрами сапоги его — это такое высокое удовольствіе! И его испытываешь только одинъ разъ въ годъ.

Въ сторонѣ храма все живѣе звенитъ дѣтскій смѣхъ — лучшая музыка земли, а небо надъ островомъ уже блѣднѣетъ, близится разсвѣтъ, звѣзды уходятъ всѣ выше въ глубокую глубину небесъ.

Въ темной зелени садовъ острова разгораются золотые шары апельсинъ, желтые лимоны смотрятъ изъ сумрака, точно глаза огромныхъ совъ. Вершины апельсиновыхъ деревьевъ освѣщены молодыми побѣгами зеленой листвы, тускло серебрятся оливы, дрожатъ сѣти голыхъ лозъ винограда.

Красно улыбаются навстрѣчу зарѣ яркіе цвѣты гвоздики, герани и малиновыя метелки шалфея, густой запахъ нарциса плыветъ въ воздухѣ утра, смѣшиваясь съ соленымъ дыханіемъ моря.

Плескъ волнъ — звучнѣе, онѣ стали прозрачны и пѣна ихъ бѣлѣетъ точно снѣгъ.

Самое лучшее въ мірѣ — смотрѣть, какъ зарождается новый день.

Вотъ въ небѣ надъ горою вспыхнулъ первый лучъ; ночная тьма тихонько прячется въ ущелья горъ и трещины камней, въ серебристой листвѣ оливъ, въ широкихъ чащахъ пиній, ложится на землю въ траву и незамѣтно таетъ, а вершины горъ улыбаются ласковой улыбкой — точно мягкимъ тѣнямъ ночи:

— Не бойтесь, — это солнце!

Волны залива, высоко поднимая бѣлыя гривы, кланяются солнцу, какъ придворныя красавицы въ сказкахъ своему королю, кланяются и поютъ:

— Привѣтствуемъ васъ, владыка міра!

Доброе солнце смѣется, — эти волны всю ночь, играя, кружились, онѣ такія растрепанныя, ихъ зеленыя бархатныя одежды измяты, а бѣлые шлейфы порваны и спутаны.

— Добрый день! — говоритъ солнце, поднимаясь надъ заливомъ. — Добрый день красавицы! Но, — довольно, тише! Дѣтямъ невозможно будетъ играть на берегу, если вы не перестанете такъ высоко прыгать. Надо, чтобы всѣмъ на землѣ было хорошо, не правда ли?

М. Горькій.

ИЗА КРЕМЕРЪ.

Одесская знаменитость. О ней можно сказать по одесски однимъ словомъ: "Эта такая извѣстная итальянская пѣвица, которая на русской сценѣ на еврейскомъ языкѣ поетъ французскія пѣсенки Монмарта".

Рѣшила уѣхать, но покамѣстъ спекулируетъ своимъ талантомъ: утромъ поетъ за "чашкой чая", днемъ на благотворительномъ спектаклѣ, вечеромъ въ Стамеровскомъ театрѣ, а трудовой день заканчивается въ "Домѣ кружка артистовъ".

— Все коплю для приданнаго дочурки Идочки, заявляетъ артистка.

Собакъ просятъ не вводить.

Современное.

(Изъ Одесскихъ картинокъ)

Почтенный литераторъ Бурыгинъ, краса и гордость русской публицистики, сидѣлъ у Робина въ обществѣ не менѣе почтенныхъ художниковъ, беллетристовъ и актеровъ.

Попивая жиденькій кофе, онъ говорилъ, устремляя вдохновенный взглядъ въ невѣдомую даль:

— Вы поймите: отринутые отъ центра, пришибленные, сгорбленные подъ бременемъ невыносимой ноши, которую взвалила на наши плечи жестокая Мойра, мы въ безсиліи опустили руки... Крылья надломлены... Но, господа, мы воспаримъ, взорлимъ надъ бездной ужасовъ и черной, безпросвѣтной мучительной ночи...

Надо, господа, надо воспарить... Надо, надо и тысячу разъ надо...

Надъ челомъ Бурыгина, казалось, горѣла дымка глубокой грусти.

Его руки дрожали, когда онъ, потрясая въ воздухѣ ложечкой, призывалъ къ дѣятельностн, къ работѣ, къ энергіи...

Въ это время къ столику подбѣжалъ Флейшеръ, и, наклонившись къ Бурыгину сталъ кричать:

— Когда, наконецъ, вы отвѣтите мнѣ: или вы хотите соль или вы соли не хотите?

Бурыгинъ въ мигъ просіялъ. Дымка грусти отлетѣла и онъ оживился...

— Обязательно... обязательно... Но я

хочу соль "Одесса-Портъ"... Скажи Флейшеръ, а какъ относительно муки? Есть?

— Есть... А что же!.. Идемте до Фанкони, тамъ я васъ познакомлю съ Трахтенбергомъ и онъ вамъ сообщитъ цѣны-фесто... Бѣжимте...

Почтенный литераторъ извинился, вскочилъ и убѣжалъ...

Тогда заговорилъ извѣстный актеръ Грузденъ Сильзанскій.

— И надо замѣтить, что эта общерусская катастрофичность, это метаніе надъ бездной сугубо отразилась на жизнь театра.

Поймите, господа, что корень прогнилъ, что весь старый репертуаръ изжилъ себя окончательно, что нужны новыя достиженія, новыя откровенья и пути...

А гдѣ, скажите, найти эти пути? Молодежь нравственно отупѣла, забита, загнана въ уголъ...

Кто-то тихо тронулъ Гроздева за рукавъ...

Такъ трогаетъ нѣжный зефиръ, такъ ласкаетъ мотылекъ...

Сейчасъ этимъ зефиромъ, этимъ мотылькомъ былъ маклеръ Гойхманъ.

— Николай Ивановичъ, давайте сюда ваше золото... Я имѣю покупателя, такъ эго уже одинъ разъ покупатель.

Грузденъ-Сильчанскій вскочилъ.

— Какого же черта вы до сихъ молчали? Гдѣ онъ, вашъ покупатель? Давайте его сюда, чертъ побери...

— Онъ здѣсь на углу... мы зайдемъ въ подворотню, и дѣло сдѣлано... Чтобъ я такъ счастье имѣлъ!..

— Простите, я сейчасъ... робко проговорилъ уважаемый представитель драматическаго искусства и плотоядно бросился за Гойхманомъ.

Они уходили...

Ушелъ Бурыгинъ, ушелъ Грузденъ-Сильванскій, ушелъ поэтъ-академикъ Чухонинъ и вскорѣ за опустѣвшимъ столикомъ остался одинъ Владиміръ Оксдифельдъ, изысканнѣйшій художникъ-модернистъ и тонкій эстетъ-мыслитель...

Онъ понуро сидѣлъ за стаканомъ анемичнаго чая, грызя остатокъ сдобнаго, и въ его возвышенной чуткой душѣ вдохновенно росъ и ширился своеобразный, геніальный, еще невѣдомый міру валютный планъ.

Борисъ Бобовичъ.

„О средахъ“.

(поэтическій кружокъ).

Отъ какого слова происходитъ посредственность?

— Отъ "Среда".

— Надоѣли, признаюсь вамъ, эти среды!

— Значитъ васъ "среда" заѣла.

"Чижиковъ, Чижиковъ, гдѣ ты былъ?"

— "Я на "Средахъ" говорилъ".

Ев. З.

Золото.

Разсказъ Н. А. Карпова.

Рыжій первый замѣтилъ въ ночной темнотѣ свѣтлую точку костра, схватилъ за рукавъ товарища и потянулъ его въ поросшую рѣдкими колючими кустами ложбину.

— Казаки, аль пріискатели... — прошепталъ онъ, снова опускаясь на влажный мохъ рядомъ съ Кубаремъ и вздрагивая отъ ночного холода: — для нихъ, чертей, что блоху убить, что человѣка — все единственно... — Кубарь молчалъ; продолжительныя голодовки, усталость и холодъ убили въ немъ остатки энергіи и выработали тупое равнодушіе ко всему, что не было связано съ представленіемъ о пищѣ. Въ пути онъ тихо брелъ за товарищемъ, машинально повторяя всѣ его движенія, и оживлялся только тогда, когда Рыжему удавалось стащить кусокъ хлѣба или нѣсколько горстей муки изъ амбаровъ рѣдкихъ степныхъ поселковъ. Уже цѣлыя сутки брели они безъ пищи и жевали горькую древесную кору, стараясь обмануть требовавшій пищу желудокъ. Рыжій, старый и опытный бродяга, днемъ еще сохранялъ бодрость духа, пытаясь веселыми шутками и насмѣшками ободрить Кубаря, но съ наступленіемъ ночи и онъ пріунылъ. Замѣченный имъ свѣтъ костра сначала испугалъ его не на шутку, но теперь, лежа въ сырой ложбинѣ, онъ размышлялъ о людяхъ, сидѣвшихъ у костра; вѣроятно они пьютъ тамъ горячій чай, весело болтаютъ и ѣдятъ жареное мясо... Съ каждой минутой эти люди казались Рыжему все менѣе и менѣе опасными. Навѣрное, это старатели, или охотники-промышленники, которымъ нѣтъ дѣла до оборванныхъ, голодныхъ бродягъ.

Они прогонять ихъ отъ своей стоянки — это самое худшее, что они могутъ сдѣлать.

— Кубарь! тихо позвалъ онъ.

— Ну! — уныло отозвался тотъ.

— Пойдемъ, посмотримъ, что это за люди... Можетъ, дадутъ намъ кусокъ хлѣба, а? А то, братъ, плохо наше дѣло, все равно — капутъ! Ослабли мы очень... Ежели бы ружье какое ни на есть у насъ было — птицу можно было бы подстрѣлить, аль звѣря. А то все равно съ голодухи подохнемъ... — продолжалъ Рыжій и, оживившись при новой мысли, добавилъ: — а, можетъ, братецъ ты мой, они спятъ? Понимаешь? Подполземъ, да пощупаемъ ихъ, можетъ и винтовку до-

станемъ, а тогда — гуляй, да жри, сколько хочешь.

— Убьютъ... — протянулъ Кубарь.

— А съ голоду-то лучше помереть? Эхъ ты, голова садовая! А, можетъ пофартитъ намъ? Идемъ!

Рыжій рѣшительно всталъ, вынулъ изъ кармана зипуна широкій мясницкій ножъ, попробовалъ его лезвее большимъ пальцемъ правой руки и поползъ изъ ложбины. Кубарю не хотѣлось вставать и пускаться въ рискованное предпріятіе, но онъ не протестовалъ, зная рѣшительный характеръ своего товарища, и молча послѣдовалъ за нимъ, натыкаясь на кусты и скользя по влажнымъ кочкамъ. Ночная темнота обманула бродягъ: сначала свѣтлая точка костра казалась такой близкой, но около часу пришлось имъ ползти, пока они смогли разсмотрѣть фигуру одиноко сидѣвшаго у костра человѣка.

— Одинъ!... — прошепталъ Рыжій; — вѣрно нашъ братъ Исакій. Однако, не спитъ, чортъ его разорви...

Бродяги долго лежали на землѣ, не сводя глазъ съ человѣка, сидѣвшаго у костра, и ждали, но тотъ не перемѣнялъ позы и, казалось, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія заснуть. Наконецъ, Рыжій не выдержалъ, онъ съ рѣшимостью отчаянія вскочилъ, и, стараясь покашливаньемъ и шарканьемъ ногъ издали обнаружить свое присутствіе, двинулся къ костру.

Чернобородый человѣкъ въ кожаной курткѣ и оленьей шапкѣ вскочилъ, взялъ винтовку на изготовку и хриплымъ отъ испуга голосомъ вскричалъ:

— Эй, стой! Стрѣлять буду. Что за люди, эй?

— Божьи... — угрюмо отвѣтилъ Рыжій, останавливаясь въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него: — дозволь, добрый человѣкъ, обогрѣться, смерзли совсѣмъ...

Чернобородый раздумывалъ, не выпуская изъ рукъ винтовки и всматриваясь ястребинымъ взглядомъ въ измученныя лица бродягъ.

— Мало вамъ мѣста въ степи... — сурово заговорилъ онъ. — Грѣйтесь. да убирайтесь по-добру, по-здорову... А то у меня разговоръ коротокъ!

Онъ хлопнулъ ладонью по стволу винтовки и сѣлъ на кожаную сумку, положивъ ружье на колѣни. Бродяги со смиреннымъ видомъ подошли къ костру к присѣли на корточки, протянувъ къ огню окоченѣвшія руки.

Зоркіе глаза Рыжаго успѣли замѣтить туго-набитую кожаную сумку, на которой сидѣлъ чернобородый, жестяной чайникъ и оловянную кружку, стоявшую у огня.

— Благодать... — заговорилъ онъ, чувствуя пріятную теплоту. разливавшуюся по жиламъ:

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ... Вотъ, коли бы была твоя милость, еще хоть

кусочекъ хлѣба... А то два дня крошки во рту не было, ослабли совсѣмъ, прямо вѣтромъ шатаетъ...

Чернобородый сердито взглянулъ на него, порылся въ сумкѣ и бросилъ ему на колѣни горсть сухарей и кусокъ вяленой рыбы. Рыжій жадно схватилъ сухарь и съ хрустѣньемъ сталъ грызть его, не выпуская изъ рукъ рыбы. Кубарь робко взялъ съ его колѣнъ нѣсколько сухарей и весь ушелъ въ процессъ ѣды, двигая челюстями, какъ лошадь, жующая овесъ. Рыжій съѣлъ, убралъ съ колѣнъ крошки, проглотилъ ихъ и растянулся у костра, чувствуя, что силы возвращаются къ нему и члены его снова становятся гибкими. Чернобородый молча слѣдилъ за бродягами, и лицо его становилось все мрачнѣе и мрачнѣе: повидимому, онъ раскаивался, что подпустилъ ихъ къ костру и не встрѣтилъ выстрѣлами.

Замѣтивъ, какъ бродяги переглянулись между собой, онъ сказалъ:

— Ну, согрѣлись, поѣли — пора и честь знать. Идите-ка подальше, гости дорогіе, а то какъ бы худо не вышло...

— Дозволь хоть часокъ погрѣться, добрый человѣкъ!.. — жалобно заговорилъ Рыжій, вставая и ощупывая его взглядомъ: — скоро, чай, свѣтать будетъ, тогда мы и уйдемъ. Часокъ хоть еще погрѣемся...

Въ его напряженной позѣ и во взглядѣ, которымъ онъ обмѣнялся съ товарищемъ, чернобородый почуялъ угрозу.

— Добромъ говорятъ — уходи! — бѣшено вскричалъ онъ, вскакивая на ноги: — убирайтесь — и весь сказъ!..

Онъ угрожающе двинулся впередъ, но поскользнулся и выронилъ винтовку. Рыжій, какъ кошка, бросился на него и сбилъ его съ ногъ, навалившись на него всѣмъ тѣломъ. Кубарь вскочилъ, подобралъ винтовку и подбѣжалъ къ нимъ, стараясь помочь товарищу, но борющіеся сплелись въ одинъ живой клубокъ, и онъ не могъ выстрѣлить, боясь поранить Рыжаго. Наконецъ, онъ уловилъ моментъ и изо всей силы стукнулъ прикладомъ по головѣ очутившагося наверху чернобородаго. Тотъ взвизгнулъ отъ боли и выпустилъ Рыжаго, а Кубарь продолжалъ бить его прикладомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не застылъ безъ движенія.

— Готовъ... — пробормоталъ Рыжій, тяжело дыша и наклоняясь надъ трупомъ: — здоровый, чертъ... Я ужъ думалъ — крышка мнѣ. Ну, теперь, братъ, наше дѣло на мази!..

Онъ проворно обшарилъ карманы убитаго, сбросилъ свой рваный зипунъ и надѣлъ его куртку и сапоги.

— Важный пинжакъ, — проговорилъ онъ, подходя къ костру: — рубаха и портки ничего не стоютъ, хуже нашихъ. А малахай ты себѣ возьми, добрый малахай.

Кубарь съ скрытой злобой взглянулъ на него; дѣлежъ казался ему въ высшей степени несправедливымъ, но онъ сдерживалъ гнѣвъ, боясь болѣе сильнаго товарища. Когда онъ вспомнилъ о сумкѣ, Рыжій уже подобралъ ее и рылся.

— Кирпичный чай, сахаръ, — перечислялъ онъ, осторожно складывая свертки на землю: — рубаха совсѣмъ новая... Патроны... Эге, что это такое?

Онъ вытащилъ изъ сумки тяжелый, какъ камень, кисетъ изъ замши, завязанный тонкимъ ремешкомъ, торопливо развязалъ его, бросивъ сумку на землю, и, при свѣтѣ погасавшаго костра, на ладони его блеснули золотыя крупинки. Онъ задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и бросилъ быстрый взглядъ на товарища.

Кубарь, вытянувъ шею, загорѣвшимйся глазами смотрѣлъ на кисетъ.

Первой мыслью Рыжаго было скрыть отъ него находку, но онъ скоро одумался, увидя, что Кубарь замѣтилъ кисетъ.

— Ну, паря, пофартило намъ!.. — вскричалъ онъ, опускаясь на корточки передъ огнемъ и лихорадочно роясь дрожащими пальцами въ кисетѣ: — теперь, братъ, только бы до поселка добраться, а за деньги, что хочешь можно состряпать... Эхъ, заживемъ мы теперь.

— Покажи... — сказалъ Кубарь и протянулъ руку къ кисету.

— Да не бойся, хватитъ съ насъ!.. — раздраженно вскричалъ Рыжій: — чего смотрѣть? Хватитъ, тебѣ говорятъ, — и онъ опустилъ кисетъ въ боковой карманъ куртки.

— Поди, принеси хворостку, чай вскипятимъ, — продолжалъ онъ, — давно я не баловался чайкомъ-то. Чай, ужъ и вкусъ его забылъ. А воды цѣлый чайникъ этотъ чалдонъ припасъ...

Кубарь злобно взглянулъ на него, но не посмѣлъ ослушаться и тихо побрелъ къ кустамъ.

Рыжій поднялъ винтовку, осмотрѣлъ ее и, убѣдившись, что она заряжена, выбралъ изъ сумки пачку мѣдныхъ патроновъ и сунулъ въ карманъ. Онъ уже подумывалъ избавиться отъ товарища, но не рѣшался выстрѣлить; перспектива очутиться одному среди пустыни пугала его. Темная фигура Кубаря съ охапкой валежника выступила изъ кустовъ и направилась къ костру; моментъ былъ упущенъ. Кубарь бросилъ охапку въ костеръ, стаи золотыхъ искръ разлетѣлись въ разныя стороны и скоро пламя охватило хворостъ.

Чайникъ закипалъ, Бродяги сидѣли молча, искоса посматривая другъ на друга. Рыжій уже раскаивался, что не застрѣлилъ Кубаря, а тотъ въ душѣ проклиналъ товарища, украдкой ощупывая за пазухой ножъ, и еле сдерживалъ бѣшенство, кипѣвшее въ груди.

Ему страстно хотѣлось погрузитъ пальцы въ блестящія золотыя крупинки, осязать ихъ, а разыгравшееся воображеніе рисовало ему заманчивыя картины счастія, доступнаго лишь обладателю мѣшка съ золотыми крупинками.

— Надо чаю засыпать, готовъ кипятокъ-то, — заговорилъ Рыжій и снялъ чайникъ съ огня.

Онъ наполнилъ оловянную кружку мутно-краснымъ чаемъ и протянулъ ее товарищу, словно желая предупредительностью загладить явную несправедливость дѣлежа. — Пей, — продолжалъ онъ, — пей, а то ты иззябъ.

Кубарь подвинулся къ нему на колѣняхъ, взялъ кружку, взглянулъ ему въ глаза круглыми отъ бѣшенства глазами и, почти не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, выплеснулъ кипятокъ прямо ему въ лицо. Рыжій завылъ отъ боли, за-

крывая глаза ладонями, а Кубарь бросился на него, не успѣвъ вытащить ножа... Рыжій оторвалъ руки отъ лица, обхватилъ лѣвой рукой товарища, а правой вытащилъ ножъ и, не помня себя отъ боли и ярости, сунулъ его ему въ спину. Кубарь завизжалъ, какъ подстрѣленный заяцъ, руки его ослабѣли и онъ упалъ на землю. Рыжій пошатнулся, застоналъ и свалился съ нимъ рядомъ, корчась отъ боли, лицо его горѣло, словно его кололи иголками, глаза застилалъ синій туманъ.

Долго лежалъ онъ, вздрагивая, тихо стоналъ и перевертывался съ боку на бокъ. Когда алая полоска зари вспыхнула на востокѣ, Рыжій всталъ и расширенными глазами взглянулъ вокругъ себя. Въ синемъ туманѣ, окутавшемъ его, онъ еле различалъ алое пятно костра и смутныя очертанія двухъ труповъ.

Осторожно двигаясь, онъ нашелъ ощупью чайникъ и промылъ остывшимъ чаемъ глаза, смутно надѣясь, что къ нему вернется прежняя острота зрѣнія, но синій туманъ становился гуще. Подвигаясь на колѣняхъ впередъ, Рыжій нащупалъ сумку, подобралъ винтовку и, натыкаясь на кусты, побрелъ прочь отъ костра, чувствуя инстинктивную потребность двигаться, и долго шелъ, пока не свалился отъ усталости на влажный мохъ.

Онъ лежалъ, покорившись неизбѣжному, и ждалъ смерти, потерявъ надежду прозрѣть. Хриплое карканье ворона снова зажгло въ немъ жажду жизни, онъ всталъ и побрелъ, опираясь на винтовку. Сумку онъ бросилъ, но голодъ заставилъ его вспомнить, что въ ней осталось еще нѣсколько кусковъ сахару, которыми можно было бы обмануть властно требовавшій пищи желудокъ, и онъ пытался вернуться и найти сумку. Около часу ползалъ онъ, ощупывая мохъ, и, наконецъ, отчаявшись, снова упалъ на землю.

Старый бродяга понялъ, что борьба безполезна, что смерть менѣе страшна, чѣмъ ползанье наугадъ по сырому мху.

Онъ быстро снялъ съ правой ноги сапогъ и портянку, всталъ, ощупалъ затворъ винтовки, взвелъ курокъ, уперъ прикладъ въ землю и навалился грудью на дуло, вложивъ большой палецъ ноги въ скобу на спускъ.

Нѣсколько секундъ онъ стоялъ въ этой неудобной позѣ, напрягая мускулы лѣвой ноги и стараясь сохранить равновѣсіе, и прислушивался къ хриплому карканью вороновъ, потомъ, стиснувъ зубы, нажалъ на спускъ и свалился на землю въ предсмертныхъ судорогахъ. Испуганный выстрѣломъ воронъ сорвался съ верхушки маленькой сосны и закружился надъ кустами, суживая круги надъ трупомъ...

Н. А. Карповъ.

Страничка юмора

ЭНЕРГИЧНАЯ БОРЬБА ВЪ СОВДЕПИИ СЪ "БУРЖУАЗНЫМИ ПРЕДРАЗСУДКАМИ"

АГИТПРОСВѢТИКЪ.

Одесскіе разговоры

* * *

— Бѣдняга этотъ Соломонъ Самойловичъ — одна кожа да кости!

— Хорошій бѣдняга. Вы навѣрно не знаете, какія теперь цѣны на кожу!

* * *

— Скажите, вы что-нибудь читаете?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? я журналистъ — я пишу!

* * *

— Говорятъ "Огонекъ" прогораетъ.

— На то онъ и огонекъ, чтобъ горѣть!

Остроумный отвѣтъ.

— Вы думаете, что вы образованная женщина? Скажите же мне, сколько пальцевъ на ногѣ у свиньи.

— Снимите сапоги и сосчитайте, — тотчасъ же отвѣтила она.

Иван ЛИПТУГА

Бангкок — город ангелов

В 1782 году король Рама I провозгласил Бангкок столицей Таиланда и дал ему самое длинное и пышное название среди всех городов мира: "Город богов, Великий город, Резиденция изумрудного Будды, Неприступная крепость, Великая столица мира, одаренная девятью драгоценностями и изобилующая огромными королевскими дворцами, которые напоминают райские жилища и из которых правит олицетворение бога, город, дарованный богом Индрой и построенный Висанукамом".

Вы были в Таиланде? Если были, то наверняка он оставил у вас яркие воспоминания... Если не были, то автор с радостью поделится с вами своими впечатлениями от осеннего путешествия в город ангелов — Бангкок. Большой, яркий, шумный, многолюдный, он не может оставить равнодушным никого.

Таиланд находится в Юго-Восточной Азии, где-то между Малайзией и Лаосом. Это немного выше экватора. Климат влажный тропический и субтропический. Между крайней северной и крайней южной точками Таиланда около 1860 километров. Такая протяженность с севера на юг делает климат Таиланда одним из самых разнообразных в Юго-Восточной Азии. Юго-западные ветры — муссоны — приносят дожди и относительную прохладу в конце мая — середине июля. Сезон дождей длится до ноября, после которого наступает "прохладный сухой" сезон, продолжающийся до середины февраля.

Более или менее изученная часть тайской истории начинается лишь с 1238 года, когда было основано первое тайское достоверно известное государство — королевство Сукотай. К этому же периоду относится кодификация буддизма в тайском варианте, а также создание тайской письменности. Первый период тайской истории назывался Аюттайский, он продлился четыре века. За это время сформировалась система управления и неповторимая культура Таиланда. В этот период произошли первые контакты с европейцами.

Параллельно Аюттайе существовало королевство Чанг Май на севере современного Таиланда. На протяжении нескольких веков они постоянно вели войны с Бирмой и империей кхмеров. Бирманцы неоднократно завоевывали Аюттайя, но в конце восемнадцатого века армия под руководством генерала Пия Таксин разбила агрессоров. Королем был провозглашен Пья Чакри, который, таким образом, стал основателем ныне пра-

вящей династии Чакри. После своего возведения на престол в 1782 году король перенес столицу в Бангкок, который находится всего в тридцати километрах южнее от предыдущей столицы королевства Аюттайи.

В XIX веке Таиланд оставался независимым, лавируя между различными европейскими державами. Это привело к тому, что ни Франция, ни Великобритания, ни какая-либо другая страна не смогли его полностью колонизовать. В первой половине девятнадцатого столетия, во время правления королей Рамы II и Рамы III, Бангкок и весь Таиланд быстро развивались благодаря политике открытости и международной торговле. Король Рама IV инициировал модернизацию системы управления и расширение политических контактов с европейскими странами.

Конечно же, колониальные державы Англия, США и Франция, а позднее и другие капиталистические государства навязывали стране капитуляционный режим. И все же, находясь на стыке колониальных владений Англии и Франции на Юго-Востоке Азии, Таиланд оказался в состоянии сохранить политическую самостоятельность. В развитии экономики обозначился ряд особенностей. По сравнению с другими странами этого района, попавшими в колониальную зависимость, Таиланд длительное время был в меньшей степени объектом империалистической эксплуатации, что оставляло возможности для хозяйственного развития страны. Тем не менее, к концу XIX века в руках иностранных, главным образом английских, монополий оказались важнейшие отрасли, в том числе добыча олова и вольфрама, заготовка тикового дерева и банковское дело. Накануне второй мировой войны Англия контролировала до 70% иностранных инвестиций и такую же долю внешней торговли Таиланда. Фактически Таиланд был превращен в полуколонию. Однако Англии не удалось осуществить свои планы вследствие экспансии США после второй мировой войны. В 1950 году США навязали Таиланду неравноправные соглашения о военной помощи и экономическом "сотрудничестве". А в 1954 втянули страну в блок СЕАТО, участие в котором требовало от Таиланда крупных военных расходов, около 60% государственного бюджета. Это поставило Таиланд в сильную экономическую и политическую зависимость от США. Уже к 1962 году государственный долг Таиланда достиг 12 миллиардов бат, а на сегодняшний день внешний долг страны составляет около 90 миллиардов долларов...

Современный Таиланд основывается не только на светских законах, но и на общепринятых нормах буддизма. Он не имеет долгой истории демократии, но это не мешает ему являться действительно свободным.

TAXI

PLASKE
ПЛАСКЕ

В стране официально проживает более 65 миллионов человек, в подавляющем большинстве, более 80%, — этнические тайцы или соседи лаосцы. Другие народы представлены малайцами, хмонгами, кхмерами, а также вьетнамцами, которые осели в Восточном Таиланде еще со времен вьетнамской войны.

Сегодня в Таиланде действует конституционная монархия. Главой государства является король, а законодательным органом — двухпалатная Национальная ассамблея. Монархия и религия — это две священные коровы Таиланда. Тайцы с терпимостью относятся к любому поведению, пока оно не затрагивает эти две святыни. Господствующая религия — буддизм, повсюду можно увидеть сделанные из золота, бронзы и мрамора фигурки божества.

Официальным государственным языком является тайский. В тайском языке уникальный алфавит — он стоит на втором месте по количеству знаков после кхмерского. Самая большая сложность с тайским — это то, что он является тоновым: одно и то же слово может произноситься с повышением, понижением тона, высоким, низким или средним тоном и теоретически может иметь пять различных значений.

Сам Бангкок, без сомнений, можно ставить в один ряд с гигантами Азиатского мира — такими, как Шанхай, Гонконг, Сингапур. Современные небоскребы из стекла и бетона, многоуровневые транспортные развязки, огромные торговые центры, известные мировые бренды, дорогие автомобили и многое другое, что сопровождает наш суетливый современный мир. К счастью, не все в Бангкоке покрыто вуалью современного гламура. Многое из того, что осталось как бы "за кадром", сохранило традиционную аутентичную душу азиатского мира. И если приглядеться внимательнее, то можно увидеть, что за современными фасадами новых зданий скрываются духовные традиции былых времен: монахи в ярких оранжевых робах проходят по улицам ранним утром, и колокольчик уличного торговца все так же звучит, как много лет назад.

Бангкок — огромный и хаотично застроенный. Именно два этих факта сделали его абсолютно недоступным для нашего понимания и ориентации. Названия улиц столицы, мягко говоря, непроизносимые, даже если вы будете выговаривать их по буквам, вас все равно вряд ли поймут. Более того, все усугубляется тем, что эти бесконечные хитросплетения *thanon* или *th* (улица) и *soi* (маленькие переулки), в конечном итоге, выводят нас совсем не туда, где мы предполагали оказаться. Спрашивать у местных торговцев почти всегда бесполезно, они показывают руками

в разные стороны и в конце концов запутывают еще больше. Проблему усугубляет нумерация домов. Номер может состоять не только из бесконечного числа цифр, но также слешей и тире (45/3 — 5 *Soi* 1, *Th Khao San*). Нашему человеку эти цифры скорее напоминают номера договоров или накладных. Номера домов означают следующее: цифры до слеша (косой черты) — это городской кадастровый номер; цифры после слеша — номер здания и порой количество входов в здание.

Даже просто прогуливаться по столице Таиланда — это уже удовольствие для тех, кто предпочитает привозить из-за границы яркие впечатления. К примеру, здесь можно посетить квартал под названием Маленькая Индия, где создается полная иллюзия прогулки по этой стране. Здесь нет тайцев вовсе, а местное население ходит в индийских национальных костюмах (мужчины в тюрбанах, а женщины в сари). Также есть в Бангкоке и китайский квартал. Посещать его стоит лишь смелым и сильным духом, так как здесь очень тесно и пахнет... ну, в общем, довольно экзотически.

В Бангкоке более 400 храмов, каждый из которых по-своему уникален и интересен для туристов. Таковыми являются буддийские храмы — Мраморный, Изумрудного Будды, храм Лежащего Будды, Золотого Холма, Утренней Зари. Непременно следует посетить комплекс Большого королевского дворца, дворец Виман-Мек, змеиную ферму, Дом-музей Джима, Сиам-парк-сити, Сафари-Уорлд — зоопарк под открытым небом.

Тайская кухня заслуживает отдельного рассказа. Сами тайцы говорят, что от нее плачут дважды: один раз, когда едят, второй раз — в туалете. ...Почти все блюда — острые, приправленные огромным количеством чеснока и соуса чили, и характерной смесью из сока лайма, листьев лимона и свежего кориандра. Корень галанга, базилик, земляной орех, сок тамаринда, имбирь и кокосовое молоко — тоже обычные ингредиенты. Рыбный соус и креветочная паста входят во многие тайские яства, и конечно, почти в каждое входит рис. Основные блюда — горячее и кислое рыбное рагу, зеленый и красный карри, различные супы и кушанья из макаронных изделий. Тайская еда подается с множеством приправ и соусов. Из закусок популярны жареные арахисовые орехи, цыпленок, рубленый имбирь, перец и кусочки лайма. В Таиланде невероятное количество самых разнообразных фруктов — в натуральном виде или в виде соков. Сок из сахарного тростника или, если вы хотите что-либо покрепче, рисовая водка — самые любимые местные напитки.

Впечатляет движение транспорта. Несмотря на огромные размеры города, складывается впечатление, что автомобильные пробки здесь везде

и всегда. Часов пик практически не наблюдается, так как в любое время суток на дороге стоит бесконечное множество автомобилей. Если передвигаться нужно на не очень далекое расстояние, то можно воспользоваться тук-туком — крытым мотороллером. Это недорого и очень впечатляюще. О цене лучше договориться сразу. Также можно воспользоваться метро, которое проходит на высоте трехэтажного здания.

Через весь Бангкок протекает река Чао-Прайя, она является великой гордостью тайского народа. Движение по реке весьма оживленное. Здесь и "трамвайчики", и экскурсии по каналам, а также романтические вечерние прогулки с ужином на корабле.

С причала открывается чудный вид на Храм рассвета. В жилых водных кварталах Бангкока дома расположены прямо на реке, крыльцо выходит прямо в воду. Что-то среднее между Венецией и нашим Вилково. Беспросветно-коричневый цвет и специфический запах воды подсказывает, что для питья она непригодна. Да и купаться в ней вряд ли кто-то захочет.

Эклектикой из лачуг, домов, храмов и небоскребов в Бангкоке никого не удивишь. Это можно оценивать и как отсутствие плана застройки города, и как сохранение исторических традиций. Можно просто списать на азиатскую специфику.

Бангкок также называют секс-столицей Таиланда. Подобные услуги здесь предлагают почти везде и в любое время суток. Но нужно быть осторожным, так как есть опасность, что подобранная на улице девушка, раздевшись, может продемонстрировать отнюдь не женские достоинства. Истинные тайки — крохотные и довольно непривлекательные. Стройные длинноногие красотки с внешностью и фигурами фотомоделей, скорее всего, таят под мини-юбками нечто не присущее слабому полу...

Бангкок

Михаил ПОЙЗНЕР

До первого милиционера...

Эта неразборчивая буква "о"...

...В Одессе на Скидановском спуске мы, наверное, с года 23-го. Сейчас точно уже никто не скажет... Был молодой-дурной, так пока жила моя баба Зина, не интересовался.

Знаю только, что дед Рома еще до войны был матросом на "Кубани". Сохранилась даже его арматурная книжка. Да и сама баба Зина подрабатывала буфетчицей еще на той старой "Грузии". А я что, стоял со стороны? Наверное, тоже не один раз ходил мотористом на "Ижоре"... Получается, что все мы как-то водоплавающие. И дети мои чуть-чуть... Ну, это так.

А вообще, наша фамилия — Эндеко. Конечно, странная...

Когда-то в году что-то 1820 (!) с какими-то копейками мои предки махнули в Одессу из Греции. Пришлось бежать в Россию от турок. Православные бежали к православным. А куда еще? Тогда на границе спросили: "Фамилия?". Но кто из них знал русский? Пришло в голову, что спрашивают: "Сколько вас человек?". А было их ровно одиннадцать. По-гречески "одиннадцать" как раз "эндека". Так и записали: "Фамилия — Эндека".

С фамилией Эндека мы прожили, считай, с 1820 аж до 1941, пока в Одессу не пришли румыны. Стало страшно, что нас могут принять за евреев. Что те греки, что те евреи — все же темные, горбоносые, кучерявые... Вот тогда моя баба Зина и "украинизировала" нашу фамилию — вместо Эндека стало писаться ЭндекО. Ей, наверное, было виднее...

Так с этим "о" мы и сейчас живем. Хотя все уже было... В 36-м и сразу после войны тоже, когда "разбирались" с греками, сильно пощипали и нашу семью. Многих сослали в Казахстан и даже в Красноярский край. Многие просто исчезли... Получается, что из Греции в Россию бежать можно было. А куда из России?!

Теперь, если даже неглубоко копнуть, то за столько лет у меня в роду окажутся и поляки, и русские, и евреи, и чехи, и даже какие-то случайные итальянцы. Одесса, одним словом, Одесса...

Ну, Эндеко так Эндеко.

Конечно, в жизни, а тем более в оккупацию, все могло быть. Бывало, что одна буква могла заступиться за целую жизнь. Вот жила у нас на Садиковской моя крестная тетя Нина Бурлаченко и муж ее — кровельщик золо-

тые руки, хотя и еврей, — дядя Миша Тенер. При румынах, понятно, ничего хорошего не ждало. Так тетя Нина "переписала" его с Миши Тенера на... Васю ТенОра. Ну, типа, еще при той советской власти фамилию записали как-то неясным почерком... Короче, "втерла" что-то тем румынам... не бесплатно. Хоть после хватило ума переехать от Садиковской аж за Кривую Балку. И дядя Вася, который дядя Миша, сразу стал на устойчивые "украинские" ноги. На той крыше этот ТенОр, наверное, пробыл больше, чем на земле... Так он и продержался на кровельном деле до самого освобождения. Правда, когда опять вернулись на Садиковскую, с ними разбирались не один год уже свои. Не без "помощи" соседей. Но как-то проскочили...

А ты мне рассказываешь.

Я, наверное, только вчера с Жеваховой горы спустился?! Конечно... Или в эту жизнь с неба упал?! А что, не было так, что та же буква могла испортить жизнь на всю жизнь? Буквы же, они тоже как люди. Одни помогают, другие — "топят", а третьим — все "до ноги"...

Так я рассказываю дальше. Вот мой старый кореш — Ленчик Фальк с начала Маразлиевской. И футболист, и гитарист, и хорошо чуть-чуть аферист. Короче, огонь-парень. И в драку влезет, и любую задачу по той геометрии решит буквально на ходу, и стакан крепляка, ну, того же "бецмана", махом потянет в самую спэку. Что, мало?!

А мой батя все равно всякий раз меня останавливал: "Ты на этого Леньку не смотри — у него впереди "гири-веса". И он как в воду смотрел! Ленька пошел по семейной дорожке в торговлю. А куда еще с такой головой?! И что мы потеряли? Так всегда имели своего человека на Новом базаре. Ну, там "мясо-рыба", бебехи разные... Вообще, с того Нового базара его можно было только "с мясом оторвать"!

Ну, а когда пришло время на армию, в военкомате на Ришельевской (ну, рядом была когда-то баня) секретарша задумалась о чем-то и на минуточку ошиблась. Просто чисто автоматически записала Ленчика через "о" — ФалькО.

А кем мог быть Фалько? Конечно, украинцем! Так автоматически и "вбили" в военный билет и в военно-учетную карточку — "украинец". А куда уже денешься?! "Корочки" военных билетов — документы строгой отчетности. Ну так кто же будет сам признаваться, что испортил такой бланк?

Короче, украинец так украинец. Фалько так Фалько.

Ты вообще, в армии служил? А...

После службы по военному билету получаешь как раз паспорт. Он и получил — Леонид, кажется, Осипович Фалько — украинец.

Вот так с этим и жил, и работал лет тридцать с гаком. С этим женился, разводился, водил детей в школу, голосовал и опять разводился, и опять женился. Ну, пока последняя жена вместе со своим кодлом не вспомнила за Америку. А где та Америка и где наша Маразлиевская?! Где что?! День и ночь... Тут только и началось весело. Тогда в ОВИРе тормознули: "Нет-нет! Украинцев пока что не выпускаем... Вот если бы вы были хотя бы евреем..." Слышишь, хотя бы...

Все кодло выпустили, а Леньку — нет. Ну, а сколько потом архивов, справок, ЗАГСов, свидетелей, судов... чтобы поменять все в другую сторону?! Чтобы потерять насовсем эту букву "о"! А сколько переживаний за свой счет? Сколько лет и настоящих денег?!

Вот тебе только одна, но еще не последняя буква в жизни.

Ну, а вообще, что, это самое главное?

По мне, как хочешь переставляй те буквы, но только оставайся человеком...

На Староконном
Встреча бывших соседей

О... о... о! Ну, опять ты у меня выскочил из головы. Столько лет в глаза не видел, а тут наткнулся.

Подожди! Так ШО? Ваш рыжий таки "зашел" в прокуратуру? В смысле уже там работает? Ты смотри!!!

Только вчера включаю на всю громкость телевизор и тем ушам не верю. Он среди них, среди таких вот мордоворотов! Не при нас будет сказано...

Подожди, подожди! А ШО, он таки женился на Жанкиной дочке? Ну, это ж надо...

ТА подожди уже! А ты еще помнишь моего дядю Петю с 10-го, с Южной нашей?

А помнишь, ШО он оттуда пел? А?..

...Нам не сеять, не косить,
Лишь бы выпить, закусить!..

Да... Так ШО, он был неправ? Ну, быстро скажи первый...

О... о... о! ТА подожди!

ШОБ ты, не дай Бог, ничего не подумал!

Имей в виду, я с хутора нашего не ушел.

Я здесь, на Средней...

Вытекающие последствия...
Из одесской жизни

...Сейчас, после Пишоновской, мы живем на Пастера. И уже почти за углом от Дерибасовской. Ну и что с этого?! Как раз перед Пасхой прихожу домой — на потолке вода, по стенам — вода!!! Короче, затопили соседи сверху.

А сверху квартиру снимают китайцы. С перепугу бегаю взад-вперед. Говорю до самого потолка... На балконе над нами уже стоит китаянка. Я к ней: "Эй! Что там происходит, ну?!". Вижу, она абсолютно не понимает по-русски. Показываю руками, мол, течет... А чем объяснить? И тут по нашей Пастера проходит женщина в светлом плаще, шляпка на голове, в руках свежая сумочка... Так вот эта дама все поняла сразу! Подняла голову и говорит "ко мне": "Женщина, милая! Вы же не так, как надо, с ней разговариваете...".

Я уже подумала, что она, не дай Бог, знает китайский... Она тут же вежливо обратилась к китаянке: "Слышишь, блядь!.. Так что? Уже подняться и надавать тебе по голове?!".

Китаянка мгновенно исчезла и мгновенно перекрыла воду!!!

Так что? Так пару именно наших красивых слов могут сделать больше, чем все те сантехники с электриками и переводчиками вместе взятыми!

Может быть, язык до Киева кого-то и доведет, но только не у нас. Даже если он и иностранный.

Пока обходимся другим...

Леонид АВЕРБУХ

Пословицы и поговорки

От редакции. Поздравляем Леонида Григорьевича Авербуха с 80-летием и свидетельствуем, что в это трудно поверить. Желаем ему творческого долголетия.

Автор этих четверостиший в части из них зарифмовал известные отечественные пословицы и поговорки, в других – использовал переводы английских, третьи – сочинил сам...

* * *

Если не знал доселе — знай
И помни ты, покуда дышишь:
Вопросов меньше задавай —
Так лжи в ответ и не услышишь...

* * *

Такое откровение
Находит понимание:
Будь скор на исполнение,
А не на обещание...

* * *

Чтоб с честью путь пройти суметь, —
Старайся не забыть,
Что лучше стоя умереть,
Чем на коленях жить...

* * *

Чай не учи растить китайца
(Ведь курицу не учат яйца!),
И не учи ты плавать щуку,
Что ведает свою науку...

* * *

Гарантий нет ни от сумы, ни от тюрьмы.
И рано ль, поздно ль — все равно узнаем:
Всех тяжелей несчастья те, что мы
Себе самим порою причиняем...

* * *

Желаний всяческих не счесть.
Для их осуществленья — знайте:
Чтобы зайчатины поесть, —
Сначала зайчика поймайте...

* * *

Побольше чтобы постараться
И сил, и времени сберечь —
Попробуй сразу разобраться,
Когда игра не стоит свеч...

* * *

Кто глуп — тот сразу не поймет,
А ты, дружок, раскинь умишком:
Льва мертвого ведь и зайчишка
Смыкнуть за бороду рискнет...

* * *

Английскую пословицу тебе
Переведу, стремясь к высокой цели:
Кто мыслями наполнен о себе,
Тот абсолютно пуст на самом деле...

* * *

Лгуну средь честных просто равных нет!
Чтоб верили — немало следует уметь:
Он лучше прочих должен знать предмет
И память уникальную иметь...

* * *

Все поиски, открытья, ухищренья
Направлены на то, чтоб преуспеть,
Проблемы, сложности преодолеть...
Необходимость — мать изобретенья...

* * *

Я независимо от чина
Тебя хочу предупредить:
Лишь раз ты можешь быть мужчиной;
Ребенком дважды можешь быть...

* * *

Для пользы дела, прочих кроме,
Совет могу полезный дать:
Если живешь в стеклянном доме —
Не стоит камешки швырять...

* * *

Понять бы надо поскорей
Юнцам (кто старше — знают):
Удачи создают друзей,
Несчастья — проверяют...

* * *

Потерями поплатится,
Кто сразу не поймет,
Что если камень катится, —
Он мхом не обрастет...

* * *

Последовательность нужна во всем,
Важнейший этот принцип до конца пойми ты
И чти его в служении своем:
Омлет не сделаешь, коль яйца не разбиты...

* * *

В трудах и в борьбе твое время прошло,
Достичь в своем деле высот умудрился,
С семьей и с друзьями тебе повезло:
С серебряной ложкой во рту ты родился...

* * *

Захочешь упрямому дурню помочь ты —
По-моему, это, мой друг, все равно что
Пытаться пробить стену прочную лбом,
Иль дохлую лошадь стегать батогом...

* * *

Для удивленья поводов не счесть,
Что многие прекрасно знают люди.
На свете истина такая есть,
Что вымысла диковиннее будет...

* * *

Испытывая разных множество желаний,
Мы то, во что не верим, — отвергаем,
Зато, презрев свой опыт разочарований,
Охотно верим в то, чего желаем...

* * *

Секрет сберечь стремишься что есть сил?
При этом все же не забудь о главном,
Что сколько бы ты тайну не хранил, —
Все тайное однажды станет явным...

* * *

Речь о серьезной ситуации идет.
Совет, что поважней иных советов ряда:
Коль проповедь лиса читать начнет, —
Гусей своих стеречь как можно зорче надо...

* * *

Спокойно утверждать рискну,
Что умный знает и невежда
Святую истину одну:
Пока есть жизнь — есть и надежда...

Ольга НЕМЫТОВА

Обезьяний пинчер

Порода имеет большое значение. Даже для животных.

У меня, например, собака имеет две породы. Она лабрадор и она стаффордширский терьер (когда ей надо). Зовут ее Надя. Если бы у нее была одна порода, она бы стоила больших денег, а так этот гембель достался мне бесплатно. Почему-то бесплатно обычно достается именно гембель.

И вот гуляю я с этим гембелем по бульвару, и моя Надя замечает другую собачку, которая гуляет вокруг толстой противной тетки. Тетка стоит на месте и оживленно беседует с каким-то дяденькой. Мое дружелюбное животное полезло знакомиться, а та гнусная гадина размером с войлочный тапочек в ответ полезла кусаться. И главное, тетка радостно так верещит: "Ой, смотрите, он же на нос бросается! Он же хочет укусить ее за нос! Это у вас девочка? Да? У меня мальчик, но ему все равно, он на всех кидается. Это порода такая".

Удивляясь злобности мелкого кобелька, я хотела спросить у монументальной хозяйки: "Это у вас лисий пинчер?". Потому что лисий пинчер — это отдельная история...

Есть такая собачья порода — пинчер. Есть еще доберман-пинчер, но это совершенно другое дело. Доберманы тут совершенно ни при чем. А пинчер — это такое худосочное и плюгавое создание на тонких дрожащих ножках, с мерзким характером и выпученными глазками (владельцы настоящих собак понимают, о чем я). Ну, и вот этот (или почти что этот) пинчер, конечно, известен во всем мире как декоративная и породистая собачка.

А еще есть такая собака — болонка. Точнее, была раньше. Потому что последние Бог знает сколько лет болонки из Одессы исчезли. Видимо, туда же, куда исчезли врачи-ухогорлоносы, братья Хаисы, у которых лечились все одесские дети. Точнее, когда лечились частным образом. Можно было лечиться и в поликлинике. У меня, например, в районной поликлинике был ухогорлонос Димант. А еще там были доктора Брильянт, Рубинчик, Шафиро и участковый Перчик — на закуску. Но они все не шли ни в какое сравнение с Марой и Люсиком Хаисами, хотя исчезли все вместе. И вместе с ними с улиц и дворов исчезли болонки.

Вероятно, юные болонки очень симпатичны. Но кто и когда видел молодую болонку? Они всегда были старые, жирные, с гусеничной походкой, лысой спинкой, на которой отсвечивала розовая кожа и пятна зелен-

ки... Еще у них торчали вперед зубки, и они дышали так: апф-апф-апф. У них обязательно было бельмо на левом глазу, и дома они назывались "звоночек".

Анина бабушка, уроженка средней Молдаванки, когда раздавала знакомым (и незнакомым) очередных Чапыных щеночков, настойчиво пропагандировала именно это достоинство породы: "Нет, ты посмотри, деточка, это же не собачка, это же истинный звоночек. У меня еще под окном не прошли, а я уже знаю, куда они идут, потому что Чапочка, дай ей Бог здоровья, хотя и уже не видит, но такой звоночек, такой звоночек".

Так вот, раньше эти звоночки гуляли во дворах. И нет-нет — встречали иногда гулявших там же пинчеров... А на кого еще могла рассчитывать такая болонка? И на что еще мог претендовать такой пинчер? Кстати, все та же Анина бабушка называла его "пичнэр" — "Посмотри, деточка, это же не просто собачка, это добротное породистое животное — пичнэр! Он тебе будет на радость в доме!". У нее были не только болонки.

А генетика устроена так (моя прабабушка Шпринца Сендеровна очень любила порассуждать о генетике. Она говорила: "Женские гены прочнее мужских". "Почему же прочнее?" — спрашивали мы, дети, вооруженные знанием учения Генриха Менделя, Вейсмана-Моргана и Уотсон-Крика. "Потому что мать — она точно мать. А с отцом — это еще вопрос, — парировала прабабка, — вот почему у евреев национальность всегда по матери — на всякий случай".) — так вот, генетика устроена так, что от скрещивания пинчера и болонки образовывались два устойчивых фенотипа.

Одни щеночки получались умильными и почему-то рыженькими. Они сохраняли все выдающиеся черты пинчеровой породы — крутой лобик, вытаращенные истерические глазки, дрожащие ножки и жестко обусловленное количество бородавок на мордочке. Правда, на ушках у них вились кудлашечки, как у игрушечных собак отечественного производства из первых синтетических материалов. У моей дочери была такая игрушка. Сие изделие было заводным и должно было самостоятельно передвигаться по ровным поверхностям. Оно обычно не передвигалось, и поэтому детка носила его с собой просто в руках. И вот как-то заходит мой ребенок с этой собачкой в руках, держа ее кверху пузиком, и протягивая ее мне (хвостом вперед), важно изрекает: "Сябацька — сюцька!". Я ребенка половым различиям у животных на тот момент еще не обучала и почему-то страшно сконфузилась. Мне это почему-то показалось стыдным. Растерявшись, я пробормотала: "Откуда ты знаешь?". И тут папаша моего ребенка посмотрел на меня, постучал себя кулаком по лбу и умильно спро-

сил у ребенка: "Женечка, как тебя зовут?". "Сеня!" — честно и радостно отрапортовал ребенок. Так вот, почему щеночки получались рыженькими, я не знаю. Думаю, ученые тоже не знают, потому что вряд ли кто-то дал на это грант.

Вторая разновидность щеночков была менее удачной. Они тоже сохраняли признаки пинчеров, но в какой-то простецкой интерпретации. Шерстка у них была жесткой и клочковатой, на морде торчали клоки, окрас был неравномерно-пегий. Да и характер у них тоже был врожденно гнусный. Но бородавки были на своих местах, где положено.

И вот такие дивные зверушки без всякого плана и надзора за породой бесконтрольно плодились по всей средней и дальней Молдаванке. Да и по центру города тоже, не буду скрывать. Открывать всем и каждому неприличную тайну происхождения "этих принцев" было бы, по мнению наших бабушек, "не жентильно", а потому были изобретены термины "обезяний пинчер" и "лисий пинчер". Обезяний — тот, что пострашнее, если вы сами еще не поняли.

Но порода "на словах" — это еще не порода. И не гарантия, что когда ваш обезяний пинчер принесет в подоле, вы найдете, кому отдать эти сокровища... Есть такие люди, которые никому не верят на слово, им обязательно надо показать бумагу. Особенно если речь идет о том, чтобы взять в дом щеночка. Можно подумать, что такой звоночек много съест. Эти люди, хочу я вам сказать, места себе не находят, пока не докажут всем, что они таки знают больше вас. Они найдут и принесут вам "Атлас пород собак" и будут размахивать им у вас под носом и брызгать слюной, и захлебываться праведным гневом... Короче говоря, неправильные они люди. Нехорошие.

А нехорошим людям надо утереть нос. И выставить против их "Атласа" свое оружие. Не менее бронебойное. А бабушки у нас в Одессе — это святое. И то, что просит бабушка, — это надо сделать. Не подумайте, что это прямо-таки приказ, нет. И вы, конечно, если бабушка о чем-то просит, можете выбросить это из головы и идти развлекаться себе дальше. Идти и не думать. Идти и не думать, что бабушка сейчас переживает, какие у нее неблагодарные внуки, что на ней лица нет, что у нее же давление... Да, идите развлекайтесь себе. Да.

Короче. Чей-то внук имел-таки доступ. Не к чему-то там сверхсекретному, не прямо-таки к архивам ВЦСПС или еще куда-то. Он тихо работал в Клубе служебного собаководства. И имел доступ к бланкам. И конечно же, очень любил свою бабушку. А еще он, может быть, любил пошутить.

И вот вопреки всем международным конвенциям, съездам кинологов и все тому же надзору за породой очередные щеночки с Раскидайловской отправились к своим новым хозяевам уже с родословной. Где русским по белому было зафиксировано "лисий пинчер" для одних и "обезьяний пинчер" для тех, кому лисих не досталось. Подпись, печать, всё.

А когда у этих щеночков в добрый час завелись уже свои щеночки, то это уже были щеночки породистых родителей. И этот самый Клуб служебного собаководства был просто вынужден выдать на них на всех щенячьи карточки. А попробовали бы вы не выдать на их месте. Когда вы сидите за своим рабочим столом в подвале на улице Розы Люксембург и никого не трогаете, и занимаетесь настоящими собаками, а вам ни с того ни с сего на этот стол выгружают из корзины десяток обезяних пинчеров, суют их вам в нос и причитают: "Нет, вы же посмотрите на этих звоночеков, это же не собачка, это радость в доме! И где вы видите, что они не породистые, когда у них все бородавки на месте и нёбо черное? И вот у меня даже документы имеются. И Софочка сказала, что надо уже на таких еще маленьких озаботиться получить родословную, потому что, не дай Бог, выставка или что, а мы без паспорта... Не хотите вот этого большенького? Посмотрите, какой он активненький, золото, а не мальчик, ваши дети будут иметь счастье... Нет? Так когда мне прийти, после обеда? Вы же сегодня выпишете, сколько там работы, двенадцать щеночков, пшик! А бабушка будет вам благодарна. Да? Через полчаса? Так вы хотите этого мальчика или вон ту девочку? Нет? Ладно, я подожду во дворе на скамеечке, не буду вас отвлекать...". И что, я хочу на вас посмотреть, как вы будете проявлять принципиальность и защищать мировое кинологическое сообщество от неконвенциональных пород! Кроме того, у вас, если вы живете в Одессе, тоже есть своя бабушка...

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Городок по недоразумению

Тюремная камера с единственной койкой. Зэк (бывший Судья) ест, сидя спиной к двери. Слышен лязг засова двери. В камеру запускают другого зэка, с узелком, — Журналиста.

ЖУРНАЛИСТ: Здравствуйте! Я буду у вас жить. Перевели из другой тюрьмы.

СУДЬЯ (*не оборачиваясь*)**:** По какой статье?

ЖУРНАЛИСТ: Что?

СУДЬЯ: Я спрашиваю, по какой статье осуждён? По статье 158 — кража, или, может, по статье 105 часть вторая — убийство с отягчающими обстоятельствами?

ЖУРНАЛИСТ: Ой, нет, что вы, какое убийство... Я — журналист, осужден по статье "Судья Жучайло должен сидеть в тюрьме" в газете "Вечерний город". Написал и из-за этого мерзавца сам на нары попал. Уже полгода по тюрьмам мыкаюсь.

СУДЬЯ: А я только месяц. Знаешь, а ведь мы с тобой по недоразумению сидим. Причем по одному и тому же недоразумению.

ЖУРНАЛИСТ: И вы?! Не-ет... Какое ж тут недоразумение? Это все он, этот подонок, устроил!

СУДЬЯ: А недоразумение в том... (*Оборачивается.*) ...что меня уже таки посадили, а тебя еще не выпустили. Хе-хе!

ЖУРНАЛИСТ (*сначала пугается*)**:** Ой, господин Жучайло... Это какое-то недоразумение... Я не вас имел в виду... Я... (В*друг до него доходит, и он радуется.*) А вообще-то, я очень рад вас видеть! Очень! Здесь!! Правда! Я так рад вас здесь видеть!..

СУДЬЯ: Да ладно тебе.

ЖУРНАЛИСТ: Нет, правда! Вот не ожидал, вот не ожидал вас здесь увидеть. Чтобы вы, судья, — и сами сели!

СУДЬЯ: Скажу честно, я и сам не ожидал. Если б я ожидал, то и не сел бы.

ЖУРНАЛИСТ: Так все-таки есть справедливость! Я ведь столько жалоб написал! Во все инстанции.

СУДЬЯ: Да при чем здесь твои жалобы? Я по недоразумению сел.

ЖУРНАЛИСТ: По какому недоразумению?

СУДЬЯ: По необъяснимому недоразумению. Но на один годик всего.

ЖУРНАЛИСТ: Не понимаю, что значит "по необъяснимому"?

СУДЬЯ: А это значит, что если я начну объяснять что-то кому-то, то мне еще лет десять добавят...

ЖУРНАЛИСТ: Да... Я даже и представить себе не мог, что мне придется сидеть вместе с вами.

Журналист ищет глазами, где присесть. Судья демонстративно кладет на койку ноги, не оставляя ему места.

СУДЬЯ: Это я тут сижу. А ты тут стоишь. Ха-ха! Потому что второй койки здесь нет.

ЖУРНАЛИСТ: Но я тоже имею право на эту койку! Она ведь не ваша, а казенная... И все-таки я поражаюсь, неужели вы, такой человек, такой Жучайло, и не смогли выкрутиться?

СУДЬЯ: Не смог... Я, дурак, слишком долго одно дело обдумывал. Мысли были, мысли, понимаешь ты...

ЖУРНАЛИСТ: Ну и что? За мысли у нас не сажают. Пока.

СУДЬЯ: Много ты понимаешь... Ладно, сейчас уже можно рассказать. Я слишком долго обдумывал: брать маленькую взятку или большую. И пока я думал, большую дали другому судье... (*Вздох.*) А мне досталась маленькая.

ЖУРНАЛИСТ: Погодите, а другого судью что? Потом тоже посадили?

СУДЬЯ: Даже не привлекли.

ЖУРНАЛИСТ: Как же это у них хватило наглости?

СУДЬЯ: Хватило... Я ж говорю, взятка была большая... Всем хватило.

ЖУРНАЛИСТ: Ну, ничего, ничего! Раз вы уже здесь, значит, меня скоро выпустят. Мы с женой верим, что скоро будем на свободе вместе.

СУДЬЯ: А что, твоя жена тоже сидит?

ЖУРНАЛИСТ: Что вы! Я имел в виду, что моя жена тоже в это верит.

СУДЬЯ: Это ты веришь, что она верит... Но я тебе скажу, в жизни мужика многое зависит от женщины. Я вот одной женщине очень благодарен — она сделала меня настоящим мужчиной! Понимаешь?

ЖУРНАЛИСТ: Ну, хе-хе, конечно, понимаю... Это была ваша первая любовь?

СУДЬЯ: Да, где-то в первой десятке... Я караулил ее под домом, писал ей письма... А она — ноль внимания. Ну, думаю, все, хватит, подарю ей огромный букет цветов и сразу исчезну из ее жизни...

ЖУРНАЛИСТ: И что?

СУДЬЯ: А потом мне папа сказал — какие цветочки? Если ты настоящий мужик, то за свое счастье надо драться! Драться!.. Ну, я без всяких цветов набил ей морду и сразу исчез...

Журналист нервно ходит по камере.

ЖУРНАЛИСТ: И такой человек у нас смог стать судьей! Во всех ваших процессах обвинительный приговор был построен на недоразумениях! На фикциях!

СУДЬЯ: На фикциях? Ну, не знаю. Я на этих фикциях построил два вполне реальных дома, три квартиры, две дачи...

ЖУРНАЛИСТ (*берется за голову*)**:** О господи! Когда же меня выпустят? Ведь раз вас посадили, то все дела, которые вы раньше судили, должны теперь пересмотреть! Это же нонсенс какой-то, что мы с вами вместе сидим.

СУДЬЯ: Ха! Я тебе как юрист скажу, вся юриспруденция — это сплошное недоразумение.

ЖУРНАЛИСТ: Но от этого недоразумения зависит вся моя жизнь! Когда-то же это кончится?

СУДЬЯ: Обязательно кончится. Вопрос только в том, что для тебя кончится раньше — недоразумение или жизнь? Ха-ха!

ЖУРНАЛИСТ: Ужас...

Судья достает коробку, вынимает продукты — печенье, колбасу и т. п.

СУДЬЯ: Да ладно тебе. Лучше на вот, угощайся!

ЖУРНАЛИСТ: Спасибо, обойдусь.

СУДЬЯ: Да ты не стесняйся, мне каждый день передачи носят. Это один мой бывший подсудимый старается.

ЖУРНАЛИСТ: И за что это такая забота?

СУДЬЯ: А у меня есть такой, ну, дар убеждения, что ли. Он старый рецидивист, еще в 14 лет грабил киоски, потом квартиры, потом стал грабить банки. А я с ним поговорил по душам, объяснил, что бывает за ограбление банка, — и человек начал жизнь сначала.

ЖУРНАЛИСТ: Очень интересно! Я бы об этом написал, когда выйду. И что он сейчас делает?

СУДЬЯ: Так я же сказал — он начал жизнь сначала. Вот... (*Показывает на продукты.*) Опять грабит киоски. Как в 14 лет... (*Достает еще продукты.*) Ешь, не бойся, уж тут-то их никто искать не будет. Хочешь, он и тебе будет приносить? Недорого!..

Журналист достает из узелка письмо, стоя про себя его читает, ему неудобно стоять. Судья разлегся на койке, положив одну руку за голову, в другой колбаса, Судья смачно откусывает.

ЖУРНАЛИСТ (*устало*)**:** Дайте же и мне хоть немного прилечь!

СУДЬЯ: Когда у тебя будет своя койка, тогда и приляжешь. Что ты

там читаешь? Письмо от жены? Читай вслух! У меня жены нет, будем делить твою жену на двоих.

ЖУРНАЛИСТ: Как это?!... Я бы попросил!..

СУДЬЯ: Можешь начинать просить.

ЖУРНАЛИСТ: Хотя ладно. (*Читает.*) "Дорогой Витя! Помнишь тот свитер, который ты подарил мне 20 лет назад? Он был такого жуткого цвета, что не только я его ни разу не надевала, его за эти годы даже моль не тронула. Так вот я его перекрасила в красивый цвет".

СУДЬЯ (*перебивает*)**:** Догадалась таки за 20 лет...

ЖУРНАЛИСТ (*продолжает читать*)**:** "И в такой красивый цвет, что моль его сразу сожрала"... (*Судья ржет.*) Ну почему мне всю жизнь не везет! В школе меня били, в институте дразнили, первая жена бросила. А теперь вот я в тюрьме. За что мне это все? За что?

СУДЬЯ: Да просто ты родился не под той звездой. С гороскопом не поспоришь! Вот ты какого на свет родился?

ЖУРНАЛИСТ (вздохнув)**:** Да я и сам себя часто спрашиваю — и какого я родился на свет? Какого, спрашивается?!

Лязг запоров, открывается дверь, появляется Охранник.

ОХРАННИК: Гражданин Жуков! На выход с вещами! Освобождают вас.

ЖУРНАЛИСТ: Это я, я! Я Жуков! (*Судье.*) Ну, что я говорил! Справедливость восторжествовала!

ОХРАННИК: Я извиняюсь, ошибочка. Тут неразборчиво. Не гражданин Жуков, а гражданин Жучайло.

ЖУРНАЛИСТ: Не может быть!.. Это опять недоразумение!

СУДЬЯ (*быстро вскакивает с койки*)**:** Никакое это не недоразумение. Справедливость восторжествовала, напилась на радостях и лежит пьяная. Ха-ха! (*Бьет Ж. по плечу.*) Что ты такой грустный? Ты хотел эту койку? Радуйся! Она твоя!

Судья собирает вещи и уходит, напевая и смеясь.
Журналист садится на койку и берется за голову.

...В ОДЕССЕ

Это наша с тобой биография

Татьяна НИКОЛАЕВА
Это было, было...
Одесса, Optimum, 2010

"Не только грусть — мои года", так поется в популярной песне. Дочь известного одесского журналиста-фронтовика Владимира Георгиевича Николаева, когда-то писавшего мне рекомендацию для вступления в Союз журналистов СССР, с трогательной искренностью, живо, то с юмором, то с мягкой иронией повествует о своей судьбе на фоне города детства и биографии несуществующей уже "Страны Советов". Бытовые зарисовки 1950-1960-х так и просятся в традиционную нашу рубрику "Ах, Одесса", к краеведческой — органично подверстываются фрагменты, связанные с ретроспективной журналистикой и др. Школа, университет, служба в советских учреждениях — поистине "это наша с тобою судьба, это наша с тобой биография". Очерки "Мужчины в моей жизни", "О браке" — ни малейшего намека на скабрезность, ни грамма эпатажа, а только "опыт, сын ошибок трудных", ирония, порой с горчинкой. Но, провозглашает Татьяна Владимировна, вопреки всему, будем одесситами до конца! "Будем веселы, пока мы молоды!"

Олег ГУБАРЬ

Книжный развал

Аркадий ХАСИН
Порт назначения – ад
Одесса, Optimum, 2010

Профессиональный моряк, старший механик теплохода "Аркадий Гайдар", Аркадий Хасин давно стал профессиональным журналистом, писателем. Его не привлекают выдуманные истории, сконструированные конфликты. Жизнь настолько богата и разнообразна, что дает материал для статей и книг.

Уверен, многих читателей-одесситов взволнует рассказ "Адмирал Нахимов" идет на дно". Это не новая версия гибели людей и теплохода, это рассказ стармеха о капитане "Петра Васёва" Викторе Ткаченко. Хасин плавал с ним и убежден – трагедия была следствием характера Ткаченко. Еще задолго до гибели "Нахимова" Хасин доложил о своих наблюдениях в Службе безопасности мореплавания. Увы, к этому не отнеслись тогда достаточно серьезно.

Если бы в этой книге был только один этот рассказ, она была бы обречена на успех. Но во всех десяти новеллах А. Хасин знакомит читателей с удивительными судьбами людей, с настоящими моряками. Вывод автора: "Сдаваться морю нельзя, как нельзя сдаваться преградам и невзгодам жизни". Этот вывод Аркадий Хасин подтверждает и собственной жизнью.

Ефим ЯРОШЕВСКИЙ
Холодный ветер юга
Одесса, АО "Пласке", 2010

Наконец-то вышел том, который условно можно считать полным собранием стихотворений Е. Ярошевского. Именно как поэт он вошел в неподцензурную литературную, художественную жизнь Одессы еще в 60-е годы. Практически не печатался. Стихи существовали изустно. А потом написанный им роман "Провинциальный роман-с"

настолько привлек внимание читателей "самиздата", что как бы заслонил Ефима Ярошевского — поэта.

Вначале к читателям пришел роман. Он был издан в Нью-Йорке, затем в Германии, в Петербурге. Ему сопутствовали стихи, но давно стало понятно — без его поэтической книги, большой, за полвека творчества, уже нельзя представить одесскую поэтическую школу.

"Стихи Ярошевского, — пишет в предисловии к этой книге питерский поэт Валерий Черешня, — как все хорошие стихи, родом из прозы". Отдавая дань блестящему вступительному слову, не соглашусь с В. Черешней, Все наоборот. Лишь прочитав эту книгу стихов, можно сделать вывод: проза Е. Ярошевского — продолжение его поэзии, проза родилась из образов и метафор, которыми насыщены стихи.

На обложку книги автор вынес пять стихотворных строк, но и они дают возможность почувствовать поэтику Ярошевского:

Живу давно, всем птицам друг и брат,
При блеске звезд и звуках одобренья
Пернатым братьям маленький собрат,
В своей любви утешен и горбат —
В потерянном раю стихотворенья.

Игорь БОЖКО
Год воробья
Одесса, Друк, 2010

Кто по профессии Игорь Божко? Конечно же, художник. Вот и сейчас, в октябре 2010 года, на всеукраинской выставке абстрактного искусства экспонируются его работы. Игорь Божко — прозаик, чьи книги выходили в Одессе, он киносценарист и киноактер, мы видели его в фильме Михаила Каца "Пустыня". Игорь Божко — композитор, его произведения исполняют замечательные гитаристы. Но, быть может, все это возможно потому, что он в первооснове — поэт.

Третий сборник стихов Игоря Божко "Год воробья" — собрание лирических и иронических стихов. Причем ирония и лирика в них нераздельны, в их сосуществовании притягательная сила этой поэзии.

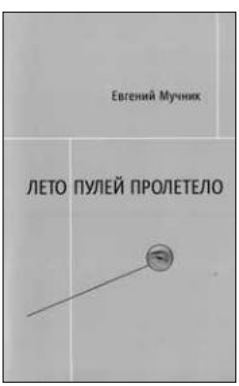
Познакомлю с одним из стихотворений Игоря Божко:

Наш дом теперь околица державы,
и площадь лобная отсюда не видна.
Но городской романс Булата Окуджавы
струится из окна, струится из окна.
Хотелось праздника, но все мы были правы.
И ты нас, Господи, сурово не кори.
И городской романс Булата Окуджавы
останется в крови, останется в крови.

Семен ВАЙНБЛАТ
"Красота". Венок сонетов
Одесса, ВМВ, 2010

Венок сонетов — сложная форма, требующая виртуозного владения искусством версификации. Не первый раз Семен Вайнблат, поэт, переводчик, редактор, ставит перед собой такую сложную задачу. Десять лет назад он опубликовал венок сонетов "Творчество", сейчас вышел венок сонетов "Красота". В свое время Николай Рерих вслед за Ф.М. Достоевским утверждал, что лишь осознание красоты спасет мир. Эта формула и подвигла Семена Вайнблата на создание венка сонетов.

Евгений МУЧНИК
Лето пулей пролетело
"Пушкин в Британии". Одесса, 2010

В 2009 году на фестивале "Пушкинская осень в Одессе" Евгений Мучник стал победителем. Он получил титул "короля иронической поэзии". Думаю, к этому титулу можно было бы относиться с иронией, если бы члены жюри и организаторы конкурса Олег Борушко и Валерий Хаит не поспособствовали (материально, а не советами) изданию книги Е. Мучника, которая вышла к поэтическому конкурсу 2010 года.

Стихи Е. Мучник пишет давно. Печатался в газетах и журналах. Но книга у него первая. И нужно сказать — удачная. Трудно, конечно, шутить все время. Но если привыкаешь, то и без этого жить трудно. Именно это доказывает опыт Евгения Мучника. А наша жизнь настолько многообразна, что дает возможность иронизировать над ней (и над собой) постоянно.

Как это удается Е. Мучнику? Прочтите несколько его двустиший:

Лето пулей пролетело.
Хорошо, что не задело.

Зря нищий смотрит в сторону мою,
Я с детства лишь надежды подаю.

Назвав змеею вас вчера в саду,
Лишь вашу гибкость я имел в виду.

И в этот раз по всем приметам
Весна пройдет — настанет лето.

...В МОСКВЕ

Давид СМЕЛЯНСКИЙ
Авантюрист поневоле,
или Беседы о том, как я стал продюсером
Москва, Книжный клуб, 2010

Когда мы говорим о том, что в Москве сейчас работают главными режиссерами театров шесть одесситов, мы забываем еще одного человека — крупнейшего продюсера России Давида Смелянского. Профессор ГИТИСа, когда-то директор театра Аркадия Райкина, он создал Российское театральное агентство, благодаря которому увидели свет несколько блистательных театральных проектов. Но до всего

этого Давид Смелянский родился в Одессе, пел в оперном театре, ходил в хор мальчиков Одесской консерватории, поступил в студию киноактера при Одесской киностудии, бросив одесский техникум промавтоматики.

Это все предыстория. История началась после армии, когда Давид Смелянский поступил в ЛГИТМИК на факультет экономики.

Живо и остроумно написана эта книга. Давид Смелянский отвечает на вопросы. Его ответы, его жизнь, его успехи комментируют драматург Александр Галин, артист Александр Калягин, дирижер Юрий Темирканов и многие, многие другие. Думаю, успех этой книги состоялся благодаря высокопрофессиональной работе литературного редактора Ирины Хургиной, тоже для Одессы человека не чужого, чей прадед держал гостиницу и винный подвал на Екатерининской улице.

Борис ХЕРСОНСКИЙ
Пока не стемнело
Москва, Новое литературное обозрение, 2010

Я пишу эти заметки в дни, когда в Германии на Франкфуртской книжной ярмарке Борис Херсонский представляет свою книгу "Семейный архив", вышедшую в переводе на немецкий язык. А книга "Пока не стемнело — очередная, вышедшая в Москве. Уже не впервые иллюстратором книги стал художник Александр Ройтбурд, чьи коллажи придают книге изящество хорошо сделанной вещи.

Именно в этой книге опубликован цикл "Плохой район", стихи из которого наш альманах публиковал.

В предисловии "Совесть временных лет" литературовед Ирина Роднянская глубоко и серьезно размышляет о поэзии Б. Херсонского, которого считает одним из самых заметных поэтов последнего десятилетия.

Мне бы хотелось привести высказывание об этой книге Владимира Губайловского: "В лучших стихах и книгах Херсонский действует, как хина при малярии: очень горько, но помогает жить".

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр ТРЕТЬЯК
"Lettres sur Odessa" Шарля Сикара 6

Олег ГУБАРЬ
Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы 20

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Визитные карточки Одессы 46

Олег ГУБАРЬ
"Энциклопедия забытых одесситов" 55

Владимир СМИРНОВ
По польскому списку… 62

ОДЕССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Четыре угла 84

Олег ГУБАРЬ
Ришельевская, № 4 (Дерибасовская, № 12): дом Поджио — Кирико — Новикова 88

ПРОЗА

Феликс КОХРИХТ
Плющик и Карлик 107

Гарри ГОРДОН
Обратная перспектива. Фрагменты романа 110
Публикация Феликса КОХРИХТА

Александр ЮРЧЕНКО
Федор Курицын. Повесть о Дракуле 127

Давид МАРКИШ
Спасение Ударной армии 141

Олег ГУБАРЬ
Ромашки спрятались, поникли лютики 147

Роман БРОДАВКО
Правнучка Кандинского 151

Виталий КУЗЬМИН
Два рассказа 157

ПОЭЗИЯ

"Пушкинская осень в Одессе" 162

Анатолий ГЛУЩАК
В переводах с украинского Веры Зубаревой
"Печаль дана, чтоб развиднелось..." 168

Александр РАПОПОРТ
"Море вновь задает нам с усмешкой загадки..." 172

Юлия МЕЛЬНИК
Домашний сверчок 179

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

Татьяна БЫКАДОРОВА
Счастливая звезда А.П. Боголюбова — моряка и мариниста 182

Галина МЕЩЕРЯКОВА
Как времени пойти наперекор 193

Валентин МАКСИМЕНКО
"Раечка" 205

Галина ЗАКИПНАЯ
Последняя гастроль великого артиста 216

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Вещь есть пространство… 225

Олег ГУБАРЬ
Божик 228

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
С кем протекли его боренья? 232

Феликс КОХРИХТ
Видъ на рейдъ с лѣстницы 237

ПУБЛИКАЦИИ

Константин ПАУСТОВСКИЙ
1920 год. Из дневника 241
Публикация, комментарии Дмитрия ЛОСЕВА

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР
Несколько слов об архиве-призраке и новелле-невидимке 254
Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ
Красный снег 258
Публикация Вадима ПЕРЕЛЬМУТЕРА

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"Надо, чтобы всем на земле было хорошо, не правда ли?.." 273

ПУТЕШЕСТВИЕ

Иван ЛИПТУГА
Бангкок — город ангелов 287

АХ, ОДЕССА

Михаил ПОЙЗНЕР
До первого милиционера... 293

Леонид АВЕРБУХ
Пословицы и поговорки 297

Ольга НЕМЫТОВА
Обезьяний пинчер 301

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 305

ИЗДАНО...

Олег ГУБАРЬ
Это наша с тобой биография 310

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Книжный развал 311

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 43

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 43

Издается с 2000 года

Технический редактор Евгений Светин
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 067 48-03-705

Подписано в печать XX.XX.2010.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"

Издательская организация "ПЛАСКЕ" АО
Регистрационное свидетельство ДК № 2149 от 08.04.05
а/я 299, г. Одесса, 65001, УКРАИНА
Тел. +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ВСЕМИРНЫЙ
КЛУБ ОДЕССИТОВ

WORLDWIDE
CLUB OF ODESSITES

7, Marazlievskaya St., Odessa, 65014, Ukraine. Tel. +38 (048) 725-45-67